КЛИБОЛД СЬЮ

18+

Дневники матери

Предисловие
от самого популярного автора Сети
СТЕЙС КРАМЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

20 апреля 1999 года Дилан Клиболд и Эрик Харрис вошли в здание старшей школы в городе Литлтонь, Колорадо, с заряженными ружьями. В течение нескольких минут они убили двенадцать учеников и одного учителя, а также ранили еще двадцать четыре человека перед тем, как совершить двойное самоубийство. Сью Клиболд — мать Дилана — написала книгу «Дневник матери» после шестнадцати лет боли и стыда, терзаясь вопросом: почему ее сын так поступил, и могла ли она что-то изменить. Это откровенная история их с сыном пути, который она анализирует, пытаясь найти признаки зарождавшихся в сыне проблем, чтобы помочь родителям не допустить ее ошибки, не закрывать глаза на происходящее, даже если это очень страшно и может ранить. «Дневники матери» наполнены выстраданной мудростью, которая проливает свет на один из самых актуальных вопросов современности — психологические расстройства личности, которые ведут к насилию над собой и другими.

- Сью Клиболд
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Примечания для читателей
  - ○ Часть I. Последние люди на Земле
    - ■
    - ■ Глава 1. «В школе Колумбайн Хай была стрельба»
    - ■ Глава 2. Осколки стекла
    - ■ Глава 3. Чья-то еще жизнь
    - ■ Глава 4. Место упокоения
    - ■ Глава 5. Дурное предчувствие
    - ■ Глава 6. Детство
    - ■ Глава 7. От одной матери к другой
    - ■ Глава 8. Место скорби
    - ■ Глава 9. Жизнь в горе
    - ■ Глава 10. Конец отрицания
  - ○ Часть II. Путь к пониманию
    - ■
    - ■ Глава 11. Глубина его отчаяния
    - ■ Глава 12. Путь к падению

        - Глава 13. Путь к самоубийству
        - Глава 14. Путь к насилию
        - Глава 15. Сопутствующий урон
        - Глава 16. Новое осознание
        - Глава 17. Суд
        - Глава 18. Неправильный вопрос
    - Заключение. Известные изгибы
    - Благодарности
    - Примечания
    - Полезная информация
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

Сью Клиболд
ДНЕВНИКИ МАТЕРИ

Sue Klebold
A Mother's Reckoning: Living in the Aftermath of Tragedy

© В. Тен, перевод
© ООО «Издательство АСТ»
Copyright © 2016 by Vention Resources Inc., PBC

Предисловие

Как вы думаете, что самое страшное для матери: смерть своего ребенка или осознание того, что твое чадо, в которое ты самозабвенно вкладываешь любовь и все свои силы, на самом деле является безжалостным монстром, способным погубить множество невинных душ?

1999 год, 20 апреля — эта дата черной меткой останется в памяти десятков людей. В этот день Эрик Харрис и Дилан Клиболд совершили массовое убийство в школе Колумбайн, а затем юноши покончили с собой.

Известно немало шокирующих случаев, когда школьники берутся за оружие и хладнокровно расправляются со своими сверстниками, учителями. Эти истории поражают своей чудовищностью, бесчеловечностью. В один момент в хрупкой, уязвимой, беззащитной душе подростка разгорается пожар бесконтрольной ярости и всепоглощающей ненависти, способный уничтожить все вокруг, заставив забыть о себе, о том, кем ты был, кого любил и о тех, кто любил тебя и дорожил тобой.

Признаюсь, читать данную книгу непросто, ведь перед нами настоящая исповедь матери. Матери, которая лишилась своего сына. Матери, чей ребенок унес за собой десятки жизней и поселил в семьях убитых школьников скорбь и глубокую печаль.

Сью Клиболд, автор книги, совершенно искренне и трепетно передает свои чувства, делится мыслями и событиями из жизни своей семьи. Мы узнаем, каким на самом деле был Дилан Клиболд.

Наверняка, еще не зная деталей этой истории, лишь угомонив свое любопытство парой статей с кратким описанием этого происшествия, вы уже олицетворяете Дилана с кровожадным, беспощадным чудовищем, которым правят гнев и безумие. Но если вы дочитаете эту книгу до конца, вас неизбежно поразит тот факт, что «преступники», «убийцы», «террористы» — это самые обычные люди, которых просто так не отличить в толпе. А все потому, что никому до конца неизвестно, что творится на душе у того или иного человека. Даже, если вы его знаете очень-очень давно. Даже, если это ваш ребенок.

Жестокость любит маскироваться и долго-долго паразитировать, увеличиваясь в объеме и постепенно подчиняя себе человека. Трагедия в школе Колумбайн — очередное тому доказательство.

Эта история о безутешном горе и нескончаемой борьбе. Книга

определенно заслуживает внимания как взрослых, так и подростков. Родители на примере Сью Клиболд могут проанализировать свои ошибки, в отношениях со своими детьми. А дети, в свою очередь, должны понять, что будет, если однажды сделать неправильный выбор. Какую боль они могут причинить близким людям и всем окружающим.

Стейс Крамер,

Автор книги «50 дней до моего самоубийства»

Всем, кто чувствует себя одинокими, лишенными надежды и отчаявшимися, даже находясь среди любящих их.

Подпись к фотографии: Фото семьи Клиболд, Рождество 1991 года (слева направо: я, Байрон, Дилан и Том). Фотография Пекари.

* * *

Неужто, Боль, с тобой мне вековать,
Делить с тобою пищу, кров, тепло?
И в голове терпеть твое сверло?

С тобою первый голод утолять?

Эдна Сент-Винсент Миллей[1]

Мы всякий раз склонны обвинять родителей во всех явных изъянах в воспитании их детей. В восемнадцатом веке теория имажинатионизма утверждала, что дети приобретают нарушения из-за невыраженных распутных желаний их матерей. В двадцатом веке считалось, что гомосексуальность является причиной появления чрезмерно контролирующих матерей и пассивных отцов; шизофрения отражала неосознанное желание родителей, чтобы их ребенок не существовал; а аутизм возникал в результате воспитания «матерями-холодильниками», чья холодность заставляла детей искать убежища в крепости тишины. Сейчас мы поняли, что такие сложные и имеющие много причин проблемы не являются следствием отношения или поведения родителей. Тем не менее, мы продолжаем считать, что, если бы только могли проникнуть в дома, где выросли убийцы, то сразу увидели бы, в чем ошибались их родители. Восприятие детей как легко поддающихся обработке стало критерием социальной справедливости. Оно заставляет нас реабилитировать малолетних правонарушителей, а не просто их наказывать. В соответствии с такой логикой плохой взрослый человек может быть неисправим, но плохой ребенок является только отражением плохого влияния, не безоговорочно испорченным, а, скорее, легко поддающимся воспитанию. В этом оптимистичном утверждении может быть доля истины, но выводить из него предположение о вине родителей — это огромная несправедливость.

Есть две основные причины, из-за которых мы цепляемся за мысль о том, что преступление — это вина родителей. Во-первых, понятно, что суровое обращение и пренебрежение могут привести ранимых людей к отклоняющемуся от нормы поведению. Плохое обращение со стороны родителей может подтолкнуть таких детей к злоупотреблению запрещенными веществами, вступлению в банды, домашнему насилию и воровству. Часто у тех, с кем жестоко обращались в детстве, встречаются нарушения привязанности, а также навязчивые действия, и это приводит к тому, что они воспроизводят агрессию, которую узнали по отношению к себе. Некоторые родители наносят вред своим детям, но это не означает, что у всех проблемных детей никуда не годные родители. Так, в частности, тяжкие, лишенные здравого

смысла преступления не всегда вызваны чем-либо, что сделали родители; они проистекают из нелогичности, которая так сложна, что ее причиной не могла быть травма.

Во-вторых — и это гораздо более сильный мотив, — мы хотим верить в то, что родители создают преступников, потому что, предполагая это, мы уверяем себя, что в своем собственном доме, где мы не делаем ничего плохого, нас такая беда никогда не коснется. Я знаю об этом заблуждении, потому что и сам так думал. Когда я познакомился с Томом и Сью Клиболд 19 февраля 2005 года, я воображал себе, что скоро узнаю обо всех их пороках. Я работал над книгой «Далеко от яблони» о родителях и бросающих им вызов отпрысках и думал, что эти родители станут для меня образцом того, как нельзя воспитывать детей. Я никогда не представлял себе, что они подтолкнули своего ребенка к этому акту чудовищного насилия, но считал, что в их истории будет огромное количество явно заметных ошибок. Я не хотел, чтобы Клиболды мне понравились, потому что тогда пришлось бы признать, что происшедшее не было их виной, а если это не их вина, то никто из нас не может считать, что находится в безопасности. Увы, на самом деле они мне очень понравились. Поэтому мне пришлось отказаться от мысли о том, что психопатия, лежащая в основе бойни в Колумбайн, могла зародиться в чьем-то доме. Такое невозможно угадать или предсказать; оно налетает, как цунами, и смеется над всеми нашими приготовлениями.

По рассказам Сью Клиболд до Колумбайн она была обыкновенной матерью из пригорода. Тогда я ее не знал, но после трагедии эта женщина нашла в себе силы быть мудрой в своем несчастье. Продолжать любить при таких обстоятельствах — это смелый поступок. Ее щедрость в дружбе, ее полная жизни любовь, ее способность быть внимательной к людям, которые я ощутил на себе, делают трагедию в Колумбайн еще более страшной. Я начал с мысли о том, что Клиболды должны были отречься от своего сына, а закончил пониманием, что нужно куда больше сил, чтобы оплакивать его преступление и не переставать любить. Чувство Сью к ее сыну видно любому, кто читает эти пропитанные горем страницы, а ее книга несет в себе сложное послание. Она утверждает, что хорошие люди совершают плохие поступки — и это нам сложно воспринять с точки зрения морали — и что ужасное деяние не уничтожает других действий и мотивов. Основной смысл этой книги ужасает: ты можешь не знать своих собственных детей, и, что еще хуже, твои дети могут оказаться для тебя совершенно неизвестными. Незнакомец, которого ты боишься, может быть твоим собственным сыном или дочерью.

«Мы читаем нашим детям сказки и учим, что на свете есть хорошие парни и плохие парни, — сказала мне Сью, когда я писал „Далеко от яблони“. — Сейчас я бы так не делала. Я бы сказала, что каждый из нас может быть хорошим, а может сделать плохой выбор. Если ты кого-то любишь, ты должен любить и хорошее, и плохое в нем». Когда произошла трагедия в Колумбайн, Сью работала в том же здании, где находилось управление по условно-досрочному освобождению, и, поднимаясь в лифте с бывшими заключенными, она чувствовала себя испуганной, ей хотелось отвернуться от них. После трагедии Сью посмотрела на этих людей по-другому: «Я чувствовала, что они в точности как мой сын. Они просто люди, которые по какой-то причине сделали ужасный выбор и оказались в страшном, безнадежном положении. Когда в новостях говорили о террористах, я думала „Они тоже чьи-то дети“. Колумбайн заставила меня чувствовать более тесную связь со всем человечеством, чем что-либо еще». Лишения могут дать своим жертвам способность сопереживать.

Мы принимаем близко к сердцу два вида преступлений: преступления, где жертвами являются дети, и преступления, где дети являются преступниками. В первом случае мы оплакиваем невинных; во втором — понимаем, что неверно считали всех детей невинными. Стрельба в школе — это самое пугающее преступление, потому что к нему относятся оба эти положения. Колумбайн все еще держит некую пальму первенства, остается чем-то вроде эталонного образца, до которого все остальные не дотянули. Огромное самомнение, к которому примешивается садизм, хаотичность нападения и масштаб запланированного, сделали Эрика Харриса и Дилана Клиболда героями для огромного количества юных бунтарей, не имеющих особых причин для бунта, в то время как остальные люди их проклинают как психопатов, а некоторые религиозные группы — даже как символы сатанизма. Люди, которые хотят защитить своих детей от такой угрозы, снова и снова анализируют мотивы и цели мальчиков. Даже самые неустрашимые родители задаются вопросом о том, как можно быть уверенным, что их дети не совершат подобных преступлений. «Лучше знакомый враг, чем незнакомый», — говорит народная мудрость, и Колумбайн — это, прежде всего, внезапное нападение неизвестного, ужаса, спрятанного на самом видном месте.

Было совершенно невозможно разглядеть в мальчиках убийц. Мы живем в обществе осуждения, и некоторые родственники жертв были неумолимы, требуя неких «ответов», которые «хранились в тайне». Лучшее свидетельство того, что родители

ничего не знали, — это уверенность в том, что, если бы они знали, то что-нибудь предприняли бы. Судья округа Джефферсон Джон Де Вита сказал о мальчиках так: «Что больше всего ошеломляет, так это количество лжи. Легкость их лжи. Крутизна их лжи». Большинство родителей считают, что они знают своих детей лучше, чем это есть на самом деле; дети, которые не хотят, чтобы их тайны знали, могут охранять свою внутреннюю жизнь очень тщательно. Иски семей жертв основывались на сомнительных положениях о том, что человеческую натуру можно узнать, что внутреннюю логику можно отследить и что трагедии можно предсказать. Они думали, что какая-то скрытая информация могла изменить то, что случилось. Жан-Поль Сартр однажды написал: «Зло — это не видимость», добавив: «если вы будете знать его причины, оно никуда не денется». Непохоже, что Сартра часто читают в пригородах Денвера.

Эрик Харрис, по всей видимости, был психопатом со склонностью к убийству, а Дилан Клиболд страдал депрессией со склонностью к самоубийству, и в корне отличное душевное расстройство одного было необходимо другому. Депрессия Дилана не привела бы его к убийствам без Харриса, но, возможно, что-то в Эрике потеряло бы стимул к действиям, если бы не нужно было тащить за собой Дилана. Злость Эрика шокирует, но молчаливое согласие Дилана шокирует не меньше. В своем дневнике Дилан писал: «Мысли о самоубийстве вселяют в меня надежду, что я, куда бы ни попал после этой жизни, окажусь в своей тарелке… что, наконец, перестану враждовать с самим собой, с миром, с вселенной. Мой разум, тело, все во мне обретет ПОКОЙ — я — моя душа (существование)». Он описывал свое собственное «вечное страдание в бесконечных направлениях в бесконечных реальностях». Самое часто встречающееся слово в его дневнике — это любовь. Эрик писал: «Как ты осмеливаешься считать, что ты и я принадлежим к одному виду, когда мы таааааааааааакие разные, ты не человек, ты робот… и если ты задирал меня в прошлом, ты умрешь, если я об этом узнаю». В его дневнике описывается, как в неком воображаемом студенческом будущем он будет дурить голову девчонкам, чтобы заманить их к себе в комнату и изнасиловать. Далее: «Я хочу вырвать горло зубами, как ключ из жестянки с пивом. Я хочу поймать какого-нибудь маленького слабенького новичка и просто порвать его на части, как гребаного волка, я хочу душить их, сплющивать их головы, рвать их рты, ломать их руки пополам, показать им, кто здесь бог». Эрик был несостоявшимся Гитлером, Дилан — Холденом Колфилдом[2].

Сью Клиболд подчеркивает, что смерть ее сына была

самоубийством. Карл Меннингер, который подробно писал о самоубийстве, сказал, что оно требует совпадения «желания убивать, желания быть убитым и желания умереть». Желание убивать не всегда выражено напрямую, но оно является необходимой частью головоломки. Эрик Харрис хотел убивать, а Дилан Клиболд хотел умереть, и вместе они считали, что в них есть божественное зерно, оба писали, что бойня сделает из них богов. Их соединение идеи величия и глупой выходки несет на себе отпечатки обычного подросткового поведения. Во время стрельбы в школе Колумбайн Хай, уже к концу бойни, один из свидетелей, прятавшихся в столовой, слышал как кто-то из убийц говорил: «Сегодня миру придет конец. Сегодня мы умрем». Это детское объединение себя со всеми остальными людьми. Г. К. Честертон писал: «Убийца убивает человека, самоубийца — человечество. Что касается его, то он уничтожает весь мир».

Защитники психически больных указывают на то, что большинство преступлений совершают люди здоровые, и на то, что большинство психически больных людей преступлений не совершают. Что означает Колумбайн, если рассматривать ее как результат деятельности здоровых умов? Люди не совершают преступлений либо потому, что знают, что из-за этого будут проблемы, либо потому, что у них есть моральные ценности. Большинство людей видели вещи, которые хотели бы украсть. Большинство людей хоть раз в жизни испытывали случайную вспышку ярости и желание убить близкого человека. Но люди не идут в школу, чтобы убить ребят, которых едва знают, и взять остальных в заложники не потому, что боятся наказания или не могут преодолеть мораль. Такая мысль просто не может прийти в голову здоровому человеку. У Дилана была депрессия, но не было шизофрении, посттравматического синдрома, биполярного расстройства или каких-то других расстройств, которые отвечали бы параметрам психиатрического диагноза. Бессвязность мышления не уменьшает злобность действий Дилана. Его мать ведет себя благородно, не пытаясь в своей книге перевести вину сына на других. Сью Клиболд отказывается обвинять тех, кто издевался над Диланом, школу или его биохимическую предрасположенность к насилию. Это означает, что, в конце концов, она решила просто принять то, что никогда не удастся оправдать. Она не пытается провести нечеткую границу между злом и болезнью.

Сразу после бойни плотник из Чикаго приехал в Литтлтон и сделал пятнадцать деревянных крестов — по одному для каждой жертвы, в том числе и для Дилана и Эрика. Многие люди клали цветы к крестам нападавших, как и к крестам тех, кого они убили.

Но Брайан Рорбоф, отец одного из погибших, убирал кресты Харриса и Клиболда. «Не унижайте то, что Христос сделал для нас, чествуя убийц крестами, — сказал он. — Нигде в Библии не говорится, что надо простить нераскаявшегося убийцу. Не жалейте их, не прощайте — вот что говорит Библия». Его точка зрения на интерпретацию христианской доктрины полностью понятна, но утверждение Рорбофа основывается на ошибочном положении о том, что оплакивание смерти убийц равно их прощению и что прощение отменяет тот ужас, который они совершили. Сью Клиболд не ищет прощения для своего сына и даже не мечтает о нем. Она объясняет, что и понятия не имела о том, что что-то происходило, но этим не пытается оправдывать себя. Она воспринимает свое незнание как предательство собственного сына и всего мира. Возможно, смерть человека, который совершил ужасное преступление, во благо, но любой погибший ребенок — это крушение надежд какого-то родителя. Эта скорбная книга для Сью — покаяние и искупление. Ненависть не уничтожает любви. На самом деле эти два чувства идут рядом.

На нашей первой встрече Сью рассказала мне о том, что чувствовала 20 апреля 1999 года, когда узнала, что происходило в школе Колумбайн Хай. «В то время, как каждая мать в Литтлтоне молилась о том, чтобы ее ребенок был в безопасности, мне пришлось молиться о том, чтобы мой сын умер, не причинив вреда кому-нибудь другому, — сказала она. — Я думала о том, что если это все происходит по-настоящему, и он останется в живых, его отправят в тюрьму, а я не перенесу, если потеряю его еще раз. Я молилась как только могла, чтобы он убил себя, потому что тогда я, по крайней мере, знала бы, что он хотел умереть, и я не осталась бы со всеми своими вопросами, как в том случае, если бы его жизнь оборвала пуля полицейского. Может быть, я была права, но потом я так долго жалела об этой молитве: я пожелала, чтобы мой сын убил себя, и он сделал это».

В конце тех выходных я спросил Тома и Сью, что они хотели бы спросить у Дилана, если бы сейчас он вдруг оказался с нами в этой комнате. Том сказал: «Я бы спросил его, о чем он, черт возьми, думал и какого черта он вообще это все сделал?!» Сью несколько мгновений смотрела в пол, а потом тихо произнесла: «Я бы попросила его простить меня за то, что я была его матерью и никогда не знала, что же происходило у него внутри, за то, что не смогла ему помочь, за то, что не была тем человеком, на которого он мог положиться». Когда я напомнил ей об этом разговоре пять лет спустя, она сказала: «Когда это все произошло, я жалела о том, что у меня вообще были дети, что я вообще вышла замуж. Если бы наши с Томом пути не пересеклись где-то в

Огайо, Дилана бы не было на свете, и весь этот кошмар не случился бы. Но со временем я стала чувствовать, что я рада, что у меня есть дети, и рада, что это именно мои дети, потому что любовь к ним — даже ценой такой боли — была самым величайшим счастьем в моей жизни. Когда я говорю об этом, я имею в виду мою собственную боль, а не боль других людей. Но я смогла принять свою боль; жизнь полна страдания, и такой она стала для меня. Я знаю, что для всего мира было бы лучше, если бы Дилана никогда не было на свете, но я не думаю, что мне было бы лучше без него».

Всем нам приходится переживать потери, но утрата Сью накатывалась на нее бесконечными волнами горя: вначале она потеряла самого мальчика, потом — тот образ сына, который у нее был, затем — возможность оправдывать себя из-за того, что не знала о его темной стороне, затем — перестала осознавать себя кем-то, кроме как матерью убийцы, и, наконец, потеряла фундаментальную веру в то, что в основе жизни лежит логика, что если ты будешь поступать правильно, то сможешь избежать печальных последствий. Сравнивать, кому пришлось горше, — это неблагодарное занятие, и неправильно будет сказать, что утрата Сью Клиболд — самая тяжелая в Литтлтоне. Но ей пришлось столкнуться с тем, что она не могла избавиться от боли, обнаружив, что никогда не знала своего сына. Она всегда будет страдать, понимая, какие беды другим причинил Дилан. Она борется с тоской о погибшем ребенке, с тоской о других погибших детях и с тоской из-за того, что не смогла воспитать счастливого человека, который мог бы изменить мир к лучшему.

Родители переживают головокружительные дни, когда их дети маленькие и можно решить все их небольшие проблемы. Ужасно, когда у детей начинаются проблемы, с которыми ты не можешь помочь. Такое разочарование приходилось испытывать всем, но у Сью оно взвинчено до предела. Она описывает свое естественное желание делать приятное людям и со всей ясностью заявляет, что ее книга станет отрицанием этой ее склонности. Ее книга — это дань Дилану без всякого намека на прощение и в то же время призыв к действию для исследователей и защитников психических больных. Добродетельная, решительная и обладающая чувством собственного достоинства, Сью Клиболд в беспросветном одиночестве. Больше никому не приходилось переживать такого. До какой-то степени это делает Сью такой же темной лошадкой, какой был Дилан. Описывая свой опыт, она выбирает нечто вроде непознаваемости.

Овидию приписывают известную заповедь: «Переноси и будь тверд, ибо эта боль когда-нибудь принесет тебе пользу». Но с

таким горем выбора мало, у тебя нет возможности отказаться нести свой крест. Ты можешь сказать, что не рад приходу беды, но не можешь попросить ее покинуть твой дом. Сью Клиболд никогда не жаловалась на то, что стала жертвой, но в ее рассказе слышны отголоски боли Иова, который говорит: «Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?»[3] И далее: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне. / Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье»[4]. И, наконец, «Говорю ли я, не утоляется скорбь моя». Книга Сью Клиболд рассказывает о ее напоминающем страдания Иова пути в ад, который невозможно осознать, ее прощании с ощущением безопасности. Возможно, самое большое впечатление остается от того, что книга признает: никакие слова не могут утолить горя. Женщина даже уже не пытается смягчить его. Эта книга — не очищающая исповедь, чтобы выговориться и почувствовать себя лучше. Это просто рассказ о борьбе и о принятии, об усмирении боли в надежде разделить боль других, такую же, как у нее самой, у ее сына и у его жертв.

Эндрю Соломон

Предисловие

20 апреля 1999 года Эрик Харрис и Дилан Клиболд, взяв оружие и взрывчатку, пришли в школу Колумбайн Хай. Прежде чем покончить с собой, они убили двенадцать учеников с учителем и ранили еще двадцать четыре человека. Это была самая страшная перестрелка в истории всех преступлений, произошедших в школах.

Дилан Клиболд был моим сыном.

Я бы отдала жизнь за то, чтобы в тот день все пошло по-другому. Более того, я бы с радостью отдала ее взамен на хотя бы одну из тех жизней, которые были оборваны в тот день. Но я знаю, что такая сделка невозможна. Ничто из того, что я когда-либо буду способна сделать или сказать, не сможет искупить этой кровавой бойни.

С того ужасного дня прошло шестнадцать лет, и я посвятила их попыткам понять то, что по-прежнему непостижимо для меня — как жизнь мальчика, такая многообещающая, могла кончиться такой катастрофой, при том, что все происходило на моих глазах. Я задавала вопросы специалистам, а также членам нашей семьи, друзьям Дилана и, чаще всего, себе. Что я упустила и как я могла упустить это? Я тщательно изучала свои дневники. Я анализировала жизнь нашей семьи так яростно, как это мог бы делать ученый-криминалист, перевертывая повседневные события и разговоры в поисках ключей, которые я пропустила. Что я должна была увидеть? Что я могла сделать по-другому?

Мой поиск ответов начался как полностью личное дело, как первоначальная потребность выведать неизвестное, такая же сильная, как стыд, ужас и горе, которые переполняли меня. Но я обнаружила, что фрагменты, находящиеся у меня в руках, дают ответы, подходящие к задачам, которые многие отчаялись решить. Надежда на то, что то, что я узнала, может помочь, привела меня к трудному, но необходимому решению — выйти с моей историей на публику.

Между тем, где я нахожусь сегодня, и той точкой зрения на мир, которая была у меня до событий в Колумбайн, пролегает пропасть. Тогда жизнь нашей семьи выглядела точно так же, как жизнь любой американской семьи из пригорода. После более десяти лет поисков среди обломков этой катастрофы мои глаза открылись. И не только по поводу того, что касается тех вещей, которые я не знала про Дилана, и событий, которые привели к тому дню. Я стала также понимать, что смысл этих открытий простирается куда дальше Колумбайн.

Я никогда не узнаю, могла ли я предотвратить те ужасные события, которые привели моего сына к кровавой бойне, развернувшейся в тот день, но я стала видеть, что именно я могла бы сделать по-другому. Это совсем мелочи, тонкие нити в кружеве обычной жизни семьи. Потому что если кто-нибудь проникнет внутрь наших жизней до Колумбайн, я думаю, они увидят — даже если будут разглядывать все под самыми сильными лупами — лишь совершенно обыкновенную жизнь, нисколько не отличающуюся от той жизни, которая течет в бессчетном количестве домов по всей стране.

Мы с Томом были любящими, внимательными и участвующими в жизни детей родителями, а Дилан был полным энергии, ласковым ребенком. Он был не из тех детей, о которых родители беспокоятся и молятся, надеясь, что дитя в конце концов найдет свой путь и начнет жить полноценной жизнью. Мы называли его «солнечным мальчиком», и не только из-за облака светлых волос вокруг его головы, но и потому, что, кажется, ему все давалось легко. Мне нравилось быть матерью Дилана, и я любила его всем сердцем.

В моей истории людям, вероятно, будет особенно трудно понять, что наша жизнь до Колумбайн была совершенно обыкновенной. Для меня это тоже очень важно. Наша домашняя жизнь не была трудной или напряженной. Наш младший сын не был «головной болью», а уж тем более тем, кого мы (или любой, кто его знал) могли вообразить представляющим опасность для себя или кого-либо еще. Я бы хотела, чтобы многое было по-другому, но больше всего я хотела бы, чтобы тогда мне не казалось, будто с моим сыном все хорошо, когда на самом деле это было не так.

Когда дело доходит до психических расстройств, то многие дети сегодня подвержены им в той же мере, как дети сто лет назад были подвержены инфекционным заболеваниям. Слишком часто, как это было в нашем случае, течение этих болезней протекает незамеченным. В самом страшном случае ребенок угасает, либо его способность к счастливой и продуктивной жизни тихо сходит на нет. При любом варианте такая ситуация может ставить в тупик, одновременно разбивая сердце. Если мы не откроем глаза на эту уязвимость, ужасный счет будет только увеличиваться. И этот счет включает не только трагедии, такие как в Колумбайн, Виргинском политехническом институте, Ньютоне или Чарльстоне, но и бесчисленное количество более тихих, медленно разгорающихся трагедий, каждый день происходящих в повседневной жизни наших сослуживцев, друзей и любимых.

Возможно, это самая трудная истина, на которую родители должны решиться открыть глаза, но это именно та вещь, которую ни один родитель на Земле не знает лучше, чем я, — одной любви недостаточно. Моя бесконечная любовь к Дилану не спасла его, так же как и не спасла тринадцать человек, убитых в школе Колумбайн Хай, и многих других, получивших ранения и травмы. Я пропустила едва различимые признаки психологической дезориентации, которые, если бы я их заметила, могли изменить ситуацию для Дилана и его жертв — полностью изменить весь их мир.

Рассказывая свою историю так искренне, как это только возможно, даже когда она показывает меня в нелицеприятном свете, я надеюсь зажечь свет, который поможет другим родителям увидеть в лицах своих детей то, что с ними происходит, чтобы они могли помочь детям, если они нуждаются в помощи.

Многие из моих собственных друзей и коллег изменили свое родительское поведение, узнав нашу историю. В некоторых случаях их вмешательство принесло критически важные результаты, как, например, когда бывшая коллега заметила, что ее тринадцатилетняя дочь выглядит немного отстраненной. Помня о Дилане, она давила, и давила, и давила. В конце концов, дочка сломалась и призналась, что ее изнасиловал незнакомец, когда она украдкой ускользнула из дома вместе с подругой. Девочка была в глубокой депрессии, ей было стыдно, она боялась и серьезно думала о том, чтобы покончить с собой.

Моя коллега смогла помочь своему ребенку, потому что заметила едва различимые изменения и продолжала задавать вопросы. Я воспряла духом, узнав, что история ее дочери кончилась более счастливо, потому что она знала нашу, и я верю, что от того, что круг людей, знающих эту историю, расширится, будет лишь лучше.

Мне нелегко выступать с этим рассказом, но если то понимание и те прозрения, которые появились у меня после ужасных событий в Колумбайн, могут помочь кому-то, то у меня нет морального права не поделиться ими. Говорить открыто страшно, но это та вещь, которую правильно будет сделать. Список того, что я бы сделала по-другому, если бы знала больше, длинен. Это мои провалы. Но то, что я узнала, подразумевает необходимость к более широкому призыву к действию, всеобъемлющему рассмотрению того, что должно быть сделано, чтобы не только остановить такие трагедии, как та, что случилась с моим сыном, но и скрытое страдание любого ребенка.

Примечания для читателей

Абзацы, набранные курсивом и расположенные в начале многих глав, взяты из моих дневников.

В дни после Колумбайн я исписывала словами блокнот за блокнотом, пытаясь выплеснуть свое замешательство, вину и горе. Как и большинство дневников, мои остались неопубликованными, но послужили бесценным источником материала для этой книги. Люди, прошедшие войну, говорят, что она часто видится им как в тумане, и я уверена, что нечто подобное применимо и к моей ситуации. Если бы я постоянно не записывала события тех дней, недель, лет, туман поглотил бы слишком большую часть моей истории, и достоверный рассказ не получился бы. Дневники любезно напоминали мне не только о событиях и фактах, но и обо всех этапах моих изменений.

Сейчас я нахожусь совершенно в ином мире, чем в дни, которые последовали за трагедией в Колумбайн. Не будет преувеличением сказать, что я совсем другой человек. Выдержки из моих дневников дают представление о мыслях и чувствах, которые я испытывала, когда все происходило, а содержание глав объединяет представления, которые пришли с течением времени, и огромное количество поисков и размышлений.

Некоторые имена и узнаваемые детали в этой книге изменены, чтобы защитить частную жизнь людей.

В процессе написания этой книги я говорила со многими специалистами в различных областях, начиная сотрудниками правоохранительных органов и заканчивая специалистами по оценке угрозы, журналистской этике, социологии, психологии, психиатрии и нейробиологии. Книга никогда бы не появилась без отзывчивости этих людей, посвятивших себя исследованиям.

Часть I. Последние люди на Земле

Илл. Вместе с Диланом в его пятый день рождения. Фотография предоставлена семьей Клиболд.

Глава 1. «В школе Колумбайн Хай была стрельба»

20 апреля 1999 года, 12:05

Я находилась в своем офисе в центре Денвера и уже готовилась отправиться на встречу по поводу стипендий на обучение в колледже для студентов с ограниченными возможностями, когда заметила, что на стоящем на столе телефоне мигает красная лампочка.

Я проверила сообщение на случай, если моя встреча отменяется, но его оставил мой муж Том, его голос был напряженным, резким, взволнованным:

— Сьюзен, чрезвычайная ситуация! Немедленно мне перезвони!

Он не сказал больше ничего. Ему и не нужно было ничего говорить: по тону его голоса я поняла, что что-то случилось с одним из наших мальчиков.

Мне показалось, что потребовалось несколько часов, чтобы дрожащими пальцами набрать наш домашний номер телефона. Паника захлестнула меня, как волна; стук сердца раздавался в ушах. Наш младший сын Дилан был в школе, его старший брат Байрон — на работе. Произошел какой-то несчастный случай?

Том схватил трубку и сразу же закричал:

— Включи телевизор!

Но я не могла понять ни слова. Я была в ужасе от того, что происшедшее было таким значительным, что о нем говорили на телевидении. Мой страх, который охватил меня несколько секунд назад при мысли об автомобильной аварии, неожиданно показался незначительным. Не началась ли война? Не напали ли на нашу страну?

— Что происходит?! — завопила я в трубку.

На другом конце было слышно только треск помех и неразборчивый шум телевизора. Наконец, Том вернулся к телефону, но мой обычно непоколебимый муж вел себя как сумасшедший. Неразборчивые слова вылетали из его рта как отрывистые пулеметные очереди, не имеющие никакого смысла:

— Человек с оружием… стрелок… школа…

Я пыталась понять, что Том говорит мне: Нат, лучший друг Дилана, несколько минут назад позвонил в домашний офис Тома и спросил, дома ли Дилан. Такой звонок в середине школьного дня сам по себе был поводом для беспокойства, но причина, по

которой звонил Нат, была кошмаром для каждого родителя — вооруженные люди стреляли в школе Колумбайн Хай, где Дилан учился в выпускном классе.

Более того: Нат сказал, что стреляющие были одеты в черные тренчкоты[5], такие же, как тот, что мы недавно купили Дилану.

— Не хочу вас беспокоить, — сказал он Тому, — но я знаю всех ребят, которые носят черные плащи, и единственные, кого я не могу найти, — это Эрик и Дилан. А еще их сегодня утром не было в боулинге.

Голос Тома был хриплым от страха, когда он говорил мне, что, повесив трубку после разговора с Натом, перерыл весь дом в поисках тренчкота Дилана, иррациональным образом решив, что, если найдет плащ, то с Диланом все будет в порядке. Но плаща не было, и Том потерял рассудок.

— Я еду домой, — сказала я.

От страха у меня немело сердце. Мы повесили трубки не попрощавшись.

Безуспешно пытаясь успокоиться, я попросила коллегу отменить мою встречу. Выйдя из офиса, я обнаружила, что мои руки так трясутся, что мне пришлось удерживать правую руку левой, чтобы нажать кнопку нужного этажа в лифте. Другие пассажиры в кабине весело болтали друг с другом, направляясь на ланч. Я объяснила свое странное поведение, сказав:

— В школе Колумбайн Хай стреляли. Мне нужно поехать домой и убедиться, что с моим сыном все в порядке.

Коллега предложил подвезти меня до дома. Поскольку я была не в состоянии говорить, я только покачала головой.

Сев в машину, я поняла, что мысли путаются в голове. Я не сообразила включить радио, и просто старалась безопасно вести машину по дороге. Пока я преодолевала двадцать шесть миль до нашего дома, в голове постоянно стучала только одна мысль: «Дилан в опасности».

Пароксизмы страха сжимали мне грудь, когда я снова и снова прокручивала в голове отрывочные фрагменты информации. Я говорила себе, что плащ может быть где угодно, в шкафу у Дилана или в его машине. Разумеется, отсутствие плаща, принадлежащего подростку, ничего не значило. Тем не менее, мой крепкий, надежный муж говорил так, как будто был близок к истерике, — я никогда не слышала у него такого голоса.

Поездка, казалось, заняла целую вечность, как будто я ползла по дороге в замедленном темпе, зато мои мысли неслись со скоростью света, а сердце бухало в ушах. Я все пыталась сложить вместе куски головоломки так, чтобы они подошли друг к другу, но в тех жалких фактах, которые были мне известны, едва ли

можно было найти успокоение. И я знала, что никогда не оправлюсь, если с Диланом что-нибудь случилось.

Ведя машину, я громко разговаривала сама с собой и время от времени разражалась неконтролируемыми всхлипами. Имея от природы аналитический склад ума, я пыталась уговорить сама себя, что у меня пока недостаточно информации. Школа Колумбайн Хай огромна, в ней более двух тысяч учащихся. То, что Нат не смог найти Дилана в этом хаосе, необязательно означает, что наш сын ранен или убит. Я не должна позволить, чтобы паника Тома охватила меня. Несмотря на то, что ужас продолжал накатывать волнами, я говорила себе, что мы, возможно, напрасно сходим с ума, как это было бы с любым родителем пропавшего в такой ситуации ребенка. Может быть, никто не пострадал. Я собиралась зайти на кухню и обнаружить там Дилана, изучающего содержимое холодильника и готового пилить меня за слишком острую реакцию.

Тем не менее, я не могла заставить мой мозг перестать перескакивать от одного ужасного сценария развития событий к другому. Том сказал, что в школе были вооруженные люди. Вцепившись вспотевшими ладонями в руль, я затрясла головой, как будто Том мог меня видеть. Люди с оружием! Возможно, никто не знал, где Дилан, потому что его застрелили. Может быть, он лежит где-нибудь в школьном здании раненый или убитый, попавший в ловушку, и не может даже послать нам весточку. Быть может, его взяли в заложники. Эта мысль была так ужасна, что я едва могла дышать.

К тому же в животе у меня неприятно тянуло. Я застыла от страха, когда услышала, что Том упомянул Эрика Харриса. Единственный раз, когда Дилан попал в серьезную неприятность, он был с Эриком. Я снова покачала головой. Дилан всегда был живым, любящим ребенком, и он вырос в здравомыслящего взрослого, которого нелегко вывести из себя. Он запомнил тот урок, уверяла себя я. Он не позволит втянуть себя в какую-нибудь глупость еще раз.

Наряду с дюжиной других страшных сценариев, прокручивающихся в моем воспаленном мозге, я задавалась вопросом, может ли ужас, охвативший школу, быть не невинной проказой старшеклассников, которая ужасным образом вышла из под контроля.

В одном я была уверена: у Дилана не могло быть оружия. Мы с Томом были настолько решительными противниками оружия, что даже думали уехать из Колорадо, потому что законы штата менялись и теперь проще было приобретать краденые винтовки. Чей бы это ни был чудовищный замысел, Дилан никоим образом

никогда не мог быть вовлечен в историю с оружием, даже в виде шутки.

Так оно и продолжалось двадцать шесть долгих миль. В одно мгновение меня захлестывали кадры, где Дилан страдает от боли, ранен, плачет и зовет на помощь, а затем их сменяли более счастливые картины: Дилан, еще мальчик, задувает свечи на торте в День рождения, вопит от счастья, съезжая вместе с братом с пластиковой горки в бассейне на заднем дворе. Говорят, вся жизнь пролетает перед тобой, когда ты умираешь, но пока я ехала домой, вся жизнь моего сына пронеслась передо мной, как видеоролик. Каждый драгоценный кадр одновременно разбивал мне сердце и наполнял меня отчаянной надеждой.

Этот адский путь до дому был первым шагом на пути, который занял всю оставшуюся жизнь, на пути смирения с невозможным.

Когда я приехала домой, мой страх достиг еще более высокого уровня. Том рассказал мне то, что выяснил из обрывочных сведений: в школе стрельба, Дилана и Эрика все еще не нашли. Что бы ни случилось, это было серьезно. Том позвонил нашему старшему сыну Байрону, который сказал, что уйдет с работы и немедленно приедет к нам.

Мы с Томом метались по дому, как свихнувшиеся заводные игрушки. В крови бурлил адреналин, мы не могли остановиться или закончить какое-то дело. Наши перепуганные питомцы с расширенными от страха глазами попрятались по углам.

У Тома единственной мыслью был отсутствующий плащ, но меня сбивали с толку слова Ната о том, что Дилана не было на боулинге. Этим утром сын ушел из дома с большим запасом времени, чтобы успеть на игру, он попрощался, когда уходил. Думая об этом, я ловила себя на том, что меня пугает мысль о том, что это прощание было необычным.

Тем утром, двадцатого апреля, мой будильник прозвенел, когда еще не рассвело. Одевшись на работу, я посмотрела на часы. Зная, как Дилан ненавидит вставать по утрам, мы с Томом уговаривали его отказаться от тренировок по боулингу в 6.15 утра. Но Дилан настоял на своем. Он говорил, что это будет весело: он обожает боулинг, и некоторые из его друзей посещают эти тренировки. За время последнего семестра он проделал большую работу, заставляя себя выходить на дорожку вовремя — не идеально, но близко к этому. Тем не менее, мне нужно было приглядывать за временем. Не важно, насколько добросовестно Дилан заводил свой будильник, в те дни, когда был боулинг, мне нужно было позвать его с нижней площадки лестницы, чтобы

поднять с постели.

Но утром двадцатого апреля я еще одевалась, когда услышала тяжелые шаги Дилана по лестнице и мимо закрытой двери нашей спальни на первом этаже. Меня удивило, что он встал и оделся так рано без напоминания. Дилан двигался быстро и, казалось, торопился уйти, хотя у него было достаточно времени, чтобы поспать еще немного.

Мы всегда согласовывали наши планы на день, поэтому я открыла дверь спальни и выглянула из нее.

— Дил? — окликнула я.

В доме было слишком темно, чтобы что-нибудь увидеть, но я услышала, как открылась передняя дверь. Из темноты я услышала, как мой сын крикнул: «Пока!», и его голос был резким и решительным. Он ушел до того, как я успела включить свет в прихожей.

Выбитая из колеи таким нарушением распорядка, я вернулась в спальню и разбудила Тома. В голосе Дилана, в его единственном слове была нота, которой я никогда раньше не слышала — насмешка, почти такая, как будто его застали в разгар драки с кем-то.

На той неделе это был не первый признак, показывающий, что Дилан нервничает по какому-то поводу. Два дня назад, в воскресенье, Том спросил меня:

— Ты заметила, какой у Дилана голос в последнее время? Он говорит более сдавленно и тонко, чем обычно, — Том прочертил в воздухе линии большим и средним пальцем руки. — Его голос повышается вот так, когда он напрягается. Я думаю, что его может что-то беспокоить.

По поводу мальчиков интуиция Тома всегда срабатывала великолепно, и мы договорились сесть и поговорить с сыном, чтобы узнать, что у него на уме. Конечно, было вполне логично, что Дилан чувствует некоторую озабоченность, заканчивая выпускной класс. Три недели назад мы ездили в наиболее предпочтительный для него колледж — университет штата Аризона. Хотя Дилан был очень независимым, отъезд из своего штата потребовал бы значительной адаптации для мальчика, который никогда не жил вне своего дома.

Но я была в замешательстве от резкого тона, который услышала в голосе Дилана, когда он попрощался, и меня тревожило, что он не задержался, чтобы рассказать о своих планах на день. У нас так и не получилось сесть и поговорить с сыном, так как Дилан почти весь уикэнд провел с разными друзьями.

— Думаю, в воскресенье ты был прав, — сказала я сонному

мужу. — Что-то *беспокоит* Дилана.

— Я поговорю с ним, как только он вернется домой, — заверил меня Том из постели.

Так как Том работал дома, они с Диланом обычно смотрели спортивные новости и перекусывали вместе, когда сын приходил из школы. Я расслабилась и продолжала, как обычно, собираться на работу, чувствуя облегчение от того, что к тому времени, когда я вернусь домой, Том будет знать, беспокоит ли что-нибудь Дилана.

После звонка Ната, стоя посреди нашей кухни и пытаясь сложить фрагменты информации, которая у нас была, в одно целое, я холодела, вспоминая ужасную, тяжелую решительность в голосе Дилана, когда он попрощался утром. Пугал меня и тот факт, что он ушел рано, но не пришел на тренировку. Я решила, что он с кем-то встречался утром, чтобы выпить кофе и, может быть, поговорить о том, что его беспокоит. Но если он не пришел на боулинг, то где вообще мог находиться?

Но окончательно почва ушла у меня из-под ног, когда раздался телефонный звонок, и Том бросился через всю кухню, чтобы ответить на него. Это звонил адвокат. До этого момента среди моих страхов самым главным было то, что Дилан в опасности, то есть, он мог пострадать физически или сделать какую-нибудь глупость, что-то, из-за чего попадет в беду. Теперь я поняла, что среди страхов Тома было нечто, из-за чего Дилану мог понадобиться адвокат.

В прошлом году Дилан уже попал в беду вместе с Эриком. Этот эпизод стал для нас самым сильным ударом в жизни: наш обладающий хорошими манерами, организованный ребенок, из-за которого мы никогда не беспокоились, вломился в припаркованный фургон и украл какое-то электронное оборудование. В результате Дилан получил условный срок. Сын прошел программу реабилитации, что позволило ему избежать уголовных обвинений. На самом деле он закончил курс раньше срока — необычный случай, как нам сказали, — и получив горячие похвалы от куратора.

Все вокруг убеждали нас не придавать этому инциденту большого значения: Дилан был хорошим мальчиком, но известно, что в подростковом возрасте даже самые лучшие мальчики совершают очень глупые ошибки. Но также нас предупредили, что даже малейший неправильный шаг, даже крем для бритья, размазанный на перилах лестницы, приведет к обвинению в тяжком преступлении и тюремному сроку. И поэтому при первых признаках того, что Дилан может оказаться в беде, Том связался с имеющим хорошие рекомендации адвокатом. В то время как

часть меня не могла поверить: Том действительно представляет себе, что Дилан может быть вовлечен в то, что происходило в школе, другая часть была ему благодарна. Несмотря на свое волнение, Том был достаточно предусмотрителен, чтобы принимать меры заранее.

Я еще была далека от мыслей о том, что люди в самом деле могут пострадать или что они могут пострадать от руки моего сына. Я просто волновалась, что Дилан ради какой-то глупой шутки может поставить под удар свое будущее, беспечно наплевав на второй шанс, который получил, успешно пройдя программу реабилитации.

Звонок адвоката, конечно, принес куда более плохие новости. Гари Лозов, которого нанял Том, дозвонился до конторы шерифа. Он перезвонил, чтобы сообщить, что немыслимое подтвердилось. Хотя репортеры выдавали противоречивую информацию, не было никаких сомнений, что в школе Колумбайн Хай происходило что-то ужасное, связанное с вооруженными людьми. В офисе окружного прокурора подтвердили, что они подозревают, что Дилан был одним из этих людей. Полиция была уже на пути к нашему дому.

Когда Том повесил трубку телефона, мы уставились друг на друга, в наших глазах застыли ужас и неверие. То, что я услышала, не могло быть правдой. Тем не менее, оно ею являлось. И при этом так не могло быть. Даже самые кошмарные сценарии, которые прокручивались у меня в голове на пути домой, бледнели по сравнению с этой реальностью. Я боялась, что Дилан в опасности или сделал какую-нибудь детскую глупость, из-за которой мог попасть в беду, а теперь оказалось, что люди пострадали из-за того, что он делал. Это было реальностью, это происходило. Но я все еще не могла заставить мой мозг принять то, что услышала.

Потом Том сказал мне, что собирается попытаться проникнуть в школу.

— Нет! — завопила я. — Ты сошел с ума! Ты можешь погибнуть!

Он пристально посмотрел на меня и сказал:

— И что?

Вся шумная неразбериха вокруг нас вдруг резко остановилась, когда мы посмотрели друг на друга. Через секунду я прикусила язык и отошла в сторону. Том был прав. Даже если он умрет, по крайней мере, мы будем знать, что он сделал все, что мог, чтобы остановить то, что там происходило.

Вскоре после часа дня я позвонила сестре, мои пальцы дрожали, когда я набирала номер. Мои родители умерли, но моя

старшая сестра и младший брат жили неподалеку друг от друга в соседнем штате. Всю жизнь сестра была человеком, к которому я обращалась и когда все было хорошо, и когда все шло не так. Она всегда обо мне заботилась.

В тот миг, когда я услышала ее голос, то спокойствие, которое я каким-то образом сохраняла, исчезло, и я расплакалась.

— Что-то ужасное происходит в школе. Я не знаю, то ли Дилан стреляет в людей, то ли сам пострадал. Они сказали, что он в этом замешан.

Диана ничего не могла сказать, чтобы успокоить мои слезы, но она пообещала позвонить брату и остальным родным.

— Мы все здесь за тебя, — с напором сказала она, когда мы клали трубки, чтобы наш домашний телефон не был занят. Я и не предполагала, как она мне будет нужна в следующие несколько лет.

К тому времени, как приехал наш старший сын Байрон, мои лихорадочные попытки что-то — что угодно — сделать прекратились, и я сидела за кухонной стойкой, рыдая в посудное полотенце. Как только Байрон обнял меня, последние капли сил покинули меня и я обмякла на стуле, так что он больше поддерживал меня, чем обнимал.

— Как он мог это сделать? Как он мог это сделать? — все спрашивала я.

Я и не предполагала, что скрывается за «этим». Байрон качал головой в немом неверии, все еще обвивая меня руками. Сказать было нечего. Часть меня думала: «Я его мать. Я должна собраться, быть образцом, быть сильной для Байрона». Но было невозможно сделать что-либо еще, кроме как бессильно всхлипывать, тряпичной куклой обмякнув в руках сына.

Начали приезжать полицейские, и они выпроводили нас из дома — ждать на подъездной аллее. Это был прекрасный день, солнечный и теплый, из тех дней, которые заставляют тебя чувствовать, что весна наконец пришла, чтобы остаться здесь. При других обстоятельствах я бы порадовалась, что мы пережили еще одну длинную зиму в Колорадо. Вместо этого красота природы ощущалась как пощечина.

— Что они там ищут? Чего они хотят? — все повторяла я. — Можем мы помочь?

Наконец, офицер сказал нам, что они обыскивают дом и квартиру нашего арендатора в поисках взрывчатки.

Мы в первый раз услышали о взрывчатке. Больше ничего мы узнать не смогли. Нам не разрешили войти в дом без сопровождения полиции. Тому не позволили пойти ни в школу, ни куда-либо еще. Позже мы узнали, что в школу никого не

пускали. Службы оперативного реагирования вошли в здание только после того, как Эрик и Дилан были мертвы и лежали в окружении тел своих жертв.

Пока мы стояли в ожидании на солнечной подъездной аллее, я заметила, что несколько офицеров одеты в униформу SWAT[6] и то, что оказалось пуленепробиваемыми жилетами. Их вид скорее озадачивал, чем тревожил. Почему они здесь, в нашем доме, а не в школе? Они, пригибаясь, вошли в дом через переднюю дверь, с оружием наизготовку в вытянутых руках, как это обычно показывают в фильмах. Они думали, что мы укрываем Дилана? Или что Том или я могут представлять для них какую-то опасность?

Это было совершенно невероятно, и я очень четко подумала: «Мы последние люди на Земле, которых кто-нибудь ожидал увидеть в такой ситуации».

Мы провели несколько часов, меряя подъездную дорожку шагами, как перепуганные звери. Байрон тогда еще курил, и я смотрела, как он прикуривает одну сигарету от другой, но была слишком потрясена, чтобы протестовать. Полиция не общалась с нами, хотя мы молили хоть о капле информации. Что произошло? Почему они решили, что Дилан в этом замешан? Сколько там было стрелков? Где Дилан? Все ли с ним в порядке? Никто нам так ничего и не сказал.

Время растянулось, как это бывает во время аварии. Вокруг с шумом начали кружить вертолеты с полицейскими и журналистами. Наша квартирантка Элисон, снимавшая у нас студию, принесла бутылки с водой и батончики мюсли, которые мы не могли есть. Если нам нужно было воспользоваться туалетом, мы делали это в сопровождении двух вооруженных полицейских, которые ждали по ту сторону двери. Я не могла понять, защищают они нас или мы находимся под подозрением. Оба варианта меня ужасали: я в жизни никогда не делала ничего противозаконного и мне никогда не приходилось бояться своего сына.

Наступил полдень, а мы все продолжали слоняться по подъездной дорожке. Диалог был невозможен. Предгорья Скалистых гор, окружающие наш дом, всегда успокаивали меня, мы с Томом даже говорили, что нам не нужно никуда ездить, потому что мы уже живем в самом красивом месте на Земле. Но в тот полдень высокие каменные утесы казались холодными и угрожающими, словно тюремные стены вокруг дома.

Я оглянулась и увидела фигуру человека, идущего по подъездной аллее. Это была Джуди Браун, мать одного из друзей детства Дилана, Брукса. Встревоженная расползающимися по

Литтлтону слухами о том, что Дилан замешан в том, что происходило в школе, она приехала в наш дом.

Я испугалась, увидев ее. В первом и втором классе наши мальчики дружили, а затем снова встретились в старшей школе, но уже не были близки, и со времен начальной школы я видела Джуди всего несколько раз. Мы тепло поболтали несколько недель назад на школьном мероприятии, но никогда не проводили время вместе за исключением тех случаев, когда это было связано с нашими сыновьями, и я не была уверена, что могу выдержать какие-либо светские условности. Я была настолько сбита с толку вопросом, зачем она здесь, но с ее стороны было очень странно появиться во время этого самого личного из всех времен. Они с Элисон сели с другой стороны от меня на кирпичную дорожку и уговаривали меня попить воды, которую принесли. Том и Байрон мерили шагами пространство перед передней дверью. Лица их были угрюмы, каждый из нас боролся со своими собственными беспорядочными мыслями.

Мои мысли были в хаосе. Не было никакого способа соединить ту информацию, которая у нас была, с тем, что я знала о своей жизни и о своем сыне. Они не могли говорить о Дилане, о нашем «солнечном мальчике», таком хорошем ребенке, благодаря которому я всегда чувствовала себя хорошей матерью. Если то, что Дилан намеренно наносил людям вред, — правда, то откуда это пошло?

В конце концов, старший детектив сказал, что хочет опросить каждого из нас по отдельности. Мы с Томом были готовы сотрудничать, особенно если было что-то, что мы могли сделать, чтобы пролить свет на происходящее.

Мы разговаривали с детективом на переднем сидении его машины. Сейчас это кажется немыслимым, но во время того разговора я действительно верила, что смогу справиться со всей путаницей, если просто смогу объяснить, почему все, что они думают о Дилане, неверно. Я не понимала, что начался новый этап моей жизни. Я все еще думала, что тот мир, который я знала, можно восстановить.

Я сжала мои трясущиеся руки вместе, чтобы прекратить их дрожь. Мрачный и пугающий детектив сразу перешел к сути дела: держали ли мы оружие в доме? Интересовался ли Дилан оружием или взрывчаткой? По этому поводу я едва ли могла сообщить что-то полезное. У нас с Томом никогда не было никакого оружия. Там, где мы жили, у мальчишек всегда были пневматические ружья, но мы старались оттянуть их приобретение как можно дольше, а потом заставили детей подписать написанные вручную договоры перед тем, как у них появились духовые винтовки.

Мальчики некоторое время тренировались с ними в стрельбе по мишеням, но к тому моменту, когда Дилан стал подростком, пневматические винтовки отправились на полку в гараже вместе с моделями самолетов, солдатиками и другими позабытыми реликвиями мальчишеского детства.

Я вспоминала вслух, что год назад Дилан спросил, не против ли я купить ему оружие к Рождеству. Просьба была высказана мимоходом и стала полной неожиданностью. Удивленная, я спросила, зачем ему оружие, и он сказал, что было бы здорово иногда ходить в тир и практиковаться в стрельбе по мишеням. Дилан знал, насколько сильно я настроена против оружия, поэтому его просьба ошеломила меня, несмотря на то, что мы переехали в сельскую местность, где охота и посещение тира были популярным времяпровождением. Настолько чуждое для меня, насколько это может быть, оружие было повсеместно принятой частью культуры там, где мы жили, и многие наши соседи и друзья в Колорадо обожали пострелять в качестве отдыха. Поэтому, хотя я никогда не позволила бы держать оружие под своей крышей, просьба Дилана не прозвучала для меня тревожным звоночком.

Вместо этого я предложила поискать его старое духовое ружье. Дилан округлил глаза, скептическая улыбка появилась на его лице: «Мамочки!»

— Это не то же самое, — сказал он.

Я решительно покачала головой:

— Я не могу представить, зачем тебе может понадобиться оружие, и ты знаешь, как мы с папой относимся к нему. Тебе скоро будет восемнадцать и если тебе в самом деле оно нужно, ты сможешь его получить. Но ты знаешь, что я никогда, ни при каких обстоятельствах не куплю тебе ружье.

Дилан спокойно кивнул и улыбнулся:

— Ага, я так и знал, что ты это скажешь! Я просто подумал, дай, спрошу.

Он не настаивал на своей просьбе и не выказал никакой враждебности, когда я ее отклонила. Он никогда больше не упоминал при мне оружия, и я внесла его в ту же категорию, что и остальные нелепые рождественские пожелания, которые появлялись у Дилана в разные годы. Он никогда серьезно не думал, что мы купим ему масл-кар[7] или оплатим полет на планере.

Детектив задал и другой вопрос — интересовался ли Дилан взрывчаткой? Я думала, он спрашивал о фейерверках, и ответила честно: Дилан их не любил. Он получал их в качестве заработной платы, когда работал на демонстрационном стенде магазина

фейерверков, — это была одна из его первых летних работ. (В Колорадо фейерверки продаются вполне легально.) Поэтому у него их было много, и он надежно хранил их в большом резиновом (?) контейнере в гараже. Дилан запускал фейерверки Четвертого июля и наслаждался ими. Все остальное время они лежали забытые в контейнере в гараже. Дилан собирал множество разных вещей. В тот момент я еще ничего не слышала о баллонах с пропаном или бомбах из отрезка трубы, поэтому я и понятия не имела, о чем детектив меня спрашивал на самом деле.

Сидя на переднем сидении машины детектива, я чувствовала себя маленькой и испуганной, но старалась отвечать на его вопросы полно и откровенно. Когда он спросил, видела ли я когда-либо какие-нибудь каталоги оружия или журналы в доме, его вопрос пробудил кое-что, потерянное в глубинах моей памяти. Несколько каталогов с оружием были среди ненужной почты, которая приходила каждый день. Я обратила на них не больше внимания, чем на каталоги, рекламирующие одежду с монограммами для младенцев или ортопедические приспособления для пожилых людей, и просто выбросила, даже не взглянув на них. Дилан вытащил один из этих каталогов из мусора. Он искал тяжелые ботинки, которые подошли бы на его большие ноги, и нашел пару, которая ему понравилась, в этом каталоге. Когда мы узнали, что его размера нет, я выбросила каталог еще раз. В конце концов он нашел ботинки в магазине излишков военного имущества.

Я чувствовала, что детектив смотрит на меня понимающими глазами: «Вот я тебя и подловил!» Неожиданно почувствовав неловкость и необходимость защищаться, я услышала, как начала мямлить, пытаясь объяснить офицеру полиции, как много каталогов приходит каждый день и почему я не проверяла адреса. Я думала, что он поймет, только если я смогу его заставить услышать меня. Я всегда полагалась на свой особый талант рассматривать проблемы с точки зрения логики и на способность к эффективному общению. Я еще не понимала в тот момент, — и не буду понимать еще какое-то время — что моя версия реальности стала несовместима с происшедшими событиями.

Детектив спросил меня о том, что произошло в последние дни, и я рассказала ему все, что смогла вспомнить. Несколько недель назад мы ездили в университет Аризоны. Дилана приняли туда, и мы хотели, чтобы он мог взглянуть на колледж, который сам выбрал, и убедиться, что он ему подходит. Всего три дня назад Дилан, прекрасно выглядевший в смокинге, вышагивал с девушкой, которая должна была быть его парой на выпускном вечере, неловко улыбаясь, пока мы делали фотографии. Как этот

мальчик мог быть тем, кого они обвиняют в таком преступлении?

Но мне не дали никакого ответа и никакой надежды. Разговор был окончен. Выбираясь из машины детектива, я чувствовала себя так, как будто меня разорвало на тысячу кусочков, которые разлетелись до самой стратосферы.

Нам все еще не разрешали зайти в дом. Том и Байрон все бродили по подъездной аллее. Офицер полиции сказал нам, что следователи ждут группу саперов, — обрывок информации, который поверг нас в ужас и замешательство. Они ищут бомбу? Был ли наш дом заминирован кем-то из знакомых Дилана? Но никто не мог ответить ни на один из наших вопросов, и мы не могли сказать, в чем причина их молчания: в том, что они еще точно не знали, что произошло, или в том, что мы были под подозрением?

Поскольку мы столько времени провели на нашей подъездной аллее, отрезанные от любых средств массовой информации и выпусков новостей, мы, возможно, знали о происходящем меньше, чем любой другой житель Литтлтона — или, если уж на то пошло, всего остального мира. Сотовые телефоны еще не были так распространены, как сейчас, хотя у Тома и был мобильник для работы, сигнал блокировался из-за глыб песчаника вокруг нашего дома. Полиция конфисковала наш домашний телефон. Испуганные и сбитые с толку, мы могли только молиться за нашего сына.

Мы ждали снаружи на солнце, присаживаясь на бетонные ступеньки или прислоняясь к припаркованным машинам. Джуди подошла ко мне. Доверительно понизив голос, она рассказала о веб-сайте с угрозами, который сделал Эрик. Поскольку я все еще была не в себе от беспокойства за Дилана, я не понимала, почему она мне об этом говорит, пока до меня не дошло: она знала, что Эрик был психически неуравновешен и опасен в течение уже долгого времени.

— Но почему ты об этом мне не сказала? — спросила я, по-настоящему сбитая с толку.

Она сказала, что сообщала об этом в полицию.

Домашний телефон постоянно звонил. Детектив позвал меня к нему, чтобы я поговорила со своей пожилой тетей. Она услышала о стрельбе в Литтлтоне (имя Дилана на тот момент еще не упоминалось). У тети было хрупкое здоровье, и я боялась сказать ей правду, но понимала, что вскоре защитить ее будет невозможно.

Я сказала так мягко, как могла:

— Пожалуйста, приготовься к худшему. Здесь полиция. Они считают, что Дилан замешан в этой стрельбе.

Когда она начала возражать, я повторила то, что уже сказала. Все эти невообразимые часы начали превращаться в новую ужасную реальность. Совсем как смутные формы становятся буквами и цифрами с каждым следующим щелчком машины во врачебном кабинете, так нарастал и ужас, который для меня оказался в центре внимания. Все еще было непонятно, но я уже знала, что так не останется надолго, и замешательство становилось правдой, которую, как мне казалось, я не могу принять.

Я пообещала тете, что буду держать ее в курсе дела, и повесила трубку, чтобы линия была свободна для связи со школой.

Когда тени удлинились, время потекло еще медленнее. Мы с Томом приглушенным шепотом продирались сквозь наши сомнения. У нас не было никакого выбора, кроме как принять, что Дилан замешан в этом преступлении, но ни один из нас не мог поверить, что он принимал участие в стрельбе по своей собственной воле. Его каким-то образом впутал преступник или группа преступников, которые заставили его. Мы даже предполагали, что кто-то угрожал нам, и ему пришлось подчиниться, чтобы защитить нас. Может быть, он шел в школу, думая о безобидной шутке, о чем-то вроде театрального представления, а в последнюю минуту узнал, что использует настоящее оружие?

Я просто никак не могла поверить, что Дилан добровольно принимал участие в убийстве людей. Если он это делал, то нашего доброго, хорошего, веселого мальчика, которого мы так любили, кто-то обманул, угрожал ему, принуждал его, или ему даже могли подмешать наркотики.

Позже мы узнали, что друзья Дилана придумывали похожие объяснения для событий, развернувшихся вокруг них. Никто из них не мог предположить, что он участвовал во всем добровольно. Никто из нас не знал, насколько он был вовлечен в эти события на самом деле — всю глубину его ярости, отчуждения и отчаяния. Это стало известно только много месяцев спустя. И даже тогда многие из нас старались совместить человека, которого мы знали и любили, с тем, что он сделал в тот день.

Мы стояли там, на подъездной аллее, в подвешенном состоянии. Прошедшие часы были отмечены только нашим беспомощным замешательством, когда мы колебались от надежды к отчаянию. Телефон звонил снова, снова и снова. Затем стеклянная наружная дверь нашего дома еще раз отворилась, и на этот раз я услышала звук телевизора, который Том оставил

включенным в нашей спальне, эхом отражающийся от стен пустой комнаты. Журналист из местной телекомпании новостей вел репортаж с площадки около школы Колумбайн Хай. Я услышала, как он говорит, что по последним сообщениям число погибших достигло двадцати пяти человек.

Как и все матери в Литтлтоне, я молилась за спасение своего сына. Но когда я услышала, что репортер говорит о двадцати пяти погибших, моя молитва стала другой. Если Дилан вовлечен в убийство людей, он должен остановиться. Для меня как для матери это была самая трудная молитва, которую я когда-либо произносила в тишине своих мыслей, но в то мгновение я осознала, что величайшая милость, о которой я могу молить, это не спасение моего сына, а его смерть.

Глава 2. Осколки стекла

Пока полдень превращался в сумерки, а сумерки — в темноту, я постепенно рассталась с моей последней надеждой на то, что Дилан вдруг появится на подъездной аллее в своем побитом старом черном BMW, который он починил вместе с отцом, будет смеяться и спрашивать, что у нас сегодня на ужин.

Позже в этот же день я зажала в углу одного спецназовца из команды SWAT и напрямую спросила его:

— Мой сын мертв?

— Да, — ответил он.

Как только он это произнес, я поняла то, что уже знала: это действительно так.

— Как он умер? — задала я вопрос. Мне казалось важным узнать это.

Убил ли Дилана полицейский или один из стрелков? Покончил ли он с собой? Я надеялась на это. По крайней мере, если бы Дилан совершил самоубийство, я бы знала, что он хотел умереть. Позже мне придется пожалеть об этом желании так горько, как я никогда ни о чем не жалела.

Спецназовец из SWAT покачал головой.

— Я не знаю, — сказал он, а потом ушел, оставив меня одну.

Может показаться странным, что все мои мысли и чувства были так однозначно сосредоточены на Дилане — на его безопасности, а позже — на факте его смерти. Но моя обязанность — говорить правду до той степени, какую позволит моя память, даже если правда плохо отразится на мне. А правда в том, что все мои мысли были с моим сыном.

В середине дне я начала понимать, что Дилана подозревают в том, что он стрелял в людей, но вначале я просто автоматически отметила этот факт. Я была убеждена, что Дилан не может отнять ничью жизнь. Я начинала принимать, что физически он присутствовал во время стрельбы, но Дилан за всю свою жизнь никогда не причинил боль ни одному живому существу, и в своем сердце я знала, что он не может никого убить. Конечно, я была не права и по поводу этого, и по поводу многих других вещей. Но в то время я была в этом уверена.

Итак, в первые часы и даже дни после трагедии я не думала о ее жертвах или о страдании их любимых и друзей. Так же, как наши тела испытывают шок, когда мы получаем серьезную физическую травму — мы все слышали истории о солдатах на поле боя, которые бежали многие мили, не подозревая о

страшных ранах, — то же явление происходит и при тяжелых психологических травмах. Механизм, защищающий наш здравый рассудок и душевное равновесие, отсекает все и оставляет только то, что мы можем принять, понемногу за один раз. Это защитный механизм, поразительный по своей силе, направленной как на то, чтобы укрывать факты, так и на то, чтобы их искажать.

Какое милосердие скрыто в том, чтобы не знать о краткости жизни! Мне мучительно думать о жизнях, которые были отняты или разрушены рукой моего сына, и о боли и страдании, которые испытали семьи и друзья жертв, и эта мука каждый день со мной. Она никогда не уйдет, она будет жить, пока я жива. Я никогда не буду смотреть на мать, сидящую в церкви со своей дочерью, не думая о том, сможет ли этот красивый ребенок стать взрослым. Я никогда не посмотрю на группу подростков, смеющихся и поддевающих друг друга в «Старбаксе», не задавая себе вопрос, не лишится ли один из них жизни до того, как получит шанс прожить ее на всю катушку. Я никогда не буду смотреть на семью, наслаждающуюся пикником, бейсбольным матчем или идущую в церковь, не вспоминая родных тех, кого убил мой сын.

В этой книге я надеюсь почтить память тех, кого он убил. Лучший способ сделать это — быть правдивой настолько, насколько это в моих силах. И поэтому вот чистая правда: мои слезы по жертвам, в конце концов, пришли, и я до сих пор их оплакиваю. Но это случилось не в тот день.

Мы все еще стояли на подъездной аллее, когда прибыла команда саперов. Вскоре после этого начал моросить дождь, и нам с Томом, Байроном, нашей квартиранткой Элисон и Джуди Браун пришлось укрыться под крыльцом. Мы тесно прижались друг к другу под узким карнизом над нашей передней дверью. Неожиданно стало темно и холодно, и это изменение погоды обострило наше ощущение уязвимости и наш страх того, что должно было произойти.

Машинально я подумала о молитве, и тогда — первый раз в жизни — я не позволила себе этого успокоения.

В то время как родители моей матери были христианами, мой отец был воспитан в еврейских традициях, поэтому мы с сестрой и братом испытали влияние обоих вероисповеданий. Между этими двумя религиями есть значительные отличия, но обе разделяют концепцию Бога как любящего и понимающего Отца. С детства я находила успокоение в этом понимании Господа. Тем не менее, не было никакого утешения для меня в тот ранний вечер 20 апреля 1999 года. Вместо этого я испытала настоящий страх. Я боялась взглянуть в глаза Бога.

Каждый вечер после рождения детей я просила Господа защитить и направить их. Я действительно верила, что эти молитвы защищают моих детей. Когда мальчики подросли, я добавила к своей вечерней молитве просьбу о том, чтобы Бог хранил и других. Когда Байрон достиг подросткового возраста, я услышала в выпуске новостей ужасную историю: подросток украл с перекрестка знак остановки, что привело к несчастному случаю со смертельным исходом. Мысль о том, что один из моих сыновей непреднамеренно причинит кому-то вред, стала худшим моим ночным кошмаром. Я никогда не беспокоилась о том, что они намеренно повредят кому-то, у меня никогда не было причины переживать об этом. Но как я вцеплялась в приборную доску автомобиля, когда они в первый раз пытались преодолеть узкие, извилистые горные дороги, ведущие от нашего дома до города! Я особенно надеялась, что никакое проявление их подростковой глупости или беззаботности не кончится травмой для кого-то еще. Теперь эти молитвы превратились в такую чудовищную реальность, что мне не хватало моральных сил полностью принять ее.

Я не потеряла свою веру. Я боялась привлекать к себе внимание Бога, чтобы не навлечь еще больший Его гнев.

Я всегда представляла себе, что планы Господа по поводу меня согласуются с моими собственными планами. Я всем сердцем верила, что если буду заботливым, любящим и щедрым человеком, если буду добросовестно работать и отдавать на благотворительность столько, сколько смогу, если приложу все усилия к тому, чтобы быть хорошей дочерью, подругой, женой и матерью, то наградой за это мне будет хорошая жизнь. Изгнанная на крыльцо своего дома, наблюдая, как свет из холла отбрасывает неприятные тени на наши лица, я вдруг почувствовала стыд, как будто то понимание Бога, которое было у меня всю мою жизнь, неожиданно превратилось в наивную фантазию, в сказку, которую рассказывают перед сном, в жалкую иллюзию. Я чувствовала себя одинокой, как никогда в жизни.

Вскоре не осталось времени думать или чувствовать. Полиция не позволила нам вернуться в дом, нам нужно было найти другое место для ночлега. Мне, Тому и Элисон было позволено войти внутрь на пять минут, чтобы собрать свои вещи. Мы должны были заходить по одному и под присмотром двух охранников.

До того, как начался этот всплеск деятельности, у меня было короткое, но яркое видение, как будто я стою в окружении множества душ, каждая из которых страдает. Они были разных возрастов, размеров и рас; я не могла сказать, кто из них мужчина, а кто — женщина. Их головы были склонены и накрыты

истрепанными белыми покрывалами. Моя прежняя жизнь подошла к концу, и теперь начиналась новая — жизнь, в которой радость, когда-то такая обычная, будет только воспоминанием. С болезненной ясностью я осознала, что скорбь будет теперь со мной до конца моих дней. Видение исчезло, когда иглы дождя стали колоть мое лицо, как осколки стекла.

Два офицера полиции проводили меня в дом и оставались со мной, как баскетбольные защитники. Они внимательно смотрели на мои руки и держали свои руки рядом с моими, когда я упаковывала вещи. Это сбило меня с толку и напугало. Я чувствовала себя смущенной, когда рылась в ящиках с бельем и предметами гигиены. Спустя годы я говорила с одним из этих офицеров. Когда я рассказала, как нервничала, он объяснил, что такое пристальное наблюдение было нужно, чтобы защитить меня: они следили за мной, чтобы я не попыталась покончить с собой. Странным образом позднее я была тронута этим.

Я проговаривала все свои действия, собирая вещи, беззвучный монолог, чтобы сосредоточить свое рассеянное внимание. Необходимость действовать планомерно и организованно вернула меня к действительности: «Что-то, в чем можно спать. Ночную сорочку. Погода, кажется, меняется. Теплое пальто. Тебе понадобятся ботинки, если пойдет снег». Наш кот Рокки болел, и я вертела в руках его лекарства, осознавая, каким нелепым это кажется по сравнению с разыгравшейся трагедией. Беспокоясь, что два наших длиннохвостых попугая не переживут холодной ночи в машине, я сгребла самые толстые пляжные полотенца, чтобы завернуть клетку.

Я перерыла кладовку под лестницей в поисках старых нейлоновых спортивных сумок, которые мы использовали для упаковки багажа, но не смогла найти две из них. Месяцы спустя я узнала, что в них Дилан принес в школьную столовую взрывчатку.

Вместе с двумя офицерами, повсюду следующими за мной, я остановилась у двери своего гардероба. Понимание того, что мне придется выбрать одежду для похорон Дилана, ударило меня, как пинок по почкам. Я все еще надеялась, будто что-то спасет меня от правды. Сделав несколько глубоких вдохов, я повесила на одни «плечики» коричневую твидовую юбку, белую блузку и темный шерстяной блейзер.

Мы с Томом в исступлении нагружали машину.

Мы должны были уехать, но куда? Как мы могли принести все это в чей-то еще дом? Дорога вокруг нашего дома была забита фургонами, в которых сидели журналисты, а поклонники «туризма катастроф» пялились на нас из своих машин. Как только

мы проедем через полицейский кордон за нашими воротами, мы будем в их власти. К кому мы можем привести толпу репортеров и любопытствующих, что в лучшем случае станет неудобным вторжением в личную жизнь, а в худшем — прямой угрозой? Мы должны уехать, не зная, куда направляемся, да еще с целой кучей больных и встревоженных животных вдобавок. Нам нужна была помощь, но кто ее мог оказать?

Джуди предложила нам остановиться в ее доме. Радуясь, что у нас появился вариант, мы согласились, и она уехала, чтобы подготовиться к нашему прибытию.

Байрон захотел взять смену одежды в своей собственной квартире, но эта мысль привела меня в ужас. Мог ли он достаточно ясно мыслить, чтобы безопасно вести машину? Репортеры и фотографы окружили наш дом, их камеры и звукозаписывающее оборудование целилось на него с каждой подходящей точки. Будет ли такой же прием ждать Байрона в его квартире? По правде говоря, я просто не хотела выпускать его из вида. Я сдалась только после того, как Байрон напомнил мне, что в договоре об аренде жилья фигурирует только фамилия его соседа, и ему, скорее всего, удастся прихватить немного вещей, не привлекая ничьего внимания. Он заверил меня, что встретится с нами позже.

После того, как мы загрузили машину, появились наши соседи, которые несли завернутый в полотенце ростбиф — дар от еще одной соседки, возможно, ужин ее собственной семьи. Я плакала весь день, но эта неожиданная щедрость вызвала новый поток слез. Всего за несколько часов мы потеряли наше самоощущение как полноправных членов определенного сообщества и стали родителями преступника, человека, из-за которого разрушилось это сообщество. Когда я сжимала в руках теплую стеклянную миску, мне казалось особенно значительным, что люди все еще добры к нам.

Настало время ехать. Несколько соседей помогали нашему бегству: один открыл ворота в начале подъездной аллеи, а другой вывел свою машину в конец аллеи и проскользнул в середину дороги, закрывая путь любому, кто мог последовать за нами. Мы поехали за ним на трех машинах: в одной был Байрон, в другой — Элисон, а в последней — мы с Томом. Когда мы на полной скорости выехали из ворот и полетели во тьму по извилистой дороге, я дрожала от страха. Я боялась несчастного случая, взрыва, того, что последует дальше.

Когда мы с Томом наконец сбросили скорость, то обнаружили, что впервые с полудня остались наедине, бесцельно петляя по пригородам, что нам предстояло делать до половины

девятого, когда была назначена встреча с нашим адвокатом. Я не знала, как и когда Том сумел связаться с ним в этом хаосе, но они назначили свидание на парковке круглосуточного магазина неподалеку от нашего дома. Этот план настолько напоминал шпионские фильмы, что при других обстоятельствах я бы рассмеялась, услышав о нем. Я снова подумала: «Мы последние люди во всем этом мире». Но в нашем прежнем понимании себя невозможно было найти никакого успокоения. Что бы ни происходило, оно происходило именно с нами, и происходило потому, что Дилан сделал то, что сделал.

У нас все еще было мало фактической информации о том, что произошло в школе. Точно мы знали только то, что Дилана видели внутри здания вместе с Эриком во время стрельбы, в результате которой было много жертв, убитых и раненых, а также то, что следовали считали его причастным к преступлению. Я знала, что в этот день мой сын умер, но я не знала точно, что он сделал.

Медленно наматывая круги по темному пригороду, мы с Томом обнаружили, что оба передумали по поводу наших планов на сегодняшнюю ночь. Мы волновались, что тесная связь Джуди с жителями нашей округи будет означать, что мы слишком уж выставляем себя напоказ, остановившись у нее. Также я боялась, что из-за нас будет рисковать ее семья. Нам нужно было место, чтобы укрыться там и предаться горю. Более того, нам нужно было безопасное место, место, чтобы спрятаться.

Будучи родителями, партнерами по бизнесу и супругами, мы с Томом хорошо умели решать сложные организационные задачи, и мы положились на эти умения, пытаясь понять, как справиться с тем, что принесут следующие несколько часов, не говоря уж о следующих нескольких днях. Мы еще не были эмоционально вовлечены в оплакивание Дилана и не пытались понять, что привело его к такому ужасному преступлению, мы еще не вступили на тропу, которую нам не удастся пройти вместе так гладко.

В ту ночь все наше внимание было сосредоточено на самой основной из человеческих потребностей — потребности в убежище. Отели и мотели полностью отпадали, поскольку репортеры толпами съезжались в Денвер. Мы не могли назвать наши запомнившиеся фамилии на стойке регистрации и не могли воспользоваться кредитными картами. Мы не могли покинуть город. Даже если полиция позволила бы нам сделать это, что произошло бы с Диланом?

Вдруг мне в голову пришла мысль. Слишком погрузившись в свою собственную беду, мы едва ли думали о том, через что

должны были пройти наши друзья и родные, которые видели, как развивалась вся трагедия, но сводная сестра Тома Рут и ее муж Дон жили в тихом пригороде примерно в двадцати пяти минутах езды от эпицентра трагедии, и они не носили нашей фамилии. Если они согласятся принять нас, то в их доме нам будет хорошо.

Мы не часто виделись с Рут и Доном, хотя они всегда были открыты для нас. Когда мы только переехали в район Денвера, их помощь была просто бесценной. После рождения Дилана Рут единственная навещала меня в больнице, поскольку я едва ли знала в городе кого-то еще.

Рут и Дон были хорошими людьми. Когда дети были маленькими, мы прошли через длинный период болезней, в том числе ветрянку и тяжелый грипп, поражающий одного за другим в течение нескольких недель. В свой день рождения я была так больна, что не могла даже отозваться на звонок в дверь. Я стащила свое тело вниз по лестнице как раз вовремя, чтобы увидеть, как машина Рут въезжает на подъездную аллею. Она привезла целый ужин, приготовленный дома, и даже домашний шоколадный пирог со свечами.

Я была поражена, что мы не подумали о Доне и Рут раньше, и могла объяснить это только моей ослабленной способностью мыслить. Я набрала их номер на сотовом телефоне Тома, когда мы кружили по тихой улице. Дом, мимо которого мы проезжали, выглядел таким гостеприимным и уютным с освещенными окнами, и я могла представить себе детей, которые просят родителей помочь с домашним заданием после того, как суповые миски убраны со стола, и всю эту обычную повседневную суету внутри. Но я знала, что в этот вечер каждая семья в округе смотрит экстренные выпуски новостей о трагедии в школе Колумбайн Хай. В некоторых из этих домов, как и в нашем собственном, уже никогда ничего не будет обычным.

Когда Рут взяла трубку, я с облегчением услышала доброжелательность в ее голосе, и почти разрыдалась от благодарности, когда она сказала, что мы можем остановиться у них. Я позвонила Джуди, чтобы поблагодарить ее за приглашение, а Том позвонил в квартиру Байрона, чтобы дать ему знать об изменениях в наших планах. Годы спустя Байрон рассказал мне, что он ошибся, приняв голос отца за голос брата. На один радостный миг он подумал, что Дилан звонит ему, чтобы сказать, что он в порядке, а весь этот день был громадным недоразумением. Это был не первый и не последний раз, когда кто-то из нас поверил, что какая-то магия позволит нам стереть события того дня с листа реальности.

Но прежде чем мы могли укрыться у Дона и Рут, мы должны

были встретиться с нашим адвокатом. В половине девятого вечера мы въехали на парковку круглосуточного магазина и буквально через секунду на соседнее место въехала машина. Гари Лозов обернулся через плечо, чтобы убедиться, что никто не подглядывает, потом вышел из своей машины и подошел к нашей со стороны водительского сидения. Я перегнулась через Тома и протянула руку в окно, чтобы поприветствовать Гари, сжав его влажную руку в своей.

Мы открыли заднюю дверь машины, чтобы Гари мог укрыться от дождя. Он осторожно втиснулся на свободное место на заднем сидении, поставив ноги между кошачьим лотком и переноской. Одет Гари был в бежевое пальто, при этом одно его плечо упиралось в запотевшее окно машины, а другое — в закутанную полотенцами птичью клетку. Он попросил нас поехать куда-нибудь неподалеку, чтобы мы могли поговорить. Немного отъехав от магазина, Том припарковал машину, выключил зажигание, и мы оба повернулись на своих местах так, чтобы видеть лицо человека, который поможет нам пройти через трудные времена.

Поведение Гари мне понравилось. У него был не только огромный профессиональный опыт. В том, как он говорил с нами, было скрытое сочувствие. Он принес нам свои соболезнования как семье погибшего и обратил внимание на то, что нам нужно справиться с сокрушительной потерей. Затем он задал ряд наводящих вопросов о Дилане, нашей семье и нашей родительской роли. Как и ранее в этот день при разговорах с детективом, мы рассказали ему о нашем сыне все, что считали правдой.

Гари попытался выяснить, знали ли мы о планах Дилана. Выслушав наши ответы, он заявил, что «ни на йоту не сомневается», что мы ничего не знали. Я почувствовала огромное облегчение. Хотя для всего мира это не имело никакой разницы, я отчаянно хотела знать, что кто-то верит нам. Земля могла трястись и уходить у меня из-под ног, но тот факт, что мы не имели ни малейшего подозрения по поводу того, что собирался сделать Дилан, был единственной правдой, в которой я все еще была уверена.

Но лицо нашего адвоката было серьезно, когда он говорил:

— Ваш сын ответственен за то, что произошло, но он мертв. Вы самые близкие ему люди, которых окружающие могут захотеть призвать к ответу вместо Дилана, поэтому они будут преследовать вас. После похорон последней жертвы разразится взрыв ненависти, направленный против вашей семьи. Это будет очень трудное время. Вас будут обвинять, и вам придется отвечать, и в течение следующих недель вы должны серьезно

задуматься о своей безопасности.

Взрыв ненависти. В течение прошедших лет у меня были причины много раз вспоминать это выражение: оно оказалось чудовищно прозорливым, идеально описывающим то, что последовало далее.

Гари предложил нам шаги, которые следовало предпринять, чтобы обеспечить нашу защиту и неприкосновенность частной жизни, и сказал, что свяжется с властями по поводу получения тела Дилана. Я оценила, как четко он определил свои дальнейшие действия и что он точно сказал, когда снова будет говорить с нами. Потом мы отвезли его на стоянку к его машине. Остаток поездки мы молчали. Мы с Томом пытались осознать то, что говорил Гари.

Дон и Рут ждали нас. Они открыли дверь гаража, когда мы подъезжали, так что нашу машину нельзя было заметить с улицы. Я никогда не забуду этот луч света, медленно превращающийся в сияющий прямоугольник во тьме, и то, что наша парковка в гараже ощущалась как сюрреалистическое или фантастическое кино, как будто мы пристыковываемся к космическому кораблю. Я была не права: это не было фантастикой или сюрреализмом, это было нашей новой реальностью.

Том выключил зажигание, и какую-то секунду мы вдвоем сидели в тишине. Перед тем, как открыть дверцу машины, я сделала глубокий вдох. Меня огорчало, что мы причиняем такие неудобства семье Тома, и я боялась, что из-за нас у них могут быть проблемы, но главным моим чувством был стыд. Мне было трудно вылезти из машины.

Том остался сиротой, когда ему было двенадцать. Его вырастил сводный брат, а Рут была старше и к тому времени уже покинула дом. (Мы с Томом по возрасту были, скорее, ближе к детям Дона и Рут, чем к ним самим.) Хотя между нами была большая привязанность — я воспринимала их как тетю и дядю, — я чувствовала себя с ними немного скованно и всегда старалась показать себя с лучшей стороны.

Дон был сыном фермера, широкой натурой, из породы трудолюбивых парней со Среднего Запада, на которых держится Земля. Вы всегда надеетесь, что такой окажется среди ваших соседей. Рут славилась своей отзывчивостью. Оба они были мягкие, добрые, говорили тихо. У них было четверо прекрасных дочерей, каждая из которых по-своему добилась успеха. И вот я, тайком прокравшаяся в их дом под покровом темноты, мать преступника.

Дон и Рут тепло, но сдержанно поприветствовали нас и помогли нам разгрузить машину. Я была очень рада, когда через

несколько минут после нас приехал Байрон. Мы разбили наш лагерь в подвальном помещении. Размотав полотенца на клетке, я с облегчением увидела ярко-оранжевые перья и встревоженные глаза, разглядывающие новое окружение. Из-за аллергии Рут нам пришлось поместить наших кошек Рокки и Люси в прачечной, и они забились за сушилку, испугавшись незнакомого пространства. Я бы очень хотела сделать то же самое.

Когда мы поднялись к Дону и Рут наверх, я обнаружила, что пребывание внутри обычного дома напоминает ночной кошмар еще больше, чем отчаянное ожидание у наших собственных дверей. В те долгие часы на подъездной аллее мы были в подвешенном состоянии, мы были отрезаны от каких-либо новостей. Но Дон и Рут, как и все остальные люди в нашей стране (и, как мы обнаружили позднее, во всем мире) постоянно смотрели телевизионные репортажи о стрельбе.

Мы разом перешли от полного отсутствия информации к слишком большому ее количеству. С хаосом в моих мыслях и так трудно было справиться, но неожиданный поток информации и измышлений телеведущих был бесконечно хуже. Мы могли видеть ужасные последствия того, что натворил наш сын, видеть, как неуместно возник центр оказания помощи раненым на лужайке перед домом в пригороде. Мы могли слышать шок и ужас в голосах детей, выбегавших из школы, видеть зловещие выражения на лицах тех, кто первым вошел в здание школы. От ненормальности всего этого просто некуда было бежать.

Описания происшедшего очевидцами внушали такой ужас, что я, казалось, чувствовала, как они пульсируют у меня прямо в мозгу. Должно быть, именно тогда я в первый раз услышала рассказы жертв трагедии, хотя этого я совершенно не помню. Позже я узнала, что люди, переживающие очень сильное горе, обыкновенно поначалу демонстрируют такие реакции избегания. За прошедшие годы я говорила со многими, кто был озадачен и смущен этим, как и я, но, видимо, мозг воспринимает только то, с чем может справиться.

Стоя около нашего дома, отрезанные от новостей, мы еще могли держать трагедию как бы на расстоянии вытянутой руки. Внезапно она оказалась удушливо близко. Это словно разница между тем человеком, который видит огонь где-то вдалеке, и тем, который стоит по колено в тлеющих углях и которого обвивает огненный вихрь. Когда я начала стонать: «Господи, Господи, это не может быть правдой! Я не могу этого видеть!», Рут быстро сказала Дону выключить телевизор. Тишина была лучше, хотя отголоски тех ужасов, которые мы видели и слышали, все еще отскакивали от стен вокруг нас.

Около полуночи стало ясно, что нашим хозяевам пора ложиться спать. Весь день я хотела остаться наедине со своим горем, в тишине, чтобы сосредоточиться на непостижимой ситуации и потере сына. Но в тот момент я почувствовала ужас от того, что останусь одна с правдой, которую невозможно вымолвить.

Рут застелила свежие простыни на гостевые постели в подвале и оставила нас. Байрону пришлось спать на раскладной кровати в комнате нижнего этажа, расположенной прямо около свободной комнаты, где ночевали мы с Томом. Всю ночь я держала дверь открытой, чтобы видеть ногу Байрона под одеялом. Для меня жизненно важно было знать, что он там. Я проверяла эту ногу раз сто.

Когда дом погрузился в темноту, мы с Томом лежали рядом без сна, касаясь руками и плечами друг друга, чтобы хоть немного успокоиться. Мы потеряли нашего сына: Дилан был мертв. Мы не знали, где находится его тело и в каком оно состоянии. Мы не знали, покончил ли он с собой, или его убил полицейский, или же его собственный друг. Несмотря на ужасные вещи, которые мы слышали в новостях, мы все еще точно не знали, что же он сделал.

В ту первую ночь я была совершенно не способна принять мысль о том, что мой сын был вовлечен в чудовищное преступление, и я отказалась от нее. Вместо этого я придумала миллион альтернативных объяснений. Я не могла понять, как Дилан сумел заполучить оружие или зачем оно вообще ему понадобилось. Вместо этого меня мучили миллион других возможных вопросов. Был ли он обманом вовлечен в события, считая, что все снаряжение ненастоящее? Был ли это глупый розыгрыш, который плохо закончился? Может быть, его заставили участвовать под каким-либо давлением? Я говорила себе, что даже если мой сын и был частью того, что произошло, он необязательно застрелил кого-то. Мы с Томом всем сердцем верили, что Дилан не мог никого убить, и мы цеплялись за эту веру не просто часы или дни, а многие месяцы.

В долгие часы той ночи и в последующие дни мой разум только от случая к случаю посещала мысль о том, что были люди, пострадавшие от руки Дилана, но эта нестерпимая мысль ускользала так же быстро, как появлялась. Мне даже сейчас стыдно признаваться в этом. В то время я просто чувствовала себя как сумасшедшая. По многим признакам я ею и была.

После того, как Том заснул беспокойным сном, я укрыла голову подушкой, чтобы заглушить свои рыдания. В первый раз я полностью осознала, как появилось выражение «разбитое сердце»

для описания страшного, громадного горя. Боль была настоящей, физической, как будто мое сердце действительно разбилось на неровные осколки у меня в груди. «Разбитое сердце» не было больше метафорой, а стало просто описанием.

Я не спала, и, пока я лежала, мои хаотичные мысли двигались по кругу, как это было весь день. Я сказала детективу, что в прошлые выходные Дилан с большой компанией своих друзей был на выпускном балу, и я все время возвращалась к воспоминаниям о той ночи и следующем дне. Я встала с постели, чтобы проверить сына, когда он рано утром вернулся домой после выпускного. Он великолепно провел время и поблагодарил меня за то, что я купила ему билет. Он танцевал! Не первый раз в жизни, что навело меня на размышления о том, что наш младший сын, казалось, всегда все делал правильно. «Я хорошо поработала с этим ребенком», — думала я про себя, возвращаясь в свою спальню той ночью. А каких-то семьдесят два часа спустя я, вся застыв, лежала в чужой кровати, и это чувство теплого удовлетворения сменилось смятением, нарастающим ужасом и скорбью. Совместить две эти реальности было невозможно.

За день до выпускного бала Дилан, сидя плечом к плечу с отцом, разглядывал поэтажные планы различных комнат в общежитии, сравнивая площади для разных вариантов. Имея рост шесть футов и четыре дюйма (и как человек, который никогда ни с кем не делил спальню), Дилан хотел удостовериться, что ему достанется такое большое помещение, какое только возможно. Тогда я смеялась, глядя на этих двоих, записывающих получившиеся суммы на оберточной бумаге. Это был количественный анализ, и это было так в духе Дилана — выбирать комнату в общежитии в колледже, используя математику.

Эти воспоминания были такими свежими, что все еще оставались живыми, и возвращение к ним привело меня в еще большее замешательство. Было ли это поведением человека, который готовится убить других и себя?

Это начало иметь смысл только тогда, когда я стала больше узнавать о людях, планирующих покончить с собой. Они часто строят вполне конкретные планы на будущее. Пережившие такой опыт члены семьи часто указывают на недавно купленные машины или заказанные круизы. Беседы с людьми, которые сами пережили попытку суицида, помогли ученым пролить свет на эту тайну. В некоторых случаях эти планы на будущее — это способ отвлечь озабоченных членов семьи и друзей от признаков суицидального поведения. Если вы волнуетесь о том, что близкий вам человек намеревается нанести себе вред, не ослабнут ли

ваши подозрения, если он закажет круиз?

В других случаях такие планы являются просто знаком или симптомом по-настоящему изломанной логики, царящей в сознании самоубийцы. Они могут сигнализировать о двойственности, которую ощущает человек: желание жить в нем временами столь же сильно, как желание умереть. Человек, который намеревается нанести себе вред, может верить одновременно в обе реальности: и что отправится в отпуск на Карибские острова, и что покончит с собой до того, как ему предоставится шанс сделать это.

Тогда я ничего об этом не знала, и поэтому мысль о том, что Дилан горячо строил планы своей будущей жизни в колледже, одновременно планируя беспорядки с применением оружия, закончившиеся его собственной смертью, казалась абсурдной. И, таким образом, становилось еще более очевидно, что он не собирался принимать в этих событиях участия.

В последующие месяцы и годы мне много раз приходилось сталкиваться с тем, чего я не знала о своем сыне. Этот ящик Пандоры никогда не опустеет; я проведу остаток жизни, сопоставляя ребенка, которого я знала, с тем, что он сделал. Та ночь была последней, когда я могла удержать Дилана в своем сознании таким, каким я видела его при жизни: любящим сыном, братом и другом.

Так и прошла ночь. Когда серо-голубой рассвет, в конце концов, заглянул в подвальные окна, я все еще задавала — вначале Дилану, а потом и Богу — вопрос, который будет мучить и ошеломлять меня, который будет со мной до конца моей жизни: «Как ты мог? Как ты мог это сделать?»

Глава 3. Чья-то еще жизнь

Вчера в мою жизнь вошел самый страшный ночной кошмар, который только можно себе представить. Я даже не могу писать.

Запись в дневнике, 21 апреля 1999 года

На следующее утро у меня было ощущение, что меня без предупреждения перебросили в чью-то еще жизнь.

Всего месяц назад в наш город приехала моя старая подруга. Во время совместного обеда я сказала ей, что никогда не была более довольна жизнью, чем сейчас. Мне недавно минуло пятьдесят. У меня был любящий муж и брак, который выдержал двадцать восемь лет взлетов и падений. Байрон полностью содержал себя и снимал квартиру на двоих с другом. Все проблемы Дилана из-за эпизода, произошедшего в прошлом году, остались в прошлом, он проделал большую работу, чтобы вернуться на правильный путь. Сын уже вышел на финишную прямую перед окончанием школы и проводил время, встречаясь с друзьями и строя планы по поводу колледжа. У меня даже было немного свободного времени для рисования. Я сказала подруге, что самой большой заботой в моей жизни было ухудшающееся здоровье нашего пожилого кота Рокки.

20 апреля 1999 года я проснулась обыкновенной женой и матерью, счастливо ведущей свое семейство через повседневные заботы: работу, школу и домашние дела. Пролетело каких-то двадцать четыре часа, и я стала матерью всеми ненавидимого сумасшедшего стрелка, ответственного за самую страшную стрельбу в школе в истории. А Дилан, мой золотой мальчик, не только умер, но и стал массовым убийцей.

Этот разрыв был так огромен, что я никак не могла вместить его в голову. На протяжении той первой ночи в подвальной гостевой комнате дома Дона и Рут я смогла принять то, что Дилан умер, но мы с Томом все еще полностью отрицали, что он мог убивать других людей.

Больше всего из этих первых дней после Колумбайн вспоминается то, как мы могли такими странными и глупыми способами держаться за нереальность, укрывающую нас от правды, которую мы не могли принять. Но эти искажения не

могли нас долго защищать от гнева окружающих или от становящейся все более явной правды о нашем сыне.

Дон и Рут были очень добры и щедры к нам, но они, как и абсолютно любой человек на их месте, оказались абсолютно беспомощны перед лицом нашего замешательства и горя.

Я едва могла говорить. Когда я открывала рот, чтобы что-нибудь сказать, чаще всего я сбивалась на половине мысли. Сама идея что-либо съесть была немыслимой: вилка в моей руке выглядела как некий чужеродный инструмент, а один только запах вкуснейшей стряпни Рут заставлял желудок переворачиваться.

Я была обессилена как никогда в жизни, с трудом продираясь сквозь часы, как сквозь жидкий цемент. Я смутно помню, как обеспокоенная Рут укрывает меня, без движения лежащую на ее кушетке, пледом. Сон давал только временное облегчение: в ту секунду, когда я просыпалась, меня снова сокрушала ненормальность того, что сделал Дилан, и бесчеловечность его поступка. Можно сказать, что в то время я вела себя как зомби. Это избитое выражение, но оно наиболее близко описывает то, как я ощущала себя в эти первые дни.

При нормальных обстоятельствах — если обстоятельства, связанные со смертью ребенка вообще можно назвать нормальными — мы бы позвонили родным и друзьям, чтобы сообщить эту ужасную новость. Они бы собрались, чтобы скорбеть вместе с нами и чтобы поддержать нас. Мы были бы заняты подготовкой дома для посетителей, а друзья приходили бы, принося рассказы, стихотворения и фотографии в память о Дилане. Эти механизмы приспособления перед лицом горя прошли проверку временем и являются общими для многих культур, потому что они эффективны. Они дают семьям успокоение в то время, когда очень немногое может его дать. Для нас в дни после смерти Дилана в жизни не было даже тени нормального.

Почти все, кто знал нас, узнал и о причастности нашего сына к трагедии в Колумбайн не позднее, чем через несколько часов после того, как она произошла, но никто не мог связаться с нами, потому что нам пришлось скрываться, чтобы защищать свои жизни. Перепуганные родственники и друзья, которые звонили нам домой, не получали никакого ответа или обнаруживали, что разговаривают с сотрудниками правоохранительных органов, все еще обыскивавших наш дом.

Разумеется, никто из наших родных или близких друзей, живущих в других штатах, не мог приехать в Литтлтон, чтобы

быть с нами. Даже если бы нам было где их принять, мы не могли обеспечить их безопасность. Прячась в доме Дона и Рут, мы были обособлены от пугающей ситуации, сложившейся вокруг нас. Мы по-настоящему не знали, какой опасности подвергаемся, пока я не прочитала об одном из давно забытых кузенов Тома в газете: ему пришлось публично заявить, что он никогда не встречался с Диланом, и умолять людей прекратить присылать ему письма с угрозами. За первые сорок восемь часов после стрельбы наши родные получили более двух тысяч телефонных звонков от журналистов и простых граждан. Конечно, не все они были угрожающими — даже сразу после трагедии люди пытались оказать поддержку, — но такое их количество было невыносимым. Один местный репортер попытался подобраться к моей восьмидесятипятилетней тете в Огайо. (Она гордилась, что устояла перед ним, попросив его уйти, хотя и снабдила на дорожку свежеиспеченным домашним печеньем.)

Я не могла без всякого зазрения совести приглашать людей, которых люблю, в место, где горе жителей нашего города соединялось с яростью, направленной против нашей семьи. Выбрав изоляцию, мы выбрали безопасность. Нам пришлось отрезать себя от тепла других людей, которые тоже любили Дилана.

Согласно отчетам полиции, которые были опубликованы много месяцев спустя, нас официально уведомили о смерти Дилана на следующий день после бойни. Я этого не помню. Не помнит и Том. Я помню, как узнала, что тело нашего сына было перевезено в морг для вскрытия. Эта новость дала такое прочное, весомое подтверждение факту смерти Дилана, какого до нее мы не имели. Мысль о том, что он лежит там совсем один, на жестком холодном столе, была непереносима. Я была с ним во время всех походов к педиатру, держала его за руку на каждой прививке, я никогда не оставляла его во время приемов у стоматолога. Я жаждала пойти в морг и быть с ним, просто чтобы он не оставался один.

В то же время мы с Томом возлагали на вскрытие надежду, молясь, чтобы пробы вернулись с положительным результатом на наркотики. По крайней мере, наркотическая зависимость могла дать нам возможность объяснить, почему Дилан был вовлечен в эти ужасные события.

Казалось, будто смерть окружает нас и угрожает со всех сторон. Том начал говорить, что не представляет, как сможет жить без Дилана, без своего малыша. Это мрачное заявление было одной из немногих вещей, которые могли вывести меня из моего почти кататонического состояния: как я переживу, если Том тоже

покончит с собой? После того, что случилось с Диланом, я не могла больше верить, что понимаю эмоциональное состояние членов нашей семьи. Насколько я знала, Том и Байрон активно планировали свою смерть. Эта мысль приводила меня в отчаяние.

Также нормальным для меня было до крайности беспокоиться о Байроне, даже если он был слегка нездоров. Как только он исчезал из поля моего зрения, я чувствовала патологический страх и опустошенность. Я никак не могла перестать бояться, что с ним случится что-нибудь страшное или что, не выдержав гнета отчаяния от того, что сделал Дилан, он задумает сделать что-нибудь ужасное с собой. Эта связь между нами только усиливалась в течение нескольких месяцев, чтобы потом исчезнуть.

В жизни Байрона практически не было потерь. Только один раз ему пришлось присутствовать на похоронах тренера Малой бейсбольной лиги, который неожиданно скончался от инфаркта. Мы с Томом оба похоронили родителей и других родственников и знали, что Байрон совершенно не готов к тому, что принесут с собой следующие несколько дней. С другой стороны, как мы могли его к этому подготовить? Первый настоящий опыт потери для Байрона был такой огромной и непостижимой катастрофой, что всем нам пришлось провести остаток своих жизней в попытках понять ее.

В доме Дона и Рут я не могла смотреть телевизор или читать газеты, но временами я натыкалась на осколки информации, как будто человек, выбирающийся из бомбоубежища, чтобы увидеть ужасные разрушения снаружи. Я не могла полностью избежать того, о чем кричал каждый заголовок на первых страницах всех газет в мире: «УЖАС В ЛИТТЛТОНЕ. Два мальчика, которых считают стрелками, Эрик Харрис и Дилан Клиболд, были учениками школы Колумбайн Хай…»

Я стала зацикливаться на фотографии, которая появлялась снова и снова. Это была самая ужасная из школьных фотографий Дилана, такая неприятная, что когда он принес ее домой, я срочно отправила его фотографироваться снова. На ней он выглядел как мальчик, которого и учителя, и ученики постоянно стараются подколоть, — такой тип, от которого вы подальше отодвигаете свой поднос в столовой. Он вовсе не походил на *него.* Даже в своем полубезумном состоянии в первые дни после трагедии я осознавала, насколько глупо огорчаться из-за того, что средства массовой информации используют неподходящую фотографию Дилана, а не показывают его симпатичным молодым человеком, каким он был на самом деле. Мой сын считался убийцей, а я сидела и возмущалась из-за плохой фотографии. Это

показательный пример того, какие трюки использует мозг, когда мы пытаемся справиться с нестерпимыми для нас эмоциями. Как бы абсурдно это ни было, я хотела, чтобы Дилана показывали таким, каким я его помнила.

На каждом канале давали яркие описания кровавой бойни и ужасных вещей, которые Эрик и Дилан говорили и делали. Были подробные описания оружия, которое было у мальчиков, и одежды, в которую они были одеты. Приводили схемы их движения по школе. При отсутствии точной информации шли бесконечные рассуждения о мотивах их действий.

Теории имелись в большом количестве, некоторые противоречили друг другу, и каждая озадачивала еще сильнее, чем предыдущая. В газетах писали, что Дилан и Эрик были готами. Они были приверженцами культа смерти. Они были членами школьной антиобщественной группировки, которая называлась «Тренчкот мафия». Они были испорченными, чрезмерно увлекающимися паршивцами, которые никогда не понимали разницы между плохим и хорошим. Они были геями. Над ними издевались в школе. Они сами над всеми издевались. Нападение хладнокровно планировалось в течение долгого времени. Напротив, оно не было подготовлено: парни приняли неожиданное решение.

За прошедшие годы очень много было написано по поводу освещения бойни в Колумбайн в средствах массовой информации — в частности, о том, как быстро ошибочная информация о мальчиках превратилась в общепризнанную истину.

Мне весь этот поток измышлений напоминал калейдоскоп. Я жаждала пролить свет на случившееся как никто другой; у меня больше не было идеи, в которую я могла бы верить. Как только новый фрагмент информации падал на свое место — причем каждый из них был еще отвратительнее, чем предыдущий, — в фокусе возникал новый портрет моего сына. Неизбежно это был портрет человека, которого я не узнавала. Когда один из кусочков этого портрета исчезал или оказывался ложью, вся конструкция снова менялась, и вместе с ней у меня земля уходила из-под ног. Для всего остального мира эти мелькания калейдоскопа, возможно, выглядели так, как буд-то следователи и пресса все ближе и ближе к правдоподобному объяснению того, почему и как произошла трагедия. Но каждое из этих объяснений все дальше и дальше отодвигало меня от того мальчика, которого я знала.

Вначале меня коробило от освещения событий в Колумбайн в средствах массовой информации, потому что оно было очень неточным или сообщало о моем сыне такие вещи, которые я не

могла принять. Теперь меня коробит от него, поскольку как деятель движения против жестокости и консультант в области психического здоровья я понимаю, как чудовищно безответственны были большинство из репортеров. Сейчас мы знаем, что освещение трагедии в средствах массовой информации с обилием излишних деталей — например, с превращением в фетиш одежды убийц или предоставлением подробных схем того, как они двигались во время совершения преступления, — вдохновляет на подражания и дает будущим правонарушителям наметки для разработки своих собственных планов.

Тем не менее, в то время противоречивые сообщения и неточности поддерживали огонь моей отчаянной надежды на то, что все это было ужасным недоразумением. Если тот или иной факт оказались ложными, тогда, возможно, это все — ложь. Как я очень хорошо поняла в последующие недели, месяцы и годы, разум использует такие трюки, чтобы выдержать при сильном напряжении. Обычно крайне разумная, я проводила те первые дни, цепляясь за любую ниточку надежды, которую я могла подобрать или создать, и не важно, какой нерациональной или надуманной она была.

Первой и наиболее распространенной ошибкой была характеристика мальчиков как «изгоев». Это сильно удивило меня, хотя и не должно было: как мне пришлось узнать позднее, это наиболее распространенное (и даже наиболее часто описываемое) ошибочное представление о массовых убийцах.

Дилан действительно всегда был сдержанным и застенчивым, он никогда не любил быть в центре внимания или каким-либо образом выделяться из толпы. Он на самом деле стал более замкнутым, вступив в пору юности, хотя никогда не был затравленным, антисоциальным типом, у которого не было друзей, как его представляли в средствах массовой информации. Всю свою жизнь Дилан умел быстро приобретать хороших, близких друзей, как девочек, так и мальчиков, и поддерживать с ними отношения. За годы его учебы в старшей школе наш телефон разрывался от предложений пойти в боулинг, в кино или сыграть в «воображаемый бейсбол»[8]. Тут же мой мозг начинал приводить аргументы: если средства массовой информации могут ошибаться по поводу социального статуса Дилана, то есть возможность, что и все остальное неправда. То есть репортеры и полиция все перепутали, и Дилан был жертвой, а не преступником.

Также сообщали, что Эрик был единственным другом Дилана, что было не совсем правдой. Мы откровенно не поощряли отношения между ними с тех пор, как мальчики вместе попали в

неприятности. Мы с Томом были рады, когда заметили, что Дилан держится от Эрика на расстоянии. Ко времени их смерти я бы определенно назвала лучшим другом Дилана Ната.

Подобным образом средства массовой информации характеризовали Дилана и Эрика как человеконенавистников, носящих свастику. Это странным образом подняло мой дух: не было просто никакого шанса, чтобы эта часть сообщений была правдой. Я выросла в семье евреев, и наша собственная семья только две недели назад отмечала праздник Песах. Как самый младший Дилан читал на празднике Четыре Фразы. Я работала учителем и адвокатом для людей с ограниченными возможностями, и мы с Томом всю жизнь были сторонниками толерантности и сотрудничества. Никто из нас никогда бы не потерпел никаких человеконенавистнических высказываний или антисемитских образов у нас в доме или на одежде Дилана.

И я снова, схожим образом, навязчиво сосредотачивалась на противоречиях и меняющихся цифрах — сколько раненых, сколько убитых. Если власти до сих пор не уверены в количестве жертв, что еще может быть неверно? Я была настолько скована этими деталями, что еще не перевела — я просто не могла — эти цифры в то, что они значили на самом деле: дети и учитель, которые были жестоко убиты и навсегда отняты у своих семей, навсегда лишены будущего. Я хотела, чтобы число погибших и раненых было меньше, как будто благодаря этому действия Дилана были менее ужасными. Я надеюсь, что не оскорблю память тех, кто погиб, или тех, кто остался в живых, но был ранен или получил травмы в тот день, или их семьи, сказав об этом правдиво. Должны были пройти еще многие недели до того момента, когда пелена спала, и я начала оплакивать жертв Дилана. Мы все в первую очередь скорбим о тех, кого мы любим, а Дилан был моим сыном. И я все еще не верила, что он на самом деле мог кого-то убить.

Возможно, я и стремилась избежать полной правды о том, насколько Дилан был вовлечен в трагические события, но полное отрицание, охватившее меня в эти первые дни, не было продолжительным. Величина и жестокость трагедии обрушивались на меня с каждым заголовком в газетах и с каждым звонком нашего адвоката, и снова и снова потрясали меня. Вдобавок к пятнадцати погибшим двадцать четыре пострадавших находились в местных больницах. Сведения о состоянии тяжело раненых детей постоянно обновлялись. Если они выживут, то из-за нанесенных увечий, скорее всего, навсегда останутся инвалидами. Я провела большую часть жизни, работая со студентами с ограниченными возможностями, поэтому очень

хорошо понимала, что это означает.

Мой разум пошатнулся. Как это могло быть, что нет никакого способа нажать кнопку перезагрузки, прожить последние недели жизни Дилана снова и изменить конец его жизни, сделать так, чтобы ничего не произошло? Мне до слез было жаль других родителей, оплакивающих своих детей и молящихся около больничных кроватей, и приходилось постоянно напоминать себе, что нет никакого магического заклинания, которое могло бы повернуть время вспять. Я не только не могла ничего сделать, чтобы остановить это, но и теперь, когда все уже произошло, не было абсолютно ничего, что бы я могла сделать, чтобы исправить ситуацию.

Все, чего я хотела, — это вернуть своего сына и получить хотя бы еще один шанс остановить его, пока он не совершит свое ужасное последнее деяние. Мои мысли все время бежали по кругу, всегда начинаясь и заканчиваясь в одном и том же месте: «Как он мог это сделать? Как он мог это сделать?» Мы оказались лицом к лицу с катастрофой, в которой был виновен Дилан, и не было ни одного человека, который мог бы пролить свет ни на то, что произошло, ни на причины произошедшего.

Хотя на свете и нет более гостеприимных людей, чем Дон и Рут, они постепенно стали выглядеть такими же утомленными, как Том, Байрон и я. Желание передохну́ть от гостей вполне естественно, даже если они очаровательные и приятные, а мы едва ли были такими, хотя изо всех сил и старались не мешаться и свести к минимуму тяжесть нашего замешательства и горя. Я знала, что Дону хотелось посмотреть выпуски новостей, посвященные трагедии, также я знала, что не смогу этого слышать, поэтому я все больше и больше времени проводила в подвале. Годы спустя Байрон признался, что прятался за кустарником около дома, чтобы поплакать в одиночестве.

Прошлым вечером, во время встречи с нашим новым поверенным на парковке круглосуточного магазина, мы назначили встречу на следующий день: он хотел, чтобы мы приехали в его офис и познакомились с сотрудниками. Наши соседи и близкие друзья Пегги и Джордж просили нас приехать к ним после встречи с адвокатом. Я сказала, что мы приедем, после того, как я постригу волосы.

Предоставленная сама себе, я носила мужскую фланелевую рубашку и джинсы и могла по пальцам одной руки пересчитать свои посещения маникюрного салона. Тем не менее, ранее в повседневной жизни на работе я поняла, что, если у меня хорошая стрижка, которую я регулярно поправляю в парикмахерской, то я выгляжу аккуратно и профессионально без

всяких укладок — на самом деле, очень часто даже не прикоснувшись к расческе по утрам. Поэтому каждый месяц я планировала стрижку и окраску волос. Я воспринимала это как необходимую гигиеническую процедуру, как душ или чистку зубов. В том месяце посещение парикмахерской выпало на день после Колумбайн.

Я решила поехать туда. Я не думала, как это будет выглядеть для всех окружающих, я вообще ни о чем не думала. Стрижка — это было последнее, чего мне хотелось в этом мире, но в тот момент чашка хлопьев, которую Рут заставила меня съесть, прямо-таки застряла у меня в горле. Я решила, что если поеду в парикмахерскую, то на некоторое время выберусь из дома Дона и Рут, дав им чуточку побыть вдвоем и отдохнуть от нас. К тому же от меня ничего не требовалось, кроме как сидеть в кресле. Я не на многое была способна, но думала, что уж с этим-то справлюсь.

Куда важнее было то, что после стрижки я буду выглядеть достойно. Я выросла с мыслью о том, что приличный вид — это способ выказать уважение. Возможно, мне было бы удобнее в джинсах и старой футболке, но в театр я наряжаюсь в знак уважения к актерам. Я и не думала о том, чтобы надеть спортивные брюки в церковь. В ближайшие дни должны были состояться похороны Дилана, а я не хотела выглядеть как огородное пугало, когда буду прощаться со своим сыном.

Том отвез нас в контору Гари Лозова, где мы встретились с его командой. Так вышло, что мы оказались за столом, заполненном юристами, даже раньше, чем сделали приготовления к похоронам своего сына. Вспоминая об этом сейчас, я понимаю, что мы могли отказаться обсуждать правовые вопросы до похорон, но мы были оглушены своей беспомощностью. Это сближение юридических и личных дел станет образом нашей жизни после Колумбайн, и мы будем с кем-то о чем-то договариваться многие годы. Необходимость заниматься юридическими вопросами тенью легла на наше горе — навсегда. К счастью, мы нашли этичного и сочувствующего нам адвоката, который принял наши интересы близко к сердцу.

Во время встречи Гари кратко изложил правовые аспекты нашей ситуации: судебных исков пока подано не было, но они были неминуемы. Я сидела, оцепенев, пока юристы разговаривали через мою голову. Все еще в шоке, я едва могла понимать, о чем говорится, и просто не могла заставить себя о чем-то беспокоиться. Они вели себя так, как будто на кону стояло мое будущее, но, с моей точки зрения, у меня не было будущего. Моя жизнь закончилась.

Покидая встречу, я спросила Гари о моей записи в

парикмахерскую. Подсознательно я уже начала просить его об участии в самых незначительных решениях, осознавая, что я и понятия не имею, как следует себя вести и как поступать. Я все еще была в состоянии зомби. Он мягко сказал мне:

— Я думаю, вы должны делать то, что обычно делаете. Это должно помочь.

Поэтому я позвонила своему парикмахеру и попросила перенести мое время на вечер, чтобы я могла прийти, когда уйдут все остальные клиенты. Она согласилась.

Поздно вечером Том отвез меня в салон и отправился к нашим друзьям, чтобы подождать меня. Парикмахер была очень радушна, но явно чувствовала себя неуютно. Мы не очень хорошо знали друг друга. Это была моя первая попытка выглядеть и вести себя обычно с кем-то, кроме близких родственников и друзей, и я тут же поняла, что она безнадежно провалилась. Я думала, что стрижка волос потребует от меня совсем немногого, но даже эта простейшая социальная активность была сверх того, что я могла вынести. Мне хотелось, чтобы бедная женщина чувствовала себя непринужденно, но я понимала, что она больше никогда не сможет смотреть на меня как на обычное человеческое существо после того, что сделал Дилан.

Темнота за большими витринными окнами первого этажа заставляла чувствовать себя так, как будто меня выставили напоказ. Я с трудом смогла заставить себя посмотреть в глаза тому потрепанному, затравленному существу, которое я видела в зеркале. Парикмахер нервно болтала, а я пялилась на освещенные флуоресцентными лампами витрины магазинов. В разговоре она упомянула, что мать одной из жертв приходила в салон сегодня днем.

Это повергло меня в ступор. Возможно, я сижу в том же кресле, где сидела та, другая мать, а возможно — и под тем же самым пластиковым колпаком. Мысль о том, что мы обе пришли на эту дежурную стрижку, чтобы подготовиться к похоронам наших детей, тронула и ужаснула меня одновременно. На долю секунды я почувствовала, что мы вместе, что я принадлежу к тем людям, которые скорбят.

Но затем горе, которое мой собственный сын причинил этой, другой, матери, стало невыносимым. Я хотела почувствовать себя ближе к ней, и я почувствовала, но я была последним человеком на Земле, которому она позволила бы сказать ей слова соболезнования, и одиночество, скорбь и вина очень быстро пришли на смену этому ощущению единения, и я почувствовала себя опустошенной.

Я почти расплакалась от признательности, когда появились

моя подруга Пегги и ее дочка Дженни — вот сюрприз! Они оставили Тома с мужем Пегги Джорджем, чтобы мужчины могли поговорить. Было унизительно, что меня видят в таком жалком положении, с мокрыми волосами, прилипшими к лицу, осевшую в кресле, слишком слабую, чтобы усидеть ровно. Мои друзья могли понять, как тяжело мне приходится трудиться, чтобы держаться и не раскисать. И они обе протянули мне руки и подхватили с моей стороны разговор с парикмахером, пока я не слишком успешно боролась с подступающими слезами.

В конце концов я выбралась из кресла с немного влажными волосами, как всегда делала. Когда я пошла расплачиваться, вспомнила, что мой запас наличных ограничен: Брауны одолжили нам немного денег, чтобы мы могли прогуляться по магазинам и не выдавать свою личность, используя чеки или кредитные карты, но мне не хотелось их тратить, пока не узнаю, когда мы сможем попасть в банк. Поэтому я спросила парикмахера, не позволит ли она мне прислать чек по почте вместо того, чтобы расплатиться наличными, как я делала всегда.

Последовавшая в ответ тишина испугала меня. Я почувствовала недоверие в ее колебаниях. Затем она собрала всю свою смелость и объяснила, что политика салона требует оплаты сразу после обслуживания. Стыд сжал мое горло, когда я, путаясь в банкнотах, расплатилась с ней. Я больше не была тем человеком, которого она знала до трагедии, я теперь была матерью преступника. То, что сделал Дилан, изменило меня как в глазах других людей, так и в моих собственных.

Все еще озабоченная уменьшением моих денежных запасов, я была застигнута врасплох парикмахером, которая спросила, можно ли говорить людям, что она меня видела. Я снова вспомнила ту, другую мать, сидящую в кресле салона, и быстро ускользнувший момент единения с ней, которое я почувствовала через ритуал дежурной стрижки, которую сделали мы обе. Сглупив, я сказала парикмахеру, что о моем визите в салон можно говорить. Возможно, она сможет создать связь между мной и обществом, разорванным на части поступком моего сына.

Это были только первые дни, и до меня просто не дошло, что она будет говорить с прессой. Тем же вечером она дала интервью. Это был великодушный поступок, попытка помочь нам: она описала мой ужас и горе, то, как я настаивала на том, что мы ничего не знали о планах нашего сына. Но вся история приобрела популярность, и я вдруг стала Марией-Антуанеттой, застигнутой за потаканием своим желаниям в то время, как родители оплакивают детей, погибших в школе. Этот рассказ привлек внимание всей страны, и я получала полные ненависти письма

даже из Техаса.

Средства массовой информации по-прежнему поддерживают версию о том, что Дилан был эгоистичным ребенком, воспитанным нерадивыми, занимающимися только собой родителями. Выпуски новостей многократно повторяли, что Дилан ездил на БМВ, ни разу не упомянув, что Том купил этот автомобиль за четыре сотни долларов, разбитый и практически непригодный для езды, и что они с Диланом чинили его вместе. Снимки нашего дома, сделанные с воздуха, показывали наше жилище как огромное личное имение, но никто не упоминал, что дом был построен неким мастером на все руки, в нем были мыши, и мы купили его за бесценок из-за запущенного состояния.

Эти и другие ложные представления беспокоили меня. Том был сильнее поглощен своей скорбью о Дилане, своем любимом сыне и близком товарище. Они проводили вместе многие часы, споря о бейсбольном счете, ремонтируя машины, сооружая динамики и играя в шахматы. Сердце Тома было разбито тем, что Дилан даже не попрощался. Одно дело, что наш сын совершил свое ужасающее преступление, а другое — то, что он сделал это без каких-либо объяснений. Разница, незначительная сама по себе, стала чем-то значимым.

Я сама сосредоточилась на реакции общественности вокруг нас. Как и многие женщины, я была с детства приучена думать прежде всего о других и заботиться о том, чтобы обо мне все хорошо отзывались. Я испытывала удовлетворение и гордость от того, что была активным и уважаемым членом общества, от того, что меня считали хорошей матерью. Нахлынувшее осуждение было мучительным.

В средствах массовой информации самый мягкий портрет нас как родителей изображал людей, не имеющих связи со своим сыном, бесполезных, неумелых и слепо не замечающих ничего вокруг. Согласно другим источникам мы сознательно покрывали оголтелого расиста и закрывали глаза на арсенал, который он хранил под нашей крышей, таким образом, подвергая всех окружающих опасности.

Я прекрасно понимала, почему люди обвиняли нас. Я бы, конечно, была зла без всякой меры на родителей *такого ребенка,* если бы все пошло по-другому. Я бы ненавидела их. Конечно, я бы обвиняла их. Но я также знала, что ни одна из этих карикатур на нас не была истиной, и что истина гораздо более неприятна.

Двадцать второго апреля, через два дня после стрельбы, мы узнали от нашего адвоката, что смерть Дилана была классифицирована как самоубийство. Коронер был готов выдать

нам тело.

После этого объявления нам на головы свалилась новая ужасающая проблема: что мы будем делать с телом? Мы рассудили, что нас моментально выставят из любого похоронного зала в Литтлтоне. Даже если они нам не откажут, просто тошнотворно было представлять, что мы можем усугубить горе семей жертв или вмешаться в их церемонии. Я понятия не имела, что делать.

Много лет назад я работала в комитете, наблюдающем за научной разработкой, связанной с похоронами, которая проходила в местном колледже и давала возможность привлечения студентов с ограниченными возможностями. Я тесно сотрудничала с главой этой программы. Хотя мы долгие годы не общались, но, отчаявшись и не зная куда еще обратиться, я решилась попросить ее о помощи.

Когда я позвонила по телефону, голос Марты был теплым и полным заботы. Она сказала, что как раз думала обо мне и волновалась, не может ли она мне как-то помочь, но не знала, как со мной связаться. Как только мы повесили трубки, она немедленно заключила для нас договор с директором самого респектабельного похоронного зала в Денвере. В течение нескольких последующих дней Марта и Джон были необычайно великодушны и сострадательны по отношению к нам.

Вначале мы с Томом не хотели устраивать какой-либо погребальной церемонии для Дилана. Это казалось просто неуважением по отношению к его жертвам. Тем не менее, я до конца дней своих буду благодарна Марте и Джону за то, что они убедили нас изменить свое решение. Они пообещали, что это будет частная церемония, закрытая и от средств массовой информации, и от наших разъяренных сограждан. Вместе мы распланировали простую службу, на которую были приглашены только несколько друзей и родственников. Конечно, там были Байрон, Рут и Дон, а также родители двух лучших друзей Дилана, Ната и Зака. Священник из церкви, которую мы посещали, когда Дилан и Байрон были маленькими, согласился провести для нас эту церемонию.

Мы с Томом понимали, что для нас единственным вариантом была кремация. Вероятность того, что над могилой надругаются, была слишком велика, и, возможно, мы не сможем оставаться в этом районе страны. Если мы похороним тело Дилана, а затем переедем, то будем вынуждены покинуть его могилу. Я объяснила, что мне нужно в последний раз посмотреть на сына, и Марта и Джон сказали, что гримеры сделают все возможное, чтобы прикрыть пулевые отверстия в его голове, чтобы мы могли

увидеть Дилана таким, каким его знали.

Я с трудом могу вспомнить, как делались все эти приготовления. Я помню, что удивлялась, слыша, как спокойно говорю о практических вещах в то время, как единственным звуком в моей голове был бесконечный вопль агонии и неверия. Это был мой сын, которого я вынашивала, защищала и любила всем своим сердцем. Мысль о том, что я никогда не услышу его голос и не прикоснусь к его лицу, прерывала мое дыхание. Мне потребовалась каждая унция силы, которую я смогла собрать, чтобы подготовиться к церемонии, которая навсегда разделит нас. Мое материнство с Диланом было закончено. Любви и труду, которые были вложены в создание этого человеческого существа, пришел конец. Самый ужасающий, какой только мог быть, конец.

Посреди кошмара приготовлений к похоронам Дилана стало ясно, что здоровье нашего старого кота Рокки быстро ухудшается, и моим умом завладела мысль об оказании ему медицинской помощи.

Позже Рут созналась, что моя истерия насчет пожилого кота стала для нее признаком того, что я полностью сломалась под нечеловеческим давлением. Мы пробыли в их доме три дня, и я была так слаба, что за столом мне приходилось подпирать голову рукой, чтобы не упасть под грузом своего изнеможения и горя. Я едва могла сама принять душ или поесть, не говоря уж о том, чтобы заботиться о своей семье, но я не прекращала беспокоиться о Рокки.

О том, что я сама поеду к ветеринару не было и речи: я сознавала, что нахожусь не в том состоянии, чтобы сесть за руль машины. Просто потому, что они не знали, что еще делать, Рут и Дон безропотно посадили Рокки в свою машину и повезли нас в ветеринарную клинику неподалеку от нашего дома.

Я беззастенчиво чувствительна, когда дело касается домашних животных, но сейчас понимаю, что поездка с Рокки в тот день была не просто поведением ответственного хозяина. В Литтлтоне было так много страдания, за которое я чувствовала свою ответственность, и я ничего не могла с этим поделать. Но я *могла* позаботиться об этом страдающем животном, и эту ситуацию еще можно было исправить.

Боясь, что меня могут узнать, я вошла в клинику через боковую дверь. Когда пришло время передать Рокки в руки ветеринара, я поняла, что не могу этого сделать. Рокки был котом Дилана. Сын сам выбрал его из выводка соседских котят, когда учился в третьем классе. Большой белый кот был с нами во время всех семейных вечеров на диване, когда мы вместе смотрели

мультфильмы о Розовой пантере. Дать уйти Рокки было так же, как дать уйти Дилану. Я пыталась говорить с врачами, не всхлипывая, и попросила их сделать для кота все, что они смогут, и не дать ему умереть, пока я не смогу вернуться. Наконец, я позволила ветеринару забрать испуганного кота из моих рук.

Пересекая парковку в направлении моего безопасного убежища — машины Дона и Рут, я услышала, что за мной кто-то бежит, окликая меня по имени. Я обернулась и увидела женщину из персонала клиники, спешащую за мной. В какой-то момент я не знала, идти ли мне к ней или бежать от нее. Гари постоянно повторял нам, что мы должны заботиться о своей безопасности: в Колорадо и во всем мире множество людей считают нас ответственными за стрельбу, и будут счастливы увидеть нас мертвыми. За день до этого в его офис прислали большую коробку горячей еды — знак сочувствия и сострадания от какого-то незнакомца, как и ящики писем, которые мы начали получать. Гари не позволил нам съесть ни кусочка этой пищи, опасаясь, что она отравлена. Даже спустя годы я ощущаю тревогу, когда мне приходится указывать свое полное имя в бланке доставки или называть его служащему банка. Но тот момент на парковке ветеринарной клиники был первым случаем, когда я замерла от страха, ожидая каких-то действий от человека в месте, где мы жили.

Оказалось, что я напрасно волновалась. Маленькая женщина обвила меня руками. Она сказала, что сама вырастила мальчишек и знает, какими непроходимо глупыми они могут быть. Это было чувство, которым очень многие матери делились со мной на протяжении долгих лет. Хотя я была выше ее, я позволила ей поддерживать себя, пока я рыдала, заливая нас обеих своими слезами. Позже я поняла, что даже не спросила ее имени.

Эта женщина была не единственным человеком, показавшим нам свое великодушие. Еще до того, как мы уехали от Дона и Рут, наши давние друзья и соседи сплотились вокруг нас. В одной газете напечатали фотографию наших друзей, вешающих плакат в воротах нашей подъездной аллеи:

Сью и Том!

Мы вас любим!

Мы с вами!

ПОЗВОНИТЕ НАМ!

Вид этих знакомых дорогих лиц был как сигнал радио «Свобода», прорвавшийся сквозь заслоны врагов. Память о том, что в мире так много доброты, большой и маленькой, примирила меня с этим днем. Тем не менее, несмотря на то, что наши друзья и семья показывали свою любовь и сочувствие к нам, я была

уверена, что они тоже задаются вопросом: «Что все-таки вы такое сотворили, чтобы вызвать такую злость в ребенке? Как вы могли не видеть, что происходит?»

Я и сама задавалась этими вопросами.

Глава 4. Место упокоения

В субботу, двадцать четвертого апреля, мы кремировали тело нашего сына.

Марта предложила заехать за нами и отвезти нас в похоронный зал. Ее опыт общения с людьми, потерявшими родственников, был очень кстати, и она легко болтала с нами, одновременно управляя автомобилем, но парализующий ужас, который я чувствовала, нарастал с каждой милей. Тем не менее, мое хорошее воспитание одерживало победу, и я пыталась со своей стороны поддержать разговор, хотя ужасно дрожала и безуспешно пыталась сдержать подступающие слезы.

Марта и Джон были искренне озабочены нашей безопасностью и сохранением тайны. Они уверили нас, что рядом с комнатой, где положат Дилана, не будет никаких объявлений или книги для записей. В самой комнате был только один вход и никаких окон. Но несмотря на все эти предосторожности, один из представителей прессы позвонил в похоронный зал за несколько минут до нашего приезда, поэтому мы входили в комнату крадучись, оглядываясь через плечо, как испуганные жертвы хищного зверя.

Не найдется никаких слов, чтобы описать боль, которую я почувствовала, увидев тело Дилана, лежащее в гробу. Выражение лица у него было незнакомое, позже Байрон признался, что благодаря этому ему было легче. Это незнакомое выражение, возможно, было единственной вещью, которая позволила нам перенести этот первый, ужасающий, нереальный миг. Я пригладила волосы Дилана и поцеловала его в лоб, вглядываясь в лицо, надеясь увидеть в нем ответы и не находя ни одного. Мы с Томом принесли несколько плюшевых зверей, которых Дилан любил в детстве, и положили их в гроб так, чтобы они оказались у его щек и шеи. Байрон, Том и я взяли друг друга за руки и вместе коснулись рук Дилана. В конце концов, мы снова были вместе, снова были семьей.

Был холодный весенний день, и меня вдруг переполнило навязчивое, почти биологическое желание согреть Дилана. Я никак не могла перестать растирать его холодные как лед руки, выглядывающие из-под больничной сорочки с короткими рукавами, в которую он был одет. Мне пришлось удерживать себя от того, чтобы забраться в гроб, чтобы закрыть его тело теплом своего.

Марта советовала, чтобы каждый из нас провел какое-то время наедине с Диланом. Байрон был первым. Пока я ждала в

главной гостиной похоронного зала, я пыталась подготовить себя к тому, что в последний раз окажусь наедине с останками моего сына, и начала паниковать. На меня накатила волна почти животного инстинкта защиты своего потомства. Как я смогу позволить уничтожить Дилана, сжечь его в огне? Я вскочила со стула и начала шагать по комнате, мои мысли бежали с огромной скоростью. Другой вариант — погребение под землей или на земле — не принес мне успокоения. Я попыталась представить, как мы могли бы украсть тело из морга и ускользнуть с ним в безопасное место. «*Я не могу этого сделать*», — снова и снова думала я. В гостиной похоронного зала был камин. В холодный снежный день он выглядел очень привлекательно и жизнерадостно, и я подошла к нему. В конце концов, я немного успокоилась, глядя на игру языков пламени. Большая часть моей паники превратилась в смирение, а затем горе вернулось с новой силой. «Как грустно, — думала я, глядя в огонь, — что таким способом я должна согревать своего сына».

С того дня я видела множество повторяющихся снов о Дилане: снов, в которых у меня был второй шанс спасти его, и я его упускала; снов, где, я поднимаю его рубашку, чтобы обнажить скрытые под ней раны; снов, где я одновременно спасаю его и спасаю других людей от него. Но этот сон я видела только один раз.

В нем я видела окровавленные кости Дилана, разбросанные по лесной почве. Я собираю их одну за другой, держу в руках, боясь положить, потому что они могут быть украдены или потеряны. Безопасного места для них нет, и я остаюсь бессильно стоять, прижимая к груди липкие, сочащиеся кровью кости.

Есть известная буддистская притча о женщине, которую звали Киса Готами. Рассказ начинается с того, что ее ребенок умирает. Неспособная принять его уход, женщина требует лекарство от врача, который прекрасно знает, что ребенку ничего не поможет. Он отправляет ее к Будде, который говорит женщине пойти и собрать горстку зерен горчицы из дома, где никто никогда не страдал, теряя близких. Киса Готами ходит от двери к двери и говорит, что ей нужно лекарство для ее ребенка. Многие люди предлагают ей зерна горчицы, но каждый раз, когда она спрашивает хозяина дома, теряли ли они близких, ей всегда отвечают: «Да!» Наконец, она возвращается к Будде.

— Принесла ли ты зерна горчицы? — спрашивает он.

— Нет, — отвечает она. — Но теперь я понимаю, что нет человека, который никогда не терял тех, кого любит, и я должна оставить моего ребенка в покое.

Мне потребовались годы, чтобы найти место упокоения для

Дилана в своем сознании, и еще больше времени, чтобы обнаружить некоторые ответы, которые позволили мне найти покой для себя.

Глава 5. Дурное предчувствие

Дилан, где бы ты ни был, я люблю тебя и скучаю по тебе. Я борюсь с хаосом, который ты оставил после себя. Если есть какой-то способ оправдать твои действия, пожалуйста, укажи нам его. Помоги нам найти ответы, которые дадут нам мир и помогут вести ту жизнь, в которой мы оказались. Помоги нам.

Запись в дневнике, апрель 1999 года

В субботу вечером, после похорон Дилана, мы сняли белье с постелей, собрали домашних животных и покинули подвал дома Дона и Рут, чтобы вернуться домой. Байрон ехал за нами на своей машине.

Мы с тревогой приблизились к нашему дому. Толпа журналистов вовсе не уменьшилась. Они окружали дома наших друзей, забрасывая их визитными карточками и сообщениями. Один из них перегородил подъездную аллею нашей подруги, когда она отказалась разговаривать с ним, а потом преследовал ее, когда она выезжала по делам, пока она не пригрозила позвонить в полицию. Не раз друзья шепотом говорили нам, что известный репортер сидит *прямо здесь*, в их доме.

Я понимала, что всех их занимает один вопрос — почему произошла стрельба. Я понимала, они ждут, что мы сможем дать им объяснения, хотя нам нечего было сказать. Все, чего мы хотели, — остаться в одиночестве, чтобы оплакать смерть нашего сына и тех, кого он убил и ранил. К счастью, когда мы подъехали к дому в тот вечер, на нашей подъездной аллее никого не было. После четырехдневного бесплодного ожидания журналисты сдались и уехали.

Наше возвращение домой не принесло никакого облегчения. Я ждала, что мы почувствуем себя лучше, просто снова оказавшись дома, ближе к вещам Дилана. Вместо этого, как только передняя дверь закрылась за нами, я почувствовала себя еще более уязвимой, чем в доме Дона и Рут. В больших панорамных окнах был виден живописный пейзаж Колорадо. Мы никогда их не занавешивали; уединенность была не в чести там,

где мы жили, к тому же мы не хотели загораживать вид. Теперь я могла думать только о том, какой незащищенной заставляют меня чувствовать эти окна. Поскольку в доме горел свет, любой мог увидеть, что у нас происходит.

Лампа, которую Том, уезжая, оставил гореть в переднем окне, была нашим единственным источником света, когда мы шли через опустошенный дом. Том нашел ручной фонарик, но по непонятной причине весь наш запас батареек исчез из кухонного ящика, поэтому мы отыскали наполовину сгоревшие столовые свечи, которые я хранила на случай отключения электричества. По привычке я все еще хранила спички на верхней полке, подальше от маленьких детей, которые переросли меня несколько лет назад, но спички, как и батарейки, исчезли. Полиция конфисковала все, что могло послужить для изготовления бомб.

Шаря в темноте, я нашла комплект старых простыней, несколько фланелевых одеял и газеты, которые должны были отправиться на переработку. Я пошарила по ящикам, чтобы найти кнопки и липкую ленту. Вначале мы занавесили кухню, встав на стулья при свете из открытого холодильника, прикрепили сделанные из простыней занавески. Со свечами, зажженными от газовой плиты, мы втроем переходили из комнаты в комнату, используя любые занавеси, которые только смогли найти, чтобы не допустить любопытные взгляды в наш дом. Только когда мы были завернуты в этот пестрый кокон, мы, наконец, включили нормальный свет в задней части дома.

После того как Байрон помог нам разместиться, он вернулся в свою квартиру. Было очень трудно отпустить его. Я была уверена, что его внешнее сходство с Диланом и наша примечательная общая фамилия никогда не дадут ему снова вернуться к нормальной жизни, а его горе и замешательство пугали меня куда сильнее, чем мои собственные. Я потеряла одного сына и была в ужасе от того, что могу потерять второго.

Возможно, я была так зациклена на Байроне, потому что сам факт его присутствия возвращал меня к жизни. Несмотря на все, когда я была с Байроном, я все еще была чьей-то матерью.

Оставшись одни, мы с Томом бродили по темным комнатам. По пути домой я представляла себе, что я спрячусь в свою нору, как загнанный зверь, но сейчас чувствовала себя как животное, раненное так тяжело, что ему остается только заползти в какую-нибудь дыру, чтобы умереть в одиночестве. Наше жилище больше не воспринималось как дом. Занавешенные окна изменили акустику в комнатах, а отсутствие звуков в нашем неожиданно ставшем бездетным доме душило, как отсутствие кислорода. Мне все казалось, что я слышу, как открывается дверь холодильника

— одна из многих фантазий о том, что Дилан все еще с нами, телом и душой. Эти фантазии посещали меня в течение многих лет.

С первого этажа нам было видно, что наверху, в мезонине навалены мебель, книги и бумаги, выброшенные из комнаты Дилана в коридор. Его матрас без простыней свисал с перил лестницы на второй этаж. Сама кровать, разобранная на части, лежала рядом. Хотя мы так хотели быть рядом с его вещами, когда жили у Дона и Рут, ни у кого из нас не хватило сил подойти к его комнате той ночью.

Оставаться в сознании было слишком больно, поэтому мы с Томом отправились в постель. Мы оставили свет включенным, потому что окна нашей комнаты выходили на дорогу, и мы боялись, что пресса или злоумышленники заметят, что мы погасили свет. Когда выяснилось, что из-за слепящего света мы не можем уснуть, мы наконец согласились, что сделали глупость.

Трудно себе представить, что мы вообще могли спать в ту первую ночь дома, но мозг наконец проявил милосердие и отключился. Как это будет повторяться многие годы, пробуждение оказалось самым ужасным моментом всего дня — короткое мгновение, когда еще можно поверить, что все это было ночным кошмаром, самым худшим сном, который может присниться человеку.

В то первое утро в своей постели рука Тома добралась до моей, и мы вместе лежали в тишине, глядя в потолок и держа друг друга за руки. Наконец, один из нас опустил ноги на пол, и мы вместе вышли из спальни. Я вздрагивала, проходя по дому при дневном свете и постоянно натыкаясь на фотографии мальчиков, играющих в прятки и рыбачащих со своим отцом, в бейсбольной форме, сплавляющихся на плоту вместе с другой семьей, стоящих на камнях неподалеку от нашего дома. Озорное, радостное лицо Дилана смотрело на меня со столов и книжных полок.

Главную комнату нашего любимого дома, места, где мы прожили больше десяти лет, где мы смотрели бесчисленные классические фильмы, где делались домашние работы, где проходили семейные обеды, было не узнать. Мы не могли выжить без уединенности, но занавешенные окна делали большое пространство темным и зловещим. Чистый солнечный свет, который всегда наполнял наш дом, отражался от газет, а воздух, казалось, пах мокрой псиной. Я слышала щебетанье прилетевших к кормушке птиц, но не могла их видеть.

Короткое путешествие из спальни в кухню утомило меня, и я

оперлась о стойку, чтобы не упасть. Стоя здесь, я вдруг подумала о неприятном моменте, который был у меня много лет назад в больнице, сразу после рождения Дилана.

Он родился ранним утром одиннадцатого сентября 1981 года. Как и старшего сына, мы с Томом назвали его в честь валлийского поэта Дилана Томаса. Простыни в больнице были в желтый цветочек, а рождение Дилана было таким тихим и обычным, что, пока я трудилась, могла слышать шепот медсестер в коридоре. Он закричал еще до того, как его подали в мои нетерпеливые руки, и он лежал, жмурясь от света.

Как и любая только что родившая мать, я была в восторге от встречи с этим новым существом, с которым у меня уже были такие близкие отношения. На следующее утро мы наконец остались одни, и я со страстью целовала его гладкие щечки и восхищалась его крохотными, совершенными пальчиками и ноготками. Но когда я держала его, я почувствовала острое и тревожное предчувствие, такое сильное, что я вся задрожала. Это было так, будто большая хищная птица пролетела над нашими головами, накрыв нас своей тенью. Глядя на совершенное создание в моих руках, я была охвачена сильным предвидением: этот ребенок принесет мне большое горе.

Я не суеверна от природы, и это было чувство, которое я никогда — ни в прошлом, ни в будущем — не испытывала. Я была так испугана им, что с трудом смогла пошевелиться. Была ли это материнская интуиция? Не был ли мой казавшийся здоровым ребенок болен? Но все анализы и обследования были в порядке, и меня с моим маленьким мальчиком отправили домой.

Две недели спустя Дилана вырвало фонтаном после кормления, а затем — и после следующего. Сильно испугавшись, я отвезла его в отделение скорой помощи. Доктора оставили Дилана в больнице на двое суток для наблюдения, но ничего не нашли. Во время следующего нашего визита позже на той же неделе, на котором я настояла, трехнедельный Дилан был бледен, обезвожен и весил меньше, чем при рождении. Тогда ситуация уже была достаточно плоха, чтобы сделать рентген, и у моего сына обнаружили стеноз привратника желудка, сужение между желудком и кишечником. Нас отправили обратно в больницу. Положение было очень серьезным, Дилан мог умереть без экстренной операции.

После того, как он прошел через это суровое испытание, и снова стал милым, пухлым, розовощеким малышом, я почувствовала облегчение и решила, что эта серьезная болезнь — несчастье, которое предотвратили, — и есть та беда, которую предсказывало мое предчувствие в больнице.

Эта детская болезнь была последним разом, когда мне приходилось беспокоиться о Дилане, по крайней мере, до происшествия в старшей школе.

Илл.: вместе с начинающим ходить Диланом играем в снегу. Фотография из архива семьи Клиболд.

Глава 6. Детство

Ужас и всеобщее неверие подавляют. Горе от потери моего сына, стыд от того, что он сделал, страх, что нас возненавидят все вокруг. Нет никакой передышки от этой муки.

Запись в дневнике, апрель 1999 года

Я вела дневники большую часть своей жизни. Когда я заканчивала начальную школу и перешла в среднюю, я поверяла свои надежды и мечты страницам маленьких записных книжек, которые тщательно запирала и прятала, чтобы никто на свете не узнал, какую блузку я надевала и куда ходила со своей собакой на прогулку. Каждый день я исписывала целую страницу. Если моя сестра теряла терпение и выключала свет в спальне, я заканчивала писать в темноте.

В старшей школе и колледже я больше сосредоточилась на письмах моей сестре, матери, бабушкам и дедушкам, а также находила время для написания (плохих) стихов. После того, как я вышла замуж и родила детей, я делала записи каждый раз, когда хотела отметить значительные события или справиться с неприятными эмоциями. Я получала удовольствие, записывая достижения в развитии моих детей и фиксируя даты, когда они впервые заметили свои собственные ручки, перевернулись или сделали первые шаги. Когда мальчики подросли и забота об их полной занятиями жизни стала требовать больше времени, записи стали более короткими и обыденными: «Отвести Байрона к стоматологу, нужно чистить зубы нитью. Команда Дилана победила: 6:3!»

В первые дни после Колумбайн я снова вернулась к ведению дневника. Я делала записи в книге, которую Дилан подарил мне на Рождество. Мы с Томом всегда говорили мальчикам, чтобы они не покупали дорогие подарки, и поэтому я была тронута, когда в 1997 году нашла книгу для записей в кожаной обложке среди своих подарков. Я так явно выражала свою радость по поводу того, какой это великолепный подарок, что Дилан подарил мне еще один дневник на Рождество в 1998 году. У этого дневника на обложке была репродукция картины Эдварда Мунка «Крик».

Конечно, позже это изображение стало зловеще символичным, но в то время я была просто тронута таким внимательно выбранным подарком, который затрагивал и ведение дневника, и искусство, и, таким образом, идеально подходил для меня.

После Колумбайн облегчение, приходившее ко мне, когда я делала записи, ощущалось почти физически, хотя и было временным. Мои дневники стали для меня местом, где можно собрать мириады порой противоречивых чувств, связанных с моим сыном и тем, что он сделал. В первые дни ведение записей позволяло мне излить свою огромную скорбь из-за горя и страданий, которые причинил Дилан. До того, как я смогла лично связаться с семьями жертв, дневники стали для меня местом, где можно было попросить у них прощения и тайно погоревать о потерях, которые они пережили.

Дневники также были для меня местом, где можно было расставить все на свои места. В первое время после трагедии мы оплакивали не только Дилана, но и саму его личность — и наше самосознание. Было невозможно исправить поток ложных сведений в средствах массовой информации, но я хотела рассказать нашу часть всей истории, пусть даже только себе. Страницы моих записных книжек стали местом, где можно было тихо ответить людям, которые называли нас зверями и чудовищами, исправить неправильные представления о моем сыне и нашей семье. Некоторые из этих страниц отражают мою самозащиту и даже злость против тех, кто судил, ничего не зная о нас. Я не гордилась этими чувствами и была рада хранить их в секрете, но в то время они были мне необходимы, и я вижу детали, которые мучили меня, как невольные доказательства потрясения и горя, которые я ощущала.

Ведение дневника также давало мне возможность отразить мою собственную потерю, когда я не чувствовала себя в безопасности, чтобы говорить о ней открыто. Наш адвокат говорил мне, что я не могу посещать группу поддержки для потерявших близких родственников, не рискуя подвергнуть неприятностям ее других членов, но мне нужно было безопасное место, чтобы вспоминать и оплакивать своего сына. Для всего остального мира Дилан был чудовищем, но я потеряла своего ребенка.

И поэтому, особенно в те первые дни, больше всего в моих дневниках появлялось воспоминаний. Позже я буду возвращаться к ним в попытках увидеть, где же все пошло так ужасно неправильно. Когда горюешь о потере близкого человека, стараешься запечатлеть его в памяти, и многие годы мое горе было связано с вопросом, что же было у Дилана в голове в конце

его жизни. Попытки понять эту тайну придут позже. В те первые дни я писала просто потому, что любила.

Я записывала все, что только могла вспомнить о Дилане, — о ребенке, о мальчишке, о подростке. Я восстанавливала его победы и разочарования, а также целый ряд маленьких, совершенно обычных моментов нашей совместной жизни. Боясь, что все забуду, я записывала избитые семейные истории и шутки, которыми мы наслаждались вместе, словечки и фразочки, которые заставляли каждого из нас четверых разражаться смехом и оставались непонятными для любого человека со стороны. Ведение записей делало меня ближе к Дилану.

Я знаю: то, что я пишу об этом здесь, приведет к тому, что меня снова будут осуждать. Эта мысль наполняет меня страхом, хотя не было таких критических высказываний по поводу моей роли как родителя, которые я не слышала бы за последние шестнадцать лет. Я слышала, что мы с Томом были слишком снисходительны к Дилану и что мы были слишком строги. Мне говорили, что позиция нашей семьи по отношению к оружию стала причиной трагедии в Колумбайн: возможно, если бы Дилан привык к оружию, оно не имело бы такой мистической власти над ним. Люди спрашивали меня, не обращались ли мы с Диланом жестоко, не позволяли ли другим обращаться с ним жестоко, обнимали ли его когда-нибудь, говорили ли, что его любим.

Конечно, оглядываясь назад, я скептически оцениваю принятые нами решения. Конечно, мне есть, о чем жалеть, особенно это касается тех звоночков, которые я пропустила и которые указывали, что Дилан был в опасности, что мог повредить себе и другим. Именно потому, что я их пропустила, я хочу рассказать эту историю, поскольку какие бы родительские решения ни принимали мы с Томом, мы делали это, хорошо подумав, в полном сознании и в полную меру своих способностей. Я рассказываю эту историю не для того, чтобы спасти репутацию своего сына или нашу репутацию как его родителей. Но я думаю, что важно, — особенно, для учителей и родителей, — понимать, каким был Дилан.

За пятнадцать лет, которые я проработала в сфере профилактики самоубийств и жестокости, я слышала множество историй о жизнях, которые оборвались трагически. Иногда родители говорили мне, что знали: их ребенок в беде. Они описывали ребенка, которого не могли выносить, демонстрирующего антисоциальное поведение в начальной школе; злого, жестокого подростка, которого они сами боялись. Во многих случаях такие родители пытались неоднократно (и часто безуспешно) помочь своему ребенку. Подробнее я расскажу

о таких случаях далее. Мы должны сделать так, чтобы родителям и другим заинтересованным лицам было легче прийти на помощь ребенку, у которого явные трудности, до того, как этот ребенок станет опасным для себя и других. Но здесь я упомянула эти борющиеся с трудностями семьи, потому что хочу отметить важное различие. Ребенок, чьи проблемы лежат на поверхности и разрушают жизнь его или ее семьи многие годы? Это был не мой сын.

Были признаки того, что у Дилана проблемы, и я несу ответственность за то, что пропустила их, но не было никаких пронзительных сигналов сирен, никаких неоновых вывесок с надписью «Опасность!» Вы бы не стали нервно отдергивать своего ребенка от Дилана, если бы увидели его сидящим на скамейке в парке. На самом деле, поболтав с ним несколько минут, вы бы спокойно пригласили его на воскресный обед. Насколько я понимаю, это именно та правда, которая делает нас такими уязвимыми.

После Колумбайн мнение окружающих о моем сыне сложилось — что вполне понятно — молниеносно: Дилан был чудовищем. Но это заключение было обманчивым, потому что оно тесно связано с куда сильнее обескураживающей реальностью. Как и вся мифология, вера в то, что Дилан был чудовищем, служила более глубокой цели: людям нужно верить, что они смогут распознать злодеев среди себе подобных. С чудовищами нельзя ошибиться, вы всегда узнаете чудовище, если видели хотя бы одно из них, не так ли? Если Дилан был монстром, чьи беспечные родители позволили своему психически неуравновешенному, разъяренному ребенку хранить целый арсенал оружия у себя под носом, тогда трагедия — эта ужасная трагедия — не имеет никакого отношения к обычным мамам и папам, сидящим в своих гостиных, когда их дети мирно сопят носами в мягких постелях наверху. Случилось нечто душераздирающее, но оно случилось где-то далеко. Если Дилан был чудовищем, тогда события в Колумбайн, хотя и трагичные, но являются аномальными, чем-то вроде удара молнии в ясный, солнечный день.

Есть проблема? Да, в том, что все это неправда. Так же чудовищна, как то, что сделал Дилан, правда о нем: она такова, что ее куда труднее принять. Он не был красноглазым дьяволом, какого мы привыкли видеть в мультфильмах. Тревожная реальность состоит в том, что эта невероятная жестокость крылась в добродушном, стеснительном, приятном молодом человеке из «хорошего дома». Мы с Томом были ответственными родителями, которые ограничивали просмотр телевизора и

поедание сладостей. Мы следили, какие фильмы смотрят наши мальчики, и укладывали их спать со сказками, молитвами и объятиями. За исключением тревожащего поведения за год до трагедии (которое едва ли было из ряда вон выходящим для подростка, как нам сказали) Дилан был классическим хорошим мальчиком. Его было легко растить, с ним приятно было быть, это был ребенок, который всегда заставлял нас чувствовать гордость.

Если изображение Дилана как чудовища оставляет впечатление, что трагедия в Колумбайн не имеет никакого отношения к обычным людям и их семьям, тогда любое успокоение, которое оно дает, фальшиво. Я надеюсь, что правда откроет людям глаза и заставит их чувствовать уязвимость, которой не так-то просто найти границу. Пусть им придется бояться сильнее, но в данном случае это крайне важно.

Я хотела стать матерью, когда еще сама была ребенком. Том потерял родителей в детстве и, несмотря на нежную заботу своих родственников, которые его вырастили, он остро чувствовал потерю отца и матери. Это усиливало его собственное стремление быть активным и вовлеченным в жизнь детей родителем. Мое собственное детство в пятидесятых прошло в рамках традиционной послевоенной жизни, которую часто показывали в телесериалах тех дней. Хотя мир значительно изменился (и я работала четыре дня в неделю, вместо того, чтобы, как моя мама, сидеть дома с тремя детьми) мы с Томом, воспитывая наших детей, следовали этому образцу крепкой семьи, живущей в пригороде.

Мы были уверенными в себе родителями, особенно к тому времени, когда у нас появился второй ребенок. Тревожная от природы, я никогда не переставала чрезмерно заботиться обо всем: от опасности подавиться мелким предметом до хороших манер. С детства я подрабатывала няней и большую часть своей жизни проработала, обучая и детей, и взрослых. Для того, чтобы получить диплом, мне потребовалось пройти курсы по развитию детей и психологии. Я наивно полагала, что сочетания знаний и интуиции, доведенного до совершенства опытом, будет достаточно для того, чтобы вырастить моих собственных детей полезными кому-либо. В самом крайнем случае, считала я, мы хотя бы знаем, куда обратиться, если столкнемся с проблемами.

Наша родительская уверенность поддерживалась тем, что мы видели в наших детях. Маленьким ребенком Байрон, наш первенец, был радостным, никогда не сидящим на месте живчиком. Он напоминал мне персонаж Люсиль Бол из сериала «Я люблю Люси», вечно попадающую в какие-то истории. Байрон

был ребенком, который, выскакивая из туалета в ресторане, врезается прямо в официантку, несущую нагруженный поднос. Он был ребенком, который опрокидывает тарелку картофельного салата так, что он размазывается по его собственному лицу в стиле картофельного поединка, одновременно изображая пуканье с помощью своей подмышки, а затем проделывает это снова с миской овсяной каши на следующее утро во время завтрака. Это было чисто мальчишеское дурачество, без капли злости. Даже Том всегда смеялся до упаду над кривляньями Байрона вместо того, чтобы злиться.

После энергичности Байрона готовность Дилана сидеть на полу и тихо играть была настоящим облегчением. Оба мальчика были активными и веселыми, но Дилан любил задания, требующие усидчивости, терпения и логики и после того, как перерос период подражания брату, часто сидел, прижимаясь ко мне, за книгой или паззлом. Наш младший сын был наблюдательным, любопытным и вдумчивым, с кротким нравом. С любопытством изучающий то, что происходит вокруг него, терпеливый, уравновешенный и легко начинающий смеяться Дилан мог сделать самую рутинную работу веселой. Он был готов на все — общительный, благожелательный ребенок, который любил делать разные вещи.

И он был умным. Одаренность Дилана проявилась довольно рано. Вскоре после того, как он младенцем научился сам брать разные вещи, нам пришлось пройти через период плача по ночам. Мы перепробовали все, что только смогли придумать, чтобы успокоить сына, а потом обратились к педиатру, чтобы убедиться, нет ли проблемы со здоровьем. Доктор внимательно осмотрел мальчика, а потом посоветовал нам класть в кроватку Дилана мягкие игрушки и книжки, чтобы он мог развлечь себя, если проснется. В ту ночь мы услышали, что Дилан проснулся и издавал тихие звуки, играя с игрушками и разглядывая книги. Закончив, он лег спать. Ему просто было скучно.

Как учитель я восхищалась его развитостью. Может быть, это и не было связано со мной, но он учился так быстро! В третьем классе Дилан увлекся оригами, и этот интерес сохранялся до подросткового возраста. (Вскоре после того, как он сделал своего первого журавлика, в нашем доме побывали две японские школьницы, приехавшие по обмену. Дилан был очень разочарован, обнаружив, что девочки знают про складывание из бумаги не больше, чем я.) В течение многих лет мы собирали книги по оригами, и Дилан собирал самые сложные фигурки, для которых бумагу требовалось сгибать семьдесят или восемьдесят раз. Он работал быстро, и его пухлые пальчики не всегда могли

сделать острые как бритва складки, но все равно каждая поделка была маленьким произведением искусства. Я до сих пор вижу их в домах наших друзей, и когда учительница, которая была у Дилана в пятом классе, пришла выразить нам свои соболезнования после трагедии, она принесла показать нам одно из своих самых дорогих сокровищ: бумажное дерево, украшенное крошечными игрушками-оригами — рождественский подарок, на изготовление которого Дилану потребовалось много часов.

Малышом Дилан был зачарован игрушками-конструкторами, став старше, он провел бесчисленные часы, играя в лего. Аккуратный и методичный, он любил точно следовать напечатанной инструкции, тщательно сооружая корабли, замки и космические станции только для того, чтобы разрушить их и собрать снова. У Дилана в спальне была двухъярусная кровать, и Том положил большой лист фанеры на нижний ярус, так что у Дилана было находящееся в стороне место для того, чтобы работать с большими и более сложными конструкциями в течение нескольких дней. Байрон предпочитал импровизацию, и его воображение стало источником для нескольких очень своеобразных проектов. Дилан был его противоположностью. Однажды, озаботившись тем, что он слишком сосредоточивается на совершенстве, мы с Томом поговорили с сыном о том, что вполне допустимо заменить один элемент другим, если он никак не может найти тот самый кирпичик.

Подобным образом мы видели, как проявляется его конкурентный характер, когда вчетвером играли в настольные игры, такие как «Монополия» или «Рискуй!» Поражение было унизительным для Дилана, и его унижение порой переходило в злость. Конечно, важно уметь не только побеждать, но и проигрывать, поэтому мы продолжали играть в игры всей семьей, пока Дилан не научился контролировать свой нрав. Также он играл в Малой бейсбольной лиге, где научился важности товарищеской поддержки в спорте. Тем не менее, оглядываясь назад, я задаюсь вопросом, не заставляли ли мы непреднамеренно Дилана подавлять свои чувства под предлогом обучения приемлемому поведению.

Поскольку в детстве я была настоящей трусишкой, меня всегда впечатляло, насколько Дилан свободен от обычных детских страхов. Он не боялся ходить к доктору или к стоматологу, как я в его годы. Когда его в первый раз стригли, он улыбался во весь рот. Он не боялся воды, темноты, грома и молнии. Позже, когда мы начали ходить в парки развлечений, Дилан мог забраться на самые страшные аттракционы. Иногда он катался на них один, а мы все стояли внизу и махали ему руками,

потому что больше ни у кого не хватало духу присоединиться к нему.

Мы с Томом называли Дилана «наш маленький солдатик» из-за его способности справляться со стрессом. Он никогда не сдавался, пока не решал проблему, и редко отвергал какую-либо идею, не обдумав ее. Он не любил просить о помощи. Но он редко в ней нуждался. Поскольку он был высоким и одаренным ребенком, Дилан пошел в школу на год раньше. Почти все время он был самым младшим ребенком в классе по возрасту и самым высоким по росту.

Он не очень любил делиться своими игрушками, доходило даже до того, что прятал свои любимые, когда надвигался приход гостей. Малышом уставший Дилан иногда падал на пол около кассы, когда мой поход за продуктами слишком затягивался. То, как он хвастался тем, что знает таблицу умножения куда лучше старшего брата, тоже было не самой приятной вещью на свете. Но это было очень незначительным отклонением от нормы (если вообще было отклонением), и мы любили его. Мы с Томом верили, что он совершит что-то великое.

За прошедшие годы я много думала о потребности Дилана убедить себя и других в том, что он полностью все контролирует. Эта черта появилась у него еще в раннем детстве. Когда он был маленьким, мы гордились этой особенностью, а сейчас я задаюсь вопросом, не была ли эта гордость напрасной. Потому что, когда Дилану под конец жизни по-настоящему понадобилась помощь, он не знал, как ее попросить.

После Колумбайн многие люди откликнулись на призыв поделиться со мной своими собственными историями о скрытой боли. Поразительно, как же много этих историй было связано с так называемыми идеальными детьми: победителем научных олимпиад, звездой спорта, музыкальной девочкой, которой предлагали полную оплату обучения в консерватории по ее выбору. Иногда в их жизни были явные знаки того, что с детьми не все хорошо: ухудшающиеся оценки, беспорядочный секс или употребление наркотиков, проблемы с законом. Тем не менее, во многих случаях эти дети сумели пройти мимо радаров своих родителей именно потому, что они были великолепны во всем и могли скрывать ужасную боль от своих родителей так же хорошо, как и делали все остальное.

Когда бы я ни задала себе вопрос о том, почему я пишу эту книгу, снова подставляя себя осуждениям и злобе всего окружающего мира, я думаю обо всех этих родителях. Возможно, Дилан не был отличником или спортивной звездой, но мы были уверены, что он вполне успешно справляется с неизбежными

проблемами, которые подбрасывает жизнь. Стала бы я вести себя по-другому, если бы знала все эти истории о детях, чьи страдания скрывались под маской счастливого и уравновешенного человека? Задним умом все крепки, но я думаю, что, если бы знала, то не была бы так убеждена, что Дилан без всяких усилий двигается по жизни.

Мы с Томом всегда шутили, что Дилан летит на автопилоте. В пять или шесть лет младший сын попросил меня научить его, как самому мыться. Я показала ему, как намылить мочалку, каким частям тела надо уделить особое внимание при мытье и как тщательно ополоснуться. Байрон, который был на три года старше, все еще баловался в ванной и не мыл уши, если ему не сказать об этом. Дилану же мне нужно было только один раз показать все этапы, и он аккуратно вешал полотенце на место после купания без каких-либо напоминаний.

Вдобавок к тому, что Дилан был удобным ребенком, он был счастливым. Он был не таким общительным, как его брат, но все-таки легко заводил друзей. Когда мы жили на улице, где было много детей, Дилан успешно вписался в компанию мальчишек своего возраста, и они ездили по округе на велосипедах. (Мы всегда знали, где они находятся из-за груды великов, лежащих на газоне того дома, где они остановились перекусить.)

Пока наши сыновья росли, мы с Томом были особенно поражены тем, как легко Дилан ладит с Байроном и его друзьями. На одной из моих любимых фотографий, которая стоит на моем столе, Дилан висит на руке Байрона, как маленькая обезьянка, и оба они широко улыбаются.

Один случай из детства Дилана я часто вспоминаю. Когда ему было около десяти лет, ему пришлось удалить неправильно расположенный, глубоко вросший зуб. К сожалению, на следующий день в наш город приехали друзья семьи. Возможно, я должна была настоять, чтобы мы с Диланом остались дома и он мог отойти от операции, но не было никакого способа заставить его пропустить выход в свет с нашими друзьями, несмотря на то, что его щеки раздулись, как у бурундука.

Я вздрагивала каждый раз, когда смотрела на его бледное, раздувшееся лицо, но Дилан не пропустил ничего: ни катания на картах, ни мороженое, ни поездку на особом горном поезде на вершину пика Пайкс, горы, поднимающейся более чем на 14 000 футов[9] над уровнем моря, где можно любоваться одними из самых эффектных видов в мире. Когда я с волнением пыталась найти его глаза в зеркале заднего вида, пока мы ехали куда-нибудь, сын мягко улыбался, чтобы развеять волнение. Несмотря на мое беспокойство, Дилан переживал лучшие моменты своей

жизни.

И когда мы с другой мамой побоялись шагнуть на висячий мост Ройэл Гордж-Бридж, именно Дилан скользнул обратно к нам, попеременно подшучивая над нами, упрашивая и подбадривая нас пройти по самому высокому мосту в Соединенных Штатах. Я по-прежнему могу чувствовать его руку в своей.

Мы с Томом несколько раз переезжали, пока, наконец, не нашли дом, где мы хотели растить своих детей. С большими панорамными окнами и высокими потолками дом выглядел великолепно, совсем как в какой-нибудь телепередаче. Тем не менее, он был в плохом состоянии, и когда мы его купили, требовал серьезного ремонта. Бассейн не держал воду, а на теннисном корте через покрытие проросли сорняки высотой шесть футов. В доме была дырявая крыша и несколько разбитых окон, и в нем вольготно разгуливали сотни бурундуков, полевок и мышей, которые устроили свои жилища внутри дома и вокруг него.

Эта недвижимость была большой и весьма накладной для нас, она поедала все наши заработки, но вокруг дома расстилался пейзаж, от которого просто захватывало дух. Необычайное освещение подножия гор заставляло камни вокруг дома становиться оранжевыми по утрам и нежно-сиреневыми по вечерам. Площадки между массивными розовыми скалами из песчаника заросли перекрученными, сучковатыми падуболистными дубами, ощетинившимися колючками кактусами-опунциями и остроконечными юкками — выносливыми жителями пустынных земель.

Мы с мальчиками часами сидели и смотрели на жизнь дикой природы из наших панорамных окон, как другие семьи смотрят телевизор. Голубые сойки, золотистые дятлы, сороки и синицы-гаички прилетали на наши кормушки. Семьи оленей, лисиц и енотов находили угощения, разложенные на земле. На некоторое время мы приютили семью рысей на нашем заднем дворе. Однажды вечером после ужина Том, который мыл посуду, поднял голову и увидел бурого медведя, смотревшего прямо на него в окно кухни. Между ними было не более восемнадцати дюймов. Однажды утром муж увидел еще одного медведя, блаженно лежащего на спине посреди нашего бассейна, окунаясь во впадину в покрытии, где было как раз достаточно воды для медвежьей ванны.

Один из наших соседей сказал мне, что когда-то на этих землях были зимние стоянки индейцев, и поэтому место приобрело некий священный ореол. Я хотела, чтобы мальчики

росли в безопасности, окруженные красотой природы, могли свободно бродить по местам, дающим пищу их воображению. Когда мы нашли дом в предгорьях, я решила, несмотря на его обветшалость и запущенность, что это то самое место.

Мы переехали в начале декабря 1989 года, когда Дилан был в третьем классе. Дружелюбный сосед отдал нам старый низкий мопед, стоявший у него в гараже, а в газете с объявлениями Том нашел еще один, подержанный. Они с мальчиками починили мопеды и вскоре Дилан и Байрон проложили маршруты через все наши земли. У них была огромная свобода для странствий, но, с другой стороны, наш дом был так далеко от города, что все их городские занятия должны были быть строго расписаны, чтобы мы с Томом могли их отвезти. Мальчики не могли просто сесть на мопеды, чтобы поехать к друзьям или купить мороженое на углу. Наша относительная изоляция в деревне означала, что братья будут проводить много времени вместе.

Подрастая, Дилан стал очень гордиться своей независимостью. К моему удивлению, он попросил меня показать, как стирать свою одежду, когда ему было десять. Эта независимость в сочетании с решительностью, которую мы заметили, когда он был маленьким, наделяла его силой, с которой приходилось считаться. Я помню, как отвезла их с Байроном на роллердром. Даже если сильно напрячь воображение, меня трудно представить крутым роллером, но я держалась на ногах и предложила помочь Дилану, который с трудом пытался устоять на своих. Он настоял, что может кататься сам, и поэтому я послушно брела вдоль поручня, пока он спотыкался на некотором расстоянии от меня. Дилан не катился, он делал несколько запинающихся шагов на коньках, а потом тяжело валился на пол. Я спешила на помощь, но он нетерпеливо отмахивался от меня рукой:

— Я могу кататься! Жди там и смотри. Не двигайся! Помощь мне не нужна!

И я смотрела, как он на четвереньках добирается до поручня и подтягивается вверх. Затем он делал еще несколько неуверенных шагов, прежде чем снова упасть. Я держалась сзади и смотрела, как маленькая фигурка с черепашьей скоростью продвигается по огромному кругу: несколько запинающихся шажков, неизбежное падение и трудный путь на четвереньках до поручня. Я понятия не имела, сколько времени ему потребуется, чтобы сделать полный круг. Кажется, на это ушел целый час.

В конце концов, Дилан добрался до места, где стояла я. Пот ручьем тек по его лицу, пряди светлых волос прилипли ко лбу. Я боялась представить себе, какие синяки покрывают его ноги под

пыльными джинсами. Держась за стену, чтобы удержаться прямо, с ногами, дрожащими от напряжения, он стоял передо мной, высокий и гордый:

— Видишь? Я же тебе говорил, что могу кататься!

Подобные происшествия убедили нас с Томом, что Дилан сможет справиться со всем, что поставит себе целью сделать, с помощью одной только силы воли. На этом стояло наше представление о нем. В нем было много уверенности в себе, и мы тоже поверили в него.

Четвертый, пятый и шестой классы Дилан проучился в классе для одаренных детей. Там была обстановка практически как в частной школе: мало детей, много математических и шахматных игр, и индивидуальный подход к каждому ученику. К концу шестого класса, постоянно соперничая с другими детьми в отличных оценках и проводя время с теми, кто разделяет его интересы, Дилан, казалось, был на вершине мира. Свою уверенность он отразил в рисунке: мальчик в клетчатой рубашке стоит над желтыми, зелеными и пурпурными горами, машет рукой зрителю и улыбается во весь рот. Директор его начальной школы выбрала этот рисунок в школьную коллекцию, снабдив его золотой табличкой с именем и повесив в холле.

После Колумбайн, боясь, что кто-нибудь украдет или испортит его, мы попросили любимую учительницу Дилана вернуть рисунок нам.

Одним из свойств характера Дилана на протяжении всей его жизни было преувеличенное нежелание слышать в свой адрес смех, и эта черта только усилилась, когда он стал подростком. Мы с Томом оба достаточно самокритичны от природы, и всегда первыми начинаем смеяться над собой. Но Дилан не мог легко пошутить над своими собственными фобиями. Он не мог простить себя, когда в чем-то не достигал успеха, и ненавидел выглядеть дураком.

Однажды летом, когда Дилану было лет восемь, мы поехали на пикник с Джуди Браун и ее двумя мальчиками. Дети ловили в небольшой речушке раков, Дилан потерял равновесие на шатких камнях и с плеском упал в мелкую воду. Он выбрался на берег нисколько не пострадавшим, но был в ярости: смертельно бледный от злости, он разъярялся еще больше, потому что все остальные смеялись. Мы попытались помочь Дилану увидеть юмор этой ситуации — Байрон, скорее всего, оказавшись в таком положении, сыграл бы на публику и завершил бы свое падение изысканным поклоном, — но Дилан ушел в машину и отказывался разговаривать с кем-либо, пока не нашел в себе силы

снова общаться с окружающими. Такая реакция могла показаться преувеличенной, но она только укрепила то, что мы уже знали: Дилан переживает неловкие ситуации более остро, чем другие дети.

Когда Дилану было десять, к нам приехала погостить кузина из другого штата. Мы с ней и мальчиками отправились на прогулку верхом. Посреди прогулки лошадь Дилана остановилась посредине тропы, чтобы отлить. Совсем по-детски мы все засмеялись. Лицо Дилана запылало от смущения, его унижение становилось все сильнее с каждой секундой. Тем не менее, хотя Дилан был более застенчивым, чем Байрон, его чувство незащищенности оставалось в нормальных рамках для ребенка, который вот-вот войдет в пубертат.

В средней школе Дилан перестал попадать в программы для одаренных. Как и многие дети этого возраста, он был ужасно озабочен поисками чего-то, что могло бы выделить его из толпы. Как он сказал мне, в средней школе не круто, когда ты умный.

Тем не менее, он по-прежнему хорошо учился. В восьмом классе учитель математики порекомендовал Дилану посещать класс алгебры в школе Колумбайн. Дилан отказался туда ходить. Мы все втроем встретились с учителем, чтобы обсудить все за и против. Достаточно неловко переходить в старшую школу, когда ты девятиклассник, уж не говоря о том, чтобы сделать это на год раньше, и организация его доставки туда и обратно была достаточно сложной. Вместе мы решили, что будет лучше позволить Дилану и дальше изучать математику в средней школе.

Для нас большим облегчением было то, что у Дилана все хорошо, потому что подростковый возраст Байрона принес нам проблемы. Ему нужно было множество родительских понуканий и напоминаний, чтобы справляться со своими ежедневными делами. Мы установили для мальчиков очень четкие границы, когда они были еще маленькими. Им никогда не позволялось говорить с нами или с любым другим взрослым неуважительным тоном. Мы просили их содержать свои комнаты и вещи в порядке и помогать нам с делами по дому. Я ожидала от них, что они будут делать все для своей безопасности: использовать солнцезащитный козырек на автомобиле, ответственно вести себя на дороге и не принимать наркотики. Вдобавок к этому от них требовалось хорошо учиться, поэтому когда мы с Томом увидели, что оценки Байрона (никогда и не бывшие выдающимися) в старшей школе катятся вниз, мы обыскали его комнату и обнаружили, что он курит марихуану.

Сейчас марихуана в Колорадо легальна, поэтому наша реакция, возможно, могла показаться старомодной и

преувеличенной, но в жизни нас обоих никогда не было наркотиков, и мы откровенно их боялись. Мы и до этого достаточно тщательно отслеживали занятия Байрона, но, после того, как нашли заначку, насели на него по-настоящему. Обыск его комнаты стал для нас частью ежедневных дел. Мы настаивали, чтобы он прекратил дружеские отношения, которые, как мы считали, были не в его интересах. Мы послали его к школьному психологу.

Думаю, мы раздражали его без меры, но Байрон оставался таким же добродушным и любящим, как всегда. Он был забавным и открытым, и я целые часы проводила в его комнате, разговаривая с ним, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. В доме не было каких-то особенных конфликтов, но Байрон определенно получал львиную долю родительского внимания, что могло означать, что мы не осознаем неотложность нужд Дилана.

Эти непростые годы Дилан продолжал делать то, что от него ожидали. Кажется, ему нравилась роль покладистого, ответственного ребенка, который делает все правильно, и нам с Томом было нужно, чтобы он вписывался в эту роль, больше, чем когда-либо, потому что мы были заняты благополучием Байрона. Стремление Дилана к самостоятельности препятствовало пониманию того, как сильно он нуждался в помощи в конце своей жизни. Оно, несомненно, наложилось на нашу неспособность увидеть, что он в беде.

Летом после восьмого класса Дилан стал худым и угловатым, каким и оставался до конца жизни. Мы хотели отметить его переход в старшую школу, поэтому предложили отправить его в летний лагерь в горах. Лагерь был деревенским, и детям пришлось трудиться плечом к плечу, чтобы обеспечить свои нужды. Дома Дилан, не минуты не колеблясь, начинал жаловаться, когда ему казалось, что он выполняет больше обязанностей, чем ему положено, но в лагере он не жаловался. Ему нравилось быть на природе, и психологи сказали мне, что он поладил с другими ребятами.

Оба наших сына играли в бейсбол с самого раннего возраста; спорт красной нитью проходил через их детство и отрочество. Они смотрели игры по телевизору, спорили над спортивными страницами газет и по очереди ходили на бейсбольные игры с отцом. Том любил играть, и они втроем проводили летние вечера, играя в бейсбол на заднем дворе или перебрасывая мячи через лист фанеры, который Том приспособил для тренировки подачи. Стены комнаты Дилана были увешаны постерами его любимых

бейсбольных игроков: Лу Герига, Роджера Клеменса, Рэнди Джонсона. Одним из наших любимых фильмов был «Самородок» с Робертом Редфордом в роли звезды бейсбола. Мальчики смотрели его так часто, что некоторые места знали наизусть.

Бейсбол был не только полезным времяпровождением для мальчиков, его любили и в семье Тома, и в моей собственной. Одному из моих дедушек в молодости предлагали вступить в профессиональную команду (он отказался, так как не хотел оставлять свою овдовевшую мать), а отец Тома и его брат играли как любители, когда были взрослыми. Мне нравилось, что наши мальчики занимаются этим классическим американским видом спорта, как и их дедушки, и прадедушки. И Дилан, и Том были огорчены, когда Дилан, поступив в девятый класс Колумбайн Хай, не попал в школьную бейсбольную команду.

Гладкая подача Байрона с правой руки позволила ему играть, пока сам спорт ему не наскучил. Дилан тоже был питчером, но подавал с левой и выстреливал мячом, как из пушки, стараясь выбить бэттера. Его отличительной чертой была сила броска, и он часто жертвовал точностью ради скорости. Со временем из-за такого стиля подачи Дилан повредил руку. В то лето, когда Дилан перешел в восьмой класс, Том нанял тренера, чтобы мальчики могли улучшить свою форму. Во время одной из тренировок Дилан выглядел так, как будто с чем-то борется. Неожиданно он перестал бросать вообще, его глаза расширились. Том поспешил к нему, опасаясь, что он или тренер зацепили Дилана слишком сильно. Отец увидел, что глаза мальчика наполнены слезами:

— Рука болит слишком сильно, чтобы бросать, — сказал он.

Том был в шоке. Ранее Дилан никогда не упоминал ни о какой боли, хотя позже мы узнали, что он терпел ее несколько месяцев, и она ухудшалась после каждого броска. Для Дилана было типичным, что он не говорил ни слова: он был настроен на то, чтобы преодолевать трудности силой воли. Том немедленно отвез сына к врачу. У Дилана оказалось болезненное воспаление вокруг локтевых сухожилий, и врач рекомендовал ему на время прервать бейсбольные тренировки. Сын не занимался до следующего лета, когда начал тренироваться для отборочных турниров в бейсбольную команду Колумбайн Хай.

У Тома также начались серьезные боли в суставах. (К тому времени, когда Дилан перешел в старшую школу, Тому поставили диагноз — ревматоидный артрит, — и в течение нескольких следующих лет он перенес операции на коленях и предплечьях.) Так как он больше не мог бросать мяч, то не мог и помочь Дилану тренироваться, поэтому для мальчика пришлось нанять тренера.

Как выяснилось, рука Дилана все еще болела. В день отборочного соревнования эти двое составляли великолепную пару: Дилан, поддерживающий свой локоть, и Том, колени которого так болели, что он с трудом смог доковылять до поля.

Зная про его травму, мы приняли новость о том, что Дилан не попал в команду, со смешанными чувствами. Хотя мы с Томом и разочаровались, что он не будет заниматься спортом в старшей школе, но не хотели, чтобы сын увлекся чем-то, что может нанести серьезный вред его здоровью. Как семья мы постарались минимизировать убытки и двигаться дальше. Со своей стороны Дилан заявил, что в любом случае ему не понравились некоторые ребята в команде.

Его страсть к спорту полностью не исчезла. Он по-прежнему с религиозной преданностью следил за профессиональным бейсболом и иногда ходил на игры вместе с отцом. Со временем сын вступил в лигу воображаемого бейсбола. Тем не менее, то, что он не попал в команду, оказалось куда большей потерей, чем мы думали, так как его основное внимание переключилось с бейсбола на компьютеры.

Дилан и Байрон не имели права пользоваться школьным автобусом, чтобы добираться до Колумбайн Хай, поэтому мы с Томом должны были привозить и забирать их. Когда Дилан начал учиться в девятом классе, мы разработали план, который отдавал должное его самостоятельности: после уроков он приезжал на автобусе в колледж, где я работала, и оставался там, пока не заканчивался мой рабочий день. Я обожала, когда Дилан сидел у меня в офисе, пока я работала. Я держала для него полный ящик стола со всякими вкусностями, но этот ящик часто даже не открывался, потому что женщины в нашем отделе баловали сына домашними лакомствами. Если домашние задания были сделаны, Дилан ходил в комнату отдыха для студентов, чтобы посмотреть телевизор, или в кафетерий — выпить молочный коктейль. Иногда он забрасывал свои длинные ноги на стол в моем офисе, чтобы подремать.

Когда Дилан был в десятом классе, он стал волонтером в детском саду, размещавшемся в кампусе. Его начальник был моим коллегой, и я иногда останавливалась, чтобы посмотреть на Дилана за работой. Верный себе Дилан был на детской площадке, выстраивая малышей, ждущих своей очереди покачаться на качелях, в аккуратные линии.

Каждая мать беспокоится о социальных аспектах, когда ее ребенок переходит в старшую школу, но я беспокоилась меньше других. Дилан был высоким и несколько эксцентричным, он никогда не входил в верхушку школьной иерархии, всегда

занятую спортсменами, но его социальная жизнь в старшей школе расцвела. У сына было три близких друга, с которыми он проводил почти все свое свободное время. В любые выходные один из них был в нашем доме или Дилан был у них. У всех четверых — Дилана, Зака, Ната и Эрика — имелись и другие друзья, но, казалось, эти ребята были ближе всех нашему сыну.

Дилан познакомился с Натом, мальчиком, которого я считала самым близким его другом, в средней школе. Нат был единственным ребенком в семье, его растили мать и отчим. Как и Дилан, Нат был долговязым, худым и высоким, у него были длинные темные ресницы и черные волосы. Тем не менее, в отличие от Дилана он был очень открытым и с готовностью болтал о чем угодно со скоростью сто слов в минуту. В первые годы своей дружбы двое мальчиков проводили почти все свое свободное время на улице, играя в мяч и другие игры. Нат легко обыгрывал Дилана в баскетбол, но Дилан брал реванш, когда они играли в бассейне позади нашего дома. Когда Нат оставался у нас ночевать, мальчики засиживались допоздна, купаясь в бассейне, играя в видеоигры или пробуя кулинарные рецепты из вечерних шоу. (Дилан даже среди вечно голодных подростков был знаменит своим аппетитом. Кроме того, он любил рисковать. Когда его друзья ходили с нами пообедать в ресторан, они обычно ограничивались стандартным набором жареных блюд, тогда как Дилан мог поэкспериментировать с кальмарами или жареной на решетке уткой.)

Нат проводил много времени у нас в доме. Он был первым, кто бросался мне помочь, когда я переступала порог с тяжелыми сумками с продуктами или бельем из прачечной. Этот парень часто хвалил мою еду. Я рада, когда у меня полон дом народу, и никогда не жаловалась, если группа подростков, как саранча, набрасывается на мою кухню. Хотя из-за того, что наш дом находился достаточно далеко, такое случалось не часто.

С Заком Дилан познакомился, когда они были в девятом классе. Отец Зака был университетским профессором, который стал администратором, а мать руководила молодежной группой в церкви, в которую мы ходили, когда мальчики были маленькими. Зак был дружелюбным и отзывчивым, с коренастой фигурой, круглым лицом и короткими каштановыми волосами. Его дом всегда был в эпицентре какой-нибудь необычной деятельности: кажется, у них постоянно устраивали барбекю, катались на лодках или зажигали на вечеринке в бассейне, — и Дилан проводил там много времени. Мне особенно нравилась их дружба с Заком из-за того, что тот был общительным и компанейским. Зак никогда не возражал быть в центре внимания, благодаря чему

внимание доставалось и Дилану.

Зак и Дилан оба интересовались техникой. Однажды летом они обошли все гаражные распродажи в окрестностях дома Зака в поисках старого телефонного оборудования. Они задумали сделать портативную телефонную систему. (Это было еще до сотовых телефонов.) Мальчики очень гордились тем, что у них вышло — старым телефоном, прикрепленным болтами внутри потрепанного чемоданчика. Им удалось заставить эту штуку работать достаточно хорошо, чтобы вызвать электрические помехи в телефонах в нашем доме.

Благодаря Заку в конце десятого класса Дилан начал интересоваться звуковой техникой для театральных спектаклей. Посмотрев постановку «Пока, пташка», я зашла к Дилану в кабину звукооператора и была поражена тем, как он управляется с огромным количеством переключателей и рукояток на такой сложной панели. Дилан любил это занятие. Он часами просиживал на репетициях и экспериментировал с обработкой звука на своем компьютере, чтобы сделать оригинальный саундтрек для постановки «Франкенштейна», режиссером которой был его друг Брукс. Иногда люди подходили к нему и просили его побыть звукооператором на их конкурсах талантов, церковных собраниях или на менее официальных постановках во внешкольное время.

Зак был первым из друзей Дилана, у которого появилась девушка. Дилан завидовал удаче своего друга, но, тем не менее, подружился с подругой Зака, Девон. После смерти Дилана Девон сделала для меня книгу фотографий и историй о нем. Меня поражало, насколько она доверяла Дилану. Когда ее чувства были задеты или у нее были конфликты с другими людьми, за поддержкой Девон обращалась именно к нему: «Я звонила Дилану по телефону или болтала с ним через компьютер. Это было самое лучшее лекарство, какое я только могла получить. Дилан был самым лучшим слушателем из всех, кого я только встречала».

Четвертым членом команды был Эрик. Дилан также познакомился с Эриком еще в средней школе. Отец Эрика служил в армии и, выйдя на пенсию, поселился в районе Денвера. Когда Эрик и Дилан встретились, их семья прожила здесь совсем недолго. Мы познакомились с Харрисами, когда мальчики начали проводить время вместе. Они нам понравились, хотя мы никуда не ходили с ними вместе. В конце восьмого класса и Дилан, и Эрик были отмечены наградами за успехи в математике. Когда они вышли на сцену получить свои дипломы, я прошептала Тому на ухо, что они как две горошины из одного стручка. (Это было

еще до того, как Дилан резко вырос.)

В средней школе Дилан и Эрик пересмотрели вместе кучу фильмов и полюбили ходить в боулинг. Однажды они соорудили приспособление для того, чтобы перебрасывать картофелины из одного конца сквера в другой. Когда они подросли, то добавили к своим интересам общение с девочками, компьютерные игры и музыку, а также бейсбольные игры и концерты. В старшей школе Эрик оставался маленьким и достаточно хрупким, тогда как Дилан очень вырос. Эрик был старше и получил водительские права раньше Дилана.

Их дружба не выглядела более тесной, чем отношения Дилана с другими мальчиками; если что, я бы сказала, что Дилан был более близок с Натом. Тем не менее, она в чем-то казалась более закрытой. Я никогда не чувствовала себя так свободно с Эриком, как с Натом и Заком, хотя он всегда относился к нам с уважением и был идеально вежлив, если неподалеку были мы с Томом. Я не помню, чтобы он задавал мне какие-то вопросы или рассказывал смешные истории о Дилане, как делали Зак и Нат, но он явно был умным, дружелюбным и забавным.

Возможно, это показательно, что у меня нет таких воспоминаний об Эрике, какие есть об остальных друзьях Дилана. Я задавала себе вопрос, насколько это связано с тем, что с Заком и Натом я встречалась и после смерти Дилана и имела возможность видеть, как они взрослеют. Я все еще общаюсь с Натом, он поздравляет меня с праздниками и приходит навестить, когда бывает в городе. Я точно знаю, что мы не замечали ничего необычного или тревожащего ни по поводу Эрика, ни по поводу их дружбы с Диланом вплоть до того происшествия, которое случилось практически в конце одиннадцатого класса. Иначе мы с Томом не позволили бы Дилану поддерживать эти отношения.

В старшей школе у Дилана не было девушки, но они с друзьями проводили время с девочками. Свидания группами были обычным делом в их возрасте. Девушку, с которой он ходил на выпускной, Дилан встретил в школе, они вместе посещали уроки алгебры. Когда Дилан только начал проводить время с Робин, я засыпала его вопросами о ней и о ее семье так же, как я расспрашивала и обо всех его друзьях. Он смеялся:

— Поверь мне, мама, тебе не о чем беспокоиться насчет Робин. Она как раз такая девушка, с какой ты хотела бы меня видеть, — круглая отличница!

Когда я спросила, какая она, Дилан пожал плечами и сказал:

— Она просто милый человек.

Спустя несколько дней я познакомилась с ней и поняла, что

Дилан был прав: Робин была очаровательна. На меня произвело впечатление, как она, казалось, спокойно чувствует себя рядом со мной и Томом.

До того, как Дилан и его друзья получили водительские права, нам было легко общаться с ними и их родителями, поскольку для того, чтобы мальчики могли собраться вместе, их должен был кто-то отвезти. Мы с Томом всегда останавливались, чтобы поздороваться с другими родителями и согласовать планы, когда мы заберем Дилана. Мне было приятно знать, что мы свободно можем говорить друг с другом о наших детях, если возникнет необходимость, хотя причин для этого почти никогда не было.

Когда Дилан и его друзья доросли до того, чтобы работать, он и его ближайшие друзья, в конце концов, стали работать в кафе «Блэкджек пицца». Первым работу там получил Зак, Дилан присоединился к нему чуть позже, а Эрик и Нат — после него. Дилан хвастался своим умением быстро приготовить великолепную пиццу. Когда стали поступать чеки с оплатой, я помогала сыну открыть текущий и сберегательный счета в банке. После его смерти я обнаружила аккуратные ящички, заполненные выписками по банковскому счету, счетами-квитанциями и информацией о налогах. Том или я отвозили Дилана на работу и забирали обратно, если его не мог подвезти никто из друзей. Нам обоим приходилось долго дозваниваться, чтобы выяснить, в какое время забирать сына. Только тогда мы и слышали профессиональный голос Дилана, обслуживавшего заказчиков.

Оценки Дилана в старшей школе колебались в зависимости от того, насколько ему нравился предмет и учитель. Мы были разочарованы тем, что сын так и не достиг того уровня успеваемости, который был у него в начальной школе. С другой стороны, я с облегчением вздохнула, увидев, что он стал легче относиться к оценкам. Когда Дилан был младше, его перфекционизм угнетал и его самого, и иногда даже нас, хотя я могла поставить себя на его место. Поэтому я не возражала, когда его аккуратная комната приобрела более типичный для подростка вид. В конце концов, он нашел интересные для себя области, в которых достиг вершин, точно так же как Том и я; мои собственные оценки были средними вплоть до магистратуры.

Я уже знала, что перфекционизм часто является характерной особенностью для детей с особыми потребностями. По иронии судьбы иногда он может разрушить их потенциал. Ошибка или неудача, на которые обычные дети не обратят внимания, могут уничтожить ребенка с нереальными и недостижимыми ожиданиями. Их самооценка может понизиться, что приведет к

тому, что они будут стараться уходить от любых интеллектуальных вызовов на своем пути. Оглядываясь назад, я думаю, что природный перфекционизм Дилана и наша неспособность помочь ему взрастили его нереалистичное восприятие себя самого, что породило в Дилане отчужденность в конце его жизни.

В колледже Дилан планировал специализироваться на компьютерных технологиях. Как и отец, он любил мастерить, и они многое делали вместе: выполненные по индивидуальному заказу колонки и ремонт машин. Также Дилан и Том любили подшучивать друг над другом, например, настраивая компьютеры друг друга так, что они встречали своего пользователя при запуске машины неожиданными звуками, такими как вой собаки, «поющей» рождественский гимн.

В десятом классе Дилан собрал свой собственный компьютер. Они с друзьями любили играть в видеоигры и экспериментировать с различными визуальными и аудиоэффектами. В конце концов, он стал бета-тестировщиком для продукции компании Майкрософт. Я считала Дилана компьютерным фанатом. Конечно, я бы предпочла, чтобы они с друзьями проводили больше времени на улице, особенно потому, что мы жили недалеко от самых лучших в мире мест для пеших походов, катания на лыжах и сноуборде. Но ни я, ни Том не считали, что то время, которое Дилан проводит у компьютера, было безнадежно потерянным. Он не замыкался чрезмерно, и, хоть и неохотно, но выбирался с нами на обед или в кино, если мы его об этом просили. Никто из нас не считал компьютер инструментом разрушения или злонамеренного поведения. Если бы мы так думали, мы бы не позволили Дилану использовать его.

Принимая во внимание вышесказанное, мы с Томом не смотрели, что Дилан делает на своем компьютере. Сейчас это кажется потрясающе наивным, но то было другое время. В любом случае, в те дни я и понятия не имела, как проверить историю посещений его браузера или использование сетевых ресурсов, я сама только начинала пользоваться сетью Интернет. Я находила поводы заходить в комнату Дилана, поэтому могла бросить взгляд на то, что он делает. Однажды он сидел в чате и выглядел раздраженным, когда я заглянула через его плечо. Когда я попросила его перевести их жаргон, все звучало как типичный (и очень глупый) подростковый разговор. Я знала, что изображения сексуального характера в изобилии доступны в сети Интернет и предполагала, что мальчики интересуются ими, как и большинство подростков, хотя никогда не заставала Дилана

глазеющим на них.

Даже если бы я знала о том, что в Сети было много опасного содержания, то никогда бы не заподозрила, что Дилан может заинтересоваться такими вещами, которые приведут его к самоубийству и убийству других людей.

У Байрона не было никакого желания идти в колледж, по крайней мере, он не собирался туда сразу после окончания школы. Мы с Томом не хотели конфликтовать с ним в вопросах, которые не касались наших правил (никакой выпивки, наркотиков и сигарет на нашей территории), но мы волновались, что Байрон окажется в менее организованной обстановке.

После бесконечных разговоров Том, Байрон и я отправились к его психологу. Психолог прямо спросил Байрона, готов ли он работать и жить отдельно, и Байрон уверил его, что вполне готов. С нашей стороны мы могли только надеяться, что требования реальной жизни помогут нашему сыну повзрослеть. С благословения психолога Байрон вместе со своим лучшим другом снял дешевую квартиру на другом конце города, и они вдвоем уехали из нашего дома на грузовичке-пикапе, груженом оставленной про запас мебелью, кухонной утварью и несколькими коробками продуктов. Будучи оптимисткой, я еще положила набор чистящих средств.

Дилан не мог дождаться переезда в более просторную комнату брата с большим количеством окон. Ремонтом занималась вся семья. Мы с Томом заменили выдвижные двери кладовок на зеркальные, так что комната стала казаться в два раза больше. Дилан потребовал, чтобы одна стена была выкрашена в глянцево-черный цвет, что эффектно смотрелось с современной черной мебелью, которую оставил Байрон. Дилан поставил свой компьютер у черной стены, а по всей остальной комнате развесил постеры. Над компьютером Том повесил полку, где Дилан мог хранить свои диски, а под ней прикрепил флюоресцентную лампу.

Для меня переезд Дилана в комнату Байрона означал конец его детства. Хотя он уже был ростом в шесть футов, я с грустью смотрела, как он пакует свои игрушки в коробки и ставит на них пометки для хранения. После смерти Дилана я открыла эти коробки, наполненные так когда-то им любимым лего. В большинстве из них сохранились оригинальные упаковки и инструкции по сборке, почти разорвавшиеся по сгибам от частого использования. Меня наповал сразило то, как много в этом было от характера Дилана, — педантично разобрать даже те вещи, которые он убирал на хранение.

К тому времени, как Дилан переехал в бывшую комнату своего старшего брата, он получил ученические права. Несмотря на то, что нам было трудно видеть, как он делает еще один шаг к взрослению, отдаляясь от нас, мы тоже радовались. Друзья всегда охотно подвозили сына, но мы жили в добрых пятнадцати или двадцати милях от их маршрута и Дилана очень раздражало, что он был единственным среди своих друзей, кто не мог водить машину из-за возраста.

Вначале Том отвез Дилана вечером на пустую парковку, чтобы он почувствовал, как это — водить машину. Затем они проработали езду по улицам города, фривеям и, наконец, по извилистым горным дорогам. Когда мы первый раз отправились на обед в новую квартиру Байрона, мы разрешили Дилану половину пути вести машину самому. (Байрон гордо угостил нас двойной порцией гамбургеров из полуфабрикатов. Ожидая недостаток овощей, я привезла салат.) К августу Дилан брал уроки вождения, чтобы получить более низкую ставку автострахования.

Все, связанное с переездом Байрона, было болезненным, но, увидев, как он расположился в новой квартире, мы поняли, что это было правильное решение.

— Теперь мы можем сосредоточиться на Дилане, — сказала я Тому, хотя, казалось, и сосредотачиваться нам было не на чем.

Наш младший сын как будто прочно стоял на ногах. Если он понимал, для чего создано какое-то правило, он почти всегда следовал ему.

Возможно, Дилан перестал быть таким непосредственным, приятным и общительным, каким он был в более раннем возрасте. Что представляет из себя мальчик-подросток? Но до того, как случилось то происшествие в одиннадцатом классе, я не видела ничего — ничегошеньки — в жизни нашей семьи, что могло бы указать на то, какая трагедия случится в скором времени.

Глава 7. От одной матери к другой

Сегодня я начала писать письма-соболезнования семьям жертв. Это было очень трудно. Трагедия унесла жизни всех этих детей. Писать почти невыносимо, я должна это сделать. От сердца одной матери к другой.

Запись в дневнике, май 1999 года

С самого детства мне было приятно быть кому-нибудь полезной.

Мой дедушка организовывал грандиозные пикники на своей ферме, куда приглашали тех, кто работал в его компании и в благотворительных обществах, которые он поддерживал. Я старалась быть полезной, меняя бумажные тарелки. В школе я любила помогать уборщицам прибирать в столовой вместо того, чтобы пойти на игровую площадку во время перемены. Я по-прежнему такая. «Дайте мне работу», — говорю я во время свадеб и продолжаю повторять эту фразу, пока мне не поручат что-нибудь передавать или разливать.

Но я абсолютно ничего не могла сделать, чтобы помочь кому бы то ни было в дни после кровавой и жестокой расправы, которую мой сын устроил в школе Колумбайн Хай.

Озабоченные друзья и священники хотели собрать семьи вместе, но первый судебный процесс состоялся спустя несколько дней после трагедии, и наши адвокаты отвергли саму мысль о том, что мы встретимся с семьями жертв лицом к лицу. Я тоже не могла себе представить, что кто-нибудь из тех, кого коснулись эти события, захочет встречаться со мной вскоре после стрельбы.

Люди настоятельно советовали нам с Томом сделать публичное заявление в средствах массовой информации. Так мы и поступили через несколько дней после трагедии, принеся свои извинения и рассказав о своем потрясении и горе. Даже после этого я чувствовала необходимость прямо поговорить с семьями жертв Дилана и теми, кто остался в живых. Я решила написать письма-соболезнования каждой из этих семей.

Я была не так глупа, чтобы думать, что найдутся слова, которых будет достаточно для того, чтобы все исправить. Но мне

нужно было дать этим семьям знать о моей скорби из-за того, как они пострадали от руки моего сына. У меня была мысль, что, если я смогу проявить доброту, она может уравновесить жестокость Дилана в то ужасное утро. И, хотя в этом нет ничего благородного, я хотела, чтобы они поняли: несмотря на то, что я любила его, я — не Дилан.

То, как я писала эти письма, по-прежнему остается одним из самых трудных дел, которые мне приходилось делать в жизни. Для того, чтобы закончить их, мне потребовался целый месяц. Как я могла передать свое сопереживание, когда одно упоминание моего имени, скорее всего, усилит страдания этих семей? Как я могла обращаться к кому-то как товарищ по несчастью, когда из-за моего сына — человека, которого я родила на свет и любила больше жизни, — они сейчас переживают мучения? Как можно сказать: «Простите, мой сын убил вашего ребенка»?

Трудность написания этих писем осложнялась еще и конфликтом, который появился из-за них в нашей семье. Том был против этой идеи. Он опасался, что эта рассылка соболезнований будет означать, что мы принимаем личную ответственность за происшедшее. Узнавать о жертвах и о том, как они умерли, было для него невыносимо, и он избегал этого.

У меня было другое чувство. Если мое письмо может дать этим людям хоть каплю успокоения и открыть мне дверь для общения с ними, я не могла отказаться от такого шанса. Я должна была сделать хоть что-то. Я надеялась, что моя человечность может принести хотя бы крупицу мира в души людей, которые до конца жизни будут страдать от жестокости моего сына.

Я целенаправленно избегала смотреть выпуски новостей, но чтобы написать семьям жертв, мне нужно было узнать больше о тех, кого они любили. Поэтому я заставила себя читать газеты, где писали об учителе и убитых детях. Я никогда не хотела обезличивать погибших и раненых, думая о них как о безликих жертвах. В каждом случае мне нужно было знать, какое потрясающее сокровище потеряли их родные.

Скорбь становилась только сильнее с каждой деталью биографии, которую я читала. Знание о том, чем был интересен каждый человек и что говорят о нем его друзья и любимые, разбивало мое сердце. Безвозвратность потерь, мысль о том, что Дилан отнял у невинных людей их драгоценные жизни и будущее, которое должно было быть у них, была нестерпима. Как он мог причинить такую боль? Как кто-то, выросший в нашем доме, мог это сделать?

Временами писать эти письма было как стоять в опасной близости от огня, и иногда мне приходилось отступать. Каждый

день мне хотелось убежать как можно дальше от бумаг на моем столе. Но я знала, что если так сделаю, то потеряю свою связь с тем, что произошло. Колумбайн уже стала тем громоотводом, каким эта трагедия является по сей день, символом вреда от издевательств в школе, психических заболеваний, безответственных родителей, оружия. Как и все остальные, я верила, что есть ответы, которые надо искать, но пока не была готова обрести утешение в отстраненности. Колумбайн — это не проблема оружия или издевательств в школе, это прежде всего пятнадцать человек, которые погибли, и двадцать четыре человека, которые получили травмы, порой неизлечимые.

Но, пытаясь писать письма-соболезнования, признавая ответственность моего сына, я яростно отвергала мысль о том, что Дилан может быть виновен в чьем-то убийстве. Когда я писала, в глубине души была уверена, что люди, получившие смертельные ранения, были застрелены Эриком, а не Диланом. В письмах я упоминала о той «роли», которую Дилан сыграл в трагедии, потому что все еще не знала, что же на самом деле случилось в тот день. Мне было известно только о раненых и убитых людях. Я говорила о «моменте умопомрачения», потому что я считала, что Дилан должен был действовать импульсивно, для меня было немыслимым, что его участие могло быть запланировано заранее. Я все еще не верила, что мой сын был убийцей, потому что не смела вообразить, что он намеревался убивать.

Я боялась, что многие семьи будут оскорблены моей бесцеремонной попыткой обратиться к ним. Они скажут — и это будет совершенно верно, — что у меня нет права даже упоминать дорогие им имена. Когда я перечитала первую пачку написанных писем, я была готова их выбросить. Слова, застывшие на бумаге, были стыдными, жалкими, неадекватными.

Но писать их — это было единственное, что я могла сделать. Я не могла отменить то, что сделали Дилан и Эрик. Я не могла ни вернуть жизни, которые они отняли, ни исцелить тех, кого они ранили физически и психологически. Я была бессильна заглушить шок после трагедии ни у себя, ни у кого-либо еще, и я понимала, что не могу управлять тем, как люди мне ответят. Я не ждала ни прощения, ни понимания, ни о чего-либо еще, кроме шанса попросить прощения.

> Сегодня прочитала, что мистер Рорбоф убрал кресты Дилана и Эрика[10]. Я не виню его. Никто не должен ждать, что скорбящие семьи жертв будут теперь жалеть

Дилана и Эрика. Я бы чувствовала то же самое.

Запись в дневнике, май 1999 года

Через неделю после стрельбы мой брат Фил приехал, чтобы провести с нами несколько дней. Моя сестра не смогла к нему присоединиться: одна из ее дочерей-подростков, кузина Дилана, была так травмирована новостями о том, какую роль Дилан сыграл в трагедии Колумбайн, что ей потребовалась медицинская помощь.

Фил приехал, чтобы успокоить нас, но что он мог сказать? Мы были тенями людей, призраками самих себя, двигающимися через бесконечные сумерки замешательства, стыда и горя. Наши дни измерялись юридическими предписаниями и параноидальными мерами безопасности, которые мы вынуждены были принимать, чтобы избежать любопытных журналистов и тех, кто мог причинить нам вред.

Лицо Дилана было повсюду: Убийца, Террорист, Неонацист, Отщепенец, Подлец.

Вскоре после стрельбы мы испытали еще одно ужасное потрясение. Сообщили, что Робин, девушка, с которой Дилан ходил на выпускной бал, купила три ружья для мальчиков.

Моей первой мыслью было: «Ох, нет, бедная Робин!» В один миг я увидела все: она сделала это, потому что они ее попросили, потому что они ей нравились, потому что она была милым человеком. Она никогда, ни за что не сделала бы этого, если бы считала, что это небезопасно. «Ей придется жить с этим всю оставшуюся жизнь», — подумала я. А потом в тысячный раз: «Посмотри, как много людей, которым они причинили боль».

После трагедии нас настигали все новые и новые потрясения. По-прежнему почти изолированная от новостей и всего окружающего мира, я слышала только их слабые отзвуки. Почти год я не знала, что Мэрилин Мэнсон из уважения к памяти погибших отменил свои концерты в наших краях или о том, что Национальная ресторанная ассоциация не отменила свое ежегодное собрание, проходившее в отеле, расположенном в пятнадцати милях от школы, всего через десять дней после стрельбы.

Я узнала, что школьной администрации и полиции сообщали о веб-сайте Эрика, том самом, о котором сказала мне Джуди Браун в тот ужасный день стрельбы, и о том, что на сайте Дилан и Эрик открыто говорили о бомбах из обрезков труб и убийствах людей.

И я увидела фотографию Дилана на обложке журнала «Тайм»

с подписью «Чудовища по соседству». Несмотря на чудовищность того, что он сделал, мне было очень больно увидеть это слово, использованное для того, чтобы описать его. Было почти сюрреалистично видеть его лицо над прогремевшим на весь мир заголовком. Все еще трудно было поверить, что Дилан сделал что-то настолько вопиющее, что об этом стало известно соседям, не говоря уж обо всем остальном мире.

Я прочитала статью. На следующий день я писала:

«Депрессия по-настоящему нахлынула после того, как вчера я прочла статью в „Тайм“. Они показали Дилана как милого ребенка, сбившегося с пути. Это причиняет более сильную боль, чем его изображения как негодяя, потому что показывает, как бессмысленно это все было. Он не должен был делать ничего этого. Он был так близок к жизни после школы. Если он и был подавлен, то не показывал нам этого».

В городе появился самодельный мемориал в память жертв трагедии — пятнадцать грубо сколоченных деревянных крестов, по одному на каждого погибшего, включая Дилана и Эрика. Тут же кресты Дилана и Эрика были сломаны и выброшены в мусорный контейнер. Приходская группа посадила пятнадцать памятных деревьев на земле, принадлежащей церкви, но полиции и прихожанам оставалось только бессильно наблюдать, как два из них были сломаны.

Конечно, я понимала, почему горожане не хотят, чтобы Дилана и Эрика оплакивали или память их увековечивали, но это беспрепятственное проявление агрессии напугало нас. Через несколько дней после своего приезда мой брат принял предложение ночевать в доме соседей. Он убеждал нас пойти вместе с ним:

— Вы в состоянии шока, вы не видите, как все это опасно.

Мы были в шоке, но не то чтобы мы ничего не видели, нас просто это все не волновало. В одну особенно плохую ночь Том утомленно сказал:

— Жаль, что он нас тоже не убил.

В течение следующих лет эта мысль появлялась у нас во многих случаях.

Один репортер заполучил записи с нашего телефона и начал звонить всем, с кем мы общались в предыдущие месяцы. Наши друзья и родные и так уже были измучены вниманием прессы, но теперь журналисты начали появляться в двух многоквартирных домах, которые принадлежали нам, чтобы опросить наших арендаторов. Мы так много работали, чтобы создать семейный бизнес, и безопасность и покой наших арендаторов были для нас приоритетом, но их донимали только потому, что они имели

несчастье поселиться в одном из наших домов. Мы не видели способа защитить их, поэтому поспешили продать здания.

Мы думали о том, чтобы уехать из наших краев, но чем враждебнее становился окружающий мир, тем ценнее становилась поддержка нашего внутреннего круга. Мы прожили в Литтлтоне больше десяти лет, и люди, которых мы любили, тут же встали на нашу сторону. В те дни, когда я не была уверена, что буду жить дальше, появлялись друзья, которые поддерживали меня.

Если Бог посылает нам свою любовь, то я думаю, что она проявляется через действия людей. В это ужасное время нас поддерживала забота тех, кто был вокруг нас. Друзья и родные укрепляли наше мужество ежедневными звонками и лаской. Соседи приносили нам домашнюю еду и возвращали пустую посуду ее владельцам. Наши друзья быстро научились, что не стоит защищать нас перед прессой, потому что многие из них увидели, как их слова искажают или окружают таким контекстом, что они звучат совсем по-другому. В первые дни, когда наш телефон разрывался от предложений дать интервью, звонков незнакомцев, а также и друзей — двадцать или тридцать звонков в день — наш самый близкий сосед принес нам определитель номера, чтобы мы могли знать, когда будет безопасно снять трубку. Теперь мы видели, откуда приходит каждый звонок.

На День матери после стрельбы подруга, которая хорошо разбиралась в садоводстве, скупила все цветы, выставленные на распродажу в местном питомнике. Когда я вернулась домой, меня встретило изобилие весенних цветов, стоящих в горшках на моем крыльце: вербена, петунии, гвоздики, лобелии, ноготки. Это был красивый подарок, сделанный от всего сердца, и самой удивительной новостью оказалось, что я все еще могу восхищаться такими вещами.

Чтобы справиться со своим горем и выяснить, что же происходило в голове у Дилана, нам нужно было говорить с людьми, которые его знали, но у меня не было никакого желания ставить наших друзей в неудобное положение, если им, возможно, придется выступать в качестве свидетелей во время процесса. (Нам запрещалось говорить о чем-либо, что имело юридическое значение, но буквально все имело юридическое значение.) Я от природы откровенна и привыкла свободно делиться своими мыслями с людьми, которых я люблю. Наш адвокат сказал мне, что я могу говорить только о своих чувствах, и я так и делала. Люди вокруг меня были настолько добры, что слушали меня, даже если я рассказывала одни и те же истории по нескольку раз.

Все, что я могла делать, — это только брать и ничего не давать взамен. Мне никогда не была нужна доброта окружающих сильнее, чем в то время, и я никогда не была более неблагодарна, чем тогда. Это чувство добавилось к неотступному ощущению вины. Моя краткосрочная память полностью исчезла. Я не могла вспомнить, кому я сказала спасибо или вообще хоть что-нибудь, чтобы выразить свою признательность. Я завела записную книжку, чтобы вспоминать, что я сказала или сделала, но я все равно уверена, что я не поблагодарила всех, кто этого заслуживал.

К концу первой недели после возвращения домой мы знали, что не сможем уехать из Литтлтона. Люди, которые знали Дилана раньше, которые помнили тот день, когда он провел игру, не позволив соперникам ни одного хита, которые могли посмеяться, вспоминая тот день, когда он один съел целое ведерко крылышек в KFC или которые смеялись до колотья в боку от его шуточек, жили здесь и хотели поделиться своими воспоминаниями о нашем сыне. Как мы могли выжить без них?

Кроме того, могли ли мы на самом деле бежать от всего этого? Не было никакого способа бежать от того ужаса, который совершил Дилан. Никакое перемещение в пространстве не могло отдалить нас от правды или от ее следа. Куда бы мы ни поехали, ужас все равно следовал бы за нами.

Слоняюсь одна по дому, пытаясь функционировать.

Запись в дневнике, апрель 1999 года

В начале семидесятых я работала арт-терапевтом в психиатрической больнице в Милуоки. Однажды я случайно услышала, как Бетти, одна из наших пациенток с шизофренией, говорит: «Я устала, меня уже просто тошнит от того, что мое лицо всюду преследует меня». Многие недели и месяцы после Колумбайн я вспоминала эту фразу. С нарастанием шокового состояния меня стали переполнять волны негативных эмоций, и я металась между изнурительной скорбью, страхом, злостью, унижением, тревогой, угрызениями совести, горем, бессилием, болью и безнадежностью.

Эти чувства не были новыми; они были моими постоянными товарищами с того момента, как в моем офисе раздался звонок Тома. Как бы защитные реакции ни уменьшали их воздействие в первые часы, теперь они стали менее эффективны. Чем больше дней проходило, тем слабее становилась изоляция, которая не

давала мне полностью ощутить то, что сделал Дилан, и мои эмоции, когда они появились, буквально обжигали. Я больше не могла отдалять себя от боли окружающих или притворяться, что не мой сын вызвал ее. Если я видела фотографию похорон жертвы на первой странице местной газеты, я не могла двигаться, раздавленная весом моего горя и сожалений. Я с трудом могла функционировать.

Я всегда была сверхорганизованной и деятельной, человеком, для которого нет ничего более приятного, чем продвигаться по своему списку текущих дел. В недели, последовавшие после Колумбайн, если я делала что-нибудь одно за весь день — разгружала посудомоечную машину или оплачивала счет, — то это был хороший день. Я еще не могла вернуться в офис, но, по крайней мере, моя работа в сфере реабилитации инвалидов дала мне представление о ситуации. Симптомы сильного горя — потеря памяти, дефицит внимания, эмоциональная хрупкость, выводящая из строя усталость — удивительно похожи на симптомы, возникающие в результате повреждения головного мозга.

В некоторые дни я беспокоилась, что теряю связь с реальностью. Однажды утром я сидела на краю кровати, пытаясь одеться. Я надела один носок, потом целый час смотрела в пространство, пока смогла надеть другой. На то, чтобы одеться полностью, мне потребовалось почти четыре часа. В другой день мне позвонила подруга, чтобы узнать, как я себя чувствую.

— Я ничего не делаю. Почему я так устаю? — искренне озадаченная спросила я.

Она ответила мне, вспомнив свой собственный опыт потери:

— Ты не ничего не делаешь. Ты горюешь, а это тяжкий труд.

Мое горе по Дилану было в центре всего. Оно пробивалось сквозь любые обстоятельства, но еще сильнее усугублялось тем, что я не понимала сына, и чувствовала свою вину в тех разрушениях, которые он причинил. Мой мир вращался вокруг этой оси.

Друзья, которые знали, что я иногда рисую, когда у меня проблемы, дарили мне книги по искусству и новые альбомы, чтобы соблазнить меня заняться рисованием. Но для меня было практически невозможно открыть их. Если я надевала яркие вещи, то это заставляло меня чувствовать почти физическую боль. Жизнь, когда-то наполненная работой, семьей, ведением дома, рисованием и друзьями, со скрипом остановилась. Длинные вечерние прогулки между скал, окружающих наш дом, в компании наших соседей приносили мне единственное облегчение.

В начале мая школьная администрация решила, что ближайшие друзья Дилана не будут присутствовать на своей собственной выпускной церемонии, назначенной на конец месяца.

Вначале несправедливость этого решения разбудила во мне настоящую волну гнева и желание защитить друзей Дилана. Они были хорошими ребятами и тоже испытали боль. Большинство из них держали с нами связь, предлагали свою поддержку и говорили, что были так же слепы, как и мы. Некоторые приходили в наш дом, приносили фотографии и видеозаписи Дилана, открытки, которые он им дарил. Девушка Зака Девон приготовила для нас книгу с фотографиями Дилана и написанными от руки воспоминаниями, с обложкой, которую она сделала сама. На каждой странице был Дилан, со смехом сталкивающий отца Зака в бассейн, одетый в гавайскую рубашку и гирлянды цветов на костюмированной вечеринке, которую устраивала Девон, дурачащийся с Заком и показывающий неприличный жест на камеру. Я часами рыдала над этими фотографиями, мечтая о подтверждении того, что этот чувствительный и любящий повеселиться ребенок, которого помнили мы с Томом, существовал на самом деле.

После того, как я поразмыслила, мой гнев по поводу выпускной церемонии утих, а его место заняла мрачная обреченность. Кто я была такая, чтобы злиться, даже от чьего-то еще имени? Это были чрезвычайные обстоятельства, а никаких учебников о том, как жить после самой чудовищной школьной стрельбы в истории, не существует.

После всех этих событий компания друзей Дилана рассыпалась, как бусины из порванного ожерелья. Ничего удивительного, что у многих из них в течение нескольких лет были серьезные трудности. Однажды Нат остановился у нашего дома по пути в город. Он попросил какую-нибудь вещь на память о своем друге. Эта просьба тронула меня, и я была очень рада, когда он выбрал солнечные очки Дилана, которые напомнили нам обоим о моем сыне в лучшие времена.

Но к тому же у Ната было что сказать нам. Он видел, как Дилан передавал толстую пачку денег одному парню, который работал в «Блэкджек пицца». Когда Нат нажал на него, Дилан признался, что это были деньги за пистолет.

Мы были оглушены этой новостью. Даже Том разозлился на Дилана за то, что тот лгал нам. Мы были зациклены на нашей вере в то, что Дилан был невинной жертвой, что Эрик привлек его в последнюю минуту, а тут стало очевидно, что он играл активную роль в покупке оружия. Это было еще одно

подтверждение того, что мой сын не был тем человеком, каким я его считала.

Через месяц после стрельбы я разослала письма семьям убитых. Наш адвокат смотрел новости, чтобы узнать о реакции на них. (Я все еще не могла включить телевизор.) Как мы и ожидали, реакция семей была очень разной. Некоторые приветствовали мою попытку. Другие разозлились; по крайней мере в одной из семей мое письмо порвали, не читая. Единого отношения к этому не было. В последующие недели, месяцы, годы, когда какой-нибудь человек или семья вели себя агрессивно, это помогало мне вспомнить, что вовсе не обязательно, что все семьи, которых коснулась трагедия, ведут себя так же.

В следующий месяц я получила два ответа от семей жертв. Одно письмо было написано сестрой-подростком убитой девочки. Она писала, что не винит нас в этой трагедии, и я разрыдалась от горя и радости одновременно. Затем в день моего рождения, одиннадцать месяцев спустя, мы получили письмо от отца мальчика, убитого в школьной библиотеке. Он выражал нам свои соболезнования и хотел бы чем-то помочь. Это письмо было как настоящий дар небес. Мы получили разрешение нашего адвоката ответить на него, но несколько лет не могли встретиться из-за множества юридических ограничений, наложенных на нашу семью.

То небольшое удовлетворение, которое я получила, разослав письма семьям жертв, было очень недолгим. Потерь было гораздо больше, чем те тринадцать человек, которые погибли. Я чувствовала, что мне нужно написать и тем двадцати четырем, которые были ранены. Среди них были ребята, которые больше не смогут ходить, и те, кому придется теперь жить с постоянной болью. После многих лет работы со студентами с ограниченными возможностями я хорошо представляла себе трудности, с которыми столкнутся пострадавшие ребята и их семьи. Я думала о физических и психологических страданиях, которые они должны были испытывать, и постоянном недостатке финансов. Некоторым придется приспосабливаться к изменениям, которые затронут каждую сторону их жизни. Даже если бы мы несли финансовую ответственность, никаких денег в мире не хватило бы, чтобы облегчить страдания, которые причинил Дилан.

Для того, чтобы написать вторую партию писем — семьям оставшихся в живых жертв, — мне потребовалось гораздо больше времени, чем для первой. Я снова боролась с недостаточностью своих слов и их несостоятельностью перед лицом всего, что потеряли эти люди. Как я решилась вмешаться в их жизни? Но я чувствовала, что должна что-то сделать.

Я устала каждый день просыпаться с разбитым сердцем, тоскуя по Дилану и желая закричать так громко, чтобы проснуться от того кошмарного сна, в который превратилась моя жизнь.

Я хочу снова держать Дилана в своих руках, прижимать его к себе, как я делала много лет назад, сажать его к себе на колени и помогать завязывать шнурки или собирать паззл. Я хочу поговорить с ним и остановить его, когда он только начнет размышлять об этом ужасном деянии.

Запись в дневнике, 11 мая 1999 года

В конце фильма «В поисках утраченного ковчега» есть сцена, где Индиана Джонс и его подруга связаны спина к спине. Они не могут ничего сделать, кроме как закрыть глаза, когда злобные летающие духи устраивают вокруг них разрушительную бурю. Мы с Томом были почти так же связаны друг с другом, предельно незащищенные и не имеющие возможности бежать, и мы не знали, останется ли что-нибудь от наших жизней после этого урагана. Наше горе только усиливалось после каждого нового открытия, связанного с Диланом.

Сразу после стрельбы мы начали посещать одного из психоаналитиков, рекомендованных нам в письме окружного коронера. Том и Байрон сходили на прием несколько раз, но вскоре пришли к выводу, что терапия не помогает. Я продержалась дольше, хотя мы с психоаналитиком едва только тронули поверхность моей боли. Казалось, его полностью подавила создавшаяся ситуация и величина того, с чем мы вынуждены были иметь дело. Он читал газеты, смотрел выпуски новостей и рылся в Интернете, чтобы узнать, как весь мир реагирует на трагедию. Когда я приходила на прием, он отрывался от своего компьютера и рассказывал об угрозах, которые были высказаны в прессе или в Сети. Я пыталась изолировать себя от этих потоков страха и негативной информации, поэтому такие доклады заставляли меня беспокоиться. Я уверена, что психоаналитик просто был озабочен нашей безопасностью, но временами он казался полностью поглощенным тем, что происходит вокруг нас во внешнем мире, а не моим внутренним эмоциональным состоянием.

Мы делали некоторые упражнения, направленные на то, чтобы справиться со своим горем, например, писали письма

Дилану, но мы с Томом никак не могли принять утрату ребенка. Да и как мы могли? Мы были опустошены тем сумасшествием, которое поглотило нас. Наша скорбь по Дилану была погребена под трудностями жизни, которую он создал для нас.

Также вскоре стало ясно, что мы с Томом в принятии нашей боли движемся в разных направлениях. Том был прирожденным предпринимателем, без капли моей внутренней осторожности. Он всегда был рад ввязаться в новый проект, не озаботившись тем, насколько трудно и дорого будет его закончить. Я влюбилась в его творческую натуру и была очарована его авантюризмом и отсутствием страха. Мы всегда были сильно привязаны друг к другу и имели одинаковое чувство юмора. Хотя кто может давать советы, как правильно справляться со своим горем, даже самому близкому человеку? Тем не менее, экстремальная ситуация, в которой мы оказались, начала подчеркивать, насколько разными мы с Томом были на самом деле.

Том искал объяснений: издевательства в школе, средства массовой информации, Эрик. Все это не имело никакого смысла для меня. Хотя я до сих пор отрицала степень участия Дилана в происшедшем кошмаре, мне легче было поверить, что он сошел с ума — или даже стал одержим дьяволом, — чем ссылаться на то, что он испытал нечто, что могло оправдать сделанное им.

В то время как присутствие тех, кто приходил в наш дом, успокаивало меня, Тому легче было быть одному. Мне казалось, что он хочет контролировать работающих на нас адвокатов, в то время как я была полностью уверена, что мы не в своей стихии и была благодарна, когда компетентный профессионал мог сказать мне, что делать.

Наш брак был вполне благополучным в течение почти тридцати лет, потому что мы дополняли друг друга. Но после Колумбайн мы, казалось, не могли прийти к согласию ни по одному вопросу. Мы неслись на одних и тех же американских горках, но никогда не оказывались в одном и том же месте в одно время. Если Том был грустен, я была в ярости. Если я злилась, он был грустен. Раньше я могла вовсе не обращать внимания на перепады настроения Тома и посмеяться над его колоритными тирадами. Но когда приходится переносить горе в такой экстремальной ситуации, твоя сопротивляемость к стрессу падает. Это было так, как будто с меня содрали кожу, не оставив никакой защиты между мной и переполняющими меня эмоциями. В своем дневнике я писала:

«Слова Тома звучат для меня как стук отбойного молотка, даже когда он говорит их совсем тихо. Его мысли никогда не совпадают с моими. Они всегда приходят откуда-то издалека и

полностью чужды тому, что я думаю».

Наши отношения с Байроном тоже стали напряженными. Он переехал обратно домой через несколько недель после смерти брата. К тому времени он прожил в отдельной квартире два года и привык быть независимым. Мы с Томом не могли перестать выкручивать ему руки и совать нос в его личную жизнь. Нам казалось, что то, что мы не совали нос в жизнь Дилана, и стало причиной трагедии в Колумбайн. Мы едва ли были рациональны, разум нам вернуло происшествие, случившееся однажды ночью, когда Байрон поехал поужинать с другом.

Погода была плохая, и мы с Томом не могли уснуть, беспокоясь об опасных условиях на продуваемых всеми ветрами дорогах, ведущих к нашему дому. Наконец, мы услышали, как около одиннадцати часов машина Байрона въехала на нашу подъездную аллею, но он сам не зашел в дом, как мы ожидали. Вместо этого раздались странные лязгающие звуки в гараже, а затем машина умчалась с большой скоростью.

Мы запаниковали. В наших головах прокручивались самые страшные сценарии: оружие, наркотики, самоубийство, ограбление, убийство. Не вернулся ли Байрон домой, чтобы забрать спрятанный пистолет или какую-то другую заначку? Не прячет ли он запрещенные вещества в нашем гараже? Не должны ли мы позвонить в полицию?

Двадцать минут спустя сквозь стук наших учащенно бьющихся сердец мы услышали машину Байрона, приближающуюся к дому с более медленной скоростью. Он очень встревожился, застав нас обоих в пижамах и с дикими глазами, ждущих его на верхних ступенях лестницы. Если вспомнить хорошо известную пословицу, то это оказалась лошадь, а не зебра: по пути домой Байрон увидел машину, которая слетела со скользкой дороги. Он вернулся домой, чтобы взять в гараже цепь и помочь другому водителю выбраться из кювета.

После этой ночи я вырвала у Байрона обещание о том, что он никогда намеренно не повредит себе или другому. Я была удивлена, обнаружив, что ему требуется такое же обещание с моей стороны. Мы начали развивать сложную систему, которая будет определять наши отношения многие годы после стрельбы, даже тогда, когда мы стали ближе, чем были когда-либо. Я поощряла сына говорить о своих чувствах, но когда он начинал жаловаться на отчаяние (вполне объективное, вызванное обстоятельствами), то начинала беспокоиться, что он что-нибудь с собой сделает. Я просила его заверить меня, что с ним все в порядке — на самом деле я просила его, чтобы у него было все в порядке, — когда с ним, конечно же, никак не могло быть все

хорошо. Нам потребовалось много времени, чтобы найти способ говорить о нашем горе, одновременно заверяя друг друга, что мы все еще хотим жить.

На самом деле, я не уверена, что мы хотели. Было много дней, когда умереть казалось легче, чем жить. Мы все втроем говорили о смерти, прахе, эпитафиях, смысле жизни. Том сказал, что его последними словами будут: «Слава Богу, все кончилось».

> Я читала почту пять часов, почти все время рыдая. Два ящика здесь, один — с почты и один — от адвоката. Так много открыток и писем со словами любви и поддержки, но стоит только наткнуться на письмо, выражающее ненависть, и я полностью раздавлена.
>
> *Запись в дневнике, май 1999 года*

Много было написано о том, что большинству людей после таких трагедий, какая произошла в Колумбайн, было просто необходимо найти виноватых. Было ли это связано с масштабом трагедии, ее бессмысленностью или тысячей других причин, о которых я могу предположить, но Колумбайн была — и остается — подобна удару молнии. Люди обвиняли компьютерные игры, кино, музыку, издевательства в школе, свободный доступ к оружию, беспомощных учителей, отсутствие в школе священника, светский гуманизм, психиатрические препараты. И многие из них обвиняли нас.

Для меня в этом был смысл. Если бы я сидела в своей гостиной, переворачивая страницы свежей «Роки Маунтин Ньюс», а Дилан выносил мусор у меня за спиной, а Байрон счастливо и безалаберно обустраивался в своей квартире на другом конце города, я бы тоже нас обвиняла.

Не задавалась ли я вопросом о семье преступника каждый раз, когда слышала об ужасной жестокости? Не думала ли я: «Что такого эти родители сделали с бедным ребенком, что он таким вырос? Ребенок, который рос в любви, в любящем доме, такого никогда не сделает». В течение многих лет, ни на секунду не задумавшись, я принимала объяснения, возлагающие всю вину на семью преступника. Очевидно, что его родители не обращали на него внимания, были безответственными и втайне склонны к насилию. Конечно, его мать была ведьмой, язвой и размазней.

Поэтому я была так удивлена, когда люди, которых мы никогда не видели, начали писать нашей семье письма, полные сочувствия к нашей утрате и нашему неприятному положению.

Поэтому я была так благодарна и ценила, когда родные жертв ни в чем нас не обвиняли. В отличие от меня они не могли знать, что это такое — быть матерью убийцы, но были способны мне сочувствовать. Это для меня много значит. Я не уверена, что сама была бы способна на такой поступок.

Всего через несколько дней после стрельбы наш адвокат передал нам картонную коробку, в которой были раскрашенный вручную керамический ангел, замороженный обед, состоящий из цыпленка в сливочном соусе и бисквитов, и несколько открыток с выражениями соболезнований. Все это были послания от людей, которых мы никогда не видели. Этот ручеек внимания превратился в поток, а затем — в целую реку. Люди со всех концов страны и даже мира писали нам. Все, что им было нужно, — это поставить на конверте нашу фамилию и написать: «Литтлтон, Колорадо», и их слова и подарки добирались до нас.

Очень много писем приходило от людей, которых мы с Томом знали в разные моменты нашей жизни: от одноклассников по начальной школе, учителей, коллег и бывших учеников. Некоторые были от людей, живущих по соседству, чьи дети знали Дилана и делились своими воспоминаниями о нем. Я читала такие письма много раз. Много писали незнакомые люди, некоторые из которых пожелали остаться анонимными. Мы получали молитвы, стихи, книги, декоративные тарелки, детские рисунки и поделки, сделанные своими руками. Люди делали благотворительные пожертвования в память Дилана. Они присылали наличные и чеки, которые мы всегда возвращали.

Нам писали люди самых различных занятий: банковские клерки, юристы, учителя, социальные работники, полицейские, морские пехотинцы и заключенные. Их щедрость поражала. Нам предлагали юридические услуги, конфиденциальные беседы, массаж и уединенные домики, где мы могли бы спрятаться от прессы.

Очень много людей писали нам, что им стыдно, что в наших местах оплакивали только тринадцать, а не пятнадцать жертв. Они сообщали нам, что в их религиозных общинах или общественных группах вспоминают обо всех пятнадцати: на концертах имя Дилана зачитывают рядом с именами его жертв и называют его во время месс, где произносятся молитвы за его душу. Я была благодарна за эти письма. Для меня в Колумбайн всегда было пятнадцать жертв. Хотя я понимала реакцию нашего окружения, мне было трудно принять, что вся жизнь Дилана не имеет вообще никакой ценности из-за того, что он сделал перед смертью.

В средствах массовой информации постоянно сообщали, что

Дилан и Эрик подвергались травле, поэтому мы получали письма от людей всех возрастов, которых травили в старшей школе. Я не знала о том, что над Диланом издевались, и потрясение от того, что мне надо было пересмотреть свое восприятие сына, было огромным. Так или иначе я была тронута письмами, где авторы описывали свою слепую ярость, депрессию и бессилие, появляющиеся от того, что они постоянно чувствовали себя такими беспомощными. «Я не удивлен, что это произошло. Я удивлен, что этого не произошло в моей школе и что не происходит каждый день во всех школах Америки», — писал один молодой человек, рассказав о своей собственной жизни в старшей школе, когда он боялся пройти по коридору или зайти в туалет. Молодые люди обращались прямо к Дилану, изливая свое собственное горе и ненависть к своей собственной школьной культуре, и я задавалась вопросом, знал ли кто-нибудь из их окружения, сколько горя они несут в себе.

Многие люди писали, чтобы рассказать о своих собственных потерях. Некоторые писали о психических заболеваниях и самоубийствах среди родственников. Эти письма чрезвычайно мне помогли, как и письма от родителей, дедушек и бабушек, которые делились своими трудностями и унижением, которое навлек на них один из членов семьи.

Я даже получила письмо от священника, чей сын отбывал пожизненное заключение за убийство. Я часто перечитывала это письмо. Одной (из многих) вещей, в которой я чувствовала себя виноватой после трагедии, было то, что я не обеспечила сыну подобающее религиозное образование. Я каждую минуту учила Дилана отличать плохое от хорошего, но мы не посещали регулярно ни церковь, ни синагогу с тех пор, как мальчики были маленькими. Это было глупо — единственный пример еще ни о чем не говорит, — но меня очень успокаивала мысль о том, что, по крайней мере, в одном конкретном случае воскресной школы оказалось недостаточно, чтобы не дать ребенку совершить ужасные вещи.

Наш адвокат выделил сотрудника, который должен был просматривать почту и извлекать любые выражения ненависти и угрозы. Несмотря на его усилия защитить нас, мы все равно получали гневные письма. И одно такое письмо уничтожало положительный эффект сотен писем, поддерживающих нас.

Одно письмо было написано черным маркером: «КАК ТЫ МОГЛА НЕ ЗНАТЬ?!»

Конечно, это был вопрос, который я задавала себе днем и ночью. Я не могла считать себя идеальным родителем, даже если напрячь все воображение. Тем не менее, я считала, что моя тесная

связь (не только с Диланом, но с обоими моими сыновьями) означает, что я интуитивно смогу понять, если что-то пойдет плохо, особенно, если все будет очень плохо. Я бы никогда не сказала, что знала каждую мысль и каждое чувство Дилана, но с полной уверенностью сказала бы, что точно знала, на что он способен. И как же я ошибалась!

«Упаси меня, Боже, от такого несчастья», — написала одна мать. Она жила с очень жестоким, психически больным ребенком и выразительно описывала, как каждый день просыпается, с ужасом ожидая телефонного звонка со страшными новостями о своем сыне, наподобие того, какой я получила от Тома. Это было проявление чувств, которое выражали и другие в течение многих лет. Одно письмо состояло из молитв поддержки и было подписано «От матери сидящего в камере смертников».

Мы получили несколько писем от родственников жертв других школьных трагедий. Сын одного мужчины был убит в средней школе, и он выразительно рассказывал о своих первых чувствах — ярости, боли и оцепенении. Это письмо дало мне некоторое представление о том, как страдают семьи жертв. Писали люди, которые потеряли ребенка, как одна молодая мать, чья малышка получила смертельный ушиб головы, когда находилась под присмотром своих родственников. Эти письма позволили мне установить связь с той частью своего сознания, которая просто горевала о Дилане. Конечно, мы получали много писем от тех, кто потерял любимых, покончивших с собой. Тогда я еще не могла полностью осознать смерть Дилана как самоубийство, и эти письма помогли мне сделать первый шаг к этому. Позже у меня появится возможность встретиться со многими авторами писем лично.

Хотя мы разными путями были изолированы от местного сообщества, эти письма помогли мне почувствовать свое сходство с другими в глобальном масштабе. Гораздо больше людей, чем я могла себе представить, прошли через огромные трудности и потери. В мире было катастрофическое количество боли. Каждый день я восхищалась умением людей сопереживать и их великодушием. На одной открытке было просто написано «Пусть Бог хранит Вашу семью» аккуратным и немного дрожащим почерком очень пожилого человека, и я изумилась огромным и, возможно, болезненным усилиям, которые потребовались незнакомцу на другом конце страны, — раздобыть открытку и марку, сделать надпись, отослать ее, и все только для того, чтобы я не чувствовала себя такой одинокой. Это были люди, обладающие широтой чувств, глубиной и способностью к пониманию, которая родилась из боли их собственных жизней.

К несчастью, мне было еще слишком рано утешаться историями о том, как они выжили. Я все еще не верила, что для меня будет какое-то «после».

Как это произошло с очень многими вещами после стрельбы в Колумбайн, мы даже не могли просто отвечать на письма, которые получали. Я сама ответила на первые из них и собиралась так и продолжать, но коробки с почтой все прибывали, прибывали и прибывали. Мой дедушка однажды написал ответ на особенно красивое благодарственное письмо, которое он получил, поэтому эта невозможность воздать должное душевной щедрости людей, писавших нам, тяжелым камнем легла на мое сердце. Я ненавидела саму мысль о том, что люди, которые потратили свое время и силы, чтобы выразить нам симпатию, останутся без благодарностей, но просто физически не могла с этим справиться.

Я раскладывала письма вокруг, используя пластиковые корзины, чтобы рассортировать и распределить их, пока почта не заняла всю нашу гостиную. Я разработала систему сортировки, чтобы оказывать предпочтение тем, которые требовали личного ответа, в первую очередь, людям, высказывающим свое собственное разочарование и мысли о самоубийстве. Я ответила на многие письма, но по сравнению с общим количеством это была совсем небольшая часть. Я перестала считать открытки и письма, когда их число перевалило за три тысячи шестьсот, а они все продолжали и продолжали прибывать, когда я давно уже и не считала.

Мое чувство вины усиливалось от жестокой критики, которую мы получали примерно в каждом четвертом письме. Каждый день мы подвергались нападкам в прессе, иногда нас ругали за решения, которые я сама не совсем понимала. Например, наши адвокаты посоветовали нам подать исковое заявление, чтобы уведомить управление шерифа. Это была обычная юридическая процедура, дающая свободу выбора, если нам станет доступна какая-то новая информация по делу. С помощью всего этого мы смогли достигнуть хороших рабочих отношений с управлением шерифа, держали с ним связь и были готовы помочь, как только могли. Но в средствах массовой информации быстро появились рассказы о нашем решении, при этом казалось, что мы собираемся возбуждать дело против управления шерифа из-за того, что сделал наш сын. Такие истории, как эта, содержали в себе удивительное количество сарказма. «Эти родители отвратительны», — заявил один человек в радиопередаче, которую я случайно услышала, переключаясь с одной радиостанции на другую, когда ехала в своем автомобиле. Люди

считали, что нас нужно посадить в тюрьму, охотиться на нас, как на диких зверей, пытать, расстрелять. Я до сих пор не могу заставить себя взглянуть на комментарии к статьям о Колумбайн.

Я никогда не могла избавиться от унижения и страха, которые оставались после таких замечаний. Я всегда считала себя хорошим гражданином и хорошей матерью, а теперь меня собирались провести с позором через весь город, показывая на меня как на самого ужасного родителя, который когда-либо жил на Земле. В первый раз в жизни я жила как изгой, которого другие люди судили и отвергали из-за обстоятельств, которыми я никак не могла управлять. Сам того не желая, Дилан обеспечил нам возможность на своей шкуре ощутить, что он чувствовал в последний год своей жизни.

Мы жили в крошечном психологическом пространстве, сосредоточенном вокруг смерти Дилана, том, где мы все еще оставались внимательными, действующими из лучших побуждений, любящими родителями, которые потеряли сына. Единственным способом, с помощью которого мы могли выжить, было свести к минимуму нашу уязвимость для негатива и, таким образом, отдалиться от него. Каждый раз, когда кто-то пытался говорить в нашу защиту, его слова искажались и неправильно интерпретировались в средствах массовой информации. Поэтому мы окружили себя друзьями и отделились от всего остального мира. Мы не отвечали даже на самые нелепые обвинения.

Я не уверена, что отказ ввязываться в противостояние был лучшей стратегией. Наш отказ говорить вслух и защищать себя заставил людей поверить, что мы храним какие-то секреты. Я ощущала (и чувствую это до сих пор), что это неправильно и дало укорениться неправде. Особенно это стало очевидным сейчас, потому что некоторые неверные представления о том, как жила наша семья и как мы растили Дилана, считаются правдой и по сей день.

> Я устала быть сильной. Я больше не могу быть сильной. Я не могу смотреть на что-либо без страха и не могу ничего делать. Я погрязла в глубокой пропасти скорби. На автоответчике семнадцать сообщений, а у меня даже нет сил их прослушать. Комната Дилана до сих пор выглядит так же, как когда люди из правоохранительных органов ушли из нее, и я не могу заставить себя навести там порядок.
>
> *Запись в дневнике, май 1999 года*

В первые дни после того, как мы вернулись домой, мы время от времени пытались привести наше жилище в порядок, но комната Дилана оставалась в таком состоянии, как будто полицейские только что ушли из нее. Его вещи так и были разбросаны в мезонине, а матрас без простыней валялся на лестничных перилах.

Через месяц после смерти сына я начала ежедневные попытки убрать в его комнате, приводя в порядок несколько вещей за раз, пока чувства не переполняли меня, и я не была вынуждена уйти. Чаще всего я задерживалась у раковины в ванной Дилана. Его светлые волосы остались на расческе, а щетинки — на электробритве, которую мы ему подарили.

Не только сила моего горя каждый раз не давала мне делать больше. Каждый раз, когда я что-то протирала или перестирывала груду грязной одежды, я уничтожала следы Дилана. Мысль о том, что я стираю то, что осталось от его существования, разбивала мне сердце, и я беспокоилась, что с каждой опустошенной корзиной для мусора теряю возможности понять, что же происходило в последние часы его жизни. Конечно, следователи забрали из комнаты все, что могло иметь отношение к делу, но я все еще искала ответы в оставшихся обломках.

Я нисколько не приблизилась к пониманию того, о чем он думал, что чувствовал, и как ребенок, которого я любила и растила, мог принять участие в таком зверстве. Что могло объяснить состояние его разума? Были ли в его организме наркотики, которые не обнаружили во время вскрытия? Было ли это какое-то внешнее влияние? Возможно, какая-то организованная преступность? Даже если Эрик придумал весь план и заставил Дилана участвовать, Дилан был достаточно умен, чтобы найти способ увильнуть от него, если ему этого хотелось. Почему он так не сделал? Эрик принудил его или угрожал ему? Не промыли ли Дилану мозги? Как-то Байрон на полном серьезе спросил, не был ли Дилан одержим дьяволом. Месяц назад я бы громко рассмеялась над такой смехотворной идеей, но в нашей новой реальности одержимость демонами выглядела таким же правдоподобным ответом, как и любой другой.

У нас не было могилы, поэтому я проводила многие часы в комнате Дилана, пытаясь с помощью внутреннего чутья найти ответы на вопросы, которые мучили нас. Я была шокирована, обнаружив пачку сигарет в одном из ящиков его стола. Незадолго до смерти сына мне показалось, что я чувствую идущий от него запах табака, и я прямо спросила, не курит ли он. Он наградил меня гневным взглядом и сказал: «Ну я не настолько глуп!»

Казалось, Дилан по-настоящему считает это занятие ниже своего достоинства, и я ему поверила. Сигареты в ящике его стола доказывали, что он солгал напрямую.

Также я была огорчена, обнаружив почти пустую бутылку настойки зверобоя в шкафчике для лекарств Дилана. За предыдущие месяцы я множество раз бывала в его ванной, чтобы убедиться, что он там убирает, но никогда не заглядывала внутрь шкафчика для лекарств. Настойка зверобоя — это натуральное успокоительное, которое можно найти в магазинах здоровой пищи и аптеках. Бутылочка была пуста, и это было неопровержимое свидетельство того, что Дилан испытывал достаточно сильную депрессию, чтобы попытаться бороться со своими чувствами с помощью лекарств. Дата изготовления на бутылочке указывала, что он приобрел ее давно.

Я начала поражаться тому, какой доверчивой я была. В нашей почте было много писем от людей, по большей части уже взрослых, рассказывающих о недозволенных действиях, которые они скрывали от родителей, когда сами были подростками: сексуальные «подвиги», употребление наркотиков, воровство. Некоторые из этих историй были даже смешными — глупые подростковые закидоны со счастливым концом. (Автор одного письма был задержан полицией без штанов на крыше родительского дома.) Но большинство таких рассказов были трагическими и говорили о многих годах тайной боли.

Это коллективное желание излить душу охватило также и наших наиболее близких друзей. Почти каждый, кто приходил к нам в дом, рассказывал мне о чем-либо, что скрывал от родителей в подростковом возрасте: выпивку и наркотики, путешествие автостопом в Вегас, годы мелкого воровства в аптеках, бойфренда, который был намного старше. Возбужденный событиями в Колумбайн, один наш друг, наконец, признался своему отцу (и нам), что в течение многих лет его сексуально домогался их сосед. Я ловила себя на том, что задаюсь вопросом, с которым весь мир обращался ко мне: «Как мог его отец этого не заметить?»

Мы также получили письмо, на штемпеле которого стояла дата — 27 апреля 1999 года. Я привожу здесь это письмо с разрешения автора, хотя изменяю имена и названия мест, чтобы защитить тех, кто был связан с описанными событиями. Письмо пришло от Синди Ворт, женщины примерно нашего возраста. Том знал ее семью, когда они были детьми, и поддерживал с ней связь в течение многих лет. Мы оба восхищались Вортами: они были успешными и счастливыми, опорой для многих прихожан своей церкви. Они были хорошими людьми, и я всегда поражалась, как

они близки и как любят друг друга.

С настоящим огорчением и тревогой мы прочитали следующее:

> Дорогие Том, Сью и Байрон!
>
> Простите меня за такое длинное письмо, но мне надо сказать так много. Я надеюсь, что, прочитав мою историю, вы немного успокоитесь, смиритесь и лучше поймете, почему Дилан ничего не сказал вам о боли и злости, от которых он страдал.
>
> Мама и папа переехали в Колорадо, [когда] мне было четырнадцать. Почти с самого начала надо мной стала издеваться группа мальчишек, которые прозвали меня Флиппером[11] из-за длинного носа. Они ходили за мной по школьным коридорам и напевали мелодию из сериала. Они вешали использованные тампоны и прокладки на мой шкафчик и украли из моего блокнота неотправленные письма к моим друзьям на старом месте. Они читали мою почту в раздевалке перед тренировкой по футболу.
>
> Наивысшей точки эти издевательства достигли, когда меня изнасиловал игрок футбольной команды. Он хвастал этим «подвигом» перед своими друзьями и говорил, что было бы «гораздо лучше», если бы он не видел при этом моего отвратительного лица.
>
> Я никогда ничего не говорила маме и папе — я сделала это буквально пару дней назад. Я хотела, чтобы они знали — и чтобы вы знали, — почему я им не сказала. Это может помочь понять, почему Дилан молчал о своих проблемах.
>
> Я чувствовала ужасный стыд от того, что стала мишенью для издевательств и физического насилия. Я могу из собственного опыта сказать вам: молодые люди считают самих себя виноватыми в той боли, от которой они страдают. Я была уверена, что со мной что-то не так, и это заставляет людей так со мной обращаться.
>
> Я хотела, чтобы мама и папа считали меня самой лучшей. Я предполагала, что если я расскажу им, что случилось, то они будут считать меня такой, какой я сама себя считала — отвратительной и неполноценной.
>
> Я была слишком молода и слишком запуталась, чтобы осознать: то, что произошло со мной, было преступлением. Я думала, что если кому-нибудь расскажу, то надо мной станут еще сильнее насмехаться.

Три месяца я молча страдала, все больше и больше впадая в депрессию. Я планировала свое самоубийство, когда встретила человека, который буквально спас мою жизнь.

Кен был забавным, общительным, веселым мальчиком, сам в какой-то мере аутсайдером, хотя это, казалось, его не трогало. Он нашел меня и стал моим другом. Через несколько недель я почувствовала себя настолько в безопасности, что рассказала ему, что произошло. У этого доброго и мягкого четырнадцатилетнего мальчика было достаточно мудрости, чтобы слушать меня и обнимать, пока я проливала целые галлоны слез. Кен вырос и стал священником. Он всегда был и остается МОИМ священником.

Что-то подобное ДОЛЖНО БЫЛО случиться и с Диланом. С ним должен был быть друг, ровесник. Друг, который мог увести Дилана от злости и депрессии, а не разжигать их все сильнее.

Пожалуйста, запомните одну вещь: этим другом не могли стать вы, его родители, и ты, Байрон, его брат. Из-за взросления и отрыва от родителей детям чрезвычайно трудно искать помощи для решения своих тайных и болезненных проблем у своих родителей, братьев или сестер.

Я всеми фибрами души верю, что Дилан сейчас с Господом, и мы снова сможем увидеть его и воссоединиться с ним.

Я вас люблю. Мы все любим и поддерживаем вас.

Синди

Мы с Томом много раз перечитывали это письмо. Том знал Синди всю ее жизнь, я знала ее более двадцати лет. Наши дети вместе отмечали дни рождения. Никто из нас даже не мог представить, что она перенесла что-то из того, о чем написала — издевательства в школе или изнасилование, — или что она была так близка к самоубийству. Пару недель спустя мы разговаривали с ее потрясенными родителями. Они тоже были очень подавлены тем, что узнали.

Среди всего прочего письмо Синди объяснило нам, как даже самые внимательные родители, учителя и сверстники могут не заметить опустошения в душах детей, если подростки решают сохранить это в тайне. Большую часть своей жизни я проработала преподавателем в колледже, и хорошо знала, как молодые люди

тайком крадутся на стоянку, чтобы припрятать упаковку пива или другие свидетельства своих пороков. Тем не менее, я никогда не думала, что ребенок будет скрывать такие переворачивающие всю жизнь вещи как изнасилование или такие серьезные мысли и чувства как идея покончить жизнь самоубийством, а тем более — от таких родителей, как Ворты. Каждый день приносил новое потрясение, чтобы показать, как болезненно наивно и опасно было это мое заблуждение.

После письма Синди я стала сильнее всего жаждать возможности поговорить с Диланом. У меня в голове постоянно, как фоновая музыка, звучал наш диалог, замкнутый в выматывающую душу петлю. В первые дни в доме Рут и Дона врач выписал мне рецепт на успокоительное лекарство, но я приняла его только один раз. Оно подавило мою тревогу, но позволило горю вспыхнуть в полную силу. Я не могла перестать плакать, слезы лились, как будто какой-то переключатель во мне перевели в положение «включено». После этого я решила жить со своими чувствами без всяких лекарств.

Я начала понимать, что не было никакого смысла избегать замешательства или горя. Лучшее, что я могла сделать, это просто пытаться жить с ними, и в грядущие месяцы и годы сделать все, что в моих силах, чтобы узнать все, чего я не знала о своем сыне.

Глава 8. Место скорби

Библиотека была местом, где собирались невинные дети, местом, где они все должны были быть в безопасности, а теперь все они мертвы.

Запись в дневнике, июнь 1999 года

В начале июня 1999 года мы прочитали в газете, что членов семей погибших приглашают в библиотеку старшей школы, где были убиты многие дети, до того, как помещение будет закрыто на реконструкцию.

Я знала, что Дилана никогда не будут считать жертвой бойни в Колумбайн, и мы понимали, что нас никуда приглашать не будут. Но нам нужно было увидеть место, где Дилан отнял свою собственную жизнь и жизни многих других. Наш адвокат переговорил с управлением шерифа и организовал наш визит. Со времени стрельбы в школе мы жили более-менее скрытно, поэтому мы встретились с адвокатами на парковке магазина скобяных изделий, чтобы поменять машины. Вся эта процедура, словно сошедшая со страниц шпионских романов, для этого случая не казалась абсурдной.

Школа все еще оставалась местом преступления, доступ к которому был перекрыт полицией. Как только я увидела желтые полицейские ленты, сердце начало громко колотиться у меня в груди. Проходя по коридорам, мы видели строителей, устраняющих ущерб, который причинили Дилан и Эрик. Пятна черной сажи на коврах, стенах и потолках указывали на те места, где ребята закладывали небольшие бомбы, когда проходили через школу. Потолочные плитки заменяли, а также меняли и отдельные участки коврового покрытия. Листы прозрачного пластика закрывали выбитые окна. Не в первый и не в последний раз я была просто оглушена величиной ущерба, причиной которого стал мой сын. Рабочие смотрели на нас со своих стремянок, и я задавалась вопросом, знают ли они, кто мы такие.

Дверь библиотеки была заперта, закрыта листом пластика и затянута желтой полицейской лентой. Перед тем, как мы вошли, представитель управления шерифа сказал нам, что мы здесь только для того, чтобы увидеть место, где умер наш сын, и ничего

более. Я была благодарна полицейским за их профессионализм и уважение, которое они проявляли ко всем жертвам.

Когда мы вошли, я задрожала. Все время пытаясь найти ответы, я хотела верить, что, увидев место, где умерли Дилан и другие ребята, я испытаю какое-то прозрение. Я надеялась, что пройду через эту комнату и пойму что-то очень важное о событиях того дня, о состоянии Дилана. Я старалась отвернуться от своей скорби, чтобы принять любую правду, которую могло мне дать это место.

В тот момент, когда я вошла в комнату, на мир опустилась тишина. Я больше не могла слышать строителей, работающих в коридоре. До того, как я разразилась слезами, я успела почувствовать две вещи: это было место для детей и это было место мира.

Полицейские проводили нас на то место, где застрелились Эрик и Дилан. Мое сердце остановилось, когда я увидела длинную, тонкую, угловатую фигуру, обведенную мелом на полу. Конечно, это был Дилан. Мои слезы брызнули прямо на пол. Рука Байрона с нежностью обняла меня за талию, когда я упала на колени около этой фигуры, оплакивая своего сына и касаясь ковра, который принял его, когда он упал.

Глава 9. Жизнь в горе

Цитата из газетной статьи о пациентах, страдающих раком: «Люди, которые хорошо справляются со своей болезнью, создают в своем сознании место, где они здоровы, и живут в этом месте». Это именно то, что мы делаем. Том провел такую аналогию: это как если бы торнадо разрушило наш дом, и мы могли бы жить только в одной его части. Вот на что похожа жизнь в горе. Ты пребываешь в этом маленьком месте, где только и можешь функционировать.

Запись в дневнике, август 1999 года

Клайв Стейплз Льюис, писатель и богослов, начал свое прекрасное размышление о смерти своей жены «Исследуя скорбь» словами: «Мне никогда не говорили, что скорбь так похожа на страх».

Годы спустя эти слова все еще больно ранят меня со всей силой неопровержимой правды. Любая смерть любимого, а особенно смерть ребенка, потрясает человека до самых основ. Как писал писатель Айрис Болтон, переживший самоубийство близкого человека: «Я считал себя, своих детей, всех своих родных бессмертными, думал, что трагедии случаются только с другими». Нам приходится верить в это для того, чтобы жить, а неожиданно появившаяся правда может быть ужасающей. Для меня непостижимость смерти Дилана увеличивала это ощущение нестабильности основ мироздания, потому что перечеркивала все, что я считала истинным о своей жизни, о своей семье и о себе самой.

Одна из студенток, с которой я работала еще в общественном колледже, рассказала мне о том, что было самым трудным в ее жизни как человека с ограниченными возможностями.

— Все в первую очередь видят во мне инвалида, — сказала она мне. — Для них я прежде всего человек с ампутированной конечностью, а уж потом — личность.

В тот момент я была благодарна ей за это откровение, потому что знала, что оно поможет мне в работе. Но только после Колумбайн я узнала, что именно оно означает. Теперь на меня всегда будут смотреть как на мать, которая вырастила убийцу, и никто — в том числе и я сама — никогда не будет воспринимать меня как кого-то другого.

Хотя мне было уже пятьдесят, в первые месяцы после Колумбайн я тяжело переживала смерть своих собственных родителей. Я была счастлива, что они не дожили до этого времени и не увидели, во что превратилась моя жизнь, но по-детски тосковала по их присутствию в моей жизни.

Мой отец умер, когда мне было восемнадцать, но маму я потеряла в тридцать восемь, и я привыкла полагаться на нее уже после того, как сама стала взрослой. На ее похоронах мои брат, сестра и я вспоминали нашу мать как путеводную звезду, отдавая дань ее бесценному дару — она помогала нам найти наши ориентиры в жизни даже в самых сложных обстоятельствах. Я полагаю, что именно поэтому в годы, прошедшие после Колумбайн, я вижу ее во сне так же часто, как и Дилана.

В одном сне, который я видела вскоре после трагедии, была ночь и дул холодный ветер. Я искала свою машину на огромной парковке, держа на руках Дилана, примерно двухлетнего. Я пыталась завернуть его в одеяло, чтобы согреть, одновременно бегая взад и вперед через ряды машин и со все возрастающим отчаянием высматривая свою машину. Огромные тяжелые пакеты, наполненные бумагами, оттягивали мне руки, поэтому было так тяжело нести Дилана, что я боялась уронить его на асфальт.

Как раз в тот момент, когда он начал выскальзывать из моих рук, вперед вышла моя мать. Она сказала:

— Отдай мне пакеты и позаботься о своем сыне.

По одному она забирала тяжелые сумки, врезающиеся мне в руки, и теперь я могла крепко держать Дилана и завернуть его в одеяло. Я нашла нашу машину и усадила сына в его автокресло, пока моя мама стояла рядом и держала пакеты, которые забрала у меня. Тут я проснулась.

Этот сон указал мне на правильную дорогу. Бумаги в пакетах символизировали все, что отвлекало меня от моего горя: беспокойство о судебных процессах, финансовые соображения, страх увидеть свое имя в газете, тысячи писем, счетов, заметок и юридических документов, наполняющих наше убежище огромным страхом и неотложными обязанностями. Ничего удивительного, что я не могла справиться с постоянными угрозами в средствах массовой информации, ненавистью и обвинениями всего мира, а

к этому еще добавлялось постоянное беспокойство о том, что что-нибудь ужасное случится с Байроном. Наша финансовая ситуация стала полностью катастрофической и такой сложной, что, казалось, мы никогда не выберемся из этой ямы.

Но мама была права. Я должна была сосредоточиться на своей скорби по Дилану и его жертвам и не обращать внимания на все остальное.

Это было трудно. Даже если бы горе не вывело меня из строя, сама тяжесть административных забот о том, с чем мы имели дело, полностью сокрушила бы меня. Через месяц после трагедии мы с Томом все еще, как призраки, слонялись по комнатам пустого дома, угнетенные нашей потерей и угрызениями совести, замученные одними и теми же мыслями: «Я скучаю по Дилану. Как он мог сделать такую ужасную вещь? Я не могу поверить, что никогда больше его не увижу. Как кто-то, кого я так любила, мог хладнокровно убивать людей? Других детей? Если бы я только знала, я бы сделала все, что угодно, чтобы остановить его. Как только он мог сделать такую вещь?»

И затем непременно наваливалось чувство невозможности и непоправимости утраты: «Как так может быть, что я больше никогда не почувствую его шершавую щеку рядом с моей?»

Временами нас встряхивало приступами какой-то неуемной энергии, если не новым пониманием того, что сделал Дилан, то множеством последствий его действий, которые разрушали дом, жизнь и семью, которым мы посвятили целых двадцать семь лет своей жизни. Хотя Гари Лозов явно оценивал свои услуги дешевле, чем они того стоили, первый полученный нами счет просто потряс нас. Мы не имели никакого понятия, как мы будем его оплачивать. В этот момент моя мама смогла нам помочь. Перед своей смертью в 1987 году, когда мальчики еще были маленькими, она оформила страхование жизни для них обоих. Мы получили деньги по двум полисам Дилана, и их как раз хватило для оплаты того первого счета.

Хотя это была только капля в море, нам еще долгие годы предстояло оплачивать юридические счета. Том попытался начать консалтинговый бизнес в нефтяной отрасли, но возможностей было очень мало, и те, которые появлялись, тут же исчезали, когда потенциальные инвесторы понимали, что имеют дело с отцом одного из стрелков в Колумбайн.

Наша страховая компания потребовала время, чтобы решить, будут ли они вообще оплачивать наши юридические расходы. Когда они, наконец, согласились, мы узнали, что услуги Гари они в любом случае не покроют. Это было сокрушительное известие, потому что для нас Гари уже ощущался скорее как друг, которому

можно доверять, чем как поверенный. Мы воспринимали его как островок спокойствия в море безумия. Начинать заново с посторонними людьми было трудно, но наши новые адвокаты Фрэнк Паттерсон и Грег Кей сочувствовали нам и были терпеливы, когда мы показывали им семейные фотографии и рассказывали о нашей жизни с Диланом. Мне было нужно, чтобы они воспринимали нас как семью, чтобы они узнали Дилана. Вскоре мы привыкли к нашим новым поверенным.

Но даже с их помощью каждый день приносил целую гору невразумительных бумаг и множество решений, которые угнетали еще сильнее, потому что мы не могли полностью понять их значение. Против нас подали иски все. Были судебные процессы против подруги Дилана Робин, которая купила три единицы оружия из четырех, и против Марка Мейнеса, который продал им четвертый пистолет. Были процессы, возбужденные против компаний, которые произвели оружие, и против компании, которая изготовила антидепрессант Эрика. Были процессы против управления шерифа, округа и полиции. Против нас было одновременно подано тридцать шесть исков. Наши адвокаты были очень дотошными и делали все, что могли, чтобы объяснить нам, что происходит, но сложность нашей юридической ситуации превосходила все мои возможности воспринять ее.

Если быть честной, то, хотя наши адвокаты очень старались, мне все время думалось: «Да кого это вообще заботит?» К тому же, если все эти процессы обеспечат родителей деньгами, чтобы заботиться о тяжело раненых детях, я только порадуюсь. Но никакие иски не вернут назад погибших детей. Они не вернут Дейва Сандерса, учителя, который был застрелен. Иски не дадут нам возможность сделать тысячу вещей по-другому и не дадут нам объяснения того, как случилось немыслимое. И они не вернут Дилана назад.

> Вчерашний день был ужасен. После того, как мне потребовалось четыре с половиной часа, чтобы встать с постели, остаток дня был не лучше. Я плакала, плакала и никак не могла собраться. В полдень я говорила с С. и сказала ей, что не могу вернуться на работу, хотя только что сказала ей, что могу.
>
> *Запись в дневнике, май 1999 года*

Через месяц после Колумбайн я разговаривала по телефону со Сьюзи, моим методистом с работы. Она очень обо мне

заботилась, постоянно проверяя, как я себя чувствую и время от времени привозя еду или растение, к которому были привязаны записки с пожеланиями от моих коллег. (Годы накопленных дней больничного и неиспользованных дней отпуска в системе государственных общественных колледжей были единственной причиной того, что мое место все еще оставалось за мной.)

Я, как всегда, плакала. Сьюзи некоторое время послушала мои всхлипывания, а потом сказала:

— Думаю, тебе надо вернуться на работу.

Эта мысль заставила меня замолчать. Вернуться на работу — это было невозможно, немыслимо. Как я могла думать о чем-то еще, кроме Дилана и катастрофы, которую он устроил? Как я могла выйти из своего безопасного дома и лицом к лицу встретиться с людьми, которые не знали Дилана так, как знала его я, не любили так, как я любила.

— Я не могу, — сказала я.

Она стала мягко настаивать. Да, мы должны проработать все детали, но это будет хорошо для меня, и моим коллегам нужна моя помощь.

— Что, если я запущу проект, по которому ты сможешь работать из дома? Что-нибудь без жестких сроков, чтобы ты могла работать со своей скоростью?

У меня сил не было протестовать. Легче было согласиться, чем пытаться остановить ее.

Безобидная посылка, которую Сьюзи прислала позднее на той же неделе, простояла нераспакованной несколько дней. Когда я начала, я могла провести за работой от силы час в день, а часто не делала даже этого. Возвращение на работу по-настоящему казалось полностью безнадежным.

Но мне нужна была та часть моей жизни, в которой я не являлась матерью Дилана, и работа над проектом, который может быть завершен, тоже интересовала меня. Моя личная жизнь начала ощущаться как прочная и неприступная. Ничего не надо было решать, понимать или заканчивать. Рабочий проект, даже при таких очень компромиссных условиях, мог быть сделан, и он мог быть сделан хорошо. Поэтому я держалась за эту маленькую работу, хотя в некоторые дни мне требовался час, чтобы написать одно законченное предложение.

В конце концов, я поняла, что не могу сделать работу как полагается без сотрудничества с моей командой. Как и надеялась моя методистка, маленький проект вернул меня к жизни, и я стала строить планы вернуться на работу, пока что на неполный день.

Я принимала это решение с трепетом. Работа была для меня

относительно новой и, хотя мне нравились сердечные отношения с новыми коллегами, я никого из них хорошо не знала. Я волновалась, что они не представляют, каким на самом деле был мой сын и им не с чем сравнить его растиражированный образ, появляющейся в каждой газете и на каждом телеканале. Что же до меня, ну, я была матерью убийцы.

Я не могла вынести мысль о том, что сам факт моего присутствия будет травмировать моих коллег. Наше сообщество очень сильно пострадало, и отголоски этой трагедии достигли моей работы. Дети и другие члены семьи некоторых моих коллег были в школе во время стрельбы и только чудом смогли избежать смерти. Муж одной из коллег, школьный учитель, едва не был застрелен. Его близкий друг Дейв Сандерс умер в тот день. Дочь нашего администратора находилась в отделении интенсивной терапии с диагнозом «посттравматический стресс». Каждый день появлялись новые заголовки, оповещающие о ходе расследования, судебных исках или о множестве конфликтов, произошедших из-за доступа к информации. Даже если кто-то из моих коллег не знал никого в школе, как можно было ждать теплых разговоров, когда мы наткнемся друг на друга, зайдя выпить кофе в комнате отдыха? Откуда они могли знать, как теперь работать со мной?

К счастью, во главе системы общественных колледжей, где я работала, стоял выдающийся руководитель, который понимал всю сложность ситуации. Она хотела помочь мне почувствовать себя комфортно и одновременно убедиться в том, что мое присутствие не станет неразрешимой проблемой для других людей. За неделю до того, как я вернулась на работу, она разослала всему персоналу офиса письмо. Там было написано, что любой, кто озабочен перспективой работать вместе со мной, должен обратиться к руководителю. Полиция уже была на месте, чтобы помочь всем служащим иметь дело с потоком представителей средств массовой информации. Также имелся психолог, который будет к услугам любого, кому нужна поддержка. Несмотря на то, что было неприятно служить поводом для такого сообщения, я была глубоко благодарна нашей начальнице за ее мудрость.

Я встретилась с сотрудницей отдела кадров, чтобы предпринять меры по защите моей личности и безопасности. Я удивилась, когда она заговорила об адаптации, как будто мой случай был совершенно обыкновенным, как какое-нибудь хроническое заболевание или родственник, страдающий болезнью Альцгеймера. Мы попросили девушку на ресепшн скрывать информацию о моих звонках и стереть мое расписание с доски. Администратор предложила мне свой кабинет, чтобы я могла делать личные звонки за закрытой дверью. Я вытащила

стоящую на моем рабочем месте табличку со своим именем из рамки и спрятала ее в ящик стола.

За день или два до моего возвращения начальница разослала еще одно письмо с напоминанием, где прозрачно намекала, что мои коллеги должны обеспечить мне достаточное личное пространство, чтобы я могла снова овладеть собой. Она мягко предупреждала людей, чтобы они не перегружали меня своим вниманием, хотя, возможно, им захочется выразить свои соболезнования. Я была благодарна ей и за эту мудрость этого решения.

Но несмотря на все эти приготовления мой первый день на работе был чрезвычайно волнующим. В моем сознании не было места ни для кого и ни для чего, кроме Дилана и того ужаса, который они с Эриком устроили. Я молилась, чтобы мне никто не встретился в лифте, и даже не столько потому, что мне было стыдно, а потому, что одно-единственное доброе слово или жест заставили бы меня заплакать. Я чувствовала, что если перестану контролировать себя в первый же день, то никогда не смогу снова владеть собой.

Некоторые коллеги работали с моего места в мое отсутствие, отвечая на телефонные звонки и прилагая все усилия, чтобы сохранять темп работы над проектами. Так я оказалась на привычном месте в роли незваного гостя. Бумаги, которые я видела первый раз в жизни, были свалены в углу стола. Пароль к моему компьютеру поменяли. Хуже всего был черный телефон, который казался мне чудовищем. Еще много месяцев спустя волна мучительного беспокойства накатывала на меня, когда я видела, что на нем горит красная лампочка автоответчика, указывающая на то, что было оставлено сообщение. Но в то первое утро никаких сообщений не было.

Не успела я оглянуться, как стали приходить люди. Некоторые говорили мне несколько теплых слов, приветствуя меня и выражая свою симпатию. Другие быстро обнимали меня.

Я опоздала на наше общее ежемесячное собрание работников. Все стулья были заняты, поэтому я присоединилась к тем, кто слушал, прислонясь к задней стене комнаты. Первый раз после трагедии я была в комнате, полной людей. Некоторых из них я не знала. Было очень трудно не думать о том, что все обращают внимание на меня, хотя они очень старались не смотреть открыто.

В те дни я еще чувствовала себя не очень хорошо, и оказалось, что просто стоять в зале собраний — это для меня слишком. Через несколько минут после начала собрания я стала задыхаться, и мои ноги задрожали от слабости. Я боялась, что

если я сяду на пол, это будет выглядеть непрофессионально, а последнее, чего я хотела, — это привлекать к себе внимание. Но особого выбора у меня не было, и я сползла по стене на пол, стараясь получше прикрывать юбкой колени.

Кончилось все тем, что я села, скрестив ноги, за последним рядом стульев. Один из моих коллег посмотрел на меня и предложил свой стул. Это был очень любезный поступок — не такой значительный, чтобы смутить меня, но дающий мне понять, что меня замечают и обо мне заботятся. Я покачала головой: «Нет, спасибо, со мной все в порядке, оставайтесь на своем месте». Я провела остаток собрания на полу, присутствуя физически, но не участвуя ни в чем, разглядывая ноги сидящих ко мне спиной людей и слушая выступления, хотя я и не могла видеть говорящих.

Можно сказать, это была небольшая победа. Я хотела спрятаться, но оставалась там.

> Я пробыла на работе с 9 до 14:30 и присутствовала на четырех собраниях.
>
> Все это время я изо всех сил старалась выглядеть и вести себя нормально. Я была подавлена и утомлена. К концу дня я чувствовала себя так, как будто меня побили. Мне казалось, что голова у меня огромная, и в ней неясно вырисовываются какие-то смутные мысли.
>
> Пытаться говорить нормальные слова, думать и вести себя как обычно было словно протаскивать верблюда сквозь игольное ушко. Никто не сможет понять, через что мне пришлось пройти и через что я прохожу сейчас. Все, что я могу, это просто приходить и слушать. Когда я села в машину после работы, я захлопнула дверь и разрыдалась.
>
> *Запись в дневнике, июнь 1999 года*

Хотя в то время я этого не понимала, но возвращение на работу во многом помогло мне вернуться к нормальной жизни.

Прежде всего, оно позволило мне непосредственно ощущать сопереживание и симпатию других людей. Я плакала, когда меня обнимали, но научилась радоваться этим слезам и не сдерживать их. Было легче позволить себе скорбеть, а не подавлять горе. Мои коллеги нашли золотую середину: с одной стороны, они не вторгались в мое личное пространство, а с другой — показывали свое сочувствие и доброту, когда только могли. Сомневаюсь, что

они когда-нибудь поймут, как сильно мне помогли.

В июле одна из моих коллег подошла к моему рабочему месту. Она дала понять, что выступает от имени всех наших сотрудников. В руках женщины был самый изысканный букет из высушенных цветов, который я когда-либо видела. Мы не очень хорошо друг друга знали, и она вела себя достаточно официально, когда говорила, что неважно, что сделал мой сын, он все равно остается моим ребенком, и каждый, у кого есть дети, понимает мою потерю. Я видела, что у нее нет ни капли любви к Дилану, и, возможно, она не понимала, почему я его люблю, но она пыталась найти взаимопонимание. От переполнившей меня благодарности к этой женщине я даже не могла говорить.

Позднее, уже осенью, у нас проходила распродажа авторских украшений в комнате отдыха, и я купила пару брошек, украшенных рождественскими узорами, чтобы подарить их друзьям. Я выписала чек и открыла бумажник, чтобы показать удостоверение личности, но женщина, сидящая за кассой, сказала, что в этом нет необходимости. «Верно, — сказала я, засовывая свои водительские права обратно, — потому что кто же в этом мире осмелится выдавать себя за меня?» Это был черный юмор, с помощью которого я поддерживала себя в те дни. Таким странным способом я старалась помочь женщине успокоиться. Но на ее лице было видно неподдельную печаль.

Никто из тех, с кем я работала, не общался с прессой, хотя звонили им постоянно. Один репортер сумел провести девушку, работающую на ресепшен, попросив соединить его с моим методистом. В возбуждении он накинулся на Сьюзи:

— Ну почему никто не желает поговорить о Сью Клиболд?!

— Никто не хочет говорить, потому что все вокруг — хорошие люди, — резко ответила она, и это было чистой правдой.

Если вернуться к моей первой неделе, то тогда я могла думать только о Дилане. По утрам я почти всю свою длинную дорогу до центра города обливалась слезами, одновременно радуясь, что у меня есть время, когда я могу остаться одна и отдаться воспоминаниям, пока не наступил момент, когда я должна выбросить сына из головы, чтобы нормально вести себя в течение дня. Последнее, что я делала каждое утро перед тем, как выйти из машины, — это смотрела на себя в зеркало и вытирала мокрые дорожки слез на щеках.

Несмотря на терпение моих коллег и мои усилия вести себя профессионально, я была просто развалиной. Я страдала от застенчивости, совсем как в далеком отрочестве. Поскольку из-за стресса у меня возникла хроническая болезнь кишечника, я боялась есть, чтобы в случае приступа не оказаться далеко от

туалета. Я делала все что могла, чтобы понизить уровень тревожности. Я даже перестала заводить будильник, потому что из-за его звона я могла дрожать целый час. Но все это не особенно помогало.

Один мой друг однажды сказал, что наш мозг «в горе» работает как старый компьютер, на котором запускают слишком сложную программу — он трудится изо всех сил, спотыкается и зависает над самыми простыми вычислениями. Так и мне нужно было приложить большое усилие, чтобы просто услышать, что говорят другие. Моя способность к концентрации внимания полностью исчезла, и мысли о моей собственной ситуации и Дилане, проносящиеся у меня в голове, уносили меня в мой собственный мир.

Я делала много заметок, но никакие способы работать эффективнее не компенсировали нехватку внимания. Я все еще краснею, вспоминая первое собрание, которое я провела после трагедии. Я попросила всех по очереди представиться и немного рассказать о том, что они делают. Когда все закончили, я, сама того не желая, попросила всех представиться и рассказать о себе — еще раз. Косые взгляды и неуютное поскрипывание стульев указали мне на мою ошибку, но сделать я уже ничего не могла, оставалось только, запинаясь, выдавить из себя извинения.

Мне потребовалось много времени, чтобы вернуться к работе на полный день. Так же, как вечерние прогулки помогали мне восстановить физические силы, я должна была находиться среди других людей, чтобы вновь обрести здравый рассудок. Работа была для меня в некотором роде реабилитацией, безопасной средой, где я могла восстановить свою личность и проработать свой уникальный горький опыт. Семьи жертв не выходили у меня из головы. Особенно часто я думала, как им, должно быть, трудно пытаться вновь жить жизнью, которая хоть как-то напоминает нормальную, после того, что сделал Дилан.

Со временем мои постоянные страдания начали казаться почти комичными. Когда я вставала, из моих блокнотов, календарей, перчаток и карманов выпадали скомканные носовые платки. У меня всегда можно было одолжить пачку бумажных носовых платков. У тебя началась сезонная аллергия? Спроси Сью, у нее всегда есть салфетки.

Я надеялась на доброту окружающих, и по большей части так и было. Мне даже казалось, что я не заслуживаю такого отношения к себе. Но не все вокруг были добрыми и понимающими, и это тоже было нормально. Отрицание очевидного, с которым я жила, — особенно вера в то, что Дилана принудили участвовать в бойне, или в то, что он сам никого не

убивал, — было естественной реакцией, но с этим пора было заканчивать. Вернуться в мир означало столкнуться с ненормальностью того, что сделал Дилан.

Я чувствовала, что некоторые люди, с которыми я работаю, осуждают меня, злятся, и им больно от моего присутствия. Друзья говорили мне, когда кто-то плохо отзывался обо мне за спиной. Некоторые избегали меня или так или иначе выступали против меня. Один из таких случаев остался у меня в памяти не потому, что был самым сокрушительным или катастрофическим, но потому, что тогда было четко высказано то, чего я больше всего боялась услышать от людей вокруг.

Я отправилась в маленькую сельскую старшую школу недалеко от Денвера, чтобы проверить работу по программе профессионального обучения, которую финансировало наше ведомство. Оказаться в старшей школе было для меня трудно, и во время всего визита я едва сдерживала слезы. Особенно тяжело стало, когда мы вошли в большой компьютерный класс, где работала группа веселых и счастливых ребят.

Мы познакомились с преподавателем, молодым человеком, ненамного старше своих учеников, и я похвалила его успешную работу по нашей программе. Услышав мою фамилию, он напряженно посмотрел мне в лицо. Когда один из нашей команды сделал молодому учителю комплимент по поводу того, как он хорошо поддерживает так много компьютеров в рабочем состоянии, он сказал:

— Ну, постепенно ты узнаешь каждую машину все лучше и лучше. Кроме того, это как быть хорошим родителем.

Сказав это, он отвернулся от человека, задавшего вопрос, посмотрел мне прямо в глаза и продолжил:

— Если ты хороший родитель, то просто знаешь, чем занимаются твои дети.

Такие случаи больно ранили, и я возненавидела их. Но как бы мне ни хотелось спастись бегством каждый раз, когда затрагивалась тема Колумбайн, я не могла провести всю свою жизнь, избегая встреч, где могли прозвучать слова, которые я не хотела слышать. Я не могла не встречаться вообще ни с кем, чтобы избежать ситуаций, которые могли меня расстроить. Несмотря на жуткий водоворот эмоций, в котором я жила, я была не единственным человеком, которому было больно. Мне нужно было не дрогнув посмотреть на то, что совершил Дилан, и принять то, как его ужасный, жестокий выбор отозвался на жизни других людей. Каждый раз, когда я приходила в себя после неудобной ситуации, я делала еще один шаг к тому, чтобы принять все, что сделал Дилан, полностью. Независимо от того,

поддерживали меня люди или осуждали, возвращение на работу вернуло меня в общество, которое мой сын пытался разрушить.

Мне всегда было важно мнение других людей, а теперь их одобрение стало для меня первостепенным. Я была уверена, что мое поведение оценивают, осуждают, используют для того, чтобы объяснить, почему Дилан стал убивать и калечить людей. Если раньше я была только слегка одержима своей работой, то теперь переживала период жестокого перфекционизма. Я не должна была совершать никаких ошибок, не позволять никакого непонимания. Я должна была находить в тексте каждую опечатку и выполнять любой проект лучше, чем требовалось, и в кратчайшие сроки. Мне не достаточно было быть просто компетентным, обыкновенным сотрудником. Я должна была убедить других, что это не я была причиной сумасшествия моего сына. Если я делала хотя бы маленькую ошибку, то она меня так огорчала, что я просто не могла работать дальше. Когда кто-то задавал мне вопрос, мне казалось, что меня критикуют. Сидя за рулем, я волновалась, что могу случайно, из-за своей рассеянности повредить кому-то или вообще убить человека, подтвердив то, в чем весь мир и так был убежден, — что я недостойна того воздуха, которым дышу.

Я смотрела на фотографии счастливых семей, стоящие на столах моих коллег, и задавалась вопросом: «Что они такого сделали, чего не сделала я?» В то же время мне хотелось защитить себя, и я жаждала показать людям, что Дилан был любим, что я была хорошей матерью, что, несмотря на нашу близость, я и понятия не имела, что он что-то планирует, и что у меня не было и малейшего подозрения, что он вообще способен на такое варварство.

Конечно, я приписывала окружающим все те отрицательные чувства, которые были у меня самой по отношению к себе. Я, сама не зная об этом, вырастила убийцу, человека с такими шаткими моральными нормами, что он совершил кровавые бесчинства. Я была глупой, наивной, слишком доверчивой. Я даже не была одной из тех «крутых» родительниц, которые вместе с детьми курят травку или знакомят их со своими «крутыми» бойфрендами. Нет, я была из тех родителей, которые собирают всю семью за ужином и хотят познакомиться с друзьями детей и их родителями, прежде чем разрешат провести ночь в чужом доме. Ну и что хорошего из этого вышло?

Я вспоминала, как в те времена, когда он еще и в школу не ходил, повезла Дилана обратно в продуктовый магазин, чтобы он вернул грошовое пирожное, которое взял, не заплатив. Как я была благодарна, когда продавец спокойно принял извинения сына и взял пирожное из его маленькой руки, вместо того, чтобы

поощрить эту кражу и разрешить оставить сладкое себе. Я думала о всех тех случаях, когда звонила матерям, в домах которых Дилан оставался ночевать, и спрашивала, какой фильм они сегодня планируют смотреть. Не один раз я просила изменить выбор в пользу менее жестокой картины. Зачем я старалась ограничить рамки жестокости, когда весь мир может увидеть, с каким треском провалились мои попытки защитить своего сына и многих других детей?

Двадцать лет я подписывала разрешения пойти на экскурсию, устраивала замысловатую охоту за пасхальными яйцами и проверяла, есть ли у моих мальчиков кроссовки по размеру. Это были краеугольные камни моей жизни, вокруг которых я выстраивала работу, рисование и семейную жизнь. Теперь мне приходилось спрашивать, а был ли во всем этом какой-то смысл?

Возможно, вообще нельзя вырастить детей, ни о чем не сожалея. Но после того, как твой ребенок стал убийцей и покончил с собой, вина и сомнение в правильности своих решений становятся твоими постоянными неприятными спутниками. Вечером, возвращаясь с работы, я маниакально перелистывала семейные альбомы. Там были путешествия на молочную ферму, в музей естественной истории, поездки в парк — обычные вехи счастливого детства ребенка из среднего класса. Я с облегчением видела, что на многих фотографиях мы обнимаем, щекочем, прижимаем к себе или как-то еще прикасаемся к Дилану. Я предавалась мечтам, как буду останавливать незнакомцев на улице и показывать им альбомы: «Вот, видите! Я не сумасшедшая! Посмотрите, как счастливы мы были!»

Но вид руки Дилана, обнимающей Тома за шею, когда он улыбался и махал мне в камеру, снова и снова заставлял проливаться казавшиеся бесконечными потоки слез.

В старом кинофильме «Газовый свет» герой Шарля Буайе пытается свести с ума свою жену, которую играет Ингрид Бергман. Он перевешивает картины, перекладывает ювелирные украшения, прячет некоторые предметы в ее сумочку, а потом объявляет их украденными. Это срабатывает: когда его жена больше не может доверять своему восприятию реальности, она начинает срываться. В те дни я часто думала о «Газовом свете», пытаясь заново собрать осколки своей личности. Я думала, что была хорошей матерью. Я любила своего сына и гордилась им. Ничего из того, что я замечала, пока Дилан был жив, не заставляло меня думать, что у него есть сколько-нибудь значительные проблемы. Даже оглядываясь назад я не могла увидеть каких-то явных, кричащих признаков этого. Внутренний

конфликт нарастал все сильнее.

«Если ты хороший родитель, то просто знаешь, чем занимаются твои дети». Слова того учителя терзали меня сильнее, чем задевала самая жестокая брань. И не потому, что я в них не верила, а потому, что верила.

> Том все время задается вопросом, воссоединимся ли мы с ним когда-нибудь. Эта мысль постоянно у него в голове. Он говорит, что чувствовал бы себя спокойнее, если бы знал, что когда-нибудь увидит его снова. Я много думала о том, где Дилан сейчас, даст ли ему то зло, которое он совершил, упокоиться в мире, под покровительством Господа. Я надеюсь, что для него найдется Божье прощение, потому что он был ребенком.
>
> *Запись в дневнике, май 1999 года*

Моя подруга Шэрон, ребенок которой покончил с собой, настоятельно советовала мне найти группу поддержки для переживших самоубийство близкого человека.

Я отчаянно хотела быть среди людей, которые могли меня выслушать, отнестись с симпатией и не осуждать, но я не могла представить, как зайду в комнату, где сидят незнакомцы, и начну говорить о том, что сделали Дилан и Эрик. Куда хуже было то, что, как говорил Гари Лозов, если иски, поданные против нас, дойдут до суда, то те, кто посещал группу поддержки, могут быть вызваны в качестве свидетелей. Я чувствовала, что и так уже принесла людям много горя.

Изоляция была ужасна. Уровень моего беспокойства просто зашкаливал, и я чувствовала себя оторванной от всего мира. Мы не должны были общаться с семьей Харрисов. Единственным человеком, который мог понять, через что мне приходится проходить, был Том, но пропасть, появившаяся между нами в первые дни после трагедии, становилась все шире.

Конечно, так часто бывает. Хотя статистика, возможно, преувеличивает вероятность развода после смерти ребенка, у многих семей возникают значительные проблемы. Одна из причин, на которую часто ссылаются специалисты, — это то, что мужчины и женщины по-разному переживают свою потерю. Мужчины больше склонны оплакивать потерю того, кем мог бы стать ребенок, а женщины горюют о том ребенке, которого помнят.

Эта пропасть на самом деле существовала для нас. Я

постоянно перебирала воспоминания о том, как Дилан был младенцем, малышом, маленьким мальчиком, подростком, а Том был сосредоточен на том, чего Дилан уже никогда не сделает, потому что мертв. Это ориентированность на потерянное будущее Дилана раздражала меня, как будто Том даже после смерти давил на Дилана и заставлял его оправдывать отцовские ожидания. То, из-за чего мы ссорились тогда, кажется мне сейчас неважным. Мы были брошены в центр ужасного шторма, прочно связанные с друг другом, но иногда казалось, что куда лучше быть одному, чем с кем-то еще.

Наши механизмы приспособления к трудной ситуации тоже часто противоречили друг другу. Я всегда была более социальным и общительным человеком, а Том предпочитал одиночество. Произошедшая трагедия только подчеркнула наши отличия. Хотя мне было тяжело, когда на меня смотрели с ненавистью или осуждали, но мое возвращение к миру также дало мне возможность видеть проявления доброты и щедрости. Взаимодействие с другими людьми означало и то, что с отрицанием очевидного придется покончить. Неприятный разговор мог ранить мои чувства и на время заставить отступить назад, но, в конечном счете, я видела: то, что я поддерживаю контакты с окружающим миром, помогает мне примириться с реальностью.

В то время, как я заставляла себя вернуться в мир, Том все больше и больше уединялся. Я хотела распахнуть все двери, а Том — занять круговую оборону. Я все более и более чувствовала, что я оставляю его внутри этого круга одного.

> Всю дорогу до работы я плакала и напевала грустные песни. Я едва могла идти и двигалась очень медленно. То, как я себя чувствовала, лучше всего описать словами «иногда мне кажется, что я почти умерла». Я добралась до работы, села за свой стол и заплакала. Я подумала, что могу вернуться домой, потому что не могу работать, но вдруг поняла, что дома будет только хуже. Каким-то образом я включилась в рабочий процесс, и в конце концов тяжесть ушла, и я начала сосредотачиваться на том, что делала.
>
> *Запись в дневнике, август 1999 года*

Моя жизнь разделилась на две непересекающиеся сферы: мучительное смятение моей личной жизни и тихий порядок на

работе.

Я все лучше могла сосредоточиться. Я начала погружаться в дела так, что забывала, с чем мне приходиться бороться, — на минуту, на две, на три и даже на четверть часа. Эти минуты были для меня настоящим даром небес. Они не только давали мне передышку, но возвращали меня к той Сьюзен, какой я была до трагедии, — надежному, толковому человеку, который мог существенно помочь делу.

Точно так же, как наши друзья рассказывали о своих подростковых бедах и проступках, мои коллеги начали делиться своим собственным позором и потерями. Снова и снова я понимала, что в том мире, с которым я теперь неразрывно связана, очень много страдания и боли.

Сын одного моего коллеги отбывал срок за попытку убийства. Другая коллега рассказала о своей депрессии, мыслях о самоубийстве и госпитализации в психиатрическую клинику. Эти истории одновременно говорили об уважении ко мне и были предостережением. Когда коллеги доверяли мне свою собственную боль, это напоминало о том, что мои проблемы, даже такие громадные и вездесущие, как я их чувствовала, были только *моими* проблемами. Другие люди тоже страдали. С ними происходили ужасные вещи, но они продолжали жить.

Еще хорошо было то, что я могу дать кому-то поддержку. Конечно, это была очень слабая поддержка, ведь я не могла сказать ничего значительного, да и кто бы захотел выслушивать советы от матери убийцы? Но я могла поддержать человека, просто выслушав его, и я слушала.

Я записала в своем дневнике:

> Я узнала две важные вещи. Первая — на свете очень много добрых и хороших людей. И вторая — очень многие люди страдают и продолжают жить, с гордо поднятой головой глядя в будущее. Эти люди, в конечном счете, могут поддержать других. Надеюсь, я тоже когда-нибудь смогу кому-то помочь.

Это будет длинный путь.

Когда я начала сдирать с себя, как кожицу с лука, тоненькие слои, составляющие мою личность, я увидела, как тесно всю свою жизнь была связана со своим эго. Я всегда хотела нравиться и получала удовольствие от того, что была активным членом общества. Я выбрала работу, с помощью которой могла помогать другим. Ощущение удовлетворения от того, что я делаю, было для меня всегда важнее, чем зарабатывать деньги. Я очень гордилась своими сыновьями, семьей, которую создали мы с

Томом, и тем, что была хорошей матерью. После Колумбайн ничего из этого списка не осталось. Я была не просто плохой матерью, я была самой худшей матерью на свете, про которую открыто писали ненавистные заметки на первой странице местной газеты. Поскольку меня больше не могли любить и уважать, единственное, на что мне оставалось надеяться, так только на то, что люди, окружающие меня, найдут хоть капельку сострадания в своем ужасе и осуждении.

Мне был брошен просто невероятный вызов. Я никогда по-настоящему не смогу перешагнуть через то, что сделал Дилан. События в Колумбайн Хай и роль в них моего сына, как клеймо, стали неотъемлемой частью того человека, которым я была. Чтобы выжить, я должна была найти способ жить в этой новой реальности.

Я не могла ничего поделать с тем, что весь остальной мир будет думать обо мне, кроме как покончить со своей собственной жизнью. Моей самой большой надеждой было то, что я смогу связать воедино старую Сьюзен с новой.

Глава 10. Конец отрицания

Сейчас единственное, чего я хочу, — умереть. Том все повторяет, что лучше бы он вообще не родился на свет. Мы так любили Дилана, но он не чувствовал себя любимым. Не думаю, что он кого-то или что-то любил. Как это случилось? Я не знаю мальчика, которого видела сегодня [на видеопленке].

Мое отношение к Дилану у меня в голове и у меня в сердце изменилось.

Запись в дневнике, октябрь 1999 года

В октябре, через шесть месяцев после Колумбайн, управление шерифа согласилось показать нам собранные доказательства. Мы с Томом были приглашены на демонстрацию материалов.

Моя реакция на эту новость была сложной. После месяцев домыслов, слухов и ложной информации облегчением было, наконец, узнать правду. В то же время (и по той же причине) я просто окаменела от ужаса. За неделю до демонстрации доказательств я писала: «Эта встреча потребует от меня больше мужества, чем у меня есть. Я могу верить в то, что все произошло именно так, как я придумала, до тех пор, пока не поговорю со следователями. Я не хочу, чтобы они разрушили тот образ Дилана, который живет у меня в голове».

За два дня до мероприятия позвонил Гари Лозов. Управление шерифа сообщило ему, что частью их отчета будут видеозаписи, и он хотел предупредить нас, что, когда мы будем смотреть их, может быть «больнее, чем двадцатого апреля».

Гари предположил, что полицейские говорят о записях с камер видеонаблюдения. Том сказал, что он откажется смотреть запись бойни. Я же не могла поверить, что мы вообще обсуждаем такой вопрос. Если я увижу, как Дилан убивает людей, я сойду с ума.

Ночью перед назначенной встречей мы с Томом составили список вопросов. Мы все еще были убеждены, что Дилан был пассивным участником трагедии или случайно оказался вовлечен

в действия, значения которых он в то время не понимал. Судя по слухам, в доме Харрисов нашли армейские учебные материалы по технике промывания мозгов. История о такой находке только укрепила нашу веру в то, что Дилан был еще одной жертвой трагедии. Это было вполне правдоподобно: мистер Харрис служил в армии. Я тешила себя фантазиями о том, что мы сможем прийти на общую поминальную службу.

Но это был только один момент. Я уже начинала понимать, какой хрупкой была та конструкция, которую мы создали. Отрицание было для меня необходимым защитным механизмом. Возможно, оно даже помогло мне выжить. Но с течением времени становилось все труднее его поддерживать. Большая часть того, о чем сообщали средства массовой информации, была ложью, что укрепляло наш скептицизм. Но мы знали, что Дилан принимал участие в покупке оружия, а также было много надежных свидетелей, которые видели, как Дилан стрелял в детей, и слышали его распаленные ненавистью крики. Трещин в моей замечательно подогнанной системе становилось все больше.

Как я и подозревала, встреча в управлении шерифа заставила эту систему лопнуть, как проткнутый воздушный шар.

> Сегодня та моя жизнь, которую я вела раньше, закончится по-настоящему. Если завтра я узнаю ужасные вещи, которые мне придется нести до конца своей жизни, то я буду вспоминать сегодняшний день как конец лучших времен. Сегодня вечером мы работали над нашими вопросами. Байрон крепко обнял меня, чтобы помочь держать себя завтра. Надеюсь, грядущий день не разрушит мои воспоминания о мальчике, которого я любила. Я не знаю, что за видеозаписи они собираются нам показать.
>
> *Запись в дневнике, октябрь 1999 года*

Утром восьмого декабря мы пришли в управление шерифа. Мы уже встречались с главным следователем Кейт Баттен и следователем Рэнди Уэстом, когда они допрашивали нас в конторе нашего адвоката вскоре после стрельбы. Присутствовали они и во время нашего посещения библиотеки старшей школы Колумбайн. В общении с нами они показали себя прекрасными профессионалами, и я никогда не была более благодарной им, чем в тот день.

Поздоровавшись со всеми, мы с Томом заняли два стула из

тех, которые рядами стояли в комнате, отведенной для официальной демонстрации улик. Я подумала о Харрисах и о других семьях, дети которых пострадали в Колумбайн. Сидеть на одних и тех же стульях в разное время — только так мы могли приблизиться друг к другу.

Указывая на разные помещения на плане школы, который вывели на экран проектора, Кейт и Рэнди начали рассказывать о том, что Эрик и Дилан сделали утром двадцатого апреля 1999 года. Мы с Томом в первый раз услышали из официального источника, что же именно произошло в тот день и в те дни, которые предшествовали ему.

То, о чем я расскажу дальше, очень тяжело для восприятия, и принять решение о том, стоит ли об этом говорить, было нелегко. Жертвам трагедии и их родным и так пришлось пройти через громадные трудности, и я не хотела описывать сами события, чтобы не усугублять страдания, которые они уже перенесли. Также есть основания предполагать, что подробные описания таких преступлений могут стать образцом для подражания для других психически больных людей, тогда как исключение наглядных материалов и выразительного языка уменьшит вероятность распространения заразы.

Вместе с тем для меня важно рассказать об акте ужасного насилия, который Дилан и Эрик совершили перед своей смертью. Поскольку большая часть этой книги посвящена моей любви к Дилану, для меня также очень важно признать порочность его последних минут на земле. Обыкновенно я не приуменьшаю то, что он совершил, чтобы успокоить себя, и всегда буду помнить о том, как бы я чувствовала себя, если бы Дилан был одним из невинных людей, убитых или раненых в тот день. Здесь я намереваюсь почтить память бедных детей и их учителя, которые пали жертвами.

Кейт начала говорить. Бойня была тщательно спланирована. Чтобы направить внимание в другую сторону, Эрик и Дилан заложили небольшую бомбу в поле, примерно в трех милях от здания школы. Они надеялись, что этот взрыв отвлечет работников служб экстренной помощи от происходящего в школе. Ребята приехали в школу и вошли в здание в 11:15 с двумя спортивными сумками, где лежали бомбы, сделанные из баллонов с пропаном. Около входа они наткнулись на Брукса Брауна, который упрекнул Эрика в том, что он пропустил важный тест. На это Эрик ему спокойно сказал: «Это уже не важно». А затем Харрис предупредил его: «Брукс, ты мне теперь нравишься. Уходи отсюда. Иди домой».

Эрик и Дилан установили бомбы в столовой, вернулись в

свои машины и начали ждать. Когда бомбы в столовой не взорвались, мальчики встретились и направились в сторону здания, после чего по ступеням поднялись к западному входу школы и начали стрелять.

Кейт не рассказывала нам многие ужасные детали: что мальчики говорили, как жестоко они обошлись с некоторыми людьми или где пули или обломки настигли своих жертв. Она приложила все усилия, чтобы не перегружать нас видео- и аудиозаписями, вместо этого сведя свой рассказ к хронологическому перечислению того, кто кого застрелил, какое оружие при этом использовалось и где в здании школы пострадал каждый человек. Намеренно это было сделано или нет, но я посчитала поступок Кейт актом милосердия и была ей благодарна за него.

Эрик выстрелил в Рейчел Скотт и Ричарда Кастальдо. Девушка погибла мгновенно, а Ричард получил множество тяжелых ранений, и нижняя часть его тела так и осталась парализованной. Затем Эрик стрелял в Дэниела Рорбофа, Лэнса Кирклина и Шона Грейвса, которые поднимались к ним. Дэниел был убит, а двое других — ранены. Пятеро учеников сидели на траве напротив западного входа. Эрик выстрелил в них. Майкл Джонсон был ранен, но продолжал бежать и скрылся. Марк Тейлор был ранен несколько раз, упал на землю и притворился мёртвым. Еще трое учащихся скрылись.

Дилан направился по ступенькам к входу в столовую. Он выстрелил в Лэнса Кирклина, перешагнул через лежащего Шона Грейвса и вошел в здание. Эрик, все еще находившийся снаружи, выстрелил в учеников, сидящих около двери в столовую и ранил Анну-Марию Хокхалтер. Не выстрелив ни в кого и не проверив заложенные в помещении бомбы, Дилан присоединился к нему, и вместе они открыли огонь по ученикам, которые пытались перелезть через ограду футбольного поля, но не попали ни в одного из них.

Услышав странные звуки с улицы, учительница Патти Нильсон спустилась со второго этажа, чтобы прекратить то, что она посчитала игрой на камеру или глупой шуткой. Когда она подошла к дверям западного входа, мальчики выстрелили, и осколками стекла ранило ученика Брайана Андерсона и саму Нильсон. Учительница бросилась в библиотеку и велела ученикам укрыться под столами. Сама она залезла под конторку библиотекаря и набрала 911.

Вскоре вооруженный охранник школы Колумбайн помощник шерифа Нил Гарнер появился на стоянке. Эрик выстрелил в него, Гарнер отстреливался, но зацепить нападавшего не удалось.

Между Гарнером, еще одним офицером полиции округа Джефферсон и Эриком чуть позже произошла еще одна перестрелка, но ранен никто не был.

Мальчики ворвались в школу. Эрик выстрелил из своей винтовки сорок семь раз. Дилан три раза стрелял из пистолета и дважды — из обреза. Также они повсюду бросали сделанные из обрезков труб бомбы.

Эрик и Дилан бежали по коридору, стреляя во всех, кто попадался им на пути и бросая бомбы. Стефани Мансон была ранена пулей. Минутами ранее тренер Дейв Сандерс, который успел эвакуировать людей из столовой, убедился, что они в безопасности, и побежал на второй этаж, чтобы предупредить как можно больше людей. Выбежав из-за угла, они с еще одним учеником увидели на другом конце коридора Эрика и Дилана. Оба тут же попытались убежать, но нападавшие открыли по ним огонь, смертельно ранив Дейва, но упустив ученика. До сих пор так и неизвестно, чей выстрел убил Сандерса. Другой учитель Рич Лонг помог Дейву добраться до классной комнаты, где двое учеников, Аарон Хэнси и Кевин Старки, пытались оказать ему первую медицинскую помощь. Тем не менее, несмотря на их усилия, учителя не успели вовремя эвакуировать, и он умер в тот же день.

Дилан и Эрик бросили через перила лестницы две бомбы в столовую; эти бомбы взорвались. Взорвалась и бомба, брошенная в коридор перед библиотекой. Затем мальчики вошли туда. Эрик выстрелил в стол, под которым прятался Эван Тодд. Эван был ранен, но серьезно не пострадал. Дилан застрелил Кайла Веласкеса, прятавшегося под компьютерным столом. Мальчики перезарядили оружие и начали стрелять в сотрудников экстренных служб, эвакуирующих школьников. Затем Дилан выстрелил в стол, ранив Дэниела Стиплтона и Макайю Холла. Эрик, даже не заглянув под компьютерный стол, начал стрелять и смертельно ранил Стивена Курнова, а затем зацепил Кейси Руджсеггер. Он перешел к следующему столу и убил Кэсси Бернал. Дилан выстрелил в Патрика Айрленда, который пытался помочь Макайю Холлу.

Эрик начал палить куда попало. Дилан выстрелил в выставочный стенд, а затем — в ближайший стол, где прятался Марк Кинтген. Он выстрелил еще раз, ранив Лизу Кройтц и Валин Шнур. Потом он убил Лорен Тоунсенд.

Эрик заглянул под стол, чтобы поиздеваться над сидевшими под ним двумя девушками, затем выстрелил в Николь Ноулен и Джона Томлина. Когда Джон попытался выбраться из-под стола, Дилан убил его. Эрик выстрелил в Келли Флеминг, и она

мгновенно умерла. Он снова открыл огонь по Тоунсенд, которая уже была мертва, и ранил Жанну Парк и уже во второй раз Лизу Кройтц.

Мальчики подошли к столу, чтобы перезарядить оружие. Эрик заметил Джона Саведжа, знакомого Дилана. Джон спросил Дилана, что они делают, на что тот ответил: «Да так, просто людей убиваем». Потом Саведж спросил нападавших, убьют ли они его. Дилан приказал ему выбираться из библиотеки, после чего Джон сразу же покинул комнату.

Эрик выстрелил и убил Дэниела Маузера. Затем оба мальчика открыли огонь по еще одному столу, под которым прятались Дженифер Дойл, Остин Юбэнкс и Кори ДеПутер. ДеПутер погиб, а Дойл и Юбэнкс были ранены. Потом Эрик и Дилан заметили раненого Эвана Тодда и насмехались над ним.

Эрику разбило нос отдачей от обреза, и у него было сильное кровотечение. Возможно, поэтому мальчики решили покинуть библиотеку и направились к выходу. Дилан выстрелил в комнату отдыха для персонала и попал в телевизор. Он разбил стул о конторку библиотекаря, прямо над тем местом, где пряталась Патти Нильсон.

Потом оба парня ушли из библиотеки. После этого тридцать не пострадавших детей и десять раненых сумели выбраться из здания. Патрик Айрленд и Лиза Кройц остались в комнате. Патрик был без сознания, а Лиза не могла двигаться. Патти Нильсон, еще одна учительница и два сотрудника библиотеки заперлись в комнате, прилегающей к библиотеке.

Следующие тридцать две минуты Эрик и Дилан бродили по школе, стреляя во все, что попадалось на пути, и разбрасывая сделанные из обрезков труб бомбы. Кейт Баттен подчеркнула, что в это время в здании еще оставалось от двухсот до трехсот человек. В школе было много учителей и персонала, которые не эвакуировались, чтобы защитить оставшихся детей. Во время своего рассказа Кейт снова и снова повторяла, что просто удивительно, что больше никто не был убит. Мальчики вернулись в столовую и попытались взорвать бомбу, которую оставили там ранее. По пути они заглядывали в стеклянные двери классов, смотрели в глаза прячущимся там детям, но не пытались проникнуть внутрь или стрелять. Они больше никого даже не ранили. Они прошли в столовую, а затем — на кухню. Потом Эрик и Дилан вернулись в библиотеку. Перед тем, как покончить с собой, они стреляли через окна по полицейским снаружи. Самые большие бомбы мальчики оставили в своих машинах с таймерами, установленными примерно на двенадцать часов дня. Бомбы не взорвались.

Патрик Айрленд пришел в себя и сумел доползти до окна библиотеки, из которого он выпал прямо на руки двух бойцов отряда SWAT, стоявших на крыше бронетранспортера. Лизу Кройтц, получившую несколько пулевых ранений, эвакуировали позднее вместе с четырьмя подростками, которые прятались в комнате отдыха персонала.

Один учитель Уильям «Дейв» Сандерс был мертв, а также погибли двенадцать учеников: Кэсси Бернал, Стивен Курнов, Кори ДеПутер, Келли Флеминг, Мэтью Кетчер, Дэниел Маузер, Дэниел Рорбоф, Исайя Шульц, Рэйчел Скотт, Джон Томлин, Лорен Тоунсенд и Кайл Веласкес. Двадцать четыре ребенка были ранены, трое пострадали, пытаясь выбраться из школы.

Я сидела онемев, пока весь этот поток подробной информации о бойне в школе выливался на нас. Это было словно документальный фильм, наполненный такой жестокостью, что при обычных обстоятельствах я бы ни за что не стала его смотреть.

Увы, из всего ужаса без всякой неопределенности вырисовывался один факт: *Дилан сделал все это.*

Бойня была запланирована заранее, и Дилан принимал участие в планировании. Атака была четко расписана по времени и разработана на основании определенной стратегии. Дилан определенно убивал и ранил людей. Он издевался, когда они просили пощадить их. Он говорил на языке ненависти и отпускал расистские комментарии. Он не проявлял никакого милосердия, сожалений или мук совести. Он застрелил учителя. Он хладнокровно убивал детей.

Меня всегда будет терзать то, как закончились их жизни.

Первый раз за многие месяцы мои глаза были сухи. Я не только не могла охватить умом то, что только что услышала, я ничего вообще не чувствовала. Все, что я напридумывала себе, чтобы выжить, было разорвано в клочья. Блокнот с вопросами, которые мы вчера записывали, нераскрытый лежал у меня на коленях.

Когда до моего сознания начали доходить детали всего сказанного, я поняла и самое шокирующее и ужасающее откровение того утра: разрушения должны были быть еще больше. На самом деле бойня в Колумбайн была неудавшейся попыткой взорвать всю школу. Таймеры на больших, сделанных из баллонов с пропаном бомбах, которые мальчики установили в столовой, были поставлены так, чтобы они сработали, когда в помещении было полно студентов. Из-за ошибки в расчетах они не взорвались. Кейт сказала, что если бы это случилась, то пламя охватило бы переполненную столовую, поймав в ловушку сотни

учеников. Мог обвалиться и потолок, в результате чего весь второй этаж упал бы в столовую.

Ужас от того, что произошло, померк по сравнению с тем, что планировали мальчики. Я едва могла дышать, думая об этом. Какой ужасной ни была эта трагедия, она могла бы быть намного, намного страшнее. И это действительно хотел сделать мой сын!

Собравшись с силами, Том начал задавать вопросы. Самая большая тайна была все еще не раскрыта: каким было душевное состояние Дилана? Почему он был там? Какие мысли и чувства заставили его принять участие в этом зверстве?

Мы считали, что Дилан не оставил никаких объяснений своим действиям. Следователи уже говорили нам, что он стер все содержимое жесткого диска своего компьютера. Они забрали из его комнаты все, что могло каким-то образом позволить нам заглянуть в мысли сына. Мы много раз искали записку. Я просила поискать и друзей Дилана, когда они приходили. Они открывали коробочки с дисками и перелистывали книги. Никто из нас ничего не нашел.

Поэтому мы с Томом все еще цеплялись за последнюю надежду. Было очевидно, что Дилан участвовал в бойне от начала и до конца, но делал ли он это по своей воле? Может быть, ему промыли мозги, накачали наркотиками или каким-то другим образом принудили? Кейт покачала головой и сказала, что полиция уверена, что Дилан принимал участие в стрельбе по своему собственному желанию. Когда мы спросили, как она может быть настолько уверена в этом, она сказала, что мальчики оставили видеозапись.

Это было то самое доказательство, о котором нас предупреждали. Хотя мальчики вместе посещали занятия по видеосъемке, мне в голову никогда не приходило, что они могут снять самих себя. Новость о том, что они это сделали, заставила все мое нутро сжаться от ужаса и благоговейного страха. Тем не менее, я была совершенно не готова к тому, что увидела, когда Кейт вставила кассету в магнитофон и нажала на клавишу Play.

> Моя жизнь снова раскололась на части. Если бы я этого не видела, ни за что бы не поверила. Сбылись мои самые ужасные кошмары. Я все думаю о его сумасшедшей ярости и желании умереть. Он лгал нам и своим друзьям. Сочувствие было ему совершенно чуждо. Я постоянно пытаюсь понять, как этот чудесный, любимый ребенок мог дойти до такого. Я так злюсь на Бога за то, что он сделал с моим сыном.

«Подвальные ленты» были видеозаписями того, как Дилан и Эрик говорят на камеру в разных местах и разное время. Они были сделаны за несколько недель до стрельбы. Чаще всего съемки проходили в спальне Эрика, расположенной в подвале, что объясняет название, которое мальчики дали своим фильмам.

Мы и понятия не имели о том, что эти фильмы существуют, но к тому моменту, когда на экране появилось изображение, я поняла, что мне придется распроститься со всеми своими предположениями о жизни сына и причинах, которые привели к участию в зверских убийствах и его собственной смерти.

Мое сердце почти остановилось, когда я первый раз увидела Дилана и услышала его голос. Он выглядел таким же, каким я его помнила, и говорил точно так же. Это был мальчик, по которому я так тосковала. Тем не менее, через несколько коротких секунд слова, которые он произносил, достигли сознания, и мой разум пошатнулся. Я встала со стула, спрашивая себя, успею ли добежать до туалета до того, как меня стошнит.

Дилан и Эрик вели себя нелепо, рисовались, разыгрывая представление для себя и своей невидимой аудитории. Я никогда не видела на лице Дилана выражения такого насмешливого высокомерия. От удивления я открыла рот, когда услышала слова, которые они использовали — отвратительные, мерзкие, расистские, унижающие выражения. Их никогда не произносили и не слышали в нашем доме.

Взаимоотношения между мальчиками теперь лежали на поверхности, и это тоже было откровением. Я чувствовала, как в крови бурлит адреналин, мешая сосредоточиться, но информация на кассетах была такой важной, что я даже не решалась моргнуть.

В первой записи мы увидели Эрика, ведущего себя как распорядитель церемонии и рассказывающего о том, что он хотел показать в этом фильме, в то время как Дилан добавлял высокомерные комментарии. На первый взгляд, Эрик выглядел спокойным, здравомыслящим человеком, тогда как Дилан бесновался на заднем плане. Было очевидно, что ярость Дилана — это ключевой момент в их взаимоотношениях. Эрик снова и снова призывал моего сына «почувствовать гнев», и Дилан подчинялся, превращая в злость все, что он мог держать в себе, и поддерживая себя в таком состоянии. Обвинения, которые он бросал, были смехотворными, особенно когда он вспоминал обиды своего дошкольного детства.

Психологи, которые смотрели эту видеозапись, пришли к

подобному выводу: Эрик использовал тихо тлеющую, депрессивную злость Дилана, чтобы питать свой садизм, а Дилану были нужны разрушительные порывы Эрика, чтобы пробудиться от своей пассивности. Мне потребовались годы, чтобы разобраться в том, что я слышала на пленке, и понять роль злости в саморазрушении Дилана.

Сквозь приводящую в ужас браваду и шокирующие слова, вылетающие из его рта, я могла видеть знакомую подростковую неуверенность в себе, то же самое неуклюжее смущение, которое Дилан демонстрировал каждый раз, когда Том доставал видеокамеру, чтобы снять домашнее видео. Я хотела просочиться сквозь экран и избить сына кулаками, закричать на него и одновременно — вернуться назад во времени, обнять его и сказать, что мы его очень любим и что он не одинок.

Я уже не помню, в каком порядке проигрывали отрывки. В одном из них мальчики, сидя на стульях перед камерой, ели и пили что-то алкогольное прямо из бутылки. Они составляли списки людей, которым хотели причинить боль, и описывали, что бы они с ними сделали. (Как заметила Кейт, ни один из людей, упомянутых на кассете, не пострадал во время стрельбы.) В другом отрывке Дилан держал камеру, а Эрик переодевался и демонстрировал оружие. Они говорили о том, что весь план надо держать в тайне. Эрик показывал, как тщательно он спрятал оружие, чтобы родители ничего не нашли.

Здесь Кейт сделала замечание в наше пользу. Она сказала, что эта часть фильма была просто сенсацией даже для тех, кто работает в правоохранительных органах. Следователи не смогли обнаружить один из тайников Эрика, когда первый раз обыскивали дом Харрисов. Им пришлось вернуться еще раз после того, как они посмотрели видеозапись. Кейт добавила, что люди, которые были в той комнате, придя домой, обыскивали комнаты своих детей так, как никогда раньше не делали.

Дилан рассуждал о том, как бы ему пронести свой только что купленный дробовик в наш дом. Сын отпилил ствол, сделав ружье короче, так что его было легче спрятать. Хранить такое оружие было противозаконно. Он рассказывал, что собирается спрятать ружье под пальто и проскользнуть в свою комнату так, что никто ничего и не заподозрит. Мы так никогда и не узнали, хранился ли дробовик у нас дома или где-то еще. Возможно, он лежал в изголовье кровати Дилана: о том, что там есть полость, можно было догадаться, только перевернув кровать на попа. Видя все это, я ощутила полную безнадежность. Даже если бы мы продолжали обыскивать комнату сына, как мы делали на протяжении шести месяцев после того, как он попал под арест в

одиннадцатом классе, мы, скорее всего, все равно ничего бы не нашли.

В одном месте на видеозаписи Дилан отпустил издевательский комментарий по поводу моих родных, и еще один — насчет своего старшего брата Байрона. Мы жили в горе уже целых шесть месяцев, и никто не нес этот груз с большим достоинством, чем Байрон. Наш старший сын с потрясающим тактом и храбростью выступил вперед и принял на свои плечи ужасную ответственность. В этом была определенная ирония. В жизни Дилана было так мало того, на что он мог бы жаловаться или злиться, что для того, чтобы поддерживать свою ярость, которая была нужна Эрику, сыну приходилось хвататься за такие соломинки, как отношения с братом или редкие встречи с родственниками.

В другом месте Дилан жаловался Эрику по поводу того, что я заставила его участвовать в праздновании Песаха. В те выходные, когда они сделали эту видеозапись, я решила провести традиционный обед и пригласить нашу соседку. Я спросила сыновей об их рабочем расписании, чтобы все запланировать. Ответ Дилана показался мне грубым и эгоистичным. Он не хотел ни в чем участвовать. Самый младший за столом должен был прочитать часть службы, а он стеснялся.

Я попросила сына подумать еще:

— Я знаю, что этот праздник для тебя ничего не значит, но он многое значит для меня. У нас будет вкусный обед. Не мог бы ты там быть для меня?

Когда Дилан сказал, что будет, я поблагодарила его и сказала, что очень рада. Затем он записал то самое видео, где жалуется Эрику, что ему придется пойти.

Эрик, который играл с пистолетом, пока Дилан говорил, вдруг замер, когда услышал слово «Песах». Он не знал о том, что я из еврейской семьи. Когда Дилан понял, что проговорился, он попытался дать задний ход. Казалось, он боится реакции Эрика. Сын сказал своему другу, что я не настоящая еврейка, а только на четверть или даже на одну восьмую. Я даже не могла сказать, чего Дилан больше боится: что его будут осуждать или просто застрелят.

Наконец, Эрик снял повисшее напряжение, посочувствовав Дилану. Глядя на все это, я думала: «Вы маленькие глупые идиоты! Все эти разговоры о том, что вы ненавидите всех и каждого… А вы ведь даже не знаете, о чем говорите! Вы все это сами придумали, чтобы не прекращать злиться». Самое ужасное во всем этом было то, что, в этот момент, казалось, Дилан и сам почти понял это.

Еще в одном месте Эрик предложил, чтобы они сказали что-нибудь о своих родителях. В этот момент Дилан опустил глаза и сказал почти неслышно:

— Мои родители всегда ко мне хорошо относились. Я не хочу ругать их.

Ни один из них даже не подумал о том, какую боль то, что они запланировали, принесет людям, которые их любят. В другой записи они дошли до того, что объявили, что их родители и друзья не несут никакой ответственности за то, что скоро произойдет. Видимо, мальчики решили, что эта небольшая деталь изменит ситуацию для их родных после того, как все будет кончено.

Последний отрывок был самым коротким. И он же оказался для меня самым трудным. В нем мальчики остановились на несколько секунд, чтобы попрощаться с близкими, перед тем, как пойти взрывать школу. Все их вооружение было разложено вокруг, как будто они отправлялись в экспедицию. Эрик оставил своей семье распоряжения о том, как поступить с его имуществом.

Дилан не злился, не говорил о ненависти или о мести. Он ни словом не упомянул о смерти и разрушениях, которые вскоре последуют. От бравады, которой сын щеголял в предыдущих видеозаписях, не осталось и следа. Но он и не плакал, а выглядел каким-то безжизненным, смирившимся со своей участью. Что бы он ни собирался сделать, Дилан шел в школу, чтобы покончить с собой. Он смотрел в сторону от камеры, как будто разговаривал сам с собой. Сын помолчал, потом мягко сказал: «Просто знай, что я ухожу в лучший мир. Эта жизнь никогда мне особенно не нравилась…»

Глядя на это, мне пришлось закусить губу, чтобы не закричать: «Остановись! Остановись! Не оставляй меня! Не делай этого! Не убивай этих людей! Дай мне шанс помочь тебе!» Но где бы он сейчас ни был, Дилан уже не мог меня слышать.

> Туфекси: «Я не вижу никаких преимуществ от опубликования этих записей. Зато существует вероятность, что они нанесут огромный вред».
>
> *Из записи разговоров с социологом Зейнеп Туфекси, февраль 2015 года*

Годы спустя нам с Томом пришлось бороться за то, чтобы так называемые «Подвальные ленты» никогда не были показаны

широкой публике.

Нам пришлось преодолеть значительное сопротивление. Люди считали, что мы что-то скрываем или пытаемся защитить репутацию Дилана. (Как я сухо сказала Тому, когда мы в первый раз услышали это конкретное обвинение: «Думаю, эту лошадь в сарае уже не утаишь».) Ко мне даже обращались люди, родные которых покончили жизнь самоубийством: «Не думаете ли вы, что опубликование этих видеозаписей могло бы помочь людям понять, почему такое случается?»

Мой ответ на этот вопрос: «Нет, не думаю». Я все еще остаюсь при своем мнении, которое перекликается с многими известными во всем мире работами о самоубийствах и насилии, которые легли в основу этой книги: существует совершенно реальный риск того, что другой ребенок с нарушенной психикой использует эти записи как образец для своей собственной стрельбы в школе.

В какой-то мере Дилан и Эрик уже стали, можно сказать, чемпионами в этой невеселой области. Мы с Томом получали леденящие душу письма от одиноких детей, которые восхищались Диланом и тем, что он сделал. Взрослые, над которыми издевались, когда они были детьми, писали нам, чтобы сказать, что могут понять и мальчиков, и их поступки. Девочки забрасывали нас любовными письмами. Молодые люди оставляли на нашем автоответчике сообщения, где называли Дилана героем и даже богом. После пробной работы в исправительном центре для молодых преступников я узнала, что некоторые заключенные мальчики радовались, когда смотрели телевизионные репортажи из разрушенной школы. Видеозаписи, которые сделали Дилан и Эрик, просочившись в средства массовой информации, стали бы знаменем всех детей, над которыми издевались в школе.

Все эти разговоры вокруг «Подвальных лент» действовали на меня хуже, чем письма, переполненные ненавистью. Если они станут доступны всем, мы уже никогда не сможем контролировать, кто их сможет увидеть. (Даже хронологическое описание событий в школе и рассказ о том, что было на видео, заставляют меня нервничать, и я никогда бы не стала их приводить, не получив одобрение людей, глубоко изучивших эти вопросы.) Мы ни в коем случае не можем позволить этим записям увидеть свет. Много плохого и так уже случилось.

Это не только наше предубеждение. С течением лет наши страхи того, что действия Эрика и Дилана могут вдохновить на нечто подобное других несчастных детей, подтвердились уже не раз. Материалы, связанные с Колумбайн, были обнаружены среди вещей стрелка из Виргинского политехнического института Чо Сын Хи и стрелка из начальной школы Сэнди-Хук Адама Лэнза.

Исследование, результаты которого были опубликованы компанией ABC News в 2014 году, показывает, что «по крайней мере семнадцать нападений и тридцать шесть предполагаемых дел или серьезных угроз, происшедших после событий в школе Колумбайн Хай, могут быть связаны с бойней 1999 года».

Мы нисколько не сомневаемся, что рассказы о самоубийствах или поведении самоубийц могут заставить других уязвимых людей сделать нечто подобное. Более пятидесяти исследований по всему миру напрямую связывают репортажи о самоубийствах в выпусках новостей с возрастающим количеством похожих или точно таких же попыток лишить себя жизни. Такое явление называют «подражающими самоубийствами» или эффектом Вертера — термином, который предложил социолог Дэвид Филлипс в семидесятые годы. Само название подчеркивает, насколько давно мы знаем об этом явлении: еще в восемнадцатом веке ряд молодых людей, подражая герою романа Гете «Страдания юного Вертера», кончали с жизнью, как он, надев желтые панталоны и голубой сюртук.

То, что об эффекте Вертера стало известно средствам массовой информации, несомненно, спасло немало жизней. Возможно, вы замечали, что в выпусках новостей редко сообщают о самоубийствах, особенно о самоубийствах подростков. Это не случайно; средства массовой информации следуют указаниям Центра по контролю за заболеваниями и Национального института психического здоровья, специалисты которых считают, что ограничение показа и поверхностное освещение таких событий может спасти кому-то жизнь.

В этих указаниях рекомендуется, чтобы средства массовой информации избегали настойчивого повторения, приукрашивания или сенсационных репортажей. Они не должны давать упрощенные объяснения причинам самоубийства. Нельзя наглядно показывать, как человек лишил себя жизни. Предсмертные записки нельзя воспроизводить ни в каком виде. Журналисты должны избегать использования изображений мест смерти, запоминающихся объектов и горюющих членов семьи.

Согласившись освещать самоубийства в средствах массовой информации не как преступления, а как часть огромной проблемы со здоровьем, журналисты, работающие на основные телерадиокомпании страны, спасают множество жизней. Двумя случаями, в которых делается исключение, являются самоубийства знаменитостей и самоубийства, связанные с убийствами. Нет, я далеко не так наивна, чтобы поверить, что когда-нибудь увижу мир, где не будет широкого освещения смерти хорошо известного человека, такого как Робин Уильямс,

или такого события, как стрельба в начальной школе Сэнди-Хук. Как бы ни были трагичны эти события, они становятся сюжетами для новостных репортажей. Но существует много способов подойти к рассказу о них ответственно, и существуют убедительные доводы не забывать об этом. По крайней мере, я считаю, что есть веские доводы для того, чтобы изменить освещение самоубийств, связанных с убийствами, в средствах массовой информации.

Все больше исследований указывают на то, что количество массовых перестрелок в Соединенных Штатах неразрывно связано не только с легкой доступностью оружия большой мощности и отсутствием знания о том, как сберечь свое психическое здоровье, но и с тем, как средства массовой информации показывают такие события. И если такой информационный фон может вызывать или усиливать волну подражающих самоубийств, то я полностью согласна с такими специалистами как доктора Фрэнк Окберг и Зейнеп Туфекси в том, что необходимо разработать новый набор инструкций по освещению самоубийств, связанных с убийствами.

Конечно, существует существенная разница между тем, как эти события освещаются в легальных, общедоступных новостных организациях, и тем, что происходит в самых темных углах сети Интернет или даже на кабельных каналах новостей, идущих двадцать четыре часа в сутки. Мэг Мориц, репортер и профессор, которая внимательно следила за освещением событий в Колумбайн в средствах массовой информации, напомнила мне, что журналисты, задавая вопросы, часто вынуждены мгновенно принимать решения в едва ли располагающей к этому обстановке. Но даже если и так, будет вполне разумно ждать от сотрудников легальных новостных организаций того, что они будут следовать передовым практическим инструкциям.

Многие из этих инструкций что-либо запрещают. Нельзя показывать изображения стрелка, особенно те, где он держит в руках оружие или одет так, как пришел на бойню. Нельзя показывать оружие, которое он использовал, или другие вещественные доказательства. Нельзя постоянно повторять имя стрелка, нужно употреблять слова «убийца», «преступник». Нельзя давать сюжеты в прямой эфир, публиковать видеозаписи, которые сделали стрелки (такие, как «Подвальные ленты») или записи, которые они разместили в социальных сетях. Нельзя сравнивать одного убийцу с другим, особенно подчеркивая количество убитых ими. Туфекси считает, что цифры — как много погибших и раненых, сколько пуль было выпущено — и фотографии особенно возбуждают, так как дают повод посоревноваться. Нельзя делать сенсацию из жестокости преступления или

количества тел, например, писать «самое большое количество убитых и раненых за всю историю страны!» Нельзя упрощать мотивы, которые привели к преступлению.

И, самое главное, нельзя неосторожно делать героев из убийц. Это кажется очевидным, но когда происходят подобные события, вам не удастся избежать подробных (и, я буду настаивать, фетишистских) описаний того, какое оружие использовали убийцы, как они его прятали, что они делали и ели в тот роковой день, что было на них надето. Их имена становятся знакомыми в каждом доме. Мы знаем их любимые блюда, видеоигры, фильмы и группы. Конечно, эти детали неизбежно просочатся в средства массовой информации: утечки всегда случаются, а Интернет есть Интернет. Но если эти изображения и упомянутые выше подробности могут усиливать или вызывать жестокость, они не должны бесконечно повторяться по каналу CNN.

Доктор Фрэнк Окберг — психиатр, основоположник изучения посттравматического стресса и почетный председатель находящегося в Колумбийском университете Центра имени Дарта по изучению журналистики и травматических эпизодов. Рассказывая журналистам о травмах, он советует расширить дискуссию о травматических событиях, а не делать из них сенсацию. Какие именно детали на самом деле помогут нам объяснить произошедшее? На какие источники мы можем сослаться? Как мы можем включить эту трагедию в более широкое понятие психического здоровья?

Очень большим шагом вперед было бы просто перестать поспешно высказывать свои заключения, а особенно — упрощать причины, которые привели к трагедии. Стрелки в школах не убивают людей «из-за» жестоких видеоигр или музыки в стиле техно, а люди не кончают с собой из-за того, что потеряли работу или расстались со своей девушкой. Во многих статьях, которые я читала после смерти Робина Уильямса, люди пишут, что были поражены тем, что такой богатый и всеми любимый человек мог чувствовать, что ему незачем жить. Конечно, деньги и популярность не защищают людей от болезней психики, а лишь приводят к ним.

Когда мы упрощаем причины смерти, возникает риск того, что кто-то может предположить, что любовные неприятности или проблемы на работе — это повод подумать о смерти. Увольнение или разрыв отношений могут усугублять отчаяние человека, но людей все время бросают и увольняют, эти события сами по себе не могут объяснить, почему кто-нибудь кончает с жизнью самоубийством. Подобным же образом доказано, что жестокие

видеоигры понижают порог чувствительности к восприятию жестокости у детей и представляют определенную опасность для уязвимых подростков, которые борются с психическим заболеванием или испытывают еще какие-либо трудности. Но стрелки в школах берутся за оружие не потому, что играли в Grand Theft Auto или Doom.

Я очень надеюсь, что приведенные здесь рекомендации будут восприняты не как выступление в пользу цензуры или угроза свободе слова, а как призыв к этичному освещению событий. (В качестве примера поступка, который вызвал мое большое уважение, могу привести писателя Стивена Кинга, который попросил издателя отозвать из продажи свой роман «Ярость» после того, как несколько школьных стрелков цитировали книгу.) Самая типичная фотография из Колумбайн — это стоп-кадр с камеры видеонаблюдения, где видны Дилан и Эрик в полном полувоенном обмундировании, размахивающие оружием в школьной столовой. Когда бы я не видела ее — особенно если фотография сопровождается статьей, которая якобы подразумевает более конструктивный подход к проблеме, — мне приходится сдерживаться, чтобы не швырнуть журнал через всю комнату.

Конечно, есть образцы того, как освещение различных событий в средствах массовой информации меняется к лучшему. Хороший репортер никогда не мечтает о том, чтобы опубликовать имя жертвы сексуального насилия или сведения о секретных передвижениях войск. Возможно, вскоре будет также немыслимо опубликовать фотографию убийцы поверх числа убитых и раненых им людей на кроваво-красном фоне.

Некоторые новостные компании начинают прислушиваться к подобным рекомендациям. В 2014 году консервативная канадская широковещательная сеть решила не называть имя и не публиковать фотографию преступника, ранившего пять офицеров полиции, двое из которых умерли. В передовой статье, которую они выпустили, это решение объяснялось так: «Очень легко рассказать о жизни убийцы, прочесать его спутанную страницу в фейсбуке, порассуждать о мотивах, но эти действия на самом деле только укрепят ощущение того, что его акт насилия в какой-то мере справедлив». Я не настаиваю на том, что имена убийц должны скрываться, как это делают многие аналитики в области средств массовой информации, и буду только рада дать возможность давать рекомендации кому-нибудь более квалифицированному. Тем не менее, существенно то, что серьезные широковещательные компании при освещении событий идут на компромисс и не сообщают таких деталей.

Во многих европейских странах национальные советы по новостям отслеживают, как освещаются различные события, и наказывают за нарушения. Возможно, в Соединенных Штатах этого нельзя сделать, и, может быть, никто и не захочет таких нововведений (хотя мне очень хотелось бы, чтобы нашлась управа на National Enquirer, где опубликовали просочившиеся в СМИ снимки с места преступления из Колумбайн, в том числе и фотографию мертвых Дилана и Эрика в библиотеке). В лучших отделах новостей каждый день ведутся разговоры о чувствительности, подражании и травме. Я верю, что с течением времени и улучшением образования агентства новостей будут следовать вышеприведенным рекомендациям добровольно, по той простой причине, что это правильные и нужные вещи. Сейчас же, если вы видите репортаж или заметку, которые считаете безответственными, вы можете (как это делаю я) послать электронное письмо в новостную компанию или высказать свои возражения в социальных сетях.

Страх волны подражаний был главной причиной, по которой мы с Томом так сопротивлялись тому, чтобы «Подвальные ленты» были рассекречены. Но это был не единственный аргумент. Если отвлечься от того, к чему деструктивное поведение одних отчужденных детей может подтолкнуть других, я была в ужасе от одной мысли о том, что друзья и родные убитых и раненых могут невольно получить еще одну травму, просто пролистывая журнал на стойке в супермаркете или сидя у телевизора в спортбаре.

Также меня тревожило то, что публикация записей будет и дальше поддерживать такую удобную фантазию о зле, которое бывает только таким, что только круглый дурак не сможет его распознать. Для меня трагедия в Колумбайн была доказательством того, какой опасной может оказаться такая фантазия. Когда вы видите Дилана на этих пленках, вы думаете: «Этот ребенок — сумасшедший, он практически кипит от гнева. Он планирует настоящую жестокость и свое собственное самоубийство. Его родители, должно быть, полные идиоты. Не может быть, чтобы они жили с таким человеком в одном доме и не знали, что он опасен».

Все, что я могу сказать по этому поводу, — это то, что я сама бы так подумала.

Не было никакого способа подойти к публикации этих записей ответственно. Не было и убедительной причины выпустить их на суд широкой общественности. Целая армия профессиональных следователей и психологов изучила пленки и не смогла прийти к однозначному заключению о том, почему Дилан и Эрик совершили свое кошмарное преступление. Что

вообще собирались там изучать обычные граждане?

Я часто думаю, что куда более поучительно — и страшно — было бы показать то видео, где мы снимали Дилана в день его выпускного бала, за трое суток до бойни, улыбающегося и шутливо бросающего маленькие снежки в отца, держащего камеру. На мой взгляд, демонстрация того, как отчаявшиеся люди могут маскировать свои истинные чувства и намерения — это куда более важная вещь.

Записи так и остались частными. Противники тайн в ярости, но никаких открытий для них не будет. Там просто нет ничего, что стоило бы видеть.

> Мое отношение к Дилану и в моем разуме, и в сердце изменилось. Я сейчас так зла на него. Я не могу понять, что я как мать сделала, что он почувствовал себя таким несчастным, злым, оторванным от людей.
>
> *Запись в дневнике, октябрь 1999 года*

Когда мы вышли из управления шерифа после просмотра «Подвальных лент», мне казалось, что все мое тело в оцепенении. На парковке я шатаясь побрела к машине, проглатывая свои слова, как горький напиток. Ужас от того, что мы услышали, — не говоря уж о том, что трагедия могла быть куда более страшной и ущерб мог быть куда более сильным, — практически поставил меня на колени.

В дни и месяцы после той встречи весь мой мир снова был разбит. Просмотр «Подвальных лент», наконец, заставил меня увидеть моего сына таким, каким его видел весь остальной мир. Ничего удивительного, что все считали его чудовищем.

Внутри каждого из нас есть крошечный гироскоп, поддерживающий нас в равновесии и отвечающий за наше положение. Многие месяцы после «Подвальных лент» мой гироскоп не работал. Я с трудом могла сказать, где находится верх.

Когда я оправилась от шока и снова стала что-то чувствовать, меня охватила злость. Меня трясло от одной мысли о том, что Дилан сделал со всеми этими невинными людьми и от того, что жертв могло быть намного больше. Все эти месяцы я носила в своем сердце светлую память о нем, а он разрушил эти воспоминания и вообще все. На День благодарения единственная вещь, о которой я могла подумать, — это поблагодарить, что бомбы не взорвались. Пустой стул Дилана напоминал о других

семьях, где в этот день тоже были пустые места за столом. Я держала Байрона за руку, пока он возносил благодарности за еду и за нас, но поддерживать разговор я не могла, как не могла и съесть ничего из того, что было на столе, просто символически откусывала небольшой кусочек. Через жалкие пятнадцать минут, когда Байрон извинился, встал из-за стола и понес свою тарелку на кухню, мы с Томом оба расплакались.

Этой осенью у меня начались проблемы с желудочно-кишечным трактом. Когда подошло время ежегодного посещения гинеколога, мой врач явно был потрясен тем, как я выгляжу и разговариваю. Я знала его много лет, он принимал роды, когда родился Дилан. Я забеременела одновременно с женой доктора, поэтому мы с ней посещали одни и те же занятия по уходу за младенцами. Как медик и как друг он был непреклонен: мне нужно было найти психотерапевта.

Мне это было нужно даже сильнее, чем он думал. Из-за юридических запретов я не могла посещать какие-либо группы поддержки. И, хотя мои друзья и коллеги очень поддерживали меня, давая возможность делиться воспоминаниями о Дилане, горем и проблемами, но с кем на всем свете я могла поговорить о том, что увидела на этих видеокассетах? Прежде всего, это было невозможно из-за судебного преследования. И теперь, когда на некоторые мои вопросы появились ответы, стыд и гнев заслонили все остальные чувства.

В отчаянии я назначила встречу со специалистом, с которым пыталась работать сразу после нападения в школе. Я всегда подозревала, что он не прошел специальную подготовку для таких сложных случаев, как мой, и эта наша встреча стала последней каплей. После того, как я рассказала врачу, что мы видели и слышали на тех кассетах, он мог только, оцепенев, сидеть на стуле. В конце концов, он признал, что это ему не по зубам, и он не знает, как тут можно помочь. Психотерапевт спросил, не позволю ли я ему проконсультироваться с другим специалистом. Хотя я была благодарна ему за его откровенность и попытку помочь, мы решили расстаться.

Я попросила рекомендации у своего доктора, у друзей, у пастора и раввина. Гари Лозов помогал мне рассматривать кандидатов. Это была приводящая в уныние работа. Один психотерапевт, услышав, кто я такая, никак не мог дождаться возможности повесить трубку. Она совершенно не хотела, чтобы ее втягивали во все те юридические дрязги, которыми была окружена наша семья. Некоторые специалисты демонстрировали слишком назойливый интерес к деталям нашего дела, а другие признавали, что им просто не справиться с такой задачей. Мы

продолжали искать, и, наконец, я нашла женщину, которая тоже потеряла ребенка. Это было совсем другое дело. Взглянув в ее глаза, я почувствовала, что вернулась домой.

По правде говоря, несколько дней после «Подвальных лент» я просто слепо злилась на Дилана вместо того, чтобы отпустить свой гнев. Злость блокирует любовь, а только любовь может принести победу.

Именно мой новый психотерапевт помог мне увидеть, почему же тот день в управлении шерифа оказался для меня настолько сокрушительным. Я должна была начать скорбеть по сыну заново. Дилана, которого я уже оплакала, не было; человека, который встал на его место, я даже не могла узнать.

Как портрет Дориана Грея, образ Дилана в моем сознании становился все отвратительнее и отвратительнее каждый раз, когда я осмеливалась на него взглянуть. Защитный механизм, за который я цеплялась все эти месяцы, — вера в то, что сын действовал непреднамеренно, не осознавая того, что делает, или его принудили, — исчез. Злобное лицо, которое я видела в видеозаписях, было той его стороной, которую я не узнавала, стороной, которую я никогда не видела при его жизни. Увидев эти записи, было очень трудно не сказать: «Дьявол — вот кто он на самом деле».

С помощью моего психотерапевта я обнаружила, что не было никакого успокоения в том, чтобы воспринимать Дилана как чудовище. Если копнуть глубже, я не могла сопоставить эту характеристику с тем Диланом, которого я знала. Весь остальной мир мог объяснять то, что он сделал, двумя способами: либо он родился таким злым, либо его вырастили без всяких моральных принципов. Я же знала, что не все так просто.

После того, как мы увидели «Подвальные ленты», я открыла маленькую коробочку, лежавшую в ящике моего письменного стола, где я хранила несколько дорогих мне вещей. Среди них была крошечная лошадка-оригами. Я все время проверяла, лежит ли лошадка в коробочке, иногда доставала ее и рассматривала, словно надеялась, что ее причудливые изгибы дадут ответы на мои вопросы.

Когда Дилану было девять лет, я подхватила ужасную глазную инфекцию, которая не прошла даже после нескольких походов к врачу. Дилан очень волновался, часто проверял мои глаза, искал улучшения. Он был физически привлекательным ребенком, и я все еще помню ощущение его руки на моем плече, когда сын с волнением вглядывался мне в глаза. Еще окончательно не оправившись от болезни, я обнаружила на своем

столе крошечную крылатую лошадку, сделанную из сложенной бумаги. К ней прилагалась написанная детским почерком записка: «Надеюсь, что мой выздоровительный Пегас поможет тебе выздороветь. Я сделал его специально для тебя. С любовью, Дилан».

Как я могла сопоставить херувима с облаком золотистых волос, который, смеясь, осыпал мое лицо поцелуями, и мужчину — убийцу — на экране? Как мог ребенок, который сделал для меня «выздоровительного» пегаса быть тем человеком, которого я видела в записях? Мне нужно было совместить мальчика, матерью которого я была, с тем, кем он стал в конце своей жизни.

Больше нельзя было избегать того ужасного факта, что мой сын планировал кошмарный акт насилия и принимал в нем участие. Но добрый ребенок, который сделал для меня пегаса, милый стеснительный мальчик, который всегда стремился помочь собрать паззл из тысячи кусочков, молодой человек, который лопался от смеха, когда мы вместе смотрели комедийный сериал «Театр загадочной науки 3000 года» — они все тоже были реальны. Кем был человек, которого я любила, и почему я должна была любить его?

Однажды друг прислал по электронной почте цитату, которая настолько глубоко меня потрясла, что я отыскала книгу, чтобы прочитать ее полностью. «Имейте терпение, памятуя о том, что в Вашем сердце еще не все решено, — писал Райнер Мария Рильке в четвертом письме к молодому поэту, — полюбите даже Ваши сомнения. Ваши вопросы, как комнаты, запертые на ключ, или книги, написанные на совсем чужом языке. Не отыскивайте сейчас ответов, которые Вам не могут быть даны, потому что эти ответы не могут стать Вашей жизнью. Живите сейчас вопросами. Быть может, Вы тогда понемногу, сами того не замечая, в какой-нибудь очень дальний день доживете до ответа»[12].

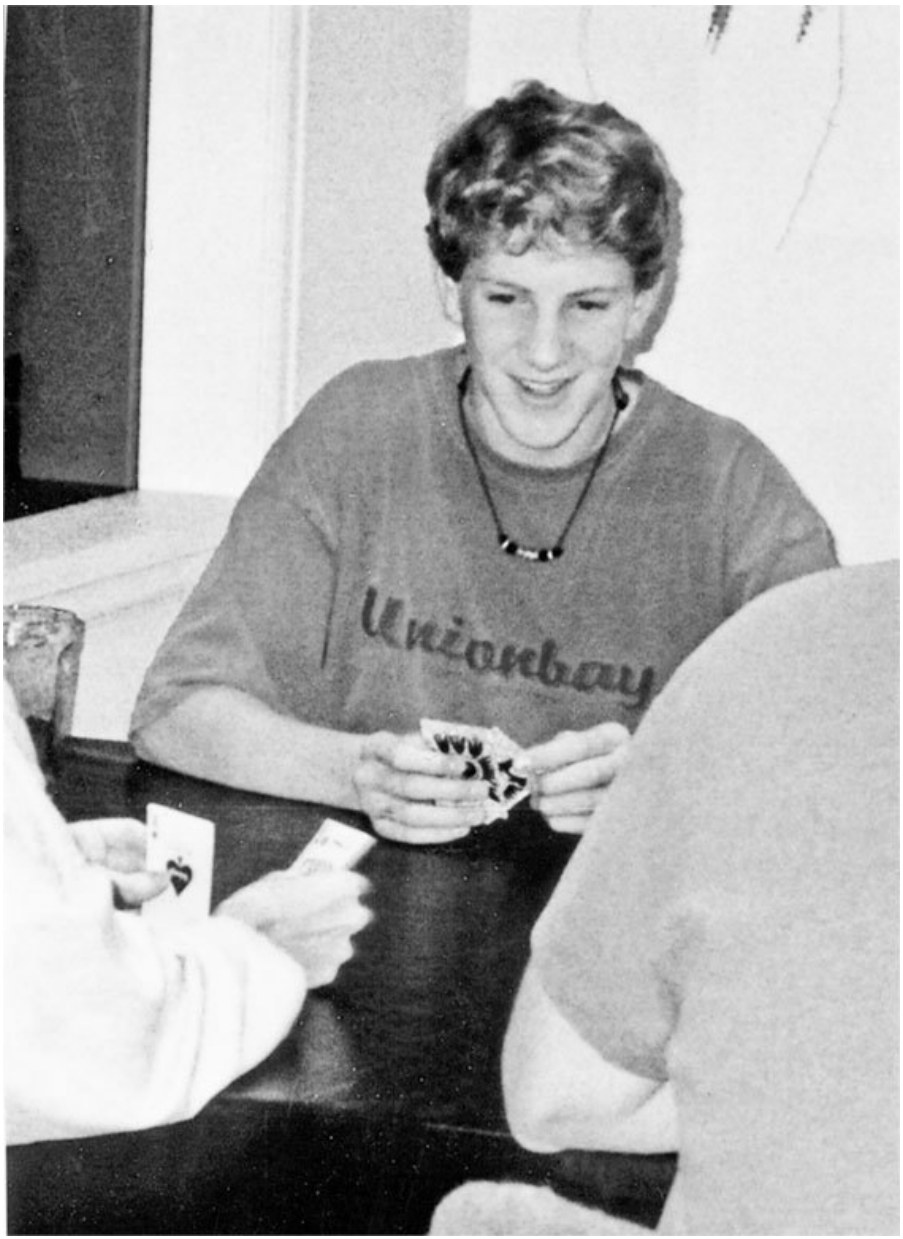
Придет время, и мое сердце снова откроется для моего сына, придет час, когда я смогу оплакивать не только его жертв, но и его самого. Я узнаю о тех страданиях, которые Дилан переживал, возможно, годами, и о которых я даже не подозревала. Тревожное расстройство и посттравматический стресс, которые я пережила после Колумбайн, дадут мне мой собственный опыт о том, как сбои в правильной работе мозга могут повлиять на ход мыслей человека. Ничто из перечисленного никоим образом не извиняет и не смягчает того, что сделал Дилан. Тем не менее, мое лучшее понимание болезни мозга, которой, как я сейчас думаю, он страдал, дает мне возможность снова оплакать его.

Этот процесс занял годы. Вначале мне приходилось жить с вопросами, на которых не было ответов. Просмотр записей был

только первым шагом. Как бы это ни было ужасно, мне пришлось принять тот факт, что Дилан был активным участником бойни и действовал по своей воле. Далее мне предстояло соединить вместе по кусочкам собранные противоречивые фрагменты, чтобы понять, как Дилан мог скрывать целую часть своей жизни от нас с Томом, а также от своих учителей, близких друзей и их родителей.

И я намеревалась это сделать, не только из-за моего собственного горя и ужаса, но и для того, чтобы понять, что же я все-таки могла бы сделать по-другому.

Часть II. Путь к пониманию



Илл.: Четырнадцатилентний Дилан играет в покер с моими братом и сестрой. Фотография из архива семьи Клиболд.

Глава 11. Глубина его отчаяния

Сегодня, когда мне приходится представляться на какой-либо конференции, я говорю: «Мой сын покончил с собой». Потом я добавляю: «Он был одним из стрелков в школе Колумбайн».

Сейчас я уже привыкла к тому, что у окружающих при этих словах буквально отвисает челюсть. Почти без вариантов в ответ люди говорят: «Я никогда не думал об этом в таком плане, но я полагаю, это *было* самоубийство, не так ли?»

Меня никогда не удивляет такая реакция. Конечно, люди так думают; я была матерью Дилана, и сама так же реагировала. Понимание того, что Дилан покончил с собой, и смысл этого поступка приходили постепенно, но значение этого понимания все еще ощущается.

Как вы уже, наверное, догадались, я давно отказалась от надежды найти единственный кусочек головоломки, который мог бы встать на место и, наконец, объяснить, почему же Эрик и Дилан сделали то, что они сделали. Я очень бы хотела, чтобы можно было однозначно определить, какие пути привели мальчиков к катастрофе. В то же время я с большой осторожностью отношусь к множеству как будто бы подходящих объяснений, которые появились после трагедии. Были ли события в Колумбайн вызваны школьной культурой и издевательствами? Жестокими видеоиграми? Пренебрежением родительскими обязанностями? Чрезмерной милитаризацией американской молодежной культуры? Нет сомнений, что все это части одной головоломки. Но ни одной из этих причин, даже в комбинации с особенностями характера мальчиков, для меня не достаточно, чтобы объяснить ту ненависть и жестокость, которую они продемонстрировали.

Я даже не уверена, что здесь стоит говорить о мальчиках так, как будто у них были одинаковые мотивы. Дилан и Эрик планировали бойню вместе и действовали они вместе, но я думаю — как и большинство следователей, изучивших улики по этому делу, — что они были двумя совершенно разными людьми, которые принимали участие в событиях по совершенно разным причинам.

Поэтому, хотя однозначного ответа нет, по моему мнению, существует один кусочек головоломки, который лучше других вписывается в общую картину, чем какой-либо другой, — Дилан страдал от депрессии или какого-либо другого заболевания мозга, что и вызвало у него желание покончить с собой. А это желание умереть и было главным в его участии в бойне.

Я понимаю, что это противоречивое заявление. Я, конечно, не хочу сказать, что расстройство психического здоровья Дилана сделало его способным на те зверства, которые он, в конце концов, совершил. Это было бы оскорблением для сотен миллионов людей во всем мире, которые живут с депрессией и другими аффективными расстройствами. Клеймо позора и невежество могут привести к тому, что многие из тех, кто борется со своей болезнью, так и не получат помощи, в которой нуждаются. Стыд, который испытывают те, кто обращается за помощью, страдая от психического заболевания, может не только привести к трагедии, но и стать смертельно опасным, и я нисколько не хочу делать его сильнее.

Также я не хочу утверждать, что заболевание мозга должно оправдывать то, что сделал Дилан. Автоматическое объединение жестокости и «сумасшествия» не только травмирует людей, которые страдают от таких болезней, но и является в корне неверным. Доктор Джеффри Свенсон, который посвятил всю свою деятельность изучению соединения психических заболеваний и жестокости, считает, что серьезное заболевание психики само по себе ведет к проявлению жестокости всего в четырех процентах случаев. Только тогда, когда психическое заболевание сочетается с другими факторами риска, — чаще всего с наркотиками и алкоголем, — это количество возрастает. (В конце своей жизни Дилан пил, о чем мы с Томом не знали.)

Большинство людей, имеющих аффективные расстройства, не опасны для окружающих вообще. Как указывает Свенсон, тем не менее, существует некая связь между психическими заболеваниями и жестокостью, и нет пользы в том, чтобы закрывать на это глаза.

В частности, существует связь между заболеваниями мозга и массовой стрельбой. В 1999 году после побоища в школе Колумбайн Хай спецслужбы Соединенных Штатов совместно с министерством образования положили начало инициативе «Безопасная школа». Чтобы предотвратить подобные инциденты в будущем, провели исследование тридцати семи школьных нападений. Ученые обнаружили, что «у большинства нападавших в прошлом были попытки самоубийства или очень сильная депрессия и разочарование в жизни». Таким образом, для предотвращения жестокости особенно важен свободный доступ к диагностике и лечению заболеваний мозга, таких как суицидальный синдром, расстройства пищевого поведения, алкоголизм, наркомания и целый ряд других опасностей, угрожающих подросткам. Более свободная возможность лечения таких болезней — это, может быть, и не самый верный ответ на

угрозу, но нечто близкое к нему.

Читатели уже, наверное, заметили, что в своей книге я использую термины «заболевание мозга» и «здоровье мозга» вместо более общепринятых «психическое заболевание» и «психическое здоровье». Я приняла такое решение после разговора с доктором Джереми Ричманом, исследователем нервной системы человека, чья дочь Авиелл Роуз Ричман была одной из жертв Адама Лэнза в начальной школе Сэнди-Хук в Ньютоне, штат Коннектикут. Доктор Ричман и его жена Дженнифер Хенсел, ученый и автор медицинских текстов, основали в память о своей дочери фонд Авиелл. Они надеялись снять клеймо позора с людей, которые ищут помощи, развить концепцию «проверки здоровья мозга» и соединить поведенческую и биомедицинскую диагностику, чтобы выявить, кто из обратившихся пациентов находится в группе риска с точки зрения агрессивного поведения.

В нашем разговоре доктор Ричман так объяснил свою позицию: «Психика невидима. Это слово связано со страхами, беспокойством и отторжением всего, что мы не понимаем. Но мы знаем, что мозг реален, его можно физически представить, измерить количественно и качественно, и понять. Мы должны перевести то, что мы понимаем под психическим здоровьем и расстройствами психики, в наглядный мир здоровья мозга и расстройств мозга, которые вполне осязаемы и материальны».

Особое место, которое я в этой главе уделяю самоубийству Дилана, может выглядеть как проявление бестактности, словно я придаю большее значение его смерти по сравнению со смертью его жертв. Это полностью неверно. Я просто хочу сказать, что понимание смерти Дилана как самоубийства открыло для меня новый путь в размышлениях обо всем, что он сделал. Я на самом деле считаю, что Дилан потерял способность принимать рациональные решения, и надеюсь, что в этой главе мне удастся вдумчиво и не задевая ничьих чувств обсудить причины, которые привели к этому.

Были ли какие-то признаки того, что Дилан собирается совершить такое ужасное преступление, которые я пропустила? Нет. Даже сейчас я не думаю, что они были. Оба мальчика порой допускали утечку информации, делая различные намеки своим друзьям. Но нам они ни о чем не говорили.

Тем не менее, это не означает, что я не могла ничего сделать, потому что были признаки того, что в том году у Дилана была депрессия. Сейчас я считаю, что, если бы мы с Томом тогда знали об этих признаках и смогли бы вмешаться, когда заметили, что эта депрессия нарастает, мы, по крайней мере, имели бы шанс

предотвратить то, что случилось потом.

Понимание смерти Дилана как самоубийства пришло ко мне слишком поздно. Но для Дилана желание покончить с собой было в самой основе всех событий.

Однажды, через несколько месяцев после трагедии, я с чашкой чая в руках просматривала газету в комнате отдыха на работе. В наш офис приходили газеты различных высших учебных заведений, и когда я их просматривала, я чувствовала связь со всем миром, который не был разрушен поступком моего сына. Я перестала читать общедоступные газеты и журналы, потому что в них постоянно натыкалась либо на рассказы «доверенных друзей», которых я никогда не встречала, о нашей семье, либо на едкую передовую статью о том, как мы чрезмерно баловали Дилана, либо на домыслы о том, что в нашей семье нет моральных ориентиров. Все новости, которые мне нужно было узнать о ходе расследования, о судебных процессах, о жертвах трагедии, я получала от наших адвокатов, друзей или родственников.

Итак, в газете я наткнулась на статью о предотвращении самоубийств среди молодежи. В первом абзаце автор написал что-то вроде: «Есть искушение искать объяснения трагедии в Колумбайн во внешних факторах, таких как жестокие видеоигры или слабый контроль за распространением оружия. Но среди всех ран и смертей, которые принес тот день, нельзя забывать и о двух мальчиках, покончивших с собой».

Эти слова заставили меня остолбенеть. Поскольку я была так сосредоточена на мысли об убийствах, которые совершил Дилан, я странным образом не придавала никакого значения его самоубийству.

Разумом я, конечно же, понимала, что Дилан покончил с собой — об этом сообщалось в результатах вскрытия. Еще один маленький шаг к осмыслению смерти Дилана как самоубийства я сделала под впечатлением от одной недолго просуществовавшей, но популярной теории, возникшей после событий в Колумбайн, — о том, что Эрик убил Дилана. (Эта теория и до сих пор иногда попадается в сети.) Когда кто-нибудь поднимал этот вопрос при мне, я говорила, что это не имеет никакого значения. Нажал ли Дилан на спусковой крючок сам, был ли убит Эриком (или полицейским, как гласила еще одна теория, существовавшая в те дни), мой сын ответственен за свою собственную смерть.

Тем не менее, пока я не увидела ту статью в газете, я была уверена, что самоубийство Дилана было импульсивным действием, реакцией на то, что «шутка зашла слишком далеко», а

не частью какого-либо заранее продуманного плана.

Прочитав статью, я уже не была так в этом уверена. Это не был какой-то момент озарения — для этого ситуация была слишком сложной, а я была слишком испугана и запуталась. Тем не менее, что-то внутри меня сдвинулось. Эта случайная статья в газете словно раскрыла во мне какое-то окно для восприятия мысли, которую я не позволяла себе ранее: что бы Дилан ни собирался делать, он пришел в школу для того, чтобы умереть.

Моя бывшая начальница и близкая подруга Шэрон, пережившая самоубийство близкого человека, относилась к смерти Дилана как к суициду с самого начала. Так как я не могла посещать группу поддержки, она пачками приносила мне книги. Для нее намерение Дилана покончить с собой было понятным с самого начала, и она задолго до меня увидела, что это очень важная часть того, что произошло.

Присутствие Шэрон и разговоры с ней были облегчением, но книги и брошюры о самоубийствах, которые она приносила, пролежали нетронутыми многие месяцы. Даже когда я могла сосредотачиваться настолько, чтобы прочитать не только одно-два предложения, я не могла заострить внимание на намерении Дилана повредить себе, а думала только о том, как и почему он решил прийти в школу, чтобы убивать других. Мое невежество было просто вопиющим, поэтому я даже представить не могла, что Дилан страдал депрессией и размышлял о самоубийстве. Это не могло иметь никакого отношения ни к нам, ни к нашей ситуации. Девон говорила мне, что на выпускном балу после танцев Дилан поцеловал ее в макушку. Мог ли так вести себя подавленный человек, размышляющий о самоубийстве?

После той статьи, прочитанной в комнате отдыха, я обратилась к книгам, которые принесла Шэрон, и то, что я обнаружила в них, очень меня удивило. Я считала себя образованным человеком, а также очень чуткой матерью. Но, как и многие люди, я невольно поддалась одному из самых распространенных (и вредных) мифов о самоубийстве. Чтение тех книг было первым шагом к моей работе по просвещению себя и других людей, а также к настоящему пониманию того, что же пошло не так в нашем доме и семье.

Люди, близкие которых совершили самоубийство, часто говорят, какой далекой казалась им проблема суицида, пока те, кого они любили, не покончили с собой. На самом деле вопрос в том, почему же мы так держимся за мысль о том, что самоубийства происходят редко. В Америке каждые тринадцать минут кто-то убивает себя — это сорок тысяч человек в год. Такое число никак нельзя назвать незначительным.

Согласно данным Центра по контролю и профилактике заболеваемости самоубийство — это третья по частоте причина смерти в возрасте от десяти до четырнадцати лет, а от пятнадцати до тридцати четырех — даже вторая. Таким образом, за исключением несчастных случаев и убийств, молодые люди в нашей стране чаще всего гибнут из-за самоубийств, а не от рака или заболеваний, передаваемых половым путем. В 2013 году были обследованы шесть с половиной тысяч подростков. Каждый восьмой размышлял о самоубийстве, каждый двадцать пятый пытался покончить с собой, между тем, какое-либо лечение получала только половина из них.

Более миллиона жителей Соединенных Штатов каждый год пытаются совершить самоубийство. Это примерно три попытки каждую минуту. Многие делают это, не выказывая никаких тревожных симптомов, что означает: наши методы обследования, возможно, слишком ограниченны.

Даже после десяти лет работы как активист движения по предотвращению самоубийств я не перестаю ужасаться этим цифрам — а также тем, что никто не обращает на них внимания. Я учила Дилана, как до этого учила его брата, защищать себя от ударов молнии, укусов змей и перегрева. Я учила его чистить зубы ниткой, пользоваться солнцезащитным кремом и дважды проверять слепую зону, когда сидишь за рулем автомобиля. Когда он стал подростком, я так откровенно, как только могла, говорила об опасности употребления спиртного и наркотиков и рассказывала о безопасном и порядочном сексуальном поведении. Мне и в голову не приходило, что самая большая опасность для Дилана находится не вовне, а внутри его сознания.

Где-то в глубине души я верила, что мои близкие никогда не покончат с собой, потому что я люблю их, потому что у нас хорошие отношения или потому, что я проницательный, чувствительный и заботливый человек, который охраняет их от всех опасностей. Я была не одинока в своем заблуждении о том, что самоубийство может произойти только в других семьях, но я ошибалась.

Почти все, что я знала о самоубийствах, было неверным. Я думала, что знаю, какие люди пытаются убить себя и почему они это делают — они слишком эгоистичны или слишком трусливы, чтобы повернуться лицом к своим трудностям, или пошли на поводу импульсивного намерения. Я купилась на расхожее мнение о том, что самоубийцы — это слабаки, которые либо слишком слабы, чтобы справиться с проблемами, которые подбрасывает им жизнь, либо требуют к себе внимания, либо пытаются наказать окружающих. Это, как я узнала позже, всего

лишь мифы, которые родились из-за того, что никто не пытался понять, как думают люди, решившие покончить с собой.

Суицидальные мысли — это симптом болезни, признак того, что что-то пошло не так. Очень часто самоубийство вовсе не является импульсивным, неожиданным решением. Напротив, чаще всего такая смерть — это проигрыш в длинном и болезненном сражении, которое человек ведет со своим нездоровым образом мыслей. Человек, совершающий самоубийство, — это тот, кто не способен больше выносить свое страдание. Даже если он на самом деле не хочет умереть, он знает, что смерть положит конец этому страданию раз и навсегда.

Известно, что существует несомненная связь между самоубийствами и заболеваниями мозга. Во всем мире исследования показывают, что подавляющее большинство людей, покончивших с собой, — от 90 до 95 процентов — имели серьезные психические расстройства, чаще всего депрессию или биполярное расстройство.

Многие исследователи, с которыми я говорила, считают, что, если исключить самоубийства людей, страдающих тяжелыми физическими заболеваниями, то идея суицида полностью несовместима со здоровым рассудком. Доктор Виктория Аранго — клинический нейробиолог в Колумбийском университете. Она долгое время изучала биологию самоубийств и пришла к выводу, что существует биологическая (и, возможно, генетическая) предрасположенность к суициду. Если у человека ее нет, то он вряд ли будет пытаться покончить с собой. Доктор Аранго сейчас работает над тем, чтобы выявить особые изменения в мозге людей, совершивших самоубийство. «Суицид — это заболевание мозга», — сказала она мне.

Доктор Томас Джойнер, чьи книги одновременно являются тщательным исследованием вопроса и полны сочувствия и личных переживаний, пишет и как физиолог, и как человек, прошедший через самоубийство отца. Его теория суицида, представленная как круговая диаграмма из трех пересекающихся окружностей, определяет область наибольшей уязвимости.

Он предполагает, что желание покончить с собой возрастает, когда люди в течение длительного периода времени живут в двух физиологических состояниях: нарушенное чувство принадлежности к группе («Я одинок») и кажущееся ощущение себя бременем для других («Этот мир будет лучше без меня»). Эти люди неизбежно оказываются под угрозой, когда начинают пытаться преодолеть свой собственный инстинкт самосохранения и, таким образом, становятся способны на самоубийство («Я не боюсь умереть»).

Таким образом, желание покончить с собой проистекает из первых двух положений. Способность сделать это происходит из третьего. С течением лет эта мысль докажет мне свою важность.

> Я, наконец, начала читать его дневники. Он писал о своей депрессии и мыслях о самоубийстве еще за целых два года до смерти. Я не могу в это поверить. У нас было так много времени, чтобы помочь ему, а мы ничего не сделали. Я читала его записи и плакала, плакала. Это было как предсмертная записка, которой у нас не было. Печальный, разрывающий душу день.
>
> *Запись в дневнике, июнь 2001 года*

С того дня, когда произошла трагедия в Колумбайн, мы жаждали узнать, о чем же думал Дилан перед смертью. Он специально ничего не оставил, а представители правоохранительных органов забрали из его комнаты все, что могло иметь хоть какое-то отношение к делу, поэтому нам досталось очень мало вещей, которые могли чем-то помочь. Почти через два года мы уже почти смирились с мыслью о том, что никогда не узнаем, что же наш сын переживал в последние месяцы своей жизни. Но в 2001 году нам позвонили из офиса Кейт Баттен. В управлении шерифа были записи, сделанные Диланом, и они предложили нам копии с них.

Об этих записях всегда говорят как о дневниках, но на самом деле это были разрозненные страницы, которые задним числом соединили следователи. Чаще всего Дилан писал на листах, вырванных из школьных тетрадей, хотя иногда он использовал старые рекламные объявления или другие обрывки бумаги, которые потом вкладывал в разные папки или книги. Пачка скопированных страниц была примерно в полдюйма толщиной. Некоторые записи состояли всего из одного предложения, в то время как другие занимали несколько страниц.

Записи Дилана стали для меня откровением. Я и не подозревала, что он вообще записывал свои мысли и чувства, как это делала я, и это позволило мне почувствовать себя ближе к нему. Содержание же этих записей разбило мне сердце. Я знаю, какими обманчивыми могут оказаться дневники. Сама часто исписывала страницу за страницей, когда грустила, боялась или злилась, в то время как записи о более спокойных днях занимали всего пару строк. Также я знаю, что в своих дневниках люди могут сказать о чем-то, чего они вовсе не собираются делать: «Честное

слово, я убью Джо, если он не вернет мою бензокосилку!» Но даже с этими оговорками боль Дилана — его депрессия, ощущение одиночества, тоска и отчаяние — так и рвались со страниц.

Он говорил о том, что резал себя — признак очень большого стресса. Он писал о самоубийстве на самых первых страницах: «Мысль о самоубийстве дает мне надежду, что я буду на своем месте, куда бы я ни отправился после этой жизни, что я, наконец, не буду воевать с самим собой, с миром, со всей вселенной — мой разум, тело, все, везде будет в МИРЕ — я — моя душа (существование)». И далее: «Оооо, Господи, я хочу умереть таааааак ужасно… такой грустный, заброшенный, одинокий, неизлечимый я чувствую я есть… это несправедливо, НЕСПРАВЕДЛИВО!!! Подводя итог моей жизни… самое жалкое существование за всю историю». Первый раз он заговорил о самоубийстве за целых два года до Колумбайн, а потом повторял эту мысль много раз.

В записях были отчаяние и злость, но агрессии немного, особенно до января 1999 года. Кроме тоски, чаще всего в дневнике Дилана — и, кстати, это слово встречалось чаще других, — говорилось о любви. Попадались целые страницы, изрисованные огромными сердечками. Он душераздирающе и иногда очень красноречиво писал о своем неудовлетворенном, мучительном желании романтической любви и понимания. «Темные времена, бесконечная грусть, — говорил он, — я хочу найти любовь». На многих страницах он писал о страстном и болезненном чувстве к девушке, которая и не подозревала о его существовании.

Два физиологических состояния, о которых Джойнер говорит как о составляющих желания умереть, — нарушенное чувство принадлежности к группе («Я одинок») и кажущееся ощущение себя бременем для других («Я всем мешаю») — были совершенно очевидны, хотя Дилан тщательно скрывал и свою боль, и свое страстное увлечение. Несколько лет я возражала против того, чтобы Дилана считали изгоем, потому что у него были близкие друзья (не только Эрик, но и Зак, и Нат) и потому что он принадлежал к более широкому кругу мальчиков и девочек. Но — и для любого, пережившего самоубийство близкого человека, важно это понимать, — дневники сына показывали огромную разницу между тем, как мы воспринимали его реальность, и тем, как ее воспринимал сам Дилан.

У него были друзья, но он не чувствовал себя с ними одним целым. В одной записи Дилан включил свою «хорошую семью» в список того хорошего, что есть в его жизни, но вся наша огромная любовь к нему не могла развеять туман его одиночества. Он

ощущал себя отщепенцем, хотя мы никогда не чувствовали, что он никому не нужен. (Мы с Томом вслух беспокоились, как будем платить за его обучение в колледже, и эти слова звучат у меня в ушах по сей день.) Дилан злился на мир, к которому не подходил, в котором его не понимали. Вначале злость была направлена на него самого. Постепенно она стала переноситься на других людей.

Я думаю, может быть полезно выделить несколько пунктов.

1. Ничего из того, что вы сделали или не сделали, не было причиной того, что совершил Дилан.

2. То, что вы не заметили, в каком состоянии был Дилан, — это не ваша оплошность. Он тщательно хранил свои тайны и осмотрительно скрывал свой внутренний мир не только от вас, но и от всех остальных в своей жизни.

3. В конце жизни психологическое состояние Дилана ухудшилось до такой степени, что его нельзя было назвать нормальным.

4. Несмотря на это ухудшение его прежнее «я» достаточно сохранилось, чтобы во время бойни он смог отпустить, по крайней мере, четырех людей.

Из электронного письма доктора Питера Лэнгмана, 9 февраля 2015 года.

Нет никаких сомнений в том, что у Дилана была серьезная депрессия. Поставить диагноз посмертно, конечно же, невозможно, но некоторые эксперты считают, что проблема могла быть гораздо серьезнее.

Дневники Дилана трудно воспринимать, и не только потому, что у него был плохой почерк. К концу жизни он писал так: «Когда я нахожусь в своей человеческой форме и знаю, что собираюсь умереть, на всем вокруг возникает налет незначительности». Такие заявления указывают на то, что, по крайней мере, какую-то часть времени он не ощущал себя человеком. Кажется, возможность быть человеком казалась ему недостижимой: «сделан человеком, без возможности БЫТЬ человеком».

Дилан был умным и хорошо учился, его сочинения всегда были выше среднего уровня. Но в своих дневниках он часто использовал странный подбор слов. Иногда это были даже не обычные слова, а неологизмы, которые изобретал он сам — например, «депрессанты» или «постигания». Он строит предложения необычным образом, как в том абзаце, который я уже приводила: «такой грустный, заброшенный, одинокий,

неизлечимый я чувствую я есть». Это не скоропись, характерная для дневника, это почти речитатив, достигаемый путем многократного повторения, напоминающего доктора Сьюза[13].

Это было первое, на что обратил внимание доктор Питер Лэнгман. Доктор Лэнгман — психолог, специалист по школьным стрелкам, автор многих книг, в том числе «Почему дети убивают: что творится в голове у школьных стрелков». Мне трудно было разговаривать с ним во время работы над этой книгой, но эти беседы стали для меня озарением и в какой-то мере, принесли облегчение. С разрешения доктора Лэнгмана я в значительной степени пользуюсь его интерпретацией, чтобы пролить свет на записи Дилана.

Доктор Лэнгман сказал мне, что первоначально не собирался писать о Дилане в своей книге «Почему дети убивают», потому что не был уверен в мотивах Дилана. Было слишком много противоречий: как этот ребенок, которого все описывали как тихого и застенчивого, превратился в беспощадного убийцу? Но позже, в 2006 году, управление по делам шерифа опубликовало некоторые из записей Дилана, продемонстрировав различия в том, как Дилан преподносил себя миру, как он вел себя, когда был с Эриком, и каким казался сам себе.

Доктор Лэнгман считает, что описания Дилана в детстве как стеснительного, очень застенчивого и самокритичного мальчика могут говорить о том, что он страдал легкой формой избегающего расстройства личности. Люди с таким заболеванием очень стеснительны, но мы принимаем это за обыкновенную замкнутость. Когда Дилан стал подростком, источники стресса в жизни стали для него непереносимыми, и заболевание перешло в шизотипическое расстройство личности.

Шизоиды часто кажутся окружающим «странными». (Люди, которые не очень хорошо знали Дилана, часто описывали его как «чокнутого».) Страдающие этим заболеванием могут ощущать паранойю или быть особенно чувствительными к тому, что на них не обращают внимания, как это было с Диланом. Они часто используют странные, бессвязные предложения и необычные слова, как Дилан в своих записях. Шизоиды живут в мире, где реальность и фантазии не всегда четко разграничены. У них не бывает галлюцинаций в полном смысле этого слова, но присутствует некоторая размытость границы между тем, что в действительности существует, а что — нет. Усиление этой размытости заметно в дневниках Дилана: на самом деле он ощущал себя очень незначительным, и поэтому — по мнению доктора Лэнгмана — создал фантазию, где был богоподобным существом. К концу жизни сына эта фантазия стала

господствующей.

Я и сама не знаю, что делать с диагнозом доктора Лэнгмана. Не могу сказать, что хуже — знать, что Дилан страдал от серьезного заболевания, или знать, что я не заметила такое серьезное заболевание, когда мы жили под одной крышей. И в том, и в другом случае хорошего мало.

С помощью доктора Кента Киеля, который изучает структуру мозга преступников в университете Нью-Мексико, я провела независимое исследование дневников Дилана. Автор обзора не нашел очевидных доказательств расстройства формального мышления, но указывает на постоянные и неослабевающие упоминания депрессии, самоубийства и отчуждения… нарастающее нарушение взаимосвязи его чувства собственного превосходства с появлением депрессии. Когда его внутренняя боль и чувство отчуждения усиливаются, он перестает считать людьми других… Это помпезное самоощущение, расчеловечивание других, потеря способности ощущать другие эмоции, помимо боли, и обещание избавить от боли формируют иллюзорный внутренний мир, который и привел к возникновению планов убийств и самоубийства, которые обсуждаются в дневнике.

Автор обзора также указывает на «ярко выраженные пограничные темы», которые легко отследить во всех записях.

Обзор заканчивается следующим заключением:

Располагая только дневником, невозможно поставить точный диагноз, но по нему можно сказать, что сильная депрессия в сочетании с кратковременными психотическими эпизодами и/или пограничное расстройство личности являются наиболее вероятными вариантами.

В конце концов, на самом деле, не очень важно, каким был точный диагноз Дилана. Никто не спорит с тем, что у него была депрессия и с тем, что она может влиять на процесс принятия решений. Более того, в своей последней книге «Школьные стрелки: как понять подростков и взрослых преступников» доктор Лэнгман указывает, что девять из десяти стрелков страдали от депрессии и мыслей о самоубийстве. Даже если у него была только глубокая депрессия, как говорит доктор Лэнгман, уже нельзя было считать, что он «в здравом уме».

Кей Редфилд Джеймисон в своей великолепной книге о самоубийствах «Ночь опускается быстро: понимание самоубийства» пишет: «Большую часть самоубийств, хотя,

конечно, и не все, можно предотвратить. Разрыв между тем, что мы знаем и что делаем, смертелен». В случае Дилана его решение умереть оказалось смертельным для других людей.

Даже если человек ни с кем не обсуждает свое намерение умереть, часто можно заметить тревожные симптомы, говорящие о том, что он попал в беду. Это может быть, например, неудачная попытка самоубийства или какие-то проблемы с законом. На проблемы может указывать и поведение человека, такое, как социальное отчуждение или повысившаяся раздражительность.

Если эти тревожные симптомы замечены и правильно поняты, то лечение может помочь. Потому что — и мне особенно трудно было это услышать, когда боль от моей потери была свежа, хотя теперь я черпаю в этой мысли огромную надежду, — *самоубийство можно предотвратить*. Все специалисты, с которыми я говорила, подчеркивают успешность лечения расстройств личности в случаях, когда пациенты убеждены в его необходимости и тщательно его придерживаются.

Хотя не каждое самоубийство можно предотвратить. (Эд Коффи, врач и вице-президент компании Henry Ford Health System в Детройте, разработал программу под названием «Идеальная помощь при депрессии», целью которой было привести число самоубийств к нулю. Когда его спрашивали, действительно ли можно добиться нулевого количества самоубийств, он отшучивался: «А какое число вы бы предпочли? Восемь? А войдут ли в эту восьмерку моя мать или ваша сестра?») Заболевания мозга могут быть смертельными. Иногда они быстро развиваются и побеждают. То же самое можно сказать о раке: даже при самом высококлассном лечении некоторые люди умирают от этой болезни. Значит ли это, что нужно сложить руки и предаться отчаянию? Или лучше заняться ранней диагностикой и профилактикой, разрабатывать индивидуальные подходы, чтобы найти опухоль, когда она находится на первой или второй стадии, а не на четвертой?

Иногда я завидую семьям, которые сделали все, что могли, чтобы обеспечить эффективное лечение своему любимому человеку, даже если в результате и проиграли эту битву. Мой сын оказался со своей болезнью один на один. Я и не подозревала, что у Дилана была депрессия, пока мне не показали его записи и я не узнала, что он думал о самоубийстве и искал мира и успокоения в смерти. Его самые близкие друзья, мальчики, с которыми он проводил время каждый день, не знали, каким подавленным он себя чувствовал. Некоторые из них отказываются в это поверить и по сей день. Но я была его матерью. Я должна была знать.

Дилан мог покончить с собой позже. Эрик мог придумать и

осуществить план по уничтожению школы в одиночку или с другим мальчиком. Дилан мог пройти через кризис своей болезни без агрессивного поведения или совершить теракт в другом месте и в другое время.

Что я знаю точно, так это то, что у Дилана были видимые признаки депрессии, мы с Томом их наблюдали, но не могли распознать. Если бы мы знали достаточно, чтобы понимать, что эти признаки означают, я думаю, мы могли бы предотвратить Колумбайн.

Глава 12. Путь к падению

Исчерпывающее заявление: «Не думаю, что трагедия в Колумбайн вообще бы случилась без Эрика».

Заметка из беседы с доктором Фрэнком Окбергом, январь 2015 года

Дневники Дилана пролили свет на их отношения с Эриком и, в частности, на их ужасную зависимость друг от друга, ставшую смертельной и для них самих, и для многих других.

Летом 1997 года друг Дилана Зак начал встречаться с Девон, которая стала его девушкой. Нат тоже начал встречаться с девушкой. Для нас это прошло почти незаметно: Дилан по-прежнему проводил время вдвоем с Заком или они втроем — Зак, Девон и Дилан — куда-то ходили вместе. Тем не менее, Дилан воспринял отношения Зака с девушкой как предательство. Это еще один пример, как отличалось то, что происходило с Диланом, от того, как он это воспринимал.

В то лето, когда Зак встретил Девон и влюбился в нее, Дилан и Эрик стали проводить больше времени вместе. Имя Эрика в дневнике появляется чаще. Тем летом Дилан, как и раньше, много писал о самоубийстве, но записи об убийствах не появляются в его дневнике до осени. Даже когда мальчики уже начали строить свои планы, Дилан записал на самых секретных страницах, что надеется успеть покончить с собой до того, как у них появится шанс осуществить задуманное. После разговоров об искушении совершить самоубийство, которые продолжались без малого два года, Дилан, наконец, оставляет прощальное письмо в июне 1998 года: «Может быть, это моя последняя запись. Я бы так хотел хоть на секунду оказаться рядом с [цензура], моей вечной любовью. Прощайте».

Следующая запись, датированная 20 января 1999 года, начинается с разочарования Дилана от того, что он все еще жив: «Снова все это дерьмо. Опять пишу, прямо как этот чертов зомби». Далее в той же записи он упоминает о плане, который они разрабатывают вместе с Эриком и который может разрешить все проблемы: «Ненавижу это бессмысленное состояние. Я застрял в человечности. Может, стать „прирожденными убийцами“ вместе с Эриком — это путь к свободе». («Прирожденные убийцы» —

фильм Оливера Стоуна, мальчики использовали его название, обсуждая план нападения на школу.)

После этого дневник становится заметно мрачнее и безнадежнее. Мысли Дилана рассеиваются, их становится трудно понять после того, как он начинает верить, что план Эрика является выходом. Его двойственное отношение к стрельбе заметно практически до самого конца.

В конце жизни Диланом владели только две эмоции — злость и безнадежность. Любые другие чувства, которые могли бы соединить его с другими людьми в положительном ключе, были для него недоступны. Он считал смерть единственным возможным спасением от боли — в его эмоциональном запасе просто больше ничего не оставалось. Если говорить словами Джойнера, Дилан ощущал себя полностью отчужденным от кого-либо еще на Земле. Я бы сказала, что Дилан был любим, но не чувствовал любви. Его ценили, но он не чувствовал себя ценным. У него было множество вариантов, как жить, но он видел только путь Эрика.

Однажды вечером — возможно, это было в одиннадцатом классе — Дилан сказал мне:

— Эрик — сумасшедший.

Я ответила:

— Всю свою жизнь ты будешь встречать людей, с которыми трудно иметь дело, и я рада, что у тебя хватает здравого смысла, чтобы распознать их при встрече.

Я сказала, что мы с папой полностью уверены в его способности сделать правильный выбор, с участием друзей или без.

Наша уверенность была совершенно напрасной, но мы даже и понятия не имели о том, с чем имеет дело Дилан. Я и не подозревала, что ситуация может быть действительно опасной. А также не представляла себе, что Дилан имел в виду под словом «сумасшедший». С Эриком было сложнее, чем с другими друзьями Дилана, и я видела, как его взрывной характер проявился во время игры в футбол. Тем не менее, проблема была гораздо серьезнее.

Как и Дилан, Эрик вел дневники — тайные записи, которым он поверял свои самые сокровенные мысли и чувства. Их почти невозможно читать, они очень мрачные, полны садистских изображений и рисунков, фантазий об изнасилованиях, расчленении и массовых убийствах. В нескольких местах даже говорится о полном уничтожении человеческого рода. Доктор Лэнгман пишет так: «Дневники [Дилана] отличаются от записей

Эрика и по содержанию, и по стилю. Тогда как Эрик полон нарциссического самолюбования и кровавой ярости, Дилан сосредоточен на одиночестве, депрессии, навязчивых припоминаниях и поглощен поисками любви. Эрик рисует изображения оружия, свастики и солдат, Дилан — сердечки. Эрик жаждет секса и фантазирует об изнасилованиях, Дилан тоскует по настоящей любви».

Основываясь на этих дневниках, многие специалисты, с которыми я говорила, заключали, что Эрик демонстрирует характерные черты и особенности психопата. Как и в случае с Диланом, по-настоящему посмертный диагноз, конечно, поставить невозможно. (Да и в любом случае, поскольку в подростковом возрасте мозг все еще развивается, официально диагноз «психопатия» не ставят до восемнадцати лет.) Но даже если и так, в поведении и записях Эрика можно заметить большое количество характерных для этого расстройства личности диагностических признаков.

Психопатия характеризуется сниженной эмпатией и провокационным поведением. Еще более важно, что психопаты (также их называют социопатами, некоторые ученые разграничивают эти два типа заболевания, хотя большинство этого не делает) не испытывают угрызений совести, что-то происходит в той части их мозга, которая заставляет нас ощущать чувство вины. Они лгут безо всякого раскаяния и часто являются отличными манипуляторами. Некоторые психологи и психиатры считают, что психопатов можно успешно лечить. Но те, с которыми я говорила, в этом не убеждены. Далеко не каждый психопат становится преступником или садистом, но если они движутся в этом направлении, как Эрик, то могут стать очень опасными.

Исследование школьных стрелков подросткового возраста, проведенное в 2001 году в какой-то мере из-за стрельбы в Колумбайн, привело к двум интересным находкам. Во-первых, двадцать пять процентов из тридцати четырех подростков действовали в парах. В этом они отличались от взрослых массовых убийц, которые чаще всего идут на дело в одиночку. Автором исследования был доктор Рейд Мелой, судебный психолог и специалист по целенаправленному насилию и оценке угрозы. По его словам, эти смертоносные пары означают, что для родителей особенно важно обращать внимание на отношения между детьми и их друзьями. Во-вторых, как правило, один из подростков в паре был психопатом, а второй — легко поддающимся внушению, зависимым и находящимся в депрессии.

Отношения между Диланом и Эриком выглядят именно

такими. В ежегоднике Эрика Дилан злорадствует по поводу издевательств над другими детьми, но в своем собственном дневнике он говорит о своем стыде и чувстве вины и обещает себе так больше не делать. Очень похожее положение дел видно и в «Подвальных лентах». Можно заметить явные расхождения между тем, что Дилан чувствовал, тем, как вел себя рядом с Эриком, и тем, что он делал.

Доктор Лэнгман считает, что двойственность Дилана могла проявиться и во время самой бойни. По крайней мере в четырех случаях — всегда, когда Эрик этого не видел и не слышал, — Дилан отпускал людей. Существуют визуальные доказательства двух случаев во время атаки, когда Эрику приходилось возвращаться за Диланом, возможно, чтобы удостовериться, что он еще в деле. Это нисколько меня не успокаивает — Дилан совершал зло, вот и все. Но то, что я знаю о его двойственности, снедает меня. В своем дневнике после разговора с доктором Лэнгманом я написала:

> Рыдаю слишком сильно, чтобы писать дальше… Я уже заставила себя принять тот факт, что Дилан был убийцей-садистом, но я еще не осмыслила Дилана, который пытался справиться со своим «злым началом» в моменты проблесков доброты. Думаю, я впервые встретилась с таким Диланом, когда Лэнгман заговорил об этом, и у меня появился новый Дилан, чтобы его оплакивать.

Двойственность Дилана также заставила меня почувствовать куда большую вину, чем до этого. Доктор Мариса Рандаццо вела исследование Секретной службы по школьной стрельбе и (под именем Марисы Редди) возглавляла принципиально важное федеральное исследование школьной стрельбы, проведенное совместно Разведывательной службой Соединенных Штатов и Министерством образования. Доктор Рандаццо и доктор Мелой говорили мне, что когда переживающие тяжелые времена дети узнают, что у них есть другие варианты, кроме убийства и самоубийства, чтобы решить пожирающие их изнутри проблемы, они, в основном, выбирают эти другие варианты.

Дилан пытался высвободиться из отношений с Эриком. Моя вина в том, что у него не получилось это сделать, заставляет меня чувствовать особенное отчаяние. После того, как у мальчиков были проблемы в одиннадцатом классе, Дилан сделал попытку отдалиться от Эрика и попросил меня о помощи. Мы разработали внутренний код: если Эрик звонил и приглашал куда-нибудь Дилана, тот говорил: «Подожди, я спрошу у мамы» и кивал на

меня головой. Я говорила достаточно громко, чтобы было слышно на другом конце телефонной линии: «Извини, но ты сегодня вечером не можешь никуда пойти, Дилан. Ты обещал убраться в своей комнате/сделать домашнюю работу/пообедать с нами».

Тогда я просто радовалась, что Дилан сам хочет отдалиться от Эрика. Я всегда говорила обоим сыновьям, что они всегда могут использовать меня в качестве отговорки в случае необходимости. В частности, я думала о том, как им избежать вождения в нетрезвом состоянии, но подразумевала и любую другую небезопасную ситуацию. Поэтому я была довольна не только тем, что Дилан воспользовался моим давним предложением, но и нашел способ отдалиться от Эрика, не задевая чувств друга.

Посмотрев на отношения между Эриком и Диланом в «Подвальных лентах», я увидела этот эпизод в новом свете. Если Дилан не хотел куда-то идти с Заком, Натом, Робин или кем-то еще из своих друзей, он просто говорил: «Не, на этих выходных не могу. Надо дописать это сочинение». Только с Эриком ему нужна была я, чтобы его выгородить. Я никогда не волновалась об этом и не думала о том, чтобы спросить Дилана: «А почему ты просто не скажешь ему нет?» То, что он попросил моей помощи, выглядело как признак здравомыслия, но позже я поняла, что это был более тревожный знак. Я его пропустила, пока не стало слишком поздно.

Во время одной из наших бесед Фрэнк Окберг сказал: «Психологический портрет Дилана не похож на убийцу, но он был достаточно уязвимым, чтобы стать им». Следователи ФБР обнаружили, что Эрик пытался заинтересовать своими планами массового уничтожения других мальчиков, в том числе Зака и Марка Мейнеса.

Но попался только Дилан.

> Рандаццо: «Очень часто можно провести четкую границу между людьми со склонностью к самоубийству и убийцами. Большинство самоубийц убийцами не являются, но многие, кто хочет убивать, делают это, желая покончить с собой».
>
> Я думаю, именно это случилось с Диланом.
>
> *Из интервью с доктором Марисой Рандаццо, февраль 2015 года*

Специалист по уголовному праву доктор Адам Лэнкфорд,

автор книги «Миф о мучениках», изучил суицидальность террористов-смертников и массовых убийц. Он писал, что и тех и других отличают три главных свойства: психические расстройства, вызывающие желание умереть, ощущение себя жертвой и желание приобрести славу с помощью убийств.

В одном исследовании Лэнкфорд рассмотрел почти двести массовых убийц, действовавших с 1966 по 2001 годы. Половина из них покончили с собой во время нападений. Остальные, вероятно, собирались умереть, но были задержаны до того, как успели выполнить свои намерения. Являются они настоящими самоубийцами или нет, но у массовых убийц меньше одного процента шансов избежать последствий своих действий. Чтобы спланировать преступление с таким катастрофически малым шансом спастись, надо, как говорит Лэнкфорд, иметь «настоящее безразличие к жизни».

По мнению экспертов по оценке угрозы, массовые убийцы почти всегда проходят определенный путь к своему преступлению. Узнать, какие знаки могут указывать на то, что человек вступил на эту дорогу, — это и есть способ предотвратить трагедию. Очень часто все начинается с желания умереть.

Долгое время преступления, когда убийца кончает с собой, рассматривали как вид убийств, а не самоубийств. Некоторые из них действительно соответствуют модели убийства, где самоубийство является «планом Б» на случай, когда другого способа бежать не остается. Но изменившееся понимание самоубийств и более внимательный анализ информации показывают, что многие самоубийства, связанные с убийствами (можно даже сказать, что подавляющее большинство), начинались с мыслей о том, как покончить с собой. Другими словами, как пишет доктор Джойнер, «если можно доказать, что самоубийство лежит в основе убийств с последующими самоубийствами, тогда предотвращение самоубийств является и предотвращением таких убийств».

По крайней мере, в отношении трагедии в Колумбайн мне это кажется верным. Многие годы я искала недостающий элемент, ту часть личности Дилана, которая позволила ему сделать то, что он сделал. После того, что я узнала, я думаю, что третий элемент в диаграмме доктора Джойнера — способность покончить с собой — дает часть ответа на мой вопрос.

В своих записях Дилан находит успокоение в мысли о смерти. Но, кажется, что он не способен сам совершить самоубийство.

Как указывает доктор Джойнер, чтобы нанести себе вред, люди должны стать нечувствительными к жестокости и страху боли. (Он предполагает, что именно поэтому уровень

самоубийств выше среди тех людей, которые постоянно сталкиваются с болью и страхом, и поэтому привыкают к ним — среди врачей, солдат и людей, страдающих анорексией). Наш естественный инстинкт самосохранения очень силен, и большинству людей приходится работать над собой, чтобы перестать обращать на него внимание.

Дилан сам не мог убить себя. Он говорит о самоубийстве, но не строит планов, как ему это сделать. Его записи об этом — как и о многих других вещах — абстрактны. Это бессилие проходит через весь его дневник. Он хочет работать с компьютерами, но не может устроиться на такую работу, а если место удается заполучить, то его быстро увольняют. Он все говорит и говорит о девушке, в которую влюбился, но нет никаких доказательств, что он пытался подойти к ней. Он мучается над письмом к своей любимой, но не отправляет его. На самом деле нет доказательств даже того, что они хоть раз говорили.

То же самое происходит и с мыслью о самоубийстве, и Дилан обращается за помощью к Эрику: «Скоро … или я покончу с собой или буду с [имя девушки удалено цензурой], и мы станем прирожденными убийцами». Кажется, Дилану «нужен» убийственный план Эрика, чтобы сделать то, чего ему больше всего хочется, — совершить самоубийство. Доктор Джойнер предположил, что, строя планы устроить бойню вместе с Эриком, Дилан как бы репетирует свою собственную смерть. Эти приготовления помогали ему потерять чувствительность.

Многие годы после нападения на школу я была против того, чтобы обвинять Эрика в том, что он втянул Дилана в это дело. Я считала, как в какой-то мере думаю и сейчас, что какую бы власть Эрик ни имел над ним, Дилан все равно ответственен за тот выбор, который сделал. По крайней мере, в один момент сын достаточно отдалился от своего друга и был достаточно объективен, чтобы сказать мне, что Эрик «сумасшедший», а также попытался воспользоваться моей помощью, чтобы освободиться от этих отношений.

Узнав то, что знаю сейчас о психопатии, я чувствую себя совсем по-другому. Я вижу, что жестокость и ненависть, буквально сочащиеся со страниц дневника Эрика, делают его записи такими мрачными, что их почти невозможно читать. В то же время записи Эрика ясны и понятны, а записи Дилана — нет. Как заключил доктор Лэнгман, «записи Дилана спутаны, бессистемны, в них много угловатых синтаксических конструкций и неправильно используемых слов. Мысли Эрика неприятны и муторны, а у Дилана нарушен мыслительный процесс. Отличие от нормальности состоит в том, *что* думает Эрик и *как* думает

Дилан».

Эрик мог быть чрезвычайно убедительным. Психолог в программе реабилитации малолетних правонарушителей, освободивший его от прохождения программы раньше срока, написал в конце своего окончательного доклада «muy facile [sic] hombre». Мои друзья, говорящие по-испански, перевели эту фразу как задушевное описание «очень легкого в общении парня». Обаяние, исходившее от Эрика, возможно, распространилось и на Дилана, оценки которого не были такими высокими, чтобы объяснить его досрочное освобождение от программы реабилитации. Многие психологи, с которыми я беседовала, рассказывали, какими пугающе харизматичными и очаровательными могут быть психопаты, как быстро они находят слабые места людей и как мастерски используют рычаги давления. Не уверена, что Дилан мог вообще вырваться из этих отношений, особенно если учесть его надломленное состояние духа.

Доктор Рандаццо опросила ряд несостоявшихся школьных стрелков, которых успели остановить до того, как они осуществили свои ужасные планы. Она описывает и их двойственность, и неадекватное восприятие действительности: «Достигнув крайней степени отчаяния, они начинают искать выход. Других вариантов они не видят. Их просто больше ничего не волнует». Понимание этого нисколько не уменьшает вину Дилана, но приближает нас к объяснению того, как же он все-таки оказался в таком положении. Доктор Дуайн Фусельер, клинический психолог и руководитель команды ФБР во время расследования дела Колумбайн, сказал мне: «Думаю, Эрик пришел в школу, чтобы убивать людей, и его не заботило, что сам он умрет, а Дилан хотел умереть, и его не заботило, что при этом умрут и другие».

Илл.: Дилан с семьей в местном ресторане, примерно за три недели до Колумбайн. Фото из архива семьи Клиболд.

Глава 13. Путь к самоубийству

Четырехчасовая встреча с адвокатом очень меня огорчила. Чем больше мы говорили, тем сильнее было видно, насколько этот «идеальный» ребенок не был идеален. К тому времени, когда мы закончили, мы чувствовали, что наши жизни были не только бесполезными, но даже принесли зло… Мы хотели верить, что Дилан идеален. Мы позволили себе эту мысль и на самом деле не видели признаков его гнева и бессилия. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь жить в мире с самой собой. Мне о столь многом приходится жалеть.

Запись в дневнике, май 1999 года

В одиннадцатом классе у Дилана были проблемы. Не один раз и даже не два. Это был целый ряд происшествий, каждое последующее из которых было хуже предыдущего.

Поэтому эта глава для меня самая сложная во всей книге. Я знаю, что большинство людей, прочитав предыдущий абзац, скажут: «Эй, Сью, этот ребенок разваливался на куски, а ты просто стояла рядом и ничего не делала. Черт, о чем же ты думала?» Признаки того, что Дилан с чем-то борется, не были очень явными, но мы их видели — и понимали неправильно.

Да, подавляющее большинство подростков, даже если и сталкивается с заболеваниями мозга, то все равно не собирается идти в школу и убивать людей направо и налево. Тем не менее, если у вас есть ребенок подросткового возраста, то есть достаточно большой шанс на то, что он борется с психическим расстройством. Примерно один из пяти детей и подростков имеет психические отклонения, которые можно диагностировать. Но выявить удается только двадцать процентов этих детей. Именно поэтому родители слишком часто узнают или начинают волноваться о болезнях разума у подростков только после того, как случилось что-то плохое: проявление агрессии к другим

людям или к самому себе или какое-то еще преступление. Несмотря на их распространенность и опасность, психические заболевания подростков слишком часто не замечают даже внимательные учителя, квалифицированные психологи, педиатры и самые внимательные родители.

Без лечения даже самое небольшое психическое нездоровье может разрушить жизнь молодого человека, не позволить ребенку полностью использовать свой потенциал, что само по себе является трагедией. Такие заболевания, как депрессия, могут иметь и более серьезные последствия, поскольку из-за них дети налетают на все подводные камни подросткового возраста, среди которых употребление алкоголя и наркотиков, вождение в нетрезвом состоянии, мелкое хулиганство, расстройства пищевого поведения, нанесение себе ран, насильственные отношения, опасное сексуальное поведение.

В 1999 году я не понимала разницы между грустью и безразличным состоянием, которые я всегда называла депрессией, и клинической депрессией, которую многие, страдающие этим заболеванием, описывают как ощущение небытия. Я и понятия не имела, что примерно у двадцати процентов подростков бывают приступы депрессии и что один такой приступ в анамнезе ребенка повышает риск следующего. (Последние доклады центра по контролю заболеваемости повысили эту цифру до тридцати процентов.)

Я не знала о том, что депрессия у подростков проявляется не так, как у взрослых. В то время, как взрослые могут выглядеть вялыми и грустными, подростки (особенно мальчики) начинают срываться, становятся раздражительными, самокритичными, выглядят то подавленными, то агрессивными. Необъяснимые боли, жалобы, расстройства сна и навязчивость — это обычные симптомы депрессии в детском возрасте.

Не знала я и о том, что симптомы депрессии у подростков часто маскируются под возрастные изменения поведения — возможно, именно это является одной из причин, по которой диагноз часто ставят слишком поздно. Родители, вероятно, не будут волноваться, если их ребенок по выходным спит допоздна или имеет хороший аппетит — раз, и проглотил все, что было на тарелке, пробормотав: «УУУ, круто!» Тем не менее, изменения в режиме сна и аппетите могут быть симптомами депрессии. Диагностирование осложняется еще и тем, что многие дети, страдающие от депрессии, не проявляют ни одного из описанных симптомов.

Депрессия у Дилана так и не была выявлена и осталась без лечения. В этом он не одинок. Подавляющее большинство

подростков, страдающих от депрессии, так и не получают помощи, в которой нуждаются, даже когда их состояние начинает мешать отношениям с друзьями и родными, учебе, и резко повышается риск появления проблем с законом или самоубийства. С Диланом случилось и то, и другое.

Мы с Томом знали, что у Дилана сложный период. В тот год нашу семью одолевали проблемы со здоровьем и финансовые неудачи. Мы с Томом много времени тратили на Байрона, который переехал в отдельную квартиру. Все трудности этого года наложились на наше неумение увидеть то, что происходило у нас перед глазами.

Есть еще одна причина, по которой мы с Томом более активно не реагировали на перелом в жизни Дилана в одиннадцатом классе. Это происходило потому, что, казалось, он сам сумел вернуться в нормальное состояние. Уже к концу года и в выпускном классе после всех проблем и разочарований предыдущих месяцев мы полагали, что Дилан сумел снова организовать свою жизнь.

Я упомянула об этом не в качестве оправдания, а потому, что эти слова очень часто повторяют родители, дети которых покончили с собой. «Ему же было гораздо лучше!» — говорят эти потрясенные родители, и Дилан выглядел как раз именно так.

Как раз по этому трафарету мы решили, что сын до смерти перепугался, когда попал в беду в прошлом году, и поэтому полностью изменился. К сожалению, финишной чертой, к которой он двигался, была вовсе не воображаемая нами самостоятельная жизнь в университете Аризоны и получение диплома по его любимым компьютерам. Вместо этого у Дилана был план, который привел к его собственной смерти и смерти многих других.

> Этим летом все шло хорошо… Дилан много дурачился и хорошо проводил время с друзьями.
>
> *Запись в дневнике, июль 1997 года*

То лето между десятым и одиннадцатым классом было совершенно обыкновенным. Тем не менее, один неприятный случай произошел, и он был связан с Эриком Харрисом.

Дилан не играл в футбол с детского сада, но тем летом решил вступить в команду, где играл Эрик, и ему дали шанс, несмотря на отсутствие опыта и недостаток умения. Мы были рады, узнав, что сын вступил в команду, потому что футбол никак

не мог повредить руке, травмированной, когда он был бейсбольным подающим. К тому же мы были восхищены его желанием попробовать себя в спорте, которым он не занимался много лет.

Дилан не был выдающимся спортсменом. Он был силен, но ему не хватало подвижности и координации движений, чтобы управляться со своими длинными тощими ногами и руками. Сын играл в футбол не слишком хорошо, но исправно посещал все тренировки. Когда начались матчи плей-офф, мы с Томом пришли посмотреть. Дилан играл плохо, и его команда проиграла.

Все еще потные Эрик и Дилан подошли к тому месту, где мы стояли вместе с Харрисами. Мы не успели сказать ничего ободряющего, как Эрик начал вопить. Слюни летели у него изо рта, он набросился на Дилана, яростно бранясь по поводу плохой игры. Разговаривающие вокруг родители и мальчики из обеих команд замолкли и уставились на нас.

Родители Эрика подхватили его с двух сторон и увели с поля, а мы с Томом и Диланом, потрясенные такими оскорблениями, медленно поплелись к своей машине. Я не слышала, что Харрисы говорили Эрику, но, кажется, они пытались его успокоить. Дилан шел между мной и Томом, молчаливый и апатичный.

Я была потрясена этой неожиданной неуместной демонстрацией ярости Эрика, а также ее силой. Полное отсутствие эмоциональной реакции у Дилана тоже меня встревожило. Он должен был быть, по меньшей мере, сильно задет, но лицо его ничего не выражало. У меня из-за него сердце кровью обливалось. Мне хотелось обнять сына, но ему было пятнадцать и вокруг стояли ребята из его команды. Я не могла смущать его еще сильнее.

Тем не менее, когда мы сели в машину, я сказала:

— Боже! Какая же дрянь! Я не могу поверить, что это Эрик!

Пока Том заводил машину, Дилан смотрел в окно, и на его лице по-прежнему было это ни о чем не говорящее выражение. Его спокойствие на фоне безумия Эрика казалось неестественным, и я надеялась, что по пути домой он позволит выплеснуться своей злобе и отвращению, но этого не произошло.

Желая, чтобы он выпустил пар, я надавила на сына:

— Разве ты на него не обиделся, когда он так себя повел? Я бы была безумно огорчена, если бы друг так со мной обошелся.

Дилан по-прежнему смотрел в окно, и выражение его лица не изменилось, когда он мне ответил:

— Не-а, это же Эрик.

Могу точно сказать, что Том был просто разъярен. Дилан же

выглядел совершенно отрешенным, как будто не обратил никакого внимания на вспышку друга. Каким же хрупким должно было быть «я» Эрика, чтобы выйти из душевного равновесия из-за какой-то дурацкой футбольной игры? Я была больше смущена его поведением, чем реакцией Дилана; истерика заставила Эрика выглядеть как куда более маленький ребенок.

По пути домой я переключилась в Аварийный режим матери. Я предлагала различные варианты, как Дилан мог бы улучшить качество своей игры в футбол так, как будто что-то в этом понимала. Я подумала, что, возможно, этим делаю ему только хуже, но никак не могла остановиться. Я сказала, что если что-то и узнала за те школьные годы, когда на физкультуре меня всегда выбирали в любую команду последней, так это то, что самые лучшие игроки всегда гонятся за мячом так, как будто от этого зависит их жизнь. Побеждают обычно те, кто этого очень хочет.

Дилан ничего не ответил, и я замолчала. На следующей игре, последней в сезоне, сын удивил нас тем, что играл лучше, чем когда-либо раньше, постоянно перехватывая мяч. Команда проиграла, но тренер отметил улучшения в игре Дилана, и мальчик выглядел куда более довольным собой. Глупо, но я подумала, что мой совет немного помог, и мы с Томом были рады, увидев, что Эрик больше не демонстрирует неспортивное поведение.

Том был в ярости из-за истерики Эрика. Он так до конца его и не простил, но не запрещал мальчикам общаться. Мы решили, что Дилан сможет разобраться во всем сам. Оглядываясь назад, я бы хотела, чтобы мы заняли более жесткую позицию по поводу разделения нашего сына и Эрика.

> Потери и другие происшествия — только ожидаемые или реально случившиеся — могут привести к появлению чувств стыда, унижения или отчаяния и послужить спусковым крючком для суицидального поведения. Такими событиями могут быть потери, такие, как разрыв отношений или смерть, неудачи в учебе, проблемы с властями, например, временное отстранение от занятий в школе или трудности с законом. Это особенно верно для молодых людей, которые и без этого являются очень уязвимыми из-за низкой самооценки или психического расстройства, такого, как депрессия.
>
> *По материалам Американской ассоциации суицидологии*

Как только Дилан начал учебу в одиннадцатом классе, на всю семью обрушился шквал проблем.

В первые месяцы на самостоятельную жизнь Байрона было тяжело смотреть. Я успокаивала себя словами, которыми Эрма Бомбек[14] характеризовала своих собственных сыновей: они жили как хомячки. Тем не менее, я беспокоилась. По крайней мере, я точно знала, что хотя бы два-три раза в неделю Байрон ест нормальную пищу. Почти каждое воскресенье он приходил на обед и оставлял сумку грязного белья.

Но питание Байрона и его способности заниматься домашним хозяйством были самым меньшим, о чем мы беспокоились. Той осенью он переживал один кризис за другим. Вначале в его машину, стоящую на перекрестке, врезалась другая. Байрон не получил серьезных травм, но это было очень страшно, и автомобиль был разбит вдребезги. Наш старший сын прошел через череду быстро меняющихся черных работ. Часто он увольнялся из-за какого-то пустякового повода, например, не хотел рано вставать или носить униформу. Когда у Байрона было достаточно денег, чтобы оплатить счета, он иногда забывал это делать.

У меня была непоколебимая вера в хорошие качества Байрона (как я верила и в Дилана). «Он выкарабкается», — часто уверяла я Тома. Но когда каждый телефонный звонок приносил вести о новой неудаче, даже я не могла не волноваться, войдет ли Байрон когда-нибудь в колею.

У меня на работе тоже происходили изменения. В сентябре после длительного периода сдвигов и изменений в колледже, где я работала, я нашла новую работу, став руководителем небольшой программы, которая должна была помочь людям с ограниченными возможностями, посещающим общественный колледж, освоить работу на компьютере. Я должна была приходить на работу только четыре дня в неделю, но это привело к значительному снижению заработной платы. Также программа была ограничена по времени, что добавляло мне неуверенности в завтрашнем дне. Добираться до работы тоже приходилось на час дольше, чем раньше, и мне было неуютно из-затого, что придется очень долго ехать, если что-то срочно понадобится моим детям.

Но самым большим стрессом в нашей жизни было быстрое и поэтому тревожное ухудшение состояния здоровья Тома. Муж давно жаловался на боль в суставах — колени не сгибались, шея не поворачивалась, а в кончиках пальцев он испытывал острую стреляющую боль, которую описывал как ледяное покалывание. Временами Том чувствовал необъяснимую слабость, его мучили

приступы ужасной мигрени, напоминающей инсульт. После таких приступов он некоторое время не мог видеть или говорить. Диагноз «ревматоидный артрит», поставленный как раз тогда, когда Дилан перешел в старшую школу, объяснил хронические боли. Это дегенеративное заболевание, и Том боялся, что его состояние продолжит ухудшаться и сделает его инвалидом. Тогда он не сможет работать.

Однажды утром за завтраком, когда Том взял пакет с апельсиновым соком, у него в руке порвалось сухожилие. Мы оба молча уставились на палец, который ничего больше не удерживал, а бессильно болтался на кисти руки. Том был бизнесменом, для которого не существовало рискованных проектов, мужчиной, который не имел ничего против того, чтобы по восемнадцать часов в день махать отбойным молотком, пока руки не начинали кровоточить, а теперь он не мог удержать в руке пакет сока в полгаллона. Этим муж был полностью раздавлен.

Постоянные боли и неуверенность в будущем означали, что он не может работать подолгу, как это требовалось от инженера-геофизика. Это только усилило наши тревоги по поводу финансов, особенно актуальные сейчас, когда уже не за горами были выплаты за колледж Дилана. Том не мог заниматься работой по дому, хотя в нашей полуразрушенной недвижимости еще многое нужно было починить. И он не мог выходить на свои любимые вечерние пробежки, которые позволяли мужу и держать себя в форме, и снимать стресс.

Нам всем требовалось средство получше для снятия напряжения. Между финансовыми проблемами, ухудшающейся болезнью Тома, своей новой работой и нестабильностью в жизни Байрона я чувствовала себя как капитан, ведущий корабль через шторм и убеждающий свою паникующую команду, что все будет хорошо. Вечером я чаще всего падала в постель уставшая до такой степени, что не могла даже почистить зубы, а потом лежала без сна, думая о том, что в нашей семье уже никогда ничего не наладится.

Такие потрясения — особенно проблемы с деньгами и ухудшающееся здоровье одного из родителей — являются факторами риска для возникновения депрессии и суицидального поведения у подростков, а их сочетание в особенности повышает риск.

Мы заметили, что Дилан вел себя с нами грубее, чем обычно. У нас в доме было очень спокойно. Никто не хлопал дверями, не кричал. Нашим мальчикам было запрещено препираться или ругаться в нашем присутствии или в присутствии других

взрослых. Даже во время самых ужасных ссор с Байроном я гордилась тем, что мы оба сохраняли способность общаться друг с другом как цивилизованные люди. Будучи подростком, Дилан, конечно, демонстрировал нам свое плохое настроение и раздражение. Если я просила его вести машину помедленнее, он награждал меня длинным медленным вздохом и несколько миль вел машину в стиле пожилой бабушки за рулем, чтобы удостовериться, что я вижу, что он делает. «Не мог бы ты поменять свои простыни до того, как уйдешь?» — спрашивала я, и он почти незаметно закатывал глаза, поворачиваясь обратно, чтобы выполнить просьбу.

Мне не нравилось такое поведение, но я принимала его спокойно. Многим другим матерям приходилось сталкиваться с куда более неуважительным отношением. У Дилана все еще случались моменты, когда он был мил и ласков, поэтому мы не очень сильно о нем беспокоились. Когда я начинала переживать по поводу его перепадов настроения или раздражительности, он вдруг с радостью ехал со мной в город по делам или обедал со мной и Томом и заставлял нас смеяться так, что мы забывали обо всех своих огорчениях. Он не был ребенком, который доставлял родителям много беспокойства.

Пока не стал таким. Потому что в том году, как будто бы было недостаточно проблем с Томом, Байроном и забот о деньгах, у единственного члена семьи, который, казалось, вполне благополучно шел по жизни, начались свои собственные беды.

В сентябре Дилану исполнилось шестнадцать. Когда мы с Томом предложили ему устроить вечеринку, он пробормотал: «Ребята, я не хочу делать из этого большое событие». Но шестнадцатый день рождения — это особая дата, и мы с Томом хотели сделать ее значительной для Дилана.

По нашей семейной традиции мы ходили в ресторан по выбору именинника. В том году Дилан выбрал ресторан барбекю, оформленный в стиле классических фильмов сороковых годов. Байрон не нашел никого, кто бы мог подменить его на работе. Хотя нам и не нравилось, что он пропустит празднование дня рождения своего брата, мы были рады, что он старается вести себя на работе правильно и поддержали его решение не приходить. Мы с Томом решили сделать Дилану сюрприз, пригласив его друзей Эрика и Ната к нам в ресторан (Зак тоже работал в тот вечер).

Увидев своих друзей, Дилан был искренне удивлен. Так удивлен, что ему потребовалась половина вечера, чтобы прийти в себя и начать получать от удовольствие от их компании. Я очень

сочувствовала ему. Сын расстраивался из-за малейшего напряжения в общении, хотя для Ната и Эрика наше общество было куда менее стесняющим, чем для него. Дилан знал о нашей нетерпимости к грубости и неаккуратному поведению за столом и, возможно, волновался о том, как его друзья будут себя вести. Но постепенно он расслабился и с юмором поблагодарил нас за то, что мы не обратили внимания на его протесты и устроили ему сюрприз. Но резкие колебания то вверх, то вниз в нашей жизни только начинались.

Позже в том же месяце Дилан проснулся посреди ночи от ужасной боли в животе. Болело так сильно, что мы отвезли его в отделение скорой помощи, где исключили как аппендицит, так и любые другие заболевания. Озадаченные врачи выписали сына домой, так как казалось, что он полностью выздоровел. Уже потом я узнала, что необъяснимые соматические симптомы, в частности, боль в животе, могут быть признаками депрессии.

Затем, два дня спустя, в начале октября 1997 года Тому позвонили из школы. Дилана отстранили от занятий. Для нас эта новость стала настоящим шоком. Наши мальчики еще никогда не получали никаких дисциплинарных взысканий в школе.

Дилан интересовался работой серверов и администрированием сетей, и один из учителей попросил его и Зака помочь в поддержке компьютерной системы школы Колумбайн. Копаясь в ней, мальчики обнаружили список кодов от дверей шкафчиков. Дилан открыл и закрыл пару шкафчиков, просто чтобы убедиться, что коды действительно работают, затем скинул информацию на диск и дал его Эрику. Зак пошел дальше и оставил записку в шкафчике бывшего парня его девушки. Мальчиков поймали, и завуч школы сообщил нам, что Дилан отстранен от занятий на пять дней.

Мы с Томом посчитали это наказание чересчур суровым. Дилан заслужил дисциплинарное взыскание за то, что натворил, он не имел права копаться в школьных записях. Но он просто открыл дверцы шкафчиков, чтобы узнать, может ли он это сделать, и снова закрыл их, не тронув ничего внутри. Том особенно ощущал, что такое наказание не покажет мальчикам, почему их проступок был неверным, и вызовет отчуждение от школы, тогда как им было бы лучше чувствовать свою связь с ней. Мы оба надеялись, что школа ограничится предупреждением или испытательным сроком вместо отстранения, и договорились о встрече с директором.

Встреча прошла не слишком хорошо. В правилах школы не было ничего, что хотя бы напоминало запрет на то, что сделали мальчики. Не имея никаких служебных инструкций,

администрация решила наказать мальчиков так, как положено в случае, если бы они принесли в школу оружие.

Я была в шоке. То, что они сделали, казалось более близким к подглядыванию за девочками в душевой или к проявлению нечестности в учебе, например, к плагиату или списыванию. Я не уменьшала их вину (и ни в коем случае не считала, что подглядывать за девочками в душевой — это хорошо). Но мальчики не приносили в школу оружия и не делали ничего вроде этого.

Мы спросили, не может ли администрация пересмотреть наказание. Мальчики могли бы провести в школе дополнительное время, налаживая оборудование, или вычистить кладовку. Директор сказала, что окружной инспектор очень озабочен этим инцидентом и хочет, чтобы с ним разобрались со всей строгостью. Мы можем поговорить с учителем компьютерных технологий, если у нас еще остались вопросы. Поскольку я сама была администратором, то поняла, что разговор окончен, когда директор при мне занялась подписанием бумаг.

Пока мы ждали учителя компьютерных технологий, я улучила момент, чтобы поговорить с Диланом наедине. Я хотела, чтобы он понимал, какие последствия мог иметь его поступок. Сыну очень нравился этот учитель, и я сказала Дилану, что из-за него человека могли уволить или вообще закрыть всю программу. На лице Дилана не отражалось ни тени неповиновения или цинизма, он был очень грустен. Я была рада видеть, что он все понял. Когда пришел учитель, он выглядел потрясенным, но вел себя доброжелательно; особенно он волновался из-за Дилана. Некоторое время со всех сторон слышались извинения. Тем не менее, то, что последовало дальше, для Дилана было больнее, чем отстранение от занятий: учитель сказал ему, что Дилан больше не может помогать в работе со школьными компьютерами.

Когда мы ехали домой из школы, Дилан выглядел оцепеневшим. Я спросила его, как он думает, сумеет ли справиться с занятиями, и он ответил, что все будет нормально. В списке его предметов были ускоренный курс химии, тригонометрия, мировая история, французский четвертого года обучения, компьютеры и литературное творчество — довольно солидный набор сложных предметов, и я спросила, как он собирается справляться с уроками во время отстранения. Он ответил, что может брать задания у друзей. Когда Дилан спросил, что я думаю по поводу наказания, я ответила честно: «Я не понимаю этого решения и не согласна с ним, но вынуждена его поддержать. Все разрешится быстро, если мы будем следовать

правилам, и я не хочу ухудшать и без того сложную ситуацию, вбивая клин между тобой и теми, кто руководит школой». Он кивнул, показывая, что все понял.

Почти все время отстранения от занятий Том был дома вместе с Диланом. Во время одного разговора Дилан пожаловался, что школьная администрация благоволит спортсменам, прощая им многие проступки, которые ни за что бы не сошли с рук обычным ученикам. По мнению Дилана, в школе все было «несправедливо». Тем не менее, казалось, что он легко перенес отстранение от занятий, и через пять дней мы все пригладили свои потрепанные перышки и двинулись дальше.

В октябре Дилан получил права. Я нервничала из-за того, что теперь он может ездить сам, без взрослого в машине, но он вздохнул с облегчением, потому что отныне мог не зависеть от нас или от своих друзей. Том увлекался собиранием старых побитых машин по бросовым ценам. Как только отец понял, что Дилан способен нести ответственность за машину, он купил черный БМВ за четыреста долларов. В автомобиле было разбито окно, внутри он тоже был поврежден, не говоря уж о том, что он был просто в световых годах от того, чтобы пройти проверку на токсичность отработанных газов в Колорадо. Но отец и сын не унывали из-за работы, которую им предстояло сделать. Их обоих приводил в восхищение тот факт, что машине было шестнадцать лет — в точности как Дилану. Дилан согласился оплачивать страховку и бензин из своих заработанных денег.

Как я сказала моей сестре, после получения прав у Дилана словно отросли крылья. Большинство его друзей по-прежнему жили в пригороде, откуда мы уехали, переехав в предгорье. С точки зрения безопасности мы бы предпочли, чтобы он ночевал у них, а не ехал домой ночью по горной дороге, но мне не нравилось чувствовать нашу оторванность от него. Тем более, Том все время напоминал, чтобы я позволила сыну взрослеть.

Дилан с Натом, Эриком и Заком ходили в боулинг, бильярд или кино. Иногда случались и вечеринки под строгим надзором. Нам было не впервой растить подростка, и на Дилана, когда он уходил из дома, обрушивалась обычная лавина вопросов: «Куда ты собираешься? Кто там еще будет? Кто будет вести машину? Будет там выпивка? А родители будут дома? Оставь нам номер телефона». Мы часто звонили и проверяли сына, и Дилан всегда был там, где должен был быть. Единственный случай, когда он не пришел домой в назначенное время, произошел, когда он выручал своего друга, попавшего в небольшую аварию.

Мы с Томом чувствовали, что в этот год Дилан оторвался от нас. Он бросил работу в пиццерии, чтобы поискать какую-нибудь

работу, связанную с компьютерами, но так ее и не нашел. Этой осенью он не занимался звукорежиссурой для школьных постановок. Было приятно, что по вечерам сын дома, хотя я и беспокоилась, что у него слишком много свободного времени, а значит — он сидит за компьютером. Самоустранение, конечно, может быть признаком депрессии и у взрослых, и у подростков, но мы с Томом не посчитали желание Дилана быть в одиночестве за тревожный признак. Когда он был в своей комнате, он либо разговаривал с друзьями по телефону, либо общался с ними с помощью компьютера. Он не отгораживался от других людей; если уж на то пошло, это общественная жизнь отстранялась от него.

Неуютное ощущение, с которого началась эта осень, усилилось, когда дни стали холоднее. Один из моих любимых преподавателей в художественной академии неожиданно умер от сердечного приступа. Жена моего брата попала в больницу, а моя сестра, у которой многие годы были проблемы со здоровьем, снова плохо себя чувствовала. Здоровье Тома продолжало ухудшаться. В ноябре у него была операция на порванном сухожилии в руке, а операция на плече была запланирована на январь. Он по-прежнему не мог много работать, и наше финансовое положение оставалось напряженным.

Одна моя подруга, чтобы подбодрить меня, поделилась со мной афоризмом Уинстона Черчилля: «Если вы идете сквозь ад — идите, не останавливайтесь!» Но плохих новостей становилось все больше. Байрон позвонил нам из отделения скорой помощи: ему надо было наложить швы в трех местах после драки с бывшим скинхедом-расистом. В тот вечер я впервые позволила себе признать, что в отчаянии по поводу Байрона. Конечно, я гордилась тем, что он отстаивает свои убеждения, но из-за своих решений он постоянно попадал в неприятные ситуации, и ничего из того, что мы делали — лечение, поддержка, любовь, — не помогало.

День благодарения был светлым пятном, таким редким в то темное время. Восемь моих родственников приехали к нам в гости — бурное изменение в тихой жизни, которую мы обычно вели. Мы с сестрой и братом всегда были очень близки. Теперь мы все говорили очень быстро и громко смеялись; вставить словечко в нашу беседу было так же трудно, как вклиниться в поток машин на автобане. Дилану хаос, наступивший в нашем доме, казался немного утомительным, но мне нравилось, что мои родные рядом.

Моему отцу принадлежало несколько кинотеатров по соседству — моей первой работой была продажа попкорна в

буфете, — и мы все обожали старые фильмы. Мы любили книги и музыку. Ничего удивительного, что нам нравилось играть в шарады. Дилан обычно предпочитал играть со взрослыми в покер, но в тот год он пошел на жертвы и присоединился к нашей игре. Я так гордилась тем, какой он умный и какое у него чувство юмора, и радовалась, что несмотря на свою стеснительность он играл с нами.

Никто и не подозревал, что через каких-то несколько месяцев все рухнет, и Дилан снова даст всей семье повод для больших волнений.

В начале января 1998 года Дилан сказал Тому, что его беспокоят несколько ребят в школе, которые «по-настоящему до него докапываются». Это были девятиклассники, и Том едва подавил искушение расхохотаться: Дилан был шести футов и четырех дюймов ростом и учился в одиннадцатом классе. Сын сказал нам, что хочет собрать ребят, чтобы разобраться с этими мальчиками. Мы с Томом сказали ему, что они только и хотят, чтобы он повелся на их насмешки. Я беспокоилась, что кто-нибудь может пострадать, а Том — что Дилан подорвет свою репутацию, связавшись с девятиклассниками.

Дилан нас не послушал. Ничего нам не сказав, они с Эриком собрали еще нескольких друзей. Они нашли тех ребят и назначили им встречу вне школы, но младшие мальчики так и не пришли. Мы с Томом узнали о запланированной разборке уже постфактум. Дилан считал, что хорошо справился с ситуацией, но мы были огорчены и сказали ему об этом. «По крайней мере, — думала я, — никто не пострадал».

Позже в том же месяце мне позвонила Джуди Браун, мать друга Дилана Брукса. Брукс и Эрик подрались в школе, и Эрик бросил снежок в машину Брукса, повредив лобовое стекло. Джуди была в ярости и разразилась тирадой против Эрика, что привело меня в растерянность. Мне казалось, что оба мальчика виноваты в случившемся, и я не понимала ее желание вмешаться, когда они должны были решить все сами. Сила ее ненависти к Эрику показалась мне чрезмерной.

Вскоре после звонка Джуди Тому позвонили из школы. Через четыре месяца после отстранения от занятий за вскрытие чужих шкафчиков Дилан намерено поцарапал дверцу чьего-то шкафчика ключом. Его на день отстранили от занятий, и он был должен школе семьдесят долларов за новую дверцу. Том поехал в школу, чтобы выписать чек. Он спросил директора о девятиклассниках, так как был уверен, что Дилан ничего такого бы не сделал, если бы его не спровоцировали. Директор признала, что у них есть

особенно «буйная» группа новичков, которые ведут себя так, как будто «им принадлежит это место», но заверила мужа, что администрация принимает меры.

Вечером мы поговорили с Диланом. Том злился на него за то, что сын испортил чужую собственность, и злился на школу за то, что они заломили такую цену, чтобы починить какую-то дверцу. Дилан отдал отцу всю свою наличность и пообещал отработать остальные деньги, выполняя дополнительную работу по дому. Я сказала Дилану, что он не может допускать, чтобы несносное поведение других влияло на него самого.

Я не знала, чей шкафчик поцарапал Дилан, выбирал ли он специально или это был первый попавшийся в тот момент, когда сына одолело желание разрушать. Через многие годы я прочитала, что он нацарапал слово «пидор» — ругательство, которым, по мнению многих источников, награждали Эрика и Дилана в коридорах Колумбайн, — но в школе нам об этом не говорили.

Конечно, нет ничего смешного в том, что младший мальчик может издеваться над старшим. Я просто не могла себе представить, что кто-то будет задирать Дилана. Мое представление о детях, которые становятся мишенью для насмешек, было таким же нереалистичным, как и представление о людях, которые кончают жизнь самоубийством. То, как сын одевался и какую прическу носил, выделяло его из большинства консервативно одетых зажиточных мальчиков из пригорода, но его вид не был эпатажным. Мы также считали, что рост Дилана испугает всех желающих посмеяться, потому что он сам нам так сказал. Однажды в десятом классе Дилан сказал Тому что-то насчет того, что он «ненавидит спортсменов». Том спросил, не пристают ли они к сыну, и Дилан уверенно ответил: «Они меня не трогают. У меня рост шесть футов четыре дюйма. Но вот Эрику, конечно, достается».

После трагедии было очень много написано о школьной субкультуре в Колумбайн Хай и месте Дилана в ней. Регина Уэрте, директор отделения реабилитации малолетних преступников в окружной прокуратуре Денвера, подготовила свой отчет в 2000 году. Ральф В. Ларкин независимо подтвердил многие ее данные в своей книге, ставшей результатом тщательного расследования и вышедшей в 2007 году под названием «Осмысляя Колумбайн». Оба автора считают, что школа Колумбайн Хай имела великолепные академические показатели и была очень консервативной. Это мы знали. Но они также описывают распространившиеся по всей школе издевательства — в частности, со стороны группы спортсменов,

которые оскорбляли, унижали и нападали физически на стоявших ниже на социальной лестнице детей. Ларкин также указывает на попытки обратить в свою веру и запугивание со стороны учеников, которые были христианами-евангелистами, самопровозглашенной моральной элитой. Они издевались над детьми, которые одевались по-другому, и преследовали их.

Эти расследования согласуются со многими историями, которые мы слышали после трагедии от детей, которые страдали от психологического и физического насилия со стороны своих одноклассников. Один такой рассказ особенно выделялся. Осенью 1999 года Том поехал в управление шерифа, чтобы забрать машину Дилана со штрафной стоянки. Один сотрудник управления принес мужу свои соболезнования и рассказал, как одноклассники его собственного сына, который учился в школе Колумбайн Хай, подожгли мальчику волосы. Сын, получивший серьезные ожоги, не позволил отцу обратиться к администрации, потому что боялся, что от этого все станет еще хуже. Разъяренный отец просто трясся от гнева, когда рассказывал об этом происшествии, случившемся достаточно давно. Он сказал Тому, что тогда хотел, чтобы от школы «камня на камне не осталось».

Примерно через пять лет после бойни в Колумбайн я говорила со школьным психологом. Он сказал, что после получившего огласку случая издевательств, который произошел ранее, школа стала практиковать более серьезный контроль за учащимися, в том числе дежурство учителей в коридорах во время перемен и в столовой во время ланча. Но мы согласились, что невозможно постоянно следить за двумя тысячами студентов, находящимися в здании, или узнать, что они делают друг с другом на парковке. Несмотря на заявления администрации о том, что они предпринимают меры для разрешения конфликтов между учениками, их усилия пропадают зря. Для многих школа Колумбайн Хай была враждебным и страшным местом, даже если они были в группе самых популярных детей, а Дилан и его друзья к ней не принадлежали. Один из наших соседей сказал, что, когда его выросший сын узнал о трагедии, он повторил фразу, которую мы слышали сотню раз: «Я просто удивляюсь, что этого не случилось раньше».

И Уэрте, и Ларкин заявляют, что учителя закрывали глаза на жестокость и даже насилие в коридорах школы, то ли потому, что не принимали это всерьез — «дети есть дети», то ли потому, что были на стороне популярных спортсменов, издевавшихся над другими учениками. Авторы цитируют записи, в которых школьная администрация отказывалась принимать какие-либо меры, даже когда получала информацию о том или ином

инциденте. Это не удивляет так, как удивило бы сегодня. В 1999 году издевательства в школах оставались незамеченными, не было федеральных законов, запрещающих их, не было приказных школьных инструкций и в список бестселлеров «Нью-Йорк Таймс» не входили книги о королевах пчел, палках и камнях[15]. Жестокость детей по отношению друг к другу не рассматривалась такой серьезной угрозой общественному здоровью, какой мы видим ее сейчас.

Том, как и Ларкин, считает, что школьная субкультура в Колумбайн была нездоровой, и желание мести привело мальчиков к атаке на школу. Многие эксперты с ними не согласны: несмотря на замечание Ларкина о том, что Дилан и Эрик подложили сделанные из баллонов пропана бомбы под столы, где обычно сидели спортсмены, во время бойни они целенаправленно не охотились на них или на других популярных ребят или вообще на кого-либо. (Из сорока шести стрелков, описанных доктором Лэнгманом в книге «Школьные стрелки: как понять подростков и взрослых преступников», только один в качестве своей мишени выбрал того, кто над ним издевался.) Более того, в дневнике Дилана издевательства практически не упоминаются. Скорее создается ощущение, что он завидовал спортсменам из-за их социального положения и легкости в отношениях с девочками.

Я сама нахожусь где-то посередине между этими двумя точками зрения. Какими бы ужасными ни были издевательства, это не может служить оправданием физической расправе и насилию, а тем более — массовому убийству. Но я верю, что над Диланом издевались, и это, наряду со многими другими причинами или в сочетании с ними, сыграло определенную роль в том, что он сделал. Если принять во внимание темперамент сына и основные черты его характера, легко понять, что издевательства были для него особенно болезненными. Он ненавидел, когда был не прав, и не любил проигрывать. Он был очень застенчивым и относился к себе критически. (Безжалостная самокритика, кстати, является одним из признаков депрессии.) Дилан любил чувствовать себя независимым и хотел, чтобы его считали человеком, который контролирует ситуацию. Это самоощущение жестоко разрушалось после каждого инцидента. По всей видимости, случались они постоянно.

Однажды Дилан пришел домой в рубашке, заляпанной кетчупом. Он отказался рассказать, что произошло, сказав, что это был «худший день в его жизни». Я пыталась надавить на него, но Дилан спустил дело на тормозах, и я решила не обращать внимания. «У детей случаются разногласия, — подумала я. — Что

бы ни произошло, все пройдет, а если нет, то я об этом узнаю». Позже выяснилось, что происшествие было куда серьезнее, чем я могла себе представить: группа ребят окружила Дилана и Эрика, их толкали, обливали кетчупом из бутылок и обзывали геями. Сам по себе этот случай, возможно, и не объясняет смертельную связь, возникшую между двумя мальчиками, но это было что-то вроде совместного унижения, в котором зародилась основа этой связи.

Мы с Томом знали и о другом случае. В одиннадцатом классе у Дилана было отдаленное парковочное место неподалеку от территории школы. Через несколько недель после конфликта с девятиклассниками он сказал отцу, что его машина плохо заводится. Том обнаружил, что капот помят, как будто кто-то стоял на нем. Металл прогнулся так глубоко, что повредил коробку предохранителей. Дилан сказал, что не заметил вмятину. Том прямо спросил, не могли ли девятиклассники намеренно повредить его машину. Дилан сказал, что не знает, как и когда это произошло, но уверен, что дело было на школьной парковке. Машина была старой, мы и не ждали, что она переживет годы старшей школы без единой царапины. Но о том, что я не попыталась выяснить, что же все-таки случилось, я жалею.

Мы с Томом не воспринимали Дилана как непопулярного ученика. У него было слишком много друзей, чтобы мы могли так думать. К сожалению, мы и понятия не имели, как на самом деле выглядела его повседневная жизнь в школе. Ларкин ссылается на видеозапись, которую сделал Дилан. Сын и еще несколько мальчиков прогуливались по коридору, просто что-то снимая. К ним подошли четверо ребят. Один из них, одетый в свитер футбольной команды Колумбайн, выставил локоть со стороны Дилана, когда сын проходил мимо, заставив его вскрикнуть от боли и чуть не выронить камеру. Спортсмены засмеялись, а друзья Дилана пробормотали что-то неразборчивое. Ларкин совершенно верно указывает на то, что было самым страшным в этом эпизоде: Дилан и его друзья продолжили идти по коридору так, как будто ничего особенного не случилось. «По всей видимости, такое поведение было настолько распространено, что считалось нормой», — пишет Ларкин. Это наблюдение подтверждает целый ряд бесед, которые он провел с учащимися.

Мне тоже рассказывали о подобных случаях. Один из друзей Дилана сказал мне, что никогда не видел, как ученики плохо относятся к другим ребятам, и тут же, на одном дыхании, рассказал мне о ребятах, кинувших в него жестянку из-под газировки, набитую табаком, во время школьных спортивных соревнований. Другой друг Дилана рассказывал мне о том, как

парни из проезжающей мимо машины бросали в них стеклянные бутылки и другой мусор. (Ларкин сообщает, что бросание мусора из проезжающих машин в занимающих более низкое положение на социальной лестнице учеников было вполне заурядным явлением.) Смирившийся со всем Дилан даже пытался успокоить пришедшего в ужас новичка: «Ты привыкнешь. Так бывает постоянно».

Особенно больно было от того, что Дилану оказалось так легко скрывать, как же в действительности выглядит его жизнь в школе. Я все еще вижу сны о том, как раскрываю его тайную боль. В одном из них я раздеваю его, еще совсем маленького, чтобы искупать. Я стягиваю с него рубашку и вижу кровоточащие глубокие порезы по всему телу. Даже сейчас, когда я пишу об этом, я плачу.

Возможно, нам было неизвестно о проблемах Дилана, но нельзя сказать, что такие вещи встречаются редко. Исследование Центра по контролю заболеваемости в 2011 году показало, что двадцать процентов учащихся старших школ по всей стране подвергались издевательствам в школе в последние тридцать дней перед проведением опроса. В социальных сетях процент детей, рассказывающих об издевательствах, даже выше. Адвокаты, занимающиеся такими делами, предполагают, что эта цифра должна быть ближе к тридцати процентам.

Было проведено огромное количество исследований, изучающих последствия травли ровесниками. Бесспорно, существует корреляция между издевательствами в школе и расстройствами психики, которые часто встречаются у взрослых. Исследование, проведенное в университете Дьюка, показывает, что по сравнению с детьми, над которыми не издевались, те, кто пережил подобный опыт, в четыре раза чаще страдают агорафобией, синдромом общей тревожности и паническим расстройством. Те ребята, которые издеваются над другими, имеют вчетверо больше шансов на развитие диссоциального расстройства личности.

Также существует сильная связь между издевательствами в школе, депрессией и самоубийством. И те, кто издевается, и их жертвы имеют высокий риск развития депрессии, мыслей о самоубийстве и попыток совершить его. Ученые из Йельского университета обнаружили, что жертвы издевательств от двух до девяти раз чаще говорят о суицидальных мыслях по сравнению с обычными детьми.

Связь между издевательствами и жестокостью, направленной на других людей, более сложна, но соотношение, опять же, существует. Дети, над которыми издеваются, часто начинают

сами травить других детей. Кажется, именно это случилось с Эриком и Диланом. Ларкин ссылается на ученицу, которая заявляет, что они терроризировали ее брата, мальчика с особыми потребностями. Его запугали так, что он боялся ходить в школу. Исследователи называют учеников, которые одновременно издеваются над другими и сами являются объектом травли, «агрессорами-жертвами» и считают, что они имеют самые серьезные психологические риски. «Цифры по сравнению с детьми, над которыми никогда не издевались, говорят сами за себя: в 14 раз возрастает риск панического расстройства, в 5 — риск депрессивных расстройств и в 10 — риск мыслей о самоубийстве и суицидального поведения».

Унижения и позор, которые Дилан терпел в школе, по всей видимости, повлияли на его психологическое состояние. В какой-то момент его гнев, который многие годы был направлен на него самого, переместился вовне, а к идее об уничтожении себя, в которой он находил успокоение, присоединилась мысль о том, чтобы прихватить с собой и других людей. Постоянное неуважение в школе, в месте, которое должно быть безопасным, могло с большой вероятностью стать отправной точкой для таких размышлений.

Конечно, даже то, что Дилан сносил оскорбления своих одноклассников, ни в коей мере не снимает с него вину за то, что он сделал. В то же время я глубоко сожалею, что не ощущала чувства Дилана по отношению к тому месту, где он проводит свои дни. Жаль, что я не потратила больше времени и сил, чтобы узнать о психологическом климате и культуре в школе (и о том, подходит ли она Дилану), а не только о ее академических показателях.

Иногда я позволяю себе придумывать тысячи возможностей того, как эта история могла закончиться по-другому, и все эти фантазии начинаются с того, что я выбираю другую школу. Но все-таки больше всего я жалею о том, что не сделала ничего для того, чтобы узнать, что же происходило в душе у Дилана.

На конференции по предотвращению самоубийств, где мне довелось побывать, один отец рассказал о том, как не смог распознать признаки депрессии у своей двенадцатилетней дочери. Он, конечно, заметил, что она стала более плаксивой и навязчивой, чем обычно, и жаловалась на какие-то непонятные недомогания даже после того, как врач сказал, что она здорова: «У меня живот болит. Голова просто раскалывается». Также она более неохотно, чем обычно, отправлялась в постель: «Ну только до конца главы дочитаю. Еще пять минуточек, обещаю». Но он и

предположить не мог, что это все возможные признаки депрессии для ребенка такого возраста.

Я тоже не знала. Годы спустя я упомянула об этом в разговоре с подругой, у которой была одиннадцатилетняя дочь. Она была так взволнована поведением девочки, что провела небольшой вопрос знакомых опытных родителей. Приняли бы вы привязчивость, ипохондрию и расстройство сна у своего ребенка за симптомы депрессии? Все сказали, что так не подумали бы. А вы бы подумали?

Что еще более настораживает, так это то, что тот отец, с которым я познакомилась на конференции, сказал, что врач его дочери также не распознал эти симптомы — даром, что у девочки был повышенный риск покончить с собой. Примерно восемьдесят процентов самоубийц были у врача в последний год своей жизни, а почти половина посещала доктора в последний месяц. Дилан был у нашего семейного врача с больным горлом всего за несколько недель до смерти.

Врачам просто необходимо при рутинных осмотрах искать симптомы депрессии и суицидальных наклонностей у своих пациентов. Учителя, школьные психологи, тренеры — все эти люди могут стать мощной группой поддержки. Программы по подготовке специалистов (такие как ASIST — тренинг по приобретению прикладных навыков вмешательства при угрозе суицида корпорации Living Works) помогают участникам распознать людей, страдающих от постоянных мыслей о самоубийстве. Вмешательство в этот процесс может спасти много жизней.

Оценки Дилана в старшей школе никогда не были особенно выдающимися, несмотря на его ум, но в последние две недели в выпускном классе они снизились до того уровня, что два учителя выразили свое недоумение. Волосы сына были чистыми, но длинными и неухоженными, они выбивались из-под бейсболки, которую он всегда носил, лицо у него было плохо выбрито. Все, кто окружал Дилана, в том числе мы с Томом, определенным образом оценивали то, что мы видим, вместо того, чтобы просто спросить, не происходит ли что-нибудь плохое.

Это один из парадоксов, с которыми мы должны бороться. Конечно, было бы куда легче помочь подросткам с депрессией, если бы они были милы со всеми окружающими или больше рассказывали о своих мыслях. Если бы они только выглядели, как дети с плакатов: аккуратно подстриженные, привлекательные, смотрящие невидящим взглядом в окно, за которым льет дождь, подперев щеку кулаком! Гораздо чаще неустойчивый подросток выглядит куда более неприятно: агрессивный, враждебный,

вредный, раздраженный, неприязненный, ленивый, плаксивый, не заслуживающий доверия, иногда не соблюдающий правила личной гигиены. Но тот факт, что с такими детьми трудно, что они так зациклены на том, чтобы оттолкнуть нас от себя, не означает, что им не нужна помощь. На самом деле все эти признаки могут быть сигналами того, что они просят о ней.

Следующее происшествие в одиннадцатом классе было самой большой катастрофой.

Тридцатого января, через несколько дней после того, как Дилан исцарапал дверцу шкафчика, они с Эриком были арестованы за взлом припаркованного грузовичка и кражу электронного оборудования.

Тем вечером Дилан согласился пойти с Заком на какое-то мероприятие в церковь, и после него они планировали вдвоем приехать к нам и остаться ночевать. Мы с Томом вместе слушали музыку в гостиной, когда примерно в половине девятого зазвонил телефон. Это был отец Зака, в голосе которого явно слышалось огорчение. Зак поссорился со своей девушкой и ушел с собрания вместе с ней. Он был ранен, возможно, пострадал, выскакивая из движущейся машины, и не мог говорить связно. Все было очень запутано, но родители Зака хотели, чтобы мы знали об изменении планов. Дилан не был с Заком, он ушел из церкви вместе с Эриком.

Я поблагодарила отца Зака за информацию и тут же позвонила Харрисам, которые были взволнованы так же, как и мы, потому что понятия не имели, куда подевались мальчики. Мы пообещали друг другу немедленно позвонить, если что-нибудь узнаем о детях. Через несколько минут телефон снова зазвонил. Это был шериф округа. Дилан и Эрик были арестованы за правонарушение.

Мы с Томом поехали в местную контору помощника шерифа, Харрисы уже были там. Выдвинутые обвинения включали преступное посягательство первой степени и кражу, которые считались тяжкими преступлениями, а также преступное причинение ущерба — мелкое правонарушение.

У меня просто челюсть отвисла, когда я услышала такие серьезные обвинения. Я не могла поверить, что наш Дилан, который в жизни не сделал ничего по-настоящему плохого, мог сделать что-то настолько ужасное. Это была такая беда, которая могла стать серьезным ударом по его будущему. Никого из нас никогда не арестовывали, поэтому мы позвонили одному из наших соседей, адвокату, чтобы спросить у него совета. Он сказал, что Дилан должен «выкладывать все», говорить только

правду. Прежде чем повесить трубку, он заверил нас:

— Мальчишки часто делают глупости. Дилан — хороший парень. Все будет хорошо.

Мы прождали, кажется, целую вечность. Миссис Харрис всхлипывала. Затем помощник шерифа вывел мальчиков из боковой двери. Меня чуть не вырвало, когда я увидела Дилана, стоящего передо мной в наручниках.

Мы несколько часов ждали решения, будут ли наши дети отправлены в тюрьму или смогут вернуться домой. Наконец, офицер, который их арестовал, порекомендовал направить их в программу реабилитации, которая была альтернативой тюремному наказанию для малолетних преступников, совершивших незначительное нарушение в первый раз. Программа включала в себя надзор, психологическое консультирование и общественно-полезные работы и позволяла мальчикам избежать уголовных обвинений и исправительного учреждения. Мальчики были освобождены под нашу ответственность.

Домой мы ехали в молчании, всех троих одолевали самые разные чувства: злость, отвращение, страх и замешательство. Мы добрались до дома, эмоционально и физически истощенные, около четырех утра. Нам с Томом нужно было обсудить, как мы будем реагировать. Мы сказали Дилану, что последствия будут, но мы поговорим о них после того, как отдохнем. Солнце встало еще до того, как я, утомленная, смогла закрыть глаза и заснуть.

Том проснулся раньше меня. Когда Дилан встал, они долго разговаривали. Позже Том сказал мне, что Дилан очень, очень злился — на всю ситуацию, полицейских, школу, несправедливость жизни. Он был так зол, что, кажется, не мог понять неправильность того, что сделал.

Я и сама злилась и не хотела говорить с Диланом, пока не успокоюсь. Позже мы сели вдвоем на ступенях лестницы. Наша спальня была на первом этаже, а комната Дилана — наверху, поэтому мы часто садились на лестнице, чтобы поговорить. Тем же вечером я дословно записала этот разговор в дневнике, и после смерти Дилана он бессчетное количество раз всплывал у меня в памяти.

Я начала:

— Дилан. Помоги мне понять одну вещь. Как ты мог сделать что-то настолько неправильное с точки зрения морали?

Он открыл рот, чтобы ответить, но я прервала его:

— Стой, подожди минутку. Вначале расскажи мне, что случилось. Все, с самого начала.

Он рассказал мне об этом ужасном вечере. После того, как

Зак ушел из церкви, они с Эриком решили попускать фейерверки, поэтому поехали на парковку неподалеку от нашего дома, где приезжие любители активного отдыха оставляли свои машины, чтобы прокатиться на велосипедах по живописным горным дорогам. Там они увидели пустой автофургон, припаркованный в темноте. Внутри заметили электронное оборудование. Фургон был заперт. Они попробовали открыть окно. Дилан попытался объяснить свои действия тем, что в фургоне никого не было. Когда окно не открылось, они разбили его камнем.

Я спросила Дилана, не Эрик ли придумал разбить окно. Он ответил:

— Нет. Это мы оба. Мы подумали об этом вместе.

Они забрали электронику и поехали в укромное место неподалеку. Несколько минут спустя мимо проезжал помощник шерифа, который увидел разбитое окно фургона. Он обнаружил двух мальчиков, сидящих в машине Эрика с краденными вещами, немного дальше по дороге. Как только офицер подошел к машине, Дилан во всем признался.

Услышав всю историю, я снова задала свой вопрос:

— Ты совершил преступление против личности. Как ты мог сделать что-то, настолько морально неправильное?

Его ответ меня шокировал. Он сказал:

— Это было не преступление против личности, а против компании. На такие случаи у людей есть страховка.

У меня просто челюсть отвисла. Я закричала:

— Дил! Воровство — это преступление против личности! Компании состоят из людей!

Я пыталась воззвать к его разуму:

— Если кто-нибудь из наших арендаторов попытается украсть светильник в одной из наших квартир, это будет преступление против компании, сдающей жилье, или против нас?

Дилан пошел на попятный:

— Хорошо, хорошо, я понял.

Но я не остановилась на этом. Я объяснила, что владелец фургона должен будет заплатить франшизу[16] страховой компании.

— Не бывает преступлений без жертв, Дилан.

Я слышала историю о программисте, который нашел способ переводить себе крошечные, практически незаметные суммы денег со счетов, где оставались не принятые в расчет несколько центов.

— Вскоре ты узнаешь достаточно, чтобы сделать нечто похожее, — сказала я сыну. — Ты думаешь, что это этично?

Он сказал, что знает, что неэтично, и заверил, что никогда не

сделает ничего подобного.

То, что он сделал, было неправильно, и я хотела, чтобы он это понял. Пытаясь разбудить сочувствие, я спросила, как бы он чувствовал себя, если бы что-нибудь украли у него?

— Дилан, если ты не хочешь следовать никаким правилам в своей жизни, помни хотя бы о Десяти заповедях: не убий, не укради…

Я остановилась, чтобы подумать, какие еще из заповедей могут иметь отношение к делу, и решила перестать поучать сына.

— Это правила жизни.

— Я это знаю, — сказал он.

Некоторое время мы молчали. Потом я сказала:

— Дил, ты меня пугаешь. Как я могу быть уверена, что ты никогда не сделаешь ничего подобного снова?

Он сказал, что не знает. Казалось, понимание того, что он может сделать что-то плохое под влиянием порыва, напугало его. Он явно чувствовал себя плохим. В этот момент я не ощущала никакой злости, только сострадание.

Перед тем, как мы поднялись со ступенек, я сказала, что он подорвал наше доверие. Мы будем более тщательно следить за ним, и его занятия будут ограничиваться. Он пожаловался, что несправедливо наказывать его, когда он и так будет проходить программу реабилитации. Неужели официальных последствий будет недостаточно? Но его действия не оставили нам другого выбора. Также я добавила, что, по моему мнению, ему неплохо бы встретиться с профессиональным психологом. Сын сказал, что абсолютно не хочет этого делать. Когда я упомянула, что мы могли бы попросить о помощи, если это будет в его интересах, он ответил совершенно однозначно:

— Мне не нужны психологи. Я тебе докажу, что не нужны.

Я была рада, что Дилан сумел вернуться к нормальной жизни и не попал в тюрьму. Тем не менее, через годы после его смерти я побывала в закрытом учреждении для малолетних правонарушителей, в какое, по всей вероятности, мог попасть Дилан, и узнала, что то, чего я так боялась, скорее всего было бы лучше для сына, чем возвращение в школу, особенно, если субкультура Колумбайн действительно была так вредоносна для него, как мы думаем.

Администратор сказал мне:

— Мы здесь для того, чтобы лечить детей, а не наказывать их.

Он описал, какую поддержку могли бы здесь обеспечить Дилану: например, помощь профессионалов, специализирующихся на расстройствах личности и посттравматическом синдроме, который распространен у детей,

подвергающихся издевательствам. Группа врачей разного профиля, конечно, диагностировала бы его депрессию и другие психические расстройства, которые могли у него быть. Персонал работал в тесном взаимодействии с родителями. Там даже был компьютерный класс.

Мы никогда не знаем, какие уроки приготовлены для нас, особенно когда думаем, что наши молитвы услышаны и события поворачиваются так, как нам хотелось бы. Тогда мы были рады, что Дилан попал в программу реабилитации. Но я не могу перестать думать, что если бы Дилана послали в исправительное заведение, это могло бы спасти его жизнь и жизни тех, кого он забрал с собой.

Программа реабилитации началась только через два месяца. В это время мы с Томом действовали вместе, закручивая гайки дома. Мы установили время возвращения домой, ограничивающее социальные активности Дилана, отобрали клавиатуру его компьютера и ограничили вождение машины. Мы регулярно обыскивали комнату сына и сказали ему, что он не может проводить свободное время с Эриком. От него ожидалось, что он будет с нами и будет сотрудничать во всем. Работа и участие в школьных постановках оказывали полезное влияние, и он мог продолжать ими заниматься.

Когда эти правила были ему озвучены, Дилан вздохнул с облегчением и согласился на все условия, но это все равно было трудное время. Сын казался отстраненным и сразу начинал злиться, как только мы что-нибудь от него требовали.

Его отношения с окружающим миром тоже, вероятно, не стали лучше. Примерно через неделю после кражи Дилан нашел работу в продуктовом магазине. Это место само по себе ему не нравилось, а еще больше ему не нравилось носить рубашку в цветочек, которая была частью униформы. Отношение сына к работе было ужасным, и он там долго не продержался. Потом он получил штраф за превышение скорости. Вскоре после этого Дилан по пути домой из видеопроката проехал на красный свет и получил еще один штраф, выписанный тем же полицейским, который допрашивал сына в ночь ареста.

После этого штрафа мы с Томом еще раз предупредили Дилана, что ему нужно взяться за ум. Еще ошибка, и последствия для его будущего могут быть катастрофическими. Уголовные преступники не могут голосовать или становиться присяжными, он будет лишен гражданских прав. И кто вообще захочет взять его на работу?

Примерно через месяц после ареста я позвонила Харрисам.

Мы все хотели, чтобы у наших детей все было хорошо, и я думала, что обе семьи должны поддерживать контакты, чтобы согласовывать, какие ограничения мы применяем. Мы с миссис Харрис обсудили преимущества и недостатки того, что мы разделим мальчиков. Она рассказала мне о вспышках ярости у Эрика и сказала, что они собираются как можно быстрее обратиться к профессионалу. Я сказала, что мы пытаемся понять, нужно ли Дилану встретиться с психотерапевтом.

Я чувствовала, что мальчиков нужно разделить, но миссис Харрис не хотела, чтобы в трудное время из жизни ее сына исчез его самый большой друг. Я понимала ее, но чувствовала, что Дилану лучше держаться от Эрика на некотором расстоянии. По крайней мере, мы договорились некоторое время подержать их врозь.

Но среди тяжелых минут было и хорошее. Однажды вечером Байрон позвонил, чтобы сказать, что из-за своего очередного каприза он опять потерял работу. Я была так разочарована обоими моими сыновьями, что просто не знала, что делать. После того, как Том пошел спать, меня разыскал Дилан. Он тихо и внимательно выслушал все мои стенания по поводу Байрона и высказал несколько предложений, полностью поддержав то, как я поговорила с ним по телефону. Когда я немного расслабилась, сын сделал все, чтобы развеселить меня. Тем вечером я была очень рада, что его не отправили в тюрьму.

В этот промежуточный период Дилан с другом вступили в лигу воображаемого бейсбола. Это занятие казалось очень полезным, и мне нравился мальчик, с которым они вместе играли. Эрик никак не участвовал в этом начинании. Также Дилан был звукорежиссером постановки «Музыканта», на которой мы побывали в конце февраля. Нет ничего лучше школьного спектакля, чтобы родители начали гордиться своим чадом, а в тот вечер мы, конечно, гордились Диланом.

Но все-таки мы вздохнули с облегчением в марте, когда программа реабилитации, наконец, началась. В процессе приема в программу Дилану дали длинный список и попросили отметить в нем проблемы, которые его беспокоят. Эрик выбрал очень многое, в том числе злость, мысли о самоубийстве и мысли об убийствах, Дилан же пометил только два пункта: финансы и работа.

Процесс приема включал в себя тесное взаимодействие с нашей семьей. Я признала, что Дилан иногда казался «злым или угрюмым», а его поведение временами было «неуважительным и нетерпимым по отношению к другим». Так я ощущала его в тот год, особенно после ареста. Он никогда не повышал голос, не ругался в нашем присутствии, не препирался, но иногда, когда

мы говорили о других людях, я слышала в его словах неуважение. На мой взгляд, это было самое худшее, что можно было сказать о Дилане.

Позже эти мои замечания стали рассматривать как неопровержимое доказательство того, что мы не обращали внимания на тревожные признаки и создали отличную почву для насилия своим попустительством агрессии. Но в то время я просто очень хотела, чтобы психологи узнали о сыне самое худшее, чтобы специалисты, ведущие его дело, могли оказать ему помощь, если она нужна.

Когда психологи опрашивали Дилана, он признался, что пару раз курил марихуану. Это нас так удивило, что Том продолжил спрашивать, когда мы вернулись домой. Дилан не хотел говорить, где он брал наркотики, но в конце концов признался, что травка принадлежала его брату. Том поругался с Байроном и предупредил его, что если он еще раз принесет запрещенные наркотики в наш дом, он сам отправит Байрона в полицейский участок.

Обычно записи о малолетних правонарушителях закрыты, но после трагедии доклады о Дилане, сделанные в рамках программы реабилитации, были опубликованы. Говорили, что мы с Томом «выпнули» нашего старшего сына из дома за употребление наркотиков. Это заявление застало меня врасплох. Ведь решение покинуть наш дом принял сам Байрон после консультации с семейным психологом, и переезд его состоялся по взаимному согласию. К тому же Байрон по-прежнему занимал большое место в нашей жизни, по крайней мере, пару раз в неделю он приходил обедать. В разговорах со специалистами программы по реабилитации Дилан сказал, что любит своего старшего брата, но эта марихуана была «просто тратой времени и денег».

Дилан заявил, что «пару раз» пробовал алкоголь, хотя его дневники свидетельствуют, что он сильно пил. После смерти сына я узнала, что его прозвище в Интернете и среди некоторой части друзей было VoDKa, где заглавные буквы D и K обозначали его инициалы.

Дилан был очень огорчен, узнав, что Том поссорился с Байроном из-за травки, и Том объяснил ему, что сделает все, чтобы с его мальчиками ничего не случилось. Тем не менее, после трагедии муж обвинял себя в том, что Дилану приходилось скрывать свою жизнь, и беспокоился, что невольно разрушил свои отношения с сыном, предав доверие Дилана. Может быть, Дилан держал в секрете, что боялся Эрика, потому что знал, что отец будет говорить с Харрисами? И, конечно, Том обязательно бы с

ними поговорил, если бы имел хоть малейшее представление о смертельно опасных отношениях между двумя мальчиками.

Через годы после трагедии я, сидя в комнате ожидания, случайно открыла какой-то журнал для родителей и нашла тест, определяющий, являетесь ли вы «этичным родителем». Я ответила на все десять вопросов верно, за исключением вопроса «Стали бы вы читать личные дневники своих детей?» Согласно журналу для родителей правильный ответ был «нет». Я знаю, что и сама так бы ответила, когда Дилан был жив, но теперь уже так не скажу.

Когда мы обыскиваем комнаты наших детей или читаем их дневники, мы рискуем утратить их доверие. Тем не менее, у них могут быть проблемы, которые они скрывают и в то же время не способны решить сами.

Когда психолог попросил Дилана рассказать об отношениях в его семье, сын сказал, что «они лучше, чем у большинства ребят». Он сказал, что мы с Томом «всегда готовы прийти на помощь, любящие, надежные и заслуживающие доверия». На вопрос «Какие последствия это [арест] имело для твоей семьи?» Дилан ответил: «Очень плохие. Мои родители были раздавлены, как и я сам». А на вопрос «Каким был самый травматичный опыт в твоей жизни?» Дилан дал ответ: «Ночь, когда я совершил преступление».

После опроса Дилана и нашей семьи автор доклада о необходимости лечения пришел к заключению: «Основываясь на истории пациента, не кажется очевидным, что ему показано какое-либо лечение». Несмотря на это первым, о чем я спросила, когда мы наконец встретились с психологом Дилана в программе реабилитации в марте 1998 года, было: не нужно ли, по ее мнению, Дилану пройти какую-то психотерапию? Когда Дилан присоединился к нам, она спросила сына, как он думает, нужен ли ему психотерапевт, и он сказал, что нет. Я была немного разочарована тем, что психолог не дала нам других рекомендаций — ведь я уже и так знала, что Дилан думает по этому поводу. Но Дилан продолжал уверять нас, что он просто совершил глупую ошибку: «Я вам докажу, что мне не нужны никакие встречи». Мы договорились, что будем следить за ситуацией и что-то изменим, если возникнет необходимость.

Программа реабилитации отнимала много времени. У Дилана были встречи с психологом, тренинг по управлению агрессией и класс этики. Он должен был участвовать в общественных работах, а также выплатить возмещение убытков своей жертве. У него регулярно брали пробы на наркотики. Мы

думали, что тяжесть наказания поможет Дилану понять серьезность своего проступка.

К сожалению, Дилан и Эрик часто оказывались вместе на многих занятиях на разных этапах программы, а также встречались в школе. Хотя мальчики никому не рассказывали об аресте, друзья знали, что они попали в серьезную беду, потому что их свободное время было так строго ограничено. Когда Джуди Браун услышала, что у Эрика и Дилана проблемы с законом, она решила, что это из-за того, что Эрик угрожал ее сыну Бруксу.

Эрик сделал веб-сайт, где были наполненные ненавистью высказывания и изображения сцен насилия. Он угрожал конкретно Бруксу, дойдя до того, что указал его номер телефона и домашний адрес. Я не знала о сайте Эрика до того дня, когда произошло нападение на школу Колумбайн Хай. Но Дилан о нем знал и за день до того, как они с Эриком отправились на первые интервью по программе реабилитации, сказал Бруксу. В школьном коридоре сын передал другу клочок бумаги с адресом сайта, попросив не говорить Эрику о том, откуда Брукс взял этот адрес.

Для меня это было ударом — еще одна попытка Дилана вырваться из отношений с Эриком или, по крайней мере, привлечь внимание к ненормальности Эрика. Все знали, что Брукс близок со своими родителями, особенно с матерью. Дилан должен был предположить, что Брукс немедленно расскажет Джуди про сайт. Именно так все и случилось, и Брауны позвонили в полицию. Чтобы провести обыск в доме Харрисов, следователь взял письменные показания под присягой, но судья их так никогда и не видел. После Колумбайн бумага бесследно исчезла.

Я очень жалею, что ничего не знала о сайте Эрика, и это подчеркивает, как важно для родителей делиться информацией друг с другом, хотя такие разговоры могут быть и не очень приятными. Можно понять, почему Джуди ничего мне не сказала: когда мальчиков арестовали, она считала, что полиция наконец приняла меры после ее заявления. Она и понятия не имела, что Эрик и Дилан были арестованы за кражу, и это не имело никакого отношения к угрозам в адрес Брукса. Точно так же и я не подозревала, что Эрик угрожал Бруксу или кому-либо еще до того дня, когда случилась трагедия, и Джуди стояла на моей подъездной аллее, а пятнадцать человек лежали мертвыми в школе, не говоря уже о тех, кто был ранен или получил травмы.

Те ограничения, которые мы наложили на Дилана после ареста, он ощущал как запреты и был с нами очень раздражительным. Поскольку обследование сына психологами

программы реабилитации не показало никаких психологических проблем, мы терпели эту вспыльчивость и старались, как могли, привлекать его к разным семейным занятиям. Как и всегда с Диланом, мы проводили много приятных часов вместе, и это поддерживало мою надежду. Несмотря на все неприятности и разногласия в эти месяцы, мы много раз что-то делали вместе и наслаждались обществом друг друга.

Когда Дилан спросил меня, что бы я хотела получить на свой день рождения в конце марта, я сказала, что хочу провести время только с ним вдвоем. Тогда он пригласил меня на завтрак. Я пыталась заставить его говорить о себе, но Дилан отвечал на мои вопросы так коротко, как только мог, а потом расспрашивал о моей работе и жизни. Он так внимательно слушал, что я и не заметила, как умело он увел разговор от себя. Пока наши блинчики остывали, я болтала о моем рисовании, работе и мечтах о будущем, совершенно не понимая, как тщательно он закрывает свою внутреннюю жизнь.

К концу одиннадцатого класса казалось, что жизнь вернулась к своему нормальному течению. Дилан все дни проводил на репетициях школьной постановки пьесы Джозефа Кесселринга «Мышьяк и старые кружева». Мы начали разговаривать о его жизни после окончания школы. Сын чувствовал себя опустошенным и не хотел идти в колледж, но мы просили его подумать об этом, и через несколько дней он согласился пойти с нами в школу и посмотреть, что предлагают колледжи. Дилан был умным, но не имел особого стимула к учебе после того, как перестал заниматься по программам для одаренных детей. Я была уверена, что в колледже, получив больше свободы для открытий и возможность заниматься тем, что нравится, он расцветет.

Двадцатого апреля, ровно за год до его смерти, Дилан с Томом пошли на первый бейсбольный матч сезона. На следующей неделе мы с Томом смотрели «Мышьяк и старые кружева». Работа Дилана была безукоризненной. Хотя я не могу сказать, что он выглядел абсолютно счастливым, но он казался более уравновешенным, как будто пытался исправить ошибки, которые сделал.

Той весной случилась наша самая большая ссора в жизни. Это было на День матери, последний День матери, когда мы были вместе, и эти воспоминания все еще причиняют мне боль.

Я не могу вспомнить, что именно вывело меня из равновесия. Я переживала из-за этого ужасного года, когда приходилось волноваться за обоих моих сыновей, злилась на то, что Дилан продолжает все отрицать и плохо ко всем относится, и тихо обижалась, что он забыл о Дне матери. Когда я начала

выговаривать ему за его отношение ко мне, у меня появилось ощущение, что он не отвечает мне, а словно смеется какой-то своей шутке. Это показалось мне неуважением.

Сытая этим по горло, я взорвалась. Я прижала его к холодильнику и, удерживая одной рукой и размахивая перед носом Дилана пальцем другой, устроила настоящую отповедь. Я не кричала, но в моем голосе была властность, когда я сказала ему, что пора прекратить быть таким вспыльчивым и эгоистичным: «Мир не крутится только вокруг тебя, Дилан. Пора бы подумать, что в этой семье есть и другие люди. Тебе нужно уже самому отвечать за себя». Потом я напомнила сыну, что он забыл про День матери.

Произнося все эти слова, я крепко держала его за плечо. До самой своей смерти я не перестану жалеть о том, что в тот день я не прижала своего мальчика покрепче к себе вместо того, чтобы отталкивать.

Наконец, тихим голосом, за которым скрывалась предупреждающая об опасности сила, он сказал:

— Прекрати меня толкать, мама. Я начинаю злиться и не знаю, как хорошо смогу это контролировать.

Это было все, что произошло тогда. Такое поведение никогда не входило в мою родительскую модель. Испугавшись, что наша ссора зашла так далеко, я отступила. Это был наш самый худший конфликт за все семнадцать лет.

Позже мы вместе сидели за кухонным столом. Мы оба чувствовали себя ужасно. Я извинилась за то, что потеряла самообладание, Дилан — за то, что забыл о Дне матери. Он вызвался помочь мне приготовить обед. Днем он поехал в город, чтобы купить мне открытку и африканскую фиалку, растущую в маленькой жестяной баночке. Это был великолепный подарок: я обожала миниатюрные растения, и мы даже вместе их коллекционировали, когда Дилан был маленьким. Мы обнялись. Я решила, что все в порядке, хотя и заметила, что на открытке сын просто написал свое имя вместо «С любовью, Дилан».

Конечно, я бы хотела, чтобы мы не ссорились, а особенно — в День матери, но я считала, что была вполне справедлива. Разве не нужно вразумлять своих детей, когда вы чувствуете, что они сбились с прямого пути? Теперь я отношусь к этой стычке по-другому. Я знаю, что, если бы я обняла Дилана и сказала, как я его люблю, это не остановило бы его от убийств и самоубийства. Тем не менее, я бы хотела протянуть ему свою руку: «Посиди со мной. Поговори со мной. Скажи мне, что происходит». Вместо того, чтобы говорить, что он делает не так или за что должен быть нам благодарен, я могла бы выслушать его и увидеть его

боль. Если бы я могла сделать все по-другому, то сказала бы ему: «Ты изменился, и это меня пугает».

Но я не была испугана. Должна была испугаться, но не боялась.

Теперь я вижу, что мне о многом следовало бы беспокоиться в тот год, когда Дилан учился в одиннадцатом классе.

На заднем плане было беспокойство о болезни Тома, финансовая нестабильность и трения между мной, Томом и Байроном. Все эти факторы повышают риск развития депрессии у уязвимых подростков. Арест Дилана и издевательства, которые он переносил в школе, тоже являются социальными факторами, связанными с повышением риска развития депрессии и суицидального поведения. Повышенная раздражительность Дилана и нехарактерное для него отсутствие стимулов к деятельности были признаками депрессии, хотя и сочетались с тем, что родители обычно ожидают от мальчиков подросткового возраста. Он тщательно скрывал от нас свое пристрастие к алкоголю — еще один фактор риска. Каждый раз, когда мы начинали по-настоящему за него волноваться, Дилан находил способ заверить нас, что все в порядке.

Итак, каким образом озабоченный родитель может отличить заурядное подростковое поведение («он такой ленивый, он так ужасно ко всем относится, она такая истеричная») от настоящих признаков депрессии или других заболеваний мозга? Самый важный вопрос, которы ставят такие истории, как моя, — это как себя вести, когда действия и слова ребенка показывают, что что-то идет не так?

Однозначного ответа здесь быть не может, это самые сложные из нерешенных проблем в области поведенческой медицины. Но доктор Кристин Мутье из Американского фонда по предотвращению самоубийств учит студентов-медиков и врачей прежде всего обращать внимание на *изменения:* в режиме сна, в степени тревожности, в настроении, поведении или личности подростка. Взятые по отдельности, такие изменения могут указывать всего лишь на трудную неделю, но их сочетание может сигнализировать о куда более серьезной проблеме. В одиннадцатом классе Дилан превратился из ребенка, за которого мне никогда не приходилось беспокоиться, в подростка, о котором я волновалась все время. После шестнадцати лет, когда не было никаких проблем, у него вдруг появились конфликты с администрацией школы, с другими ребятами и, в конечном счете, с законом.

Доктор Мэри Эллен О’Тул, бывший специалист-криминалист,

занимавшаяся составлением портретов преступников в ФБР, и судебный психиатрический консультант сразу после трагедии в Колумбайн выпустила отчет для ФБР «Школьный стрелок: перспектива оценки угрозы». Она предупреждает, что не стоит полагаться на то, что ребенок говорит о себе, и советует родителям смотреть на его поведение. Если что-то кажется противоречивым или необъяснимым, дайте взглянуть на проблему постороннему и не позволяйте себя успокаивать.

То, что мы любим своих детей, заставляет нас не обращать внимания на нарушения в их поведении или оправдывать их. Это особенно актуально, когда ребенок в принципе всегда воспринимался как «хороший» и когда у него ровные отношения с родителями. Трудно увидеть нарушения поведения, а еще труднее — начать действовать, когда мы что-нибудь замечаем. Но вы никогда себе не простите, если ничего не сделаете.

Доктор Мутье советует в случаях, когда вы обеспокоены, обращаться за помощью к профессионалам. Если с ребенком все в порядке, то вы почувствуете себя лучше, услышав об этом от психотерапевта; если есть более серьезные проблемы, специалист легче сможет их распознать и окажет помощь.

Дилан не хотел обращаться за помощью. По его дневникам видно, что он сам пытался справиться со своими проблемами. Принимая во внимание эту черту его характера (и его внутреннее упрямство), я не уверена, что могла бы заставить его пойти к психотерапевту. Даже если бы я притащила его в кабинет, он был вполне способен целый час сидеть там и угрюмо молчать. Я спросила доктора Лэнгмана, который специализируется на работе с подростками, что он может посоветовать родителям, если ребенок не хочет сотрудничать. Он сказал, что тогда просит прийти самих родителей. Часто разговора с ними достаточно, чтобы определить, требуется ли дальнейшее вмешательство, например, не надо ли связаться со школьным психологом ребенка или даже правоохранительными органами.

Дилан пообещал, что изменит свою жизнь, и сделал это. По словам доктора О'Тул, такое выздоровление само по себе может быть симптомом, который особенно часто встречается у молодых женщин, имеющих отношения с мужчинами, которые их мучают. Как только родители собираются вмешаться — «Я не хочу, чтобы ты дальше встречалась с Джонни» — девушка начинает активно изменять их впечатления о ней.

Конечно, нет никаких гарантий, что даже с профессиональной помощью у ребенка все будет хорошо. Родители Эрика после ареста отправили его к психиатру, и он начал принимать лекарства, но ничего не остановило его от того,

чтобы 20 апреля 1999 года привести свой план в действие.

Сегодня, когда я пролистываю свои старые дневники и натыкаюсь на запись вроде «Дилан вспылил, когда я напомнила ему покормить кошек», какая-то часть моего мозга вопит: «Как ты могла это пропустить?! Разве ты не знала, что в подростковом возрасте депрессия часто выглядит как раздражительность?» Я не знала, и в этом я не одинока. Сейчас где-то в Америке какая-нибудь мама из пригорода с раздражением показывает на двух голодных котов, с надеждой трущихся о ноги подростка, который забыл их покормить. Есть очень много шансов, что этот мальчик вырастет без всяких происшествий и сам будет указывать своему сыну-подростку на пару пустых кошачьих мисок.

Но для некоторого количества семей счастливого конца не будет. Какое-нибудь несчастливое сочетание детской ранимости и обстоятельств, которые ее запустили, приведет к куда более мрачной истории.

Глава 14. Путь к насилию

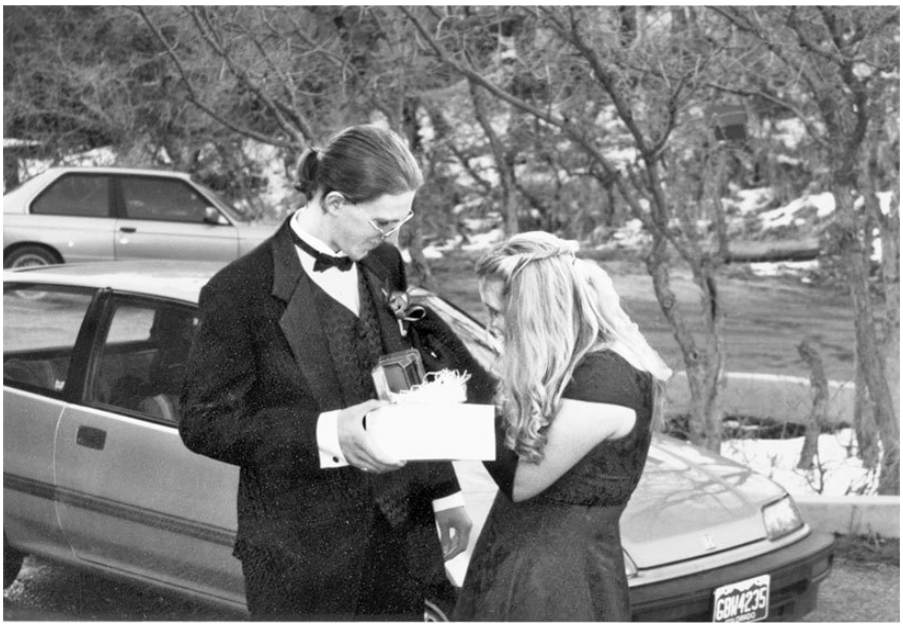
Я всегда чувствовал, что одна из самых больших трагедий Колумбайн — это то, что ни вы, ни Харрисы ничего не рассказали о том, какие уроки Колумбайн преподнесла вам. Таким образом вы не можете ответить на вопросы, которыми задаются многие родители во всем мире: какие признаки ненависти и отчаяния вы видели? Какие тревожные признаки вы пропустили? Проводила ли ваша семья много времени, сидя вместе за обеденным столом? О чем говорил ваш сын? Что бы вы сделали по-другому в воспитании Дилана?

Самый мучительный вопрос касается того, что ваш сын от вас скрывал. Я слышал, что многие люди говорят о том, что подростки могут очень хорошо прятать различные предметы (то есть бомбы и оружие) и охранять свои секреты от родителей. Мне приходится с ними согласиться. Но дело тут не в том, чтобы спрятать какие-то вещи. Ваш сын так злился, мучился, ненавидел всех вокруг. Он был в таком бедственном положении, что хотел убить сотни своих одноклассников. Сотни! Как вообще вы могли не заметить ТАКУЮ ненависть и такие проблемы у своего сына? Каким образом вы настолько потеряли связь, что вы не видели его состояния? Как это могло случиться?!

Я думаю, вы бы сделали очень большое дело, если бы публично рассказали об этих уроках. Конечно, для вас это сделать очень трудно. И

больно. Могут люди сказать, что вы ужасные родители, не обращавшие внимания на своего ребенка? Разумеется. Но ведь многие и так уже говорили об этом. Для меня куда более важно, что та боль, которую вы испытаете, открыв свою душу и рассказав обо всем, не может быть хуже той боли, которую вы уже испытали, потеряв сына таким трагическим образом, не говоря уж о чувстве вины, связанном с тем, что вы не можете ничего сделать, кроме как покаяться.

Сентябрь 2007 года. Отрывок из письма Тома Маузера, отца Даниэля Маузера, убитого 20 апреля 1999 года в школе Колумбайн Хай



Дилан в выпускном классе Робин прикалывает бутоньерку к пиджаку Дилана перед их выпускным балом, за три дня до стрельбы. Фото из архива семьи Клиболд.

Я знаю, что людям очень хочется увидеть последние дни жизни Дилана, поэтому я открываю свои дневники и дневники Дилана, чтобы описание событий шло параллельно.

Специалисты по оценке угрозы говорят о «пути к насилию». Доктор Рейд Мелой объясняет: «Целенаправленное насилие часто начинается с личной потери или унижения. Это событие становится точкой невозврата, когда человек решает, что единственный способ исправить причиненный ему вред — это совершить акт насилия. Первый шаг — это поиски и планирование этого акта. Следующий — подготовка: сбор оружия, выбор мишени. Последний — осуществление нападения».

Эрик вступил на путь к насилию, возможно, уже в апреле 1997 года, когда мальчики впервые начали делать маленькие бомбы. Он считал, что Дилан тоже идет по этому пути, но дневники Дилана говорят о другом. Сын был почти уверен, что умрет задолго до того, как Эрику представится шанс осуществить свой план. Дорога Дилана вела его к самоубийству до января 1999 года, когда неожиданно повернула в другую сторону.

Не то чтобы мы с Томом не знали, что в выпускном классе с Диланом было что-то не так. Мы просто очень сильно и — как оказалось — смертельно недооценивали глубину и силу его боли и то, на что он был способен, чтобы прекратить ее.

> Заставила Дилана несколько минут побыть с нами, когда мы все сидели на кухне и ужинали. Очень трудно достучаться до него — он просто отталкивает нас. Мы должны продолжать пытаться поддерживать хоть какие-то отношения. [20/08/98]

> Дилан заскочил домой из школы по пути на работу, и я приготовила ему перекусить. Он чувствовал себя отвратительно, сказал, что, наверное, подцепил простуду или еще что-то похуже. Прежде чем пойти на работу он выбрал фотографию для школьного ежегодника. Том пришел домой поздно, и у нас был прекрасный маленький семейный ужин. Дилан вернулся с работы и посидел с нами перед тем, как уйти. [28/08/98]

Летом между одиннадцатым и двенадцатым классами Дилан вел себя как обычный подросток: иногда веселый, забавный и приятный в общении, а иногда — отрешенный от мира, раздражительный и замкнутый на себе. Тем не менее, у меня все время было ощущение, что он что-то скрывает.

Дома Дилан все еще был на коротком поводке. Мы обыскивали его комнату, чтобы удостовериться, что он не прячет наркотики или что-нибудь краденое. У него никогда не было проблем с деньгами, но тем летом ему их очень не хватало. Том заставлял его искать работу, но Дилан не хотел снова идти в фаст-фуд, он хотел работать с компьютерами. Сын выплачивал возмещение убытков жертве преступления, и, пока он старался хоть немного заработать, выполняя случайную работу для нас и наших соседей, нам пришлось добавить ему денег, когда он просрочил выплату страховки за автомобиль.

На установочном собрании программы реабилитации родителей попросили не общаться с персоналом. Нам сказали: «Если вы не получаете от нас никаких вестей, значит, все идет хорошо». Несмотря на то, что, как мы узнали позднее, Дилан иногда пропускал встречи или опаздывал на них, нам ничего не говорили. Когда его первый психолог уволился, новый позвонил нам, чтобы представиться, и на этом все. Годы спустя я прочла заметки первого психолога по делу Дилана. Она назвала сына «милым молодым человеком, ведущим себя несколько по-дурацки, но обладающим искрометным чувством юмора — он заставил меня смеяться».

С тех пор я много раз говорила с друзьями Дилана, с которыми он проводил время тем летом. Я прямо спрашивала, видели ли они признаки депрессии или ярости, но им поведение Дилана казалось таким же обычным, как и нам. Некоторые самые глупые моменты того лета даже были запечатлены на пленку. На свое шестнадцатилетие Девон устроила гавайскую вечеринку, и позже она подарила мне фото Дилана в аляповатой гавайской рубашке и соломенной шляпе, которую он одолжил по случаю у ее отца. На обороте Девон написала: «Могу сказать, что он ненавидел этот наряд, но все равно его надел». Она до сих пор вспоминает, как много Дилан мог съесть.

Нат часто ночевал у нас. Они с Диланом засиживались до такого часа, когда по телевизору показывали только ролики телемагазина. Мальчики выключали звук и придумывали свои диалоги к демонстрируемым товарам, смеясь так, что у них животы болели. Потом они вдвоем совершали налет на кухню. Парни ели польские сосиски, яблочные чипсы, пончики и тоннами уничтожали картофельные чипсы с соусом сальса. Том, бывало, говорил, что нам надо купить долю в компании «Орео».

Несмотря на эту видимую нормальность десятого августа Дилан пишет в дневнике страстное прощальное письмо к девушке, в которую он тайно влюбился — одну из предсмертных записок в дневнике, переполненном ими.

За несколько дней до начала занятий в школе Дилана приняли на работу в техническую поддержку магазина, торгующего компьютерами. Он с готовностью принял дресс-код магазина — рубашку с воротничком и черные брюки, и в первый день проработал одиннадцать часов, вернувшись домой усталым, но гордым. Мы с Томом заметили, что если Дилан выберет карьеру, связанную с компьютерами, этот длинный рабочий день будет только первым из очень многих.

К осени старшеклассников школы Колумбайн Хай попросили сделать фотографии для ежегодника. Местный фотограф дал Дилану полезный совет — попросить друга посниматься с ним, чтобы сын мог полностью расслабиться. Выбор пал на Зака, и мне очень понравились снимки, где фотограф запечатлел веселого и счастливого Дилана среди розовых скал в долине неподалеку от нашего дома. Одна из этих фотографий позже появилась на обложке журнала «Тайм» с подписью «Чудовища по соседству».

С началом учебы Дилана в выпускном классе жизнь всей семьи вошла в норму.

Мы с Томом с осторожным оптимизмом и гордостью смотрели на Байрона, который, наконец, нашел любимую работу, связанную с продажей машин. Его наниматели были внимательными и сдержанными наставниками, которые хотели обучить его всем премудростям в своем бизнесе так же сильно, как сын и сам хотел научиться. Байрон переехал ближе к нам, чтобы было проще добираться на работу, и теперь мы видели его чаще. Мы с Томом с все большим удовлетворением смотрели, как наш старший сын словно повзрослел за одну ночь. Байрон даже взял котенка, и я была тронута, увидев, каким любящим нервным молодым папашей стал мой сын.

Та работа стала для Байрона поворотной точкой, местом, где он возмужал и стал трудолюбивым, ответственным, преуспевающим взрослым человеком, каким и является сейчас.

Мы с Томом приобрели еще одно здание для сдачи в аренду в центре города и сдали студию, находящуюся над нашим домом. С дополнительным доходом мы больше могли не беспокоиться о деньгах, хотя все еще не знали, сможем ли позволить себе оплачивать Дилану колледж. Что было куда важнее, так это то, что Том наконец подобрал комбинацию препаратов, которые принесли ему облегчение от хронических болей. Ему еще предстояло пройти через несколько операций, но теперь он мог делать гораздо больше, чем раньше.

Я тоже привыкла к своей новой работе и наслаждалась свободой иметь три выходных в неделю вместо двух. У меня

появилось больше времени, чтобы готовить, и я без зазрения совести использовала вкусные блюда как предлог, чтобы собрать семью вместе. Я делала тушеную говядину, лазанью, слоеные мексиканские запеканки с овощами, которые любили оба мальчика, любимый Диланом тыквенный пирог со специями и пудинг из тапиоки. Все блюда я готовила в тройном количестве: одна порция — съесть сразу, вторая — заморозить, чтобы мне было что подать на стол в спешке, и третья — дать Байрону с собой. По воскресеньям мы почти каждую неделю обедали всей семьей. Байрон и Дилан устраивали на кухне сражения на кухонных полотенцах. Хотя они уже выглядели совсем взрослыми, в душе по-прежнему оставались мальчишками.

Также у меня появилось время заняться рисованием. Мне всегда нравился вызов, который бросает нам каждая попытка перенести трехмерный мир в два измерения. За прошедшие годы я иногда брала уроки и время от времени посещала вместе с подругой занятия по графике в субботу по утрам. Но за воспитанием детей, домашними делами и работой иногда проходили месяцы, пока мне удавалось выкроить свободный день.

Естественно, ни раньше, ни позже у меня не было такого творческого запала, как в тот год. Я могла рисовать часами, не думая ни о чем, кроме как о том, как лучше передать цвета и формы, которые я видела в природе, на лежащий передо мной лист бумаги.

В те дни мои дневники были наполнены темами, которые меня просто переполняли: мелово-белый, размытый цвет, игра теней, композиция, детали и форма. После Колумбайн, подозревая, что мое увлечение заставило меня закрыть глаза на боль Дилана и его планы, я долгие годы не принималась рисовать снова.

5/11 Завтра Тому предстоит амбулаторная операция.

6/11 Мы пробыли в больнице до пяти, потом начали медленное движение к дому через дорожные пробки. Мы остановились, чтобы взять на вынос еду в китайском ресторанчике и купить лекарства. Мы обрадовались, увидев, что Дилан дома и может поужинать с нами. Его машина сломалась, поэтому ему пришлось ждать, пока друг не забрал его около девяти, чтобы поехать в кино. Я так хочу быть к Дилану ближе, но его почти все время нет дома. Сейчас такое важное время. Ему действительно нужно планировать свое будущее, но он совсем не

двигается в этом направлении. По крайней мере, сегодня вечером он был любезен и поел с нами.

9/11 Сегодня Дилан мил и любезен.

Он сам сказал, что хочет поехать в колледж в Аризону, чтобы избавиться от плохой погоды.

Казалось, проблемы прошлого года остались для Дилана позади. Его настроение могло часто меняться, он бывал раздражительным, но с каким подростком этого не происходит? Иногда мы замечали, что он устал, но его работа в магазине компьютеров отнимала много времени, а в школе у него были алгебра, продвинутый курс по производству видеозаписей, английский и психология, не говоря уж о занятии по боулингу рано утром.

Без всякого напоминания с нашей стороны Дилан посещал встречи со своим психологом в программе реабилитации, участвовал в общественных работах в местном парке и проходил текущие тесты на наркотики. Хотя у сына никогда не было проблем с наркотиками, узнав об их отрицательных результатах, мы вздохнули с облегчением: по крайней мере, одной проблемой было меньше. Дилан стал возвращать себе привилегии, которые потерял после ареста, и когда стало трудно совмещать работу в компьютерном магазине со школой и расписанием программы реабилитации, вернулся в «Блэкджек пиццу».

11 сентября 1998 года Дилану исполнилось семнадцать лет. Наш подарок отдавал должное его выдающемуся аппетиту — маленький черный холодильник, который на следующий год он мог взять с собой в колледж. Холодильник сыну очень понравился, и он настоял на том, чтобы поставить его прямо в своей комнате, протянув провод сзади. Когда Нат узнал об этом, он пришел с еще одним подарком: огромной корзиной жареных цыплят, предназначенной только для Дилана.

В том же месяце сын вызвался ставить звук для школьной постановки «Франкенштейна» на Хэллоуин, и это возобновило их отношения с Бруксом Брауном. Они перестали общаться после конфликта Эрика с Бруксом в прошлом году, но снова начали понемногу дружить, работая над пьесой.

Дилан гордился «Франкенштейном». Он использовал набор самых разных аудиоисточников, чтобы создать леденящий кровь саундтрек. Актеры и остальные ребята, работавшие над пьесой, записали шутливое видеообращение к учительнице драматического искусства. В нем Брукс, Зак и Дилан валяли

дурака: говорили, что надеются, что она купит им пива или заплатит за то, что они передадут все секреты своей выпускной постановки следующему поколению школьников. Джуди Браун организовывала вечеринку по поводу окончания работы над пьесой и сфотографировала Дила, смеющегося над этим видео вместе со всеми.

Дилан обещал, что закончит свои заявления о приеме в колледж к Рождеству. Нам приходилось несколько раз заставлять его, но сын тщательно выполнял свои обычные обязанности, и мы с Томом помогли ему правильно заполнить бумаги. Мы советовали ему подумать о колледжах поменьше, но сына это не заинтересовало. Дилан подал заявления в два колледжа в Колорадо и в два в Аризоне, и мы поздравили его, когда он отнес все четыре пакета с заявлениями на почту.

Рождество было скромным и уютным. Как всегда, Дилан занимался поисками и украшением елки — ему всегда хотелось взять самую большую, какую только мы могли погрузить на крышу нашей машины. Каждый год я по традиции вытаскивала Тома и мальчиков на какое-нибудь рождественское мероприятие: на концерт мадригалов или праздник в зоопарке. В это последнее Рождество мы ходили в марокканский ресторан, где сидели на подушках прямо на полу и ели без столовых приборов, черпая сдобренную специями пищу кусками хлеба.

Дилан попросил Тома одолжить ему немного денег, чтобы купить рождественские подарки, и я была очень тронута, обнаружив утром под елкой дневник в твердой обложке. Это был отличный подарок — выбранный с вниманием, но без лишней экстравагантности. Я и представить себе не могла, что через четыре месяца буду проливать слезы над страницами этого дневника.

Мы с Томом купили Дилану длинное черное кожаное пальто, о котором он просил. Том считал, что на тощей угловатой фигуре Дилана оно будет выглядеть смешным, и в душе я была с ним согласна. Но несколько мальчиков в школе носили похожие черные пальто, и сын уже купил себе черный хлопковый плащ. Он считал очень забавным, когда учитель или кто-нибудь из администрации школы видит их с Эриком в коридоре и шутя говорит: «Вы выглядите так, как будто состоите в „Тренчкот мафии“». Но до гибели сына я и не знала, что в школе есть большая группа подростков, имеющих дурную репутацию. Все они носили длинные черные пальто и называли себя «Тренчкот мафией».

Сразу после событий в Колумбайн очень много говорилось и писалось о принадлежности Дилана к этой группировке. Все

надеялись, что это и есть один из ключей, который укажет, что именно мы упустили и поможет раскрыть тайну. Не была ли «Тренчкот мафия» бандой помешанных на смерти готов? Или неонацистов? Сатанистов? Подростков, исповедующих культ самоубийства? Как и множество других таких нитей, линия с «Тренчкот мафией» заглохла сама собой, не открыв ничего нового. Правда, некий миф о ней к тому времени уже появился. На самом деле это была группа подростков, некоторые из которых дружили между собой, другие — нет, объединяло их то, что они носили пальто и плащи определенного покроя, чтобы отличаться от остальных детей в Колумбайн, которые одевались в более консервативных магазинах, такие как «Поло» или «Аберкромби & Фитч». Дилан и Эрик никогда не считали себя принадлежащими к этой группе, хотя и дружили с одним мальчиком по имени Крис, который был ее членом.

Независимо от того, что мы думали о том, как выглядит это пальто, подарок казался вполне безобидным, и Дилан очень обрадовался, когда рождественским утром развернул сверток.

> 11/01/99 Этот длинный трудный день кончился. У Тома была сегодня операция. Нам пришлось встать в четыре утра, чтобы приехать в больницу к шести. После тринадцати часов ожидания мне просто необходимо было вернуться домой. И хорошо, что я это сделала, потому что Дилан еще не дорос до того, чтобы оставаться ответственным человеком в мое отсутствие. Он проспал и пропустил урок и снова спал, когда я вернулась домой. Ничего не сделал из того, что было нужно (и даже не вспомнил о кошках). Кого я вырастила?
>
> 12/01 Том вернулся домой из больницы… Дилан от всех отгородился. Мы его почти не видим, и попытки привлечь его к нашим делам полностью проваливаются. Он даже не поздоровался с Томом и не спросил, как отец себя чувствует. Это было странно.

В январе, примерно за три месяца до трагедии, у Тома была операция по замене части левого локтевого сустава. Вечером я приехала домой из больницы и обнаружила, что Дилан не сделал ничего из того, о чем я просила. Я уже не помню, какие именно были дела — может быть, почистить брокколи к ужину или купить молока. В записанном на автоответчике сообщении говорилось, что он пропустил урок. Кошки не были накормлены, а Дилан спал в своей комнате. Я была разочарована и злилась,

что он пинал балду, пока я сидела с его отцом в больнице, и все это ему высказала.

Не могу сосчитать, сколько раз я рассказывала эту историю другим родителям, дети которых покончили с собой. «Я не могла понять, почему она ничего не делает, — сказала мне мать, с которой мы недавно познакомились, и по лицу ее лились слезы. — Я говорила ей, чтобы она перестала быть такой эгоисткой!» Через четыре дня после этой ссоры ее дочь умерла. Иногда, когда ребенок пропускает школу и не хочет вам помогать по дому, это не означает, что его нужно ругать и критиковать, но говорит о том, что ему нужна помощь.

Дилан часто выглядел уставшим, и я вслух беспокоилась о его школьном расписании и работе в «Блэкджек пицце». Мы с Томом оба были очень озабочены тем, каким апатичным и оторванным был сын в ту неделю, когда мужу делали операцию, поэтому мы отправились с ним в китайский ресторанчик, как только Том смог это сделать через несколько дней после операции. Обед прошел прекрасно, и мы успокоились.

Оглядываясь назад, я могу видеть, как часто Дилан мастерски развеивал все наши сомнения, едва только они у нас появлялись. Я не знаю, манипулировал ли он собой или нами — то ли он надеялся на то, что все, что идет плохо, наладится, то ли на то, что мы не заметим, насколько все плохо. Он всегда был ребенком, на которого мы могли положиться, ребенком, который хотел сам заботиться о себе. Поэтому, когда он говорил, что все в порядке, мы ему верили.

Его дневники показывают громадный перелом в его мыслях. В записи от двадцатого января мы читаем: «Я здесь, ВСЕ ЕЩЕ один, все еще мучаюсь». Он не смог покончить с собой и злится из-за этого. Синтаксически нарушенные конструкции, отмеченные доктором Лэнгманом, становятся все более быстрыми и яростными до той степени, когда вся запись делается практически непонятной: «Я люблю ее, путешествие, бесконечное путешествие, начатое и идет к концу. Нам нужно чтобы быть счастливыми существовать временно. Я вижу ее во всем великолепии, глюк. Люблю ее, бесконечную чистоту».

Возможно, он был пьян, но такое ощущение, что фантазии стали для него реальными: «Сценарии, образы, кусочки счастья все еще приходят. Они всегда будут. Я люблю ее. Она любит меня. Я знаю она устала от страданий, как и я. Время. Время пришло». Три дня спустя, двадцать третьего января, они с Эриком и Робин побывали на выставке оружия Tanner Gun Show, где купили ружья, которые использовали во время нападения, и встретились с Марком Мейнесом, молодым человеком, который продал им

полуавтоматический пистолет TEC-9.

По иронии судьбы я никогда не была так счастлива, как той зимой 1999 года. В выходные после операции Тома Байрон приехал в полдень, и трое мужчин возились со своими машинами, так что детали были разбросаны по всему гаражу. Том не мог много работать руками, зато давал советы и приглядывал за работой, они все втроем шутили и помогали друг другу.

Я сидела в теплом доме, работая над рисунком, пока кастрюля с домашним мясом в остром соусе томилась в духовке. Когда ребята вернулись в дом, я посмотрела с ними футбольную игру Денвер Бронкос только для того, чтобы насладиться ощущением того, что вся наша семья собралась вместе. Время летело — осенью Дилан уедет в колледж, — и я не хотела пропустить ни единой секунды. После того как Байрон отправился домой, Дилан с отцом поехали взять в прокате фильм на самой любимой, тщательно отлаженной классической машине Тома. На обратном пути Том впервые позволил Дилану вести ее, и Дилан вернулся, просто лопаясь от гордости.

Это был просто идеальный день, и эту мысль я записала в дневнике перед тем, как лечь спать. «Я чувствую себя такой счастливой и благодарной, — писала я. — Этот день был просто золотым».

Конечно, я много раз задавалась вопросом о том, как легко Дилан нас обманывал. Как это часто бывает у людей, живущих с мыслями о самоубийстве, Дилану стало легче функционировать после того, как он придумал план, и, таким образом, он заставил нас поверить, что его жизнь изменилась. Поэтому бывает трудно отличить тех, кто действительно вырвался из круга депрессии от тех, кто чувствует облегчение от мысли, что скоро умрет. (Доктор Дуайн Фусельер, который большую часть жизни проработал в ФБР, занимаясь тактикой переговоров об освобождении заложников, по той же причине советует своим ученикам быть внимательными, когда все кризисные пункты в переговорах вдруг разрешаются — неожиданное сотрудничество может означать, что террорист принял решение умереть.) Но я до сих пор не могу сопоставить мальчика, который вместе со мной смеялся до упаду над Алеком Гиннесом в «Добрых сердцах и коронах»[17] с парнем из «Подвальных лент», парнем, который уже начал строить планы убийства ни в чем не виновных одноклассников.

Обман был повсюду. Через два дня после обеда с мясом под острым соусом нам с Томом позвонил психолог Дилана из программы реабилитации. Несмотря на то, что у нас были возражения, он рекомендовал досрочное окончание программы и для Эрика, и для Дилана. Это была потрясающая новость. Только

пять процентов участников выпускаются из программы досрочно. Психолог сказал нам, что оба мальчика отлично поработали, и он убежден, что они твердо стоят на ногах. Это было за десять недель до побоища.

Люди часто считают эту деталь особенно поразительной, но меня она не удивляет. Если даже я не знала, что происходило в голове у Дилана — ребенка, которого я родила и вырастила, который сидел на моих коленях и помогал мне разгружать посудомоечную машину, — то что вообще мог знать незнакомый человек? В своей книге «Анатомия насилия» доктор Адриан Рейн рассказывает об эксперименте, в котором детей оставляли в комнате одних и говорили не брать игрушку, когда экспериментатор выйдет из комнаты. За этим следила видеокамера, на нее же записывали и ответы — правдивые или лживые, — когда экспериментатор возвращался и спрашивал, брали ли дети игрушку.

Когда эти «ты брал игрушку?» интервью показали студентам, они верно определили, кто из детей лжет, только в пятидесяти одном проценте случаев, то есть чуть лучше, чем если просто отвечать наугад. Затем исследователи продемонстрировали записи таможенным служащим, которым, как отмечает доктор Рейн, часто приходилось выводить на чистую воду людей, провозящих контрабанду. Эти опытные профессионалы смогли угадать обманывающих детей только в сорока девяти процентах случаев, то есть их результат был хуже, чем если бы они просто подбрасывали монетку.

Тогда исследователи показали записи офицерам полиции. Они угадали правильно в сорока одном проценте случаев — то есть показали результат ощутимо хуже, чем вероятный. Возможно, вы могли подумать, что с самыми маленькими детьми будет легче, но даже четырехлетка может обвести профессионала вокруг пальца. С неким ликованием доктор Рейн так подвел итоги своего исследования: «Родители, вы *думаете*, что знаете, о чем думают ваши подросшие дети, но на самом деле у вас нет ключа даже к вашему двухлетке. Так и случаются трагические истории. Извини, друг, но ты, так же как и я, бессилен в попытках угадать, кто здесь патологический лжец».

Для меня это слабое утешение. Меня не удивляет, что Эрик и Дилан смогли обмануть своих учителей, школьного психолога, психиатра Эрика и специалистов программы реабилитации. Но до апреля 1999 года я была уверена, что Дилану не удастся обвести вокруг пальца меня.

Через неделю после звонка психолога из программы

реабилитации начали приходить ответы на заявления о приеме в колледж. Дилана взяли в один колледж в Колорадо, другой поместил его в лист ожидания, а также приняли в оба колледжа в Аризоне. Дилан не горел особым энтузиазмом по поводу колледжа в Колорадо, но был доволен тем, что в Аризоне у него есть запасной вариант.

«Его жизнь становится на место», — думала я, организуя ужин с семьей Харрисов, чтобы отпраздновать окончание программы реабилитации. Хотя весь год мы прилагали усилия, чтобы разделить мальчиков, теперь наши сомнения об их отношениях пошли на убыль. Конечно, Эрик продемонстрировал нам свою импульсивность и эмоциональность, но он был под строгим надзором своих родителей и начал посещать психиатра. Мальчики вскоре должны были закончить старшую школу, их ошибки остались позади, и я радовалась, что наши семьи могут отметить их успехи. Жизнь дает нам так мало возможностей что-либо отметить, а нам было за что ее поблагодарить.

Несколько недель назад я спросила Дилана о планах его друзей. Он сказал, что Нат, Зак и еще несколько ребят собираются в колледж, а Эрик надеялся вступить в Корпус морской пехоты. Но перед нашим ужином с Харрисами я спросила Дилана, как продвигаются планы Эрика. Сын сказал, что в морские пехотинцы его друга не взяли. Вместо этого Эрик будет жить дома, работать и посещать общественный колледж.

Во время нашего разговора у Дилана был такой отсутствующий взгляд, что я начала беспокоиться, не передумал ли он насчет своего собственного колледжа. После первого возбуждения по поводу теплого климата сын снова стал отрешенным, более тихим и апатичным, чем обычно, как будто у него что-то было на уме.

— Ты уверен, что хочешь уехать? — спросила я.

Дети некоторых моих подруг начинали учиться в общественном колледже поближе к дому, и я хотела напомнить сыну, что у него всегда остается этот вариант.

— Я точно хочу уехать, — сказал он, и голос его звучал решительно.

Я кивнула, решив, что все поняла: он, естественно, нервничал, но был готов к переменам в жизни. Теперь я думаю, что он говорил о своей собственной смерти.

Через пару дней мы получили письменное подтверждение о досрочном окончании программы реабилитации. В своем окончательном докладе от 3 февраля 1999 года психолог Дилана писал:

ПРОГНОЗ: Хороший

Дилан — умный молодой человек с огромным потенциалом. Если он сможет реализовать свой потенциал и станет более целеустремленным, он далеко пойдет в жизни.

РЕКОМЕНДАЦИИ: Успешное окончание

Дилан заслужил право на досрочное окончание программы реабилитации. Ему нужно стараться правильно ставить себе цели, и тогда он сможет оставаться на верном пути. Он достаточно умен, чтобы осуществить любую свою мечту, но ему нужно понимать, что напряженный труд является частью его дороги к ней.

Я, наконец, позволила себе выдохнуть. Дилан снова твердо стоял на ногах. Может быть, я слишком остро прореагировала на кражу. Ведь все мне говорили, что мальчишки часто делают глупости.

Дневники Дилана рассказывают совсем о другом. К тому моменту его состояние решительно ухудшилось. Если бы мне выпал шанс повернуть время вспять, я бы обыскивала все углы и закоулки в комнатах моих детей не в поисках наркотиков и вещей, которые мы не покупали, а разыскивая хоть какой-нибудь ключ к их внутренней жизни. Я бы отдала все на свете за то, чтобы прочитать дневники Дилана, когда он еще был жив, когда еще оставался шанс вытянуть его из трясины, которая засосала и его самого, и множество невинных людей.

Позже в феврале у нас с Диланом был разговор о том, что его последний год в школе подходит к концу, и он упомянул о выпускном розыгрыше. Решив, что в нем должен участвовать весь класс, я спросила сына о деталях. Он улыбнулся и сказал, что ничего не хочет мне рассказывать.

Они с Томом любили грубые шутки, но мысль о выпускном розыгрыше заставила меня нервничать. Психолог из программы реабилитации сказал совершенно недвусмысленно: даже самое маленькое и незначительное нарушение, вроде того, чтобы обмотать на Хэллоуин чей-нибудь дом туалетной бумагой, может разрушить будущее Дилана. Если он сделает еще одну ошибку, то получит запись об уголовном преступлении в свое дело.

— Даже не думай об этом, — предупредила я.

— Не волнуйся, мама, — сказал он. — Обещаю, что больше не попаду в беду.

Программа реабилитации была официально закончена, но Дилан должен был в последний раз встретиться со своим психологом. Я позвонила ему и попросила удостовериться, что Дилан понимает всю серьезность своей ситуации. Я не хотела, чтобы он принимал участие ни в каких беспорядках в школе — неважно, насколько это было глупо, и даже если в этом будет

участвовать весь выпускной класс.

Психолог поговорил с сыном об этом во время их последней встречи и еще раз объяснил правила. Дилан никогда больше не говорил с нами о розыгрыше.

> Боже, я объелась. Мы только что вернулись с ужина с Эриком Харрисом и его родителями. Мы ходили отметить окончание программы реабилитации для Эрика и Дилана. Надеюсь, что весь следующий год они будут держаться подальше от проблем, чтобы их записи были удалены, что бы это ни значило. Что касается меня, я никогда не забуду, через что мы прошли год назад!
>
> *Запись в дневнике, февраль 1999 года*

Мы встретились с семьей Эрика во второй день февраля в местном стейк-хаусе. Прошел почти год с тех пор, как мы видели их в последний раз. Вшестером мы заняли две отдельные кабинки, в одной — четверо родителей, в другой — Эрик и Дилан.

Когда мама Эрика сказала, что не уверена в планах своего сына на будущее, я тут же сообщила, что Дилан осенью уезжает в колледж. В глубине души я вздохнула с облегчением, поняв, что у Дилана куда более конкретные планы, чем у Эрика. Скоро эта моя глупая гордость будет навсегда усмирена.

Однажды в середине февраля Дилан спустился вниз одетый для работы, хотя по расписанию была не его смена. Пес Эрика Спарки серьезно заболел, поэтому Дилан поменялся с другом сменами в «Блэкджек пицце». Мне очень нравилась маленькая собачка, и я огорчилась из-за Эрика. Очень трудно терять своих питомцев, особенно животных, вместе с которыми ты вырос. Когда Дилан выходил из дома, я обняла его и сказала, как горжусь, что он такой ответственный работник и хороший и верный друг.

Позже на той же неделе мы вдвоем посмотрели требования для получения степени в выбранном сыном колледже, и оба были просто возбуждены, когда увидели, какие предметы он может изучать. Том преодолевал формы на получение финансовой помощи, а мы с Диланом начали планировать визит в колледж.

Однажды вечером в конце февраля я сделала Тому и Дилану сюрприз, принеся домой два фруктовых пирога и кассету с «Семью самураями», классическим японским фильмом пятидесятых, снятым Акирой Куросавой. Дилан слышал о «Семи

самураях» на занятиях в школе и заинтересовался ими. Я никогда не видела этого фильма, хотя отлично знала американский вестерн, поставленный по его мотивам, — «Великолепную семерку». За окном были холод и снег, и, казалось, будет хорошо разжечь камин, наесться до отвала и посмотреть кино, но я начала беспокоиться о своем выборе, как только фильм начался: я была не уверена, что Дилану понравится длинная черно-белая киноистория с субтитрами, рассказывающая о японской деревне шестнадцатого века.

Я была не права. Дилан просто онемел, да и мы тоже. Бедный Байрон неожиданно приехал на середине фильма, и мы все время шикали на него, когда он пытался заговорить, несмотря на то, что не понимали ни слова в диалогах на японском. Байрон сел и попытался посмотреть фильм с нами, но его реакция оказалась такой, какую я ожидала от Дилана. Через несколько минут старший сын поцеловал меня в макушку и удалился. Поглощенные фильмом, мы едва ли оторвались от экрана, чтобы с ним попрощаться.

После того, как прошли финальные титры, мы с Томом и Диланом долго сидели на диване, обсуждая самые запомнившиеся сцены. Дилан, который делал видеозаписи и саундтреки в пьесах, смог оценить технические находки фильма. В особенности он был потрясен сложной хореографической сценой боя, снятой в проливной дождь, которая, как я узнала позже, стала образцом для таких режиссеров, как Мартин Скорсезе. Я испытывала трепет от того, что Дилан оценил тонкое мастерство этого фильма.

На первой неделе марта Дилан сказал, что они с друзьями собираются в горы, чтобы выполнить задание для курса по производству видеозаписей. На этой неделе у Тома была назначена еще одна операция, теперь по замене правого локтевого сустава. Я спросила у Дилана, кто собирается в поездку и кто будет вести машину; я никогда не видела двух ребят, о которых он упомянул. Март в Колорадо — зимний месяц, и я напомнила сыну о том, что надо взять теплую одежду, запас продуктов и воды на случай, если погода испортится. Целуя Дилана на прощание, я заставила его пообещать, что он не будет нарушать границы чужой собственности. Он заверил меня, что это общественные земли, и один из мальчиков хорошо знает местность. Сын сказал, что они будут снимать боевик на натуре, используя игрушечное оружие. На самом деле они снимали видео под названием «Тренировочные стрельбы». Я не видела этой записи и не знала о ней до того времени, когда мы давали показания под присягой через четыре года после трагедии. В ней

Дилан, Эрик и Марк Мейнес, молодой человек, который продал им пистолет, стреляют из припасенного оружия.

Одиннадцатого марта я взяла выходной, чтобы мы могли все втроем съездить в колледж в Колорадо, куда приняли Дилана. Сын не горел особым энтузиазмом по поводу этого визита — ведь он ясно заявил о своем намерении перебраться в пустынный климат! — но я была довольна, заметив, что он включился в процесс, когда мы пошли на экскурсию в компьютерную лабораторию. Его учебные результаты в старшей школе всегда были для нас немного странными: для того, кто был столь многообещающим учеником в детстве, Дилан далеко не блистал. Увидев его в кампусе, я почувствовала уверенность в том, что в колледже он расцветет.

Тем же вечером мы с Томом были на родительском собрании у Дилана в школе, где получили промежуточные оценки за прошлую неделю. По ним было видно, что Дилан резко скатился по алгебре и английскому. Я была почти уверена, что это «синдром выпускника», когда старшеклассник начинает валять дурака, потому что его приняли в колледж. Но все-таки мне хотелось переговорить с учителями.

Учитель алгебры сказал, что иногда Дилан засыпает прямо в классе и не выполняет некоторые задания. Он учил Дилана и раньше и был разочарован тем, что у сына не стало никакой мотивации к работе. Я была обеспокоена, услышав, что Дилан скорее заторможен, чем возбужден.

— Он вел себя с вами неуважительно? — спросила я.

Учитель с удивлением ответил:

— О, нет, только не Дилан! Дилан никогда не бывает невоспитанным.

Я вслух задала вопрос, не объясняется ли его инфантильное поведение тем, что он на год младше одноклассников? Или он перестал обращать внимание на предмет, потому что планирует снова взять его в колледже? Тут мне показалось, что я ищу для Дилана оправдания, и я замолчала.

Учителя математики очень впечатлили и даже слегка удивили мои слова о том, что Дилана приняли в университет Аризоны. Когда мы упомянули о другом университете в Аризоне, он рассмеялся и сказал: «О да, именно туда идут все спортсмены, когда вылетают из Калифорнийского университета». Позже мы рассказали Дилану об этом, и сын решил не ездить в этот колледж. В конце нашей встречи учитель сказал, что Дилан не провалит курс алгебры, если будет посещать все занятия и выполнит недостающие задания.

Затем мы отправились к учительнице английского. Она учила

обоих моих сыновей, и мне было спокойнее от того, что мы были хорошо знакомы. Я с облегчением вздохнула, услышав, что уже после того, как были сданы промежуточные отчеты, Дилан сдал несколько недостающих заданий, и его оценка поднялась с D до B[18]. Учительница также высоко оценила писательские способности Дилана. Мы с Томом были приятно удивлены. Мы всегда считали Дилана склонным к математике, а Байрона — к языку.

После этой похвалы тон разговора изменился, и учительница сказала, что Дилан сдал очень тревожную работу. (Том вспоминал, что она использовала слово «шокирующую», поэтому он сразу подумал, что в работе затрагивались сексуальные темы.) Мы попросили рассказать подробнее, но учительница сказала только, что работа затрагивает очень мрачные темы и в ней используются ругательства. Чтобы продемонстрировать неприемлемость сочинения Дилана, она рассказала о работе Эрика, написанной от первого лица с точки зрения пули, вылетающей из ствола ружья. Она сказала, что рассказ Эрика мог быть жестоким, но когда она прочитала его в классе, все смеялись. История Дилана же была мрачной, в ней вообще не было юмора.

Комментарии учительницы о работе, которые я увидела только год спустя, гласили: «Я оскорблена тем, что ты используешь нецензурную лексику. В классе мы уже обсуждали допустимость использования ***. Также я хотела бы поговорить с тобой о твоем рассказе, прежде чем выставлю оценку. Ты прекрасный писатель и рассказчик, но с этой историей есть проблемы».

Во время нашего разговора Том спросил: «Стоит ли нам о чем-то беспокоиться?» Учительница Дилана сказала, что, по ее мнению, все под контролем. Она попросила Дилана переписать работу и планировала показать ее школьному психологу. Поскольку я никогда не любила уходить со встречи без плана действий, я спросила: «Итак, один из вас позвонит нам, если вы решите, что есть проблемы?» Учительница подтвердила, что позвонят.

Она действительно показала работу Дилана психологу, который попенял сыну за его язык. Мне выпала возможность встретиться с этим психологом после трагедии. Понятным образом, он был сражен наповал тем, что не распознал зарождающуюся угрозу. Профессионалы, с которыми я говорила, разделились во мнении, была бы сегодня работа Дилана (а, возможно, и работа Эрика) квалифицирована как нуждающаяся в проверке в рамках общественной школьной системы по протоколу

предотвращения угрозы. Вполне возможно, что оба мальчика прошли бы незамеченными: подростки часто пишут неприятные вещи об оружии и жестокости. Тем не менее, настоящая работа по предотвращению угрозы состоит в том, чтобы собрать все имеющиеся кусочки головоломки в цельную картину, и, скорее всего, арест Дилана, его проступки в одиннадцатом классе и настораживающее сочинение все вместе заставили бы забить тревогу.

Тем не менее, мы не восприняли это сочинение как сигнал тревоги, и дальнейшие события этого вечера затмили его важность. Поскольку к учительнице английского больше никто не подходил, мы продолжили разговаривать с ней. Я упомянула увиденную мной презентацию о разнице между детьми поколений X и У[19]. Мы поболтали об изучении языковых дисциплин в нашем округе и об одной из книг для обязательного чтения — «Молитве об Оуэне Мини».

Мы все трое были примерно одного возраста и глубоко задумывались о том, каково это было — быть молодым во время Вьетнамской войны. Это напомнило учительнице Дилана об истории, приключившейся у них на уроке. Она принесла в класс запись шестидесятых годов «Четыре сильных ветра». В песне говорилось о проблемах, с которыми сталкивались рабочие-сезонники, и у меня всегда слезы наворачивались на глаза, когда я ее слышала. Но ученики начали смеяться, когда учительница включила запись.

— И Дилан тоже смеялся? — озабоченно вскинулись мы с Томом.

Учительница подтвердила, что он смеялся. Я была горько разочарована: он часто смотрел со мной классические фильмы, и я ожидала большего. Мы с Томом извинились за бесчувственность нашего сына и его одноклассников, и мы все втроем поохали над современной молодежью, совсем как старички и старушки, сидящие в парке на лавочках. Прощаясь, мы тепло пожали друг другу руки.

По пути домой мы говорили о реакции Дилана на песню, а не о сочинении. Мне очень не понравилось, что сын смеялся, когда учительница решила поделиться с ними произведением искусства, которое трогает ее. Том никогда не мог расстаться со старыми книгами, научными журналами или деталями машин, и его кучи хлама порой сводили меня с ума. Тем не менее, тем вечером я только порадовалась этой его привычке, когда в своей коллекции он откопал старую пластинку. Мы сели в гостиной с чашками чая, и я вся отдалась грустной мелодии песни.

Том увидел в этом возможность преподать Дилану урок и

немного над ним посмеяться. Услышав, что машина сына въехала на подъездную аллею, муж остановил музыку. Когда Дилан вошел, мы рассказали ему о встрече с учителями. Том вспомнил, что мы говорили о сочинении, и попросил его нам показать; я же не вспоминала об этой работе до следующего утра. Пока мы разговаривали, Том нажал на клавишу воспроизведения. Конечно, Дилан сразу узнал зазвучавшую песню. Решив, что ему предъявляют претензии, сын начал смеяться:

— Зачем вы включили эту ужасную песню?

— Почему это она ужасная? — спросила я.

Он сказал, что ему не нравится ее «странное» звучание. Мы рассказали Дилану, о чем эта песня.

— Просто послушай ее непредвзято, — потребовал Том.

Без всяких протестов Дилан дослушал песню до конца. Когда она кончилась, он признал, что песня вовсе не плохая.

Мы объяснили ему, какую боль они причинили учительнице, и поговорили о том, как важно уважать чувства других людей. Он признал, что смеяться было неправильно. Потом мы все втроем устроились на диване, чтобы посмотреть один из наших любимых фильмов — «Головокружение» Альфреда Хичкока. Ложась спать, мы с Томом чувствовали, что сделали все, что могли. Мне так и не довелось узнать, притворялся ли Дилан тогда примерным сыном или был им.

На следующее утро я попросила Дилана показать мне сочинение по английскому. Он сказал, что оно в машине, и у него нет времени, чтобы искать эту бумажку.

— Хорошо, тогда я хочу его увидеть, когда ты вернешься домой из школы, — сказала я. — Когда ты будешь дома?

— У меня сегодня нет времени, мне надо на работу, — ответил он.

Я наградила его взглядом, говорившим «Хватит придумывать отговорки», и добавила окончательно и бесповоротно:

— Я хочу увидеть это сочинение. Ты можешь показать мне его вечером, когда вернешься с работы.

Он сказал, что покажет. Но к вечеру мы с Томом благополучно забыли про сочинение.

То, что я не довела дело до конца, было абсолютно для меня нехарактерно, но очень показательно: я поверила, что Дилан полностью здоров психически. Я и не думала, что сочинение может отражать в себе смертоносные проблемы. Я знала, что в нем была какая-то ругань и оно было мрачным, но была уверена, что учительница и школьный психолог правильно разрешат эту ситуацию. Если что, больше всего мне хотелось взглянуть на то, как Дилан может писать.

Впервые я увидела сочинение Дилана больше чем через год после его смерти; копия рассказа была среди некоторых вещей, которые управление шерифа вернуло нам. Главный герой — мужчина, одетый в черное, убивает в школе популярных ребят. Он и в самом деле настораживал, но я не могла не задаваться вопросом, увидела бы я, будучи сама творческой натурой, признаки опасности в этом рассказе, если бы прочитала его до смерти сына. Художественное выражение своих чувств, даже если оно неприятно, может быть здоровым способом справиться с ними. Я ненавижу жестокость, которая так привлекательна для мальчиков-подростков, — я могу смотреть «Криминальное чтиво» примерно так же, как сидеть на острие иголки, — но я никогда и представить себе не могла, что Дилан способен быть таким жестоким в реальности.

Той весной, как бы ни был Дилан занят и с какой фантастической скоростью ни несся бы вокруг него мир, я заметила, каким печальным и расстроенным он выглядит. Примерно за месяц до стрельбы я подошла к нему, когда он сидел на диване, невидящими глазами глядя куда-то в пустоту.

— Ты стал таким тихим, милый. Ты уверен, что у тебя все в порядке?

Он встал и сказал:

— Да, я просто устал и у меня полно домашней работы. Сейчас пойду к себе ее делать, чтобы лечь спать пораньше.

— Хорошо, — сказала я. — Может, приготовить тебе что-нибудь поесть?

Он очень похудел в последние месяцы. Дома сын хорошо ел, но я волновалась, как он питается, когда находится вне дома, и часто предлагала приготовить ему французский тост или омлет между приемами пищи.

Он покачал головой и ушел наверх. Я вернулась на кухню, чтобы там прибраться, полностью доверяя ребенку, которого вырастила, довольная тем, что он может сказать мне все, что у него на уме, и уверенная, что вскоре он так и сделает в подходящий для него момент.

Не то чтобы я не знала, что что-то не так, но я и понятия не имела о том, что ситуация стала смертельно опасной. Я просто беспокоилась, что Дилан несчастен.

После трагедии не было ни одного дня, когда бы я не вспоминала эту минуту и не пыталась представить, что я иду вслед за ним по лестнице. Отстраненный взгляд — от суицидолога Томаса Джойнера я слышала выражение «как будто на что-то, находящееся на расстоянии в тысячу ярдов» — это

очень тревожный признак надвигающегося самоубийства, и этот знак очень часто пропускают. Сотни раз я представляла, как требую, упрашиваю, умоляю, подкупаю Дилана: «Скажи мне, что с тобой происходит. Скажи, что ты чувствуешь. Что тебе нужно. Как я тебе могу помочь?» Я даже представляла себе, как запираюсь в его комнате и отказываюсь выходить, пока он не скажет, что у него на уме. Каждая такая фантазия заканчивалась тем, что я держу его в своих объятиях, точно зная, что сказать и как помочь.

В свой день рождения — мне исполнилось пятьдесят лет — я пригласила подругу выпить со мной после работы. Я сказала Тому не волноваться, если задержусь: я подозревала, что подруга планирует устроить вечеринку. И в самом деле, в ресторане я обнаружила дюжину старых друзей и коллег, а также Тома, который и организовал все это. То, что он старался сделать мне приятное, очень меня тронуло.

Я полностью погрузилась в разговоры с подругами, но Том на секунду оторвал меня от них и предупредил не налегать на закуски.

— Мы пойдем обедать, — прошептал он.

Дома нас ждали Дилан и Байрон, уже одетые и готовые к выходу. Байрон подарил мне цветок в горшке, а Дилан — диск с записями. Рут и Дон встретили нас в ресторане — еще один сюрприз. В тот вечер я была счастлива как никогда в жизни, совершенно не ожидая ужасного несчастья, до которого оставалось совсем недолго.

Дон фотографировал нас в ресторане. Дилан весь вечер просидел тихо, было видно, что он смущен и чувствует себя неуютно, как и всегда на людях. Но сын был вежлив и, как и всегда, наслаждался вкусной едой. На фотографиях, которые я увидела уже после его смерти, он выглядит раздраженным.

На следующий день ранним утром мы втроем поехали в Аризону. Хотя я проспала всего несколько часов, я очень хотела провести время с Томом и Диланом. На второй день Том передал руль Дилану — мы надеялись, что эта поездка даст ему навык езды по хайвеям. Первые несколько часов были настоящим испытанием. В своих очках, съехавших на самый кончик его носа, и бейсболке, повернутой козырьком назад, Дилан сидел, развалившись в кресле, и управлял машиной, касаясь руля только указательным пальцем левой руки. Я сидела на заднем сидении, сжимая ручку двери и тихо молясь про себя, пока, наконец, не попросила сына сбросить скорость. Том пытался успокоить нас обоих, хотя я заметила, что в этот раз мне не пришлось напоминать ему, чтобы он пристегнул ремень.

Постепенно Дилан начал вести машину получше и, в конце концов, просидел за рулем несколько часов. Наконец, я смогла подремать, а когда проснулась, Дилан вел машину как настоящий профи. Когда я похвалила его, он выглядел довольным, хотя, возможно, был просто рад, что я перестала храпеть. Сын слушал техно через наушники, пока Том не попросил его включить что-нибудь для нас. Том предпочитал джаз, а я — классическую музыку, поэтому мы оба были удивлены тем, насколько нам понравилось то, что слушал Дилан. Мы все были потрясены, когда горный пейзаж Колорадо сменился пустынной растительностью. Когда Том сел за руль, Дилан схватил фотоаппарат и начал делать снимки из окна машины. Он все повторял, как мечтает о том, что поедет в колледж в пустыню.

Наша экскурсия по университету прошла удачно, и к ее концу Дилан определился — он хочет пойти в университет Аризоны. Мы могли вычеркнуть другой колледж из нашего списка и отправляться домой. Мы остановились на заправке и попросили Дилана попозировать около гигантского цереуса, который был выше сына в три раза. На фотографии, которую мы проявили уже после его смерти, Дилан выглядит отстраненным и растрепанным, он стоит, неудобно вытянув руки по швам. Теперь мне мерещатся два невидимых пистолета в его ладонях. В отеле Дилан смотрел какой-то фильм в своем номере, а мы с Томом рано легли спать.

На следующее утро, когда мы собирались спуститься в ресторан, чтобы позавтракать, Дилан натянул на длинные волосы старую бейсбольную кепку, одну из своих любимых вещей. Мы сделали эту кепку вместе. Он осторожно оторвал букву B (символизирующую бостонскую бейсбольную команду «Red Sox») от другой кепки, слишком потрепанной, чтобы ее можно было носить, а я пришила букву к задней части новой кепки, чтобы сын мог носить ее козырьком назад, а логотип при этом был впереди. Вышло очень хорошо, и Дилан никогда не хотел куда-то выходить без бейсболки.

Том не остался в стороне со своими стандартами одежды в стиле пятидесятых годов. Он попросил Дилана не надевать кепку в буфете нашего отеля. Дилан возразил, что у нас сейчас каникулы, и всем абсолютно все равно, что он носит кепку. Я бросила в сторону Тома взгляд «а стоит ли ругаться из-за такой мелочи», но не хотела подрывать его авторитет, поэтому занялась сбором чемодана:

— Я спущусь в машину и подожду, пока вы с этим разберетесь.

Но я забыла ключи от машины, поэтому мне пришлось

дрожать на холодном утреннем воздухе, вспоминая, как Том заставлял мальчиков надевать рубашки и начищать туфли перед походом в церковь, хотя дети пастора носили футболки и джинсы. Я злилась из-за того, что он прицепился к этой кепке. Думаю, я все еще злюсь.

Наконец, Дилан спустился к машине один, с непокрытой головой. Я хотела сказать, что согласна с ним, и для меня было бы все в порядке, если бы он надел кепку, но не сделала этого. Я сказала только:

— Жалко, что утро так началось. Вижу, ты решил не надевать кепку.

Голос Дилана звучал устало, но он явно хотел замять ссору:

— Не стоит из-за этого ругаться, дело-то выеденного яйца не стоит.

Я была откровенно удивлена. Я ожидала, что семнадцатилетний подросток будет больше жаловаться и ворчать.

— Ого, Дил, ты произвел на меня впечатление, — сказала я, ошибочно принимая его желание уйти от конфликта за зрелость.

Я похвалила сына за то, что он контролирует свой гнев, но теперь я бы хотела, чтобы он топал ногами и кричал, показав мне, какая ярость выжигает его изнутри. Теперь я задаюсь вопросом, не перестал ли он тогда вообще волноваться о чем-либо?

По пути домой с нами произошло еще одно странное происшествие, которое мы с Томом тогда списали на желание Дилана поскорее вернуться к друзьям. Мы остановились в заполненном людьми МакДональдсе в Пуэбло, чтобы перекусить. Большая группа подростков занимала пару столиков у стены. Только мы развернули свои сэндвичи, как Дилан наклонился вперед и, едва разжимая губы, заговорил:

— Мы должны уйти. Эти ребята смеются надо мной.

Я оглянулась. Подростки смеялись, громко окликали друг друга и, по всей видимости, отлично проводили время, но никто не обращал на нас ни малейшего внимания.

— Расслабься, Дилан, никто на нас не смотрит, — сказала я.

Кроме того, если человек не хочет, чтобы его замечали, он не надевает кожаное пальто до пола. Но Дилан настаивал все сильнее и бросал быстрые параноидальные взгляды через плечо на ничего не подозревающих ребят. Ему было так неуютно, что мы завернули наши бургеры и поспешили уйти. Подростки даже не взглянули на нас, когда мы уходили. Больше никаких происшествий по пути домой не было.

После нашей поездки Дилан бросился прямо в гущу своей напряженной социальной жизни. Нат провел у нас ночь. Однажды вечером, после того, как они занимались алгеброй с Робин, Дилан

спросил, не помогу ли я ему с расходами на выпускной. Он положил меня на лопатки уже тем, что вообще собирался на выпускной. Как я узнала позже, собирались и его друзья. Да сын и сам выглядел удивленным этим фактом.

На следующий вечер, тридцатого марта, я была на собрании родителей старшеклассников перед выпуском и там наткнулась на Джуди Браун. После нашего телефонного разговора о снежке больше года назад мы виделись только мельком, чаще всего после школьных спектаклей, поэтому хотели наверстать упущенное. Мы разговаривали в основном о нашем общем интересе к рисованию — мои занятия по графике и какие-то уроки, которые она брала. Перед тем как попрощаться, я показала ей свои рисунки, которые были у меня в машине. Об Эрике не было сказано ни слова.

Самый болезненный вопрос, который задают родителям, пережившим самоубийство ребенка, — это вопрос о том, обнимали ли вы когда-нибудь своих детей? Вопрос задевает не только по вполне понятным причинам (всего лишь тысячу раз, а какая мать не обнимает своего ребенка?), но в моем случае было особенно больно из-за случая — вернее, из-за особых объятий, — который произошел в последние две недели жизни Дилана.

Однажды днем мы столкнулись в коридоре у подножия лестницы. Неожиданно для себя самой я обвила сына руками.

— Я тебя так люблю, — сказала я. — Ты такой чудесный человек, и мы с отцом так тобой гордимся.

Дилан осторожно положил левую руку мне на спину, едва касаясь меня. Он начал благодарить меня шутливым «высоким» тоном, который мы иногда использовали в кругу семьи, чтобы сделать изысканные и смешные комплименты. Но я не хотела превращать в шутку то, что сказала от всего сердца, и я коснулась его костлявых скул руками и заглянула ему в глаза.

— Не шути об этом, Дилан. Я сказала то, что думаю. Я так тебя люблю. Ты замечательный человек, и мы с отцом очень тобой гордимся.

Он, смущенный, опустил глаза и прошептал:

— Спасибо.

Многие годы я проигрываю эту сцену у себя в голове. Боясь, что от многократных повторений она исказится, я записала ее. Сейчас я могу смотреть ее, как фильм: две фигуры в коридоре, его рука слегка касается моей спины, я касаюсь его лица. Воспоминание об этих объятиях — одно из самых болезненных. А еще больнее то, что я осознаю, что в тот день и понятия не имела, о чем может думать Дилан.

Четвертого апреля я в последнюю минуту решила организовать запоздалый обед в честь Пасхи и праздника Песах, рассудив, что могу объединить их вместе и устроить двойной праздник, как это часто делали, когда я была ребенком.

Когда я упомянула об этом при Дилане, он рассмеялся особенно неприятно, как будто в глубине души смеется надо мной, и сказал, что не хочет в этом участвовать. Но когда я попросила его подумать, он сдался и согласился. Я провела отличный день за приготовлением разных вкусных блюд, а на обед к нам пришла соседка. Мы так и не провели всех положенных служб, но зато очень хорошо пообщались.

В начале апреля вся семья отметила день рождения Тома походом в ресторан, где подавали фондю. Байрон и Дилан поехали на одной машине, а мы с Томом — на другой, дав мальчикам возможность побыть вдвоем. Это был последний раз, когда Байрон оставался с Диланом наедине, и потом он со слезами вспоминал, что Дилан вел себя совершенно нормально.

За обедом Байрон говорил больше всех. Дилан был таким тихим, что я начала беспокоиться, что ему не уделяется достаточно внимания — обычная тревога, знакомая многим родителям, когда кажется, что один ребенок может почувствовать себя менее любимым или менее ценным, чем другой. Дилан несколько раз удачно пошутил, и одна его шутка была такой смешной, что я смеялась весь вечер. Позже, когда я не смогла вспомнить, о чем была эта шутка (и вспомнить не смогли ни Байрон, ни Том), я корила себя за то, что не уделяла сыну больше внимания.

После обеда мы поехали домой, чтобы съесть приготовленный мной торт и вручить подарки. Я подарила Тому садовую скамеечку, где он мог бы дать отдых своим суставам, любуясь на свои любимые цветы. Наши сыновья без всяких усилий достали эту скамейку из багажника моей машины и отнесли ее в сад. Байрон подарил отцу диск, а Дилан — коробочку маленьких сигар. Много лет Том выкуривал по одной в день рождения Дилана.

За четыре дня до трагедии я ходила с подругой на выставку Тулуз-Лотрека в Художественном музее Денвера, а Том и Дилан изучали карту университета Аризоны, чтобы найти, какое общежитие находится ближе к центру кампуса, и определить, в каком комнаты побольше. Когда они закончили, Дилан съездил за своим смокингом. Он повесил чехол с ним на дверь кладовки, чтобы ничего не помялось. Позже мы увидим этот чехол на заднем плане одной из «Подвальных лент».

Мы с Томом оба заметили, что на этой неделе Дилан был

немного перевозбужден. Я была уверена, что он нервничает из-за выпускного бала. Робин возвращалась в Денвер из неотложной поездки по делам церкви в субботу днем, и времени после ее прилета оставалось в обрез. Дилан должен был сам выбрать цветы и позаботиться об организации ужина и транспорта — эти дела были, по меньшей мере, не в сфере его компетенции.

В пятницу Дилан спросил, не может ли Эрик переночевать у него. Мы согласились. В комнате для гостей никто не прибирался с тех пор, как там ночевал пару недель назад Нат, и нашего старого больного кота Рокки там рвало, поэтому мы с Томом втащили пылесос вверх по лестнице и попросили Дилана пропылесосить комнату и ванную до прихода его друга.

Дилана раздражало, что мы придаем такое большое значение чистоте. Он сказал, что Эрику не важно, чистая комната или нет. Я прервала его протесты: «Эрику, может и не важно, а нам важно. Если ты уберешься в своей комнате, папа займется ванной, а я — комнатой для гостей». Через несколько минут Дилан выскочил из дома, сказав, что ему надо выбежать на минутку. Я закатила глаза, решив, что он специально разводит канитель, но, скорее всего, он убирал что-то, чего мы не должны были увидеть. После того, как Дилан вернулся, мы постоянно заглядывали в его комнату, что проконтролировать, как идет уборка, и не заметили ничего необычного.

Я уже легла в постель, когда около десяти часов приехал Эрик. Он привез большую спортивную сумку, такую тяжелую, что с трудом мог нести, и как раз перетаскивал ее через порог, когда Том поздоровался с ним. Дилан и его друзья вечно таскали детали компьютеров и видеооборудование из одного дома в другой, поэтому Том и не обратил особого внимания на сумку. Он сказал мальчикам, чем можно перекусить, пожелал спокойной ночи и пошел спать.

Мы не просыпались всю ночь, а когда я встала, чтобы приготовить завтрак, Эрика уже не было. После всей этой суматохи с уборкой в комнате для гостей постель выглядела так, как будто он вообще в нее не ложился.

> Мы все занимались Диланом, чтобы помочь ему собраться на выпускной. Это было так мило. Э. пришла к нам, и мы сфотографировались. Дилан и Робин уехали около шести, и впереди у него был большой праздник.
>
> *Запись в дневнике, апрель 1999 года*

В субботу семнадцатого апреля мы с Томом остались дома, чтобы помочь Дилану собраться на выпускной.

Дилан проснулся гораздо более спокойным, чем в предыдущий день. Казалось, он снова решил прибегнуть к своему способу убедить меня, что он вовсе не нервничает. Когда я спросила, не волнуется ли он, что Робин не успеет приехать из аэропорта вовремя, сын пожал плечами и сказал:

— Да ничего страшного. Успеет — так успеет, не успеет — так не успеет. Я об этом не волнуюсь.

Позже днем Дилан, с волосами еще влажными после душа, принес свой смокинг в нашу спальню, где было большое зеркало. Сын никогда не носил официальную одежду, и ему была нужна помощь Тома, чтобы правильно надеть смокинг. Неловкий, в черных носках, клетчатых боксерах и белоснежной сорочке, жестко накрахмаленной впереди, Дилан словно возвышался над своим отцом, хотя был всего на два дюйма выше.

Сын терпеливо стоял, пока Том неловко продевал крошечные кусочки металла и пластика через многочисленные петли. Галстук-бабочка привел Тома в тупик, и Дилан отобрал его у отца, чтобы попробовать завязать самому. Вместе эти двое непревзойденных гениев интеллекта, разрешающих все проблемы, разобрались с галстуком. За компанию с мужчинами я сидела на кровати и рассказывала Дилану, что он выглядит как Ли Марвин, на которого надевают пышный западный наряд в «Кэт Баллу»[20], одном из самых любимых фильмов нашей семьи. Они с Томом оба рассмеялись.

У меня был фотоаппарат, и Дилан вытерпел несколько снимков, пока не стал смущаться и злиться, как обычно. Я пыталась поймать его отражение в зеркале так, чтобы он ничего не заметил, но он схватил полотенце и загородился им так, чтобы кадр не получился. Я проявила пленку только через несколько месяцев после смерти сына, назвав вымышленное имя, чтобы журналисты не добрались до фотографий. На этой фотографии из-за полотенца видны только части его лица — озорная ухмылка под усталыми глазами.

Весь прошлый год мы упрашивали Дилана подстричь волосы, но успеха в этом не добились. Но я убедила его на выпускной собрать волосы в хвост с помощью одной из моих резинок. Он положил свои очки с диоптриями в карман, а на нос надел солнечные очки с маленькой оправой. Мы решили, что сын выглядит очень привлекательно.

Элисон, наша квартиросъемщица, заглянула к нам и предложила сфотографировать нас втроем. На этой фотографии Дилан дурачится, приняв позу как у профессиональной модели в

стиле «Образцового самца»[21]. Строгие линии официального костюма контрастировали с вылинявшими фланелевыми рубашками и поношенными синими джинсами на нас с Томом. Позируя с нами, сын снял очки. Последние недели своей жизни он часто носил темный очки. Сейчас я думаю, что он за ними прятался.

Том не забыл зарядить батарею в видеокамере и немного поснимал Дилана до приезда Робин. Разговор между ними получился натянутым, было ясно, что они оба не очень хорошо себя чувствуют перед камерой. Но мы много раз пересматривали эти записи, сделанные перед отъездом на выпускной, и показывали их другим. Просто потрясающе, каким нормальным кажется Дилан.

Они с Томом лениво разговаривают о бейсболе; Дилан копирует своего кумира Рэнди Джонсона, подавая мяч в облегающем смокинге. Том что-то говорит о том, что «мальчик взрослеет», и Дилан отпускает замечание о том, что детей у него никогда не будет. Том говорит, что он может передумать, и Дилан отвечает:

— Знаю-знаю. Когда-нибудь я вспомню этот разговор и скажу: «О чем я только тогда думал?»

От этого пророчества просто перехватывает дыхание.

Когда Том настаивает на том, чтобы записать на видео протесты Дилана, сын набирает горсти снега с ближайшего куста и весело бросает маленькие снежки в Тома, пока тот не выключает камеру. Любовь между ними была просто физически ощутима. Она разбивает мне сердце.

Робин приехала вовремя. Она прекрасно выглядела в пурпурно-синем платье. Том снял, как Дилан прикалывает цветы на ее корсаж, и улыбнулся, пока она сражалась за то, чтобы приколоть ему на лацкан бутоньерку. Я отпускала шутки в стиле папарацци и просила их подвинуться, чтобы на фотографии не попадали припаркованные машины. Поскольку Дилан уверял нас, что они с Робин просто друзья, я была немного удивлена и, честно говоря, раздражена, увидев, как он обнимает ее за талию.

На последних нескольких кадрах в записи, которую сделал Том, Дилан и Робин улыбаются в камеру. Потом смущенные, но довольные, оба начинают смеяться.

Когда я услышала, что машина Дилана подъехала к дому около четырех часов утра, я поднялась с постели, чтобы поговорить с ним. Хоть я и устала, мне хотелось узнать, как все прошло.

Мы встретились у подножия лестницы. Сын выглядел

усталым, но счастливым, ребенком, у которого был большой вечер. Как и обычно, он не слишком хотел обо всем рассказывать, поэтому я забросала его вопросами насчет того, что он ел и с кем проводил время. Я была рада услышать, что он танцевал. Дилан поблагодарил меня за то, что я заплатила за билеты и за одежду, и я была приятно удивлена подъемом в его голосе, когда он сказал, что это был лучший вечер в его жизни.

Я поцеловала его, пожелала спокойной ночи и уже повернулась, чтобы идти в постель, как Дилан остановил меня:

— Я хочу тебе кое-что показать.

Он вытащил из кармана металлическую фляжку. Кто-то не слишком умелый, но имевший большое количество припоя залатал большую трещину на ее крышке неаккуратной заплатой.

— Что это? — требовательно спросила я. — Где ты это взял?

Он сказал, что нашел. Когда я спросила, что внутри, Дилан сказал — мятный шнапс, и он лучше не будет говорить, где взял алкоголь. Я уже была готова разразиться своей банальной речью о вреде спиртного, когда Дилан протянул руку, заставив меня умолкнуть:

— Я хочу, чтобы ты знала, что можешь доверять мне и доверять Робин. Я наполнил эту фляжку, чтобы мы могли выпить вечером. Я хочу, чтобы ты убедилась: тут не хватает совсем немного.

Он передал мне фляжку и настоял, чтобы я тщательно ее осмотрела, как будто собирался показывать с ней фокусы.

— Мы немного выпили в начале вечера, но больше не пили. Видишь? Она почти доверху полная.

Я признала, что фляжка действительно почти полна.

— Я просто хочу, чтобы ты знала, что можешь доверять мне, — снова сказал сын.

Все еще немного шокированная, я поблагодарила его за то, что он все мне рассказал, а потом добавила:

— Я тебе доверяю.

Потом я, успокоенная, вернулась в постель. В конце концов, я никогда не ожидала, что сын закончит старшую школу без экспериментов с алкоголем. Но, по крайней мере, он сказал мне об этом.

Я много думала об этом очень личном разговоре между матерью и сыном глубокой ночью. Оглядываясь назад, я иногда думаю, что втянуть меня в беседу о фляжке было одной из самых жестоких шуток, которые Дилан когда-либо разыгрывал со мной. Мог ли он сознательно манипулировать моим доверием к нему, собираясь устроить бойню? Не издевался ли он надо мной? Если он собирался умереть через несколько дней, зачем было

требовать от меня доверия к себе? Нуждался ли он в этих заверениях или просто не хотел, чтобы я обыскивала его комнату?

Однажды я поделилась этими мыслями с психологом, который спросил меня: «А откуда вы знаете, что он не был искренним? Может быть, он хотел получить ваше одобрение, и это никак не связано с тем, что случилось потом». Это одна из тех вещей, которые я никогда не узнаю.

В воскресенье после выпускного Дилан встал поздно, а днем уехал к Эрику. Он выглядел ужасно усталым, чего можно было ожидать после бессонной ночи с пятницы на субботу и позднего возвращения с выпускного. Я сварила большую кастрюлю домашнего мексиканского овощного супа с разным мясом, но у Байрона были свои планы, а Дилан вернулся поздно, поэтому мы с Томом поели вдвоем. Девятнадцатого апреля был понедельник, и Дилан сказал, что не придет домой ужинать. Они собрались пойти с Эриком в стейк-хаус, в тот самый ресторан, куда мы ходили с семьей Эрика пару месяцев назад.

— А по какому случаю? — спросила я.

Обычно, когда Дилан ходил поесть с друзьями, они бывали в фаст-фуде. Сын сказал, что у Эрика есть пара купонов на скидку. Как я решила, им не нужен был повод. Мальчикам оставалось три недели до выпуска, они были на пороге новой жизни, и я только радовалась их желанию это отметить, поэтому пожелала Дилану хорошо провести время.

Он пришел домой примерно в половине девятого, и я встретила его у двери:

— Как все прошло?

— Хорошо, — сказал он, снимая заляпанные грязью туфли.

Как и всегда, стараясь вытянуть побольше информации, я спросила:

— А что ты ел на обед?

Сын поднял глаза от своей обуви, наклонил голову набок, как будто хотел сказать: «Ну хватит, мама, мы же ходили в *стейк-хаус*!»

— Нууууу, стейк? — протянул он.

Мы оба рассмеялись.

Том читал в гостиной, и я спросила Дилана, не посидит ли он с нами пару минут, но сын сказал, что у него много работы, добавив, что, возможно, весь вечер просидит в своей комнате, чтобы все успеть. Казалось, он пытался уклониться от прямого ответа и очень хотел подняться наверх. Я решила, что у него есть какое-то полученное в последнюю минуту перед концом года

задание, которое нужно закончить. Несколько раз звонил телефон, Дилан снимал трубку. Не помню, поцеловала ли я его или зашла ли в его комнату, чтобы пожелать спокойной ночи. Я все еще пытаюсь простить себе то, что не помню этого.

На следующее утро я встала, когда еще было темно, чтобы собраться на работу. Еще до того, как я пошла будить его на боулинг, Дилан сбежал по лестнице мимо нашей спальни. Я открыла дверь, пытаясь поймать его, пока он не ушел. В доме было темно.

Я услышала, как открылась передняя дверь.

— Дил? — позвала я в темноту.

— Пока! — вот и все, что я услышала.

Глава 15. Сопутствующий урон

Я вправду не вижу никакой причины продолжать жить. В среду у меня маммограма. Я даже мечтаю, чтобы у меня обнаружили смертельное заболевание, чтобы я могла спросить: «Сколько еще я буду тут болтаться, пока не уберусь в мир иной?» Я не вижу никакого смысла в жизни и не получаю от нее никакого удовольствия. Представляю себе, как бы я спасла ребенка в какой-нибудь катастрофе, а сама бы при этом погибла, или предложила бы террористам себя в качестве жертвы, чтобы спасти самолет, полный людей.

Запись в дневнике, январь 2001 года

В 2001 году, в День святого Валентина, почти через два года после участия Дилана в бойне в школе Колумбайн Хай, у меня нашли рак груди.

Некоторым образом я не была удивлена. Знаете эти костюмы на Хэллоуин, когда кажется, что рукоятка топора торчит прямо из вашей груди? Так я себя чувствовала все время. Ваше сердце там, где вы носите и растите своего ребенка, а на моем лежал тяжкий груз. Моего сына больше не было, и четырнадцать человек погибли из-за него. В том, что это принесет сопутствующий урон, был определенный смысл.

Страх смерти постоянно преследовал меня с самого детства, и я испытала его усиленную версию после того, как мне поставили диагноз. Он наложился на и так уже зашкаливающий уровень тревожности. Через несколько дней Том повел меня в наш любимый китайский ресторанчик неподалеку от дома. В конце обеда, когда я разломила свое печенье с предсказанием судьбы, внутри ничего не было.

Онколог занимался мной, взвесив все «за» и «против». Поскольку они обнаружили рак на ранней стадии и опухоль была маленькой, она решила, что можно обойтись только лучевой

терапией и избежать химиотерапии. Из-за постоянных проблем с желудком, связанных с горем и тревожностью после трагедии, я и так уже потеряла двадцать пять фунтов и не могла терять вес дальше. Горе и вина полностью подорвали мои физические и эмоциональные ресурсы. Я должна была пройти лечение, но невысказанная правда повисла между нами. Я была так истощена и измождена, что не выглядела как человек, который может пережить курс агрессивной химиотерапии. Я решила ее не делать.

В нашей округе была программа поддержки больных раком Сьюзен. Г. Комен. После того, как вам ставили диагноз, к вам домой приходил человек, переживший рак груди, чтобы обо всем рассказать и поддержать вас. (У Американского фонда предотвращения самоубийств есть подобная программа для тех, кто пережил самоубийство близкого человека, которая называется Программой по оказанию помощи пережившим самоубийство близких. Сейчас я являюсь главой местного отделения и работаю над тем, чтобы эта программа начала работать в Колорадо). Когда я прочитала информацию о группе поддержки для больных раком груди, которую принес мне волонтер, я только покачала головой. Мне была нужна группа поддержки, это точно, но не из-за рака.

Облучение вызывает усталость и физический дискомфорт, но я ко всему этому уже привыкла. С помощью родных, друзей и великолепной команды врачей я прошла через курс лечения. После последнего сеанса облучения персонал клиники подарил мне подписанную ими открытку. Похоже, такой дар получал каждый пациент, но их жест просто потряс меня, и я сбежала в безопасное убежище — свою машину, — чтобы поплакать.

Я не знала, почему я плачу. Может быть потому, что было так хорошо, когда о тебе заботятся. Или потому, что окончание лечения означало, что я должна вернуться к постоянному оплакиванию Дилана и попыткам понять то, что он сделал.

Забавно, что больше мне нечего сказать о том, как я пережила рак. Конечно, я не осталась бесстрастной или равнодушной, когда все это случилось со мной. Болезнь была излечима, и я с благодарностью приняла лечение. Но после того, как я выздоровела, я поняла, что ошибалась в той записи в дневнике, с которой начинается эта глава: я не хотела умереть.

Том часто говорил, что хотел бы, чтобы Дилан нас тоже убил или чтобы мы вообще не родились. Я молилась о том, чтобы умереть во сне, тихо уйти от муки пробуждения и понимания того, что все это не было ужасным ночным кошмаром. Сидя в транспорте, я воображала, как у меня появляется возможность отдать жизнь вместо людей, погибших в школе, или мне дается шанс спасти много других. Смерть виделась избавлением, а

смерть ради того, чтобы жили другие, давала цель моей жалкой жизни.

То, что я пережила рак груди, помогло мне увидеть то, что, наверное, должны понимать мы все: жизнь — это дар. Моя задача — это найти способ отдать должное этому дару.

Глава 16. Новое осознание

Те, кому пришлось пережить большое горе, хорошо знают, что второй год после трагедии чаще оказывается хуже первого. В первый год ты пытаешься приспособиться к новым страдания и пережить эти дни. Но именно во второй год ты начинаешь понимать, что больше не видишь берега. Впереди и сзади остается только пустота, огромная пустыня одиночества простирается везде, куда ни посмотри. Тогда ты понимаешь, что это навсегда. Возвращения назад не будет.

Мое горе усиливалось мучением от того, что я знала: многие семьи страдают так же, как я, из-за того, что сделал мой сын. Образ Дилана, ненавидящего всех и вся и переполненного ярость, противоречил моим собственным воспоминаниям о веселом ребенке, которого я так любила. В некоторые дни я чувствовала, как внутри меня разгорается настоящая война.

Мне помогли несколько вещей. Я еще не могла рисовать, но иногда, лежа в кровати, представляла себе, что я рисую. Если конкретно, то я представляла, как рисую деревья.

Я всегда любила деревья. Меня вдохновляли их сила и характер — все эти вмятины, шрамы и дупла, знаки того, что они перенесли столько боли и продолжают жить, — и их щедрость — то, как они безропотно дают тень и кислород, пищу, кров и топливо. Деревья одновременно глубоко сидят в земле и устремлены в воздух; они никогда не перестают расти. Для меня они ощущались как друзья, и мысль о том, что я их рисую, давала моему мозгу безопасное и удобное место, чтобы отдохнуть, хотя я все еще не могла коснуться карандашом бумаги.

Но на самом деле, я не могла бы снова стать единым целом, как бы мне этого ни хотелось, пока не нашла две питательные среды, необходимые многим, пережившим потерю близкого родственника. Во-первых, я нашла свое сообщество, а во-вторых — способ быть ему полезным.

> Познакомилась с С. Ее сын Д. покончил с собой в двенадцать лет после плохого дня в школе. Прошло уже больше полутора лет, но она все еще плачет. Я рыдала всю дорогу домой и поняла, как же мне хочется присоединиться к группе поддержки. Запру сегодня дверь и не буду пускать кошек, чтобы поспать.
>
> *Запись в дневнике, июль 1999 года*

Не прошло еще и трех месяцев после стрельбы, как моя начальница отправила меня на большую региональную конференцию для специалистов по реабилитации. Я спорила по поводу того, стоит ли мне ехать: хотя я стала чувствовать себя немного лучше среди своих коллег, но вовсе не была уверена, что готова выйти в большой мир. В конечном счете мне пришлось попросить организаторов держать мой бейдж с именем под стойкой регистрации, пока я не обращусь к ним, чтобы получить его. К тому времени такие предосторожности стали частью моей жизни.

Когда я подошла взять свой бейдж, одна из сидящих за столом женщин подняла глаза:

— Сью Клиболд? — спросила она.

Я оцепенела, так я буду замирать еще многие годы. Но красивая темноволосая женщина протянула мне руку через стол:

— Меня зовут Селия. Я хочу, чтобы вы знали: многие люди понимают, через что вы сейчас проходите.

В ее голосе было тепло, но она не улыбалась. Когда она продолжила, я поняла, почему.

— В прошлом году мой двенадцатилетний сын покончил с собой, — сказала она.

Я получила невероятное количество сочувствия и множество писем с соболезнованиями. Наши друзья и мои коллеги были чудесными, но я всегда чувствовала разницу между их жизненным опытом и моим. Рука Селии в моей и эти слова — «многие люди понимают, через что вы сейчас проходите» — тронули меня до глубины души, немедленно дав глубокое утешение наподобие того, как слезы двухлетнего ребенка прекращаются, как только он оказывается на руках у матери. Я спросила Селию, не может ли она какое-то время посидеть со мной и поговорить, и она ответила, что освободится от работы на стойке регистрации через полчаса.

Следующие тридцать минут пропали впустую. Пятнадцать минут я проплакала в туалете, а остальное время бродила, не видя ничего вокруг. Разговор с другой матерью, ребенок которой покончил с собой, был нужен мне сильнее, чем я это осознавала. Когда Селия протянула мне руку, я схватилась за нее так, как хватаются за веревку, падая в пропасть.

Почти час мы просидели на двух плюшевых стульях в холле отеля, держась за руки и разговаривая. Я была осторожна и не говорила те подробности о Дилане, из-за которых Селия рисковала получить юридические проблемы. В то же время ее история разбила мое сердце. Ее сын был таким маленьким! По

крайней мере, я видела Дилана молодым человеком.

Я знала, что я не единственная мать, которая и понятия не имела, в какую беду попал ее любимый сын, но у меня было слишком мало возможностей ощутить то родство, которое появляется в разговоре с тем, чей близкий человек тоже покончил с собой. Помогало и то, что Селия была такой красивой и хорошо держалась, была умна и ясно выражала свои мысли. Она была из тех женщин, которыми я восхищаюсь в любых обстоятельствах. Ее обманчивая нормальность была как бальзам на мои раны, которые я невольно нанесла себе, купившись на самые распространенные мифы о самоубийстве.

Когда мы в слезах обнялись на прощание, я чувствовала себя к ней ближе, чем к кому-либо еще на свете. «Я не могу представить, через что вам приходится сейчас проходить», — обычно говорят люди, качая головами, и они правы. Я говорю это без всякого осуждения. Кто может представить, каково это — пройти через что-то подобное? Я сама не могла. Окруженная любовью и поддержкой, я ощущала себя полностью оторванной от нормальной жизни и, таким образом, от себя самой. Так я начала понимать, как Дилан должен был себя чувствовать в конце жизни.

Мне не виделось никакого утешения, никакого признака того, что то, что я чувствую, изменится, пока Селия не протянула мне руку. Одним этим жестом она связала меня с сообществом людей, переживших то же, что и я, которые приняли бы меня без ненависти и осуждения. Впервые я ощутила проблеск надежды на то, что не проведу остаток жизни, вращаясь по моей собственной орбите, одолеваемая чувствами, которые больше никто не сможет понять.

Где-то была целая группа людей, которые увидели бы во мне сестру, товарища, родственную душу, которые позволили бы мне присоединиться к ним и внести свою лепту в их дело.

На второй год после смерти Дилана я, наконец, нашла такое сообщество.

Мне было больно чувствовать, что я отделена такой глубокой пропастью от того места, где живу. Я всегда легко болтала с барменами в «Старбаксе» и знала имена всех женщин, сидящих за кассами в супермаркете. После Колумбайн я внимательно следила за тем, что говорит о людях язык их тел и улавливала мельчайшие изменения в выражении их лиц, когда они узнавали, кто я такая. К счастью, подавляющее большинство людей говорили мне что-то хорошее, но то, что приходилось красться как испуганный зверь по местам, где был мой дом, потрясало мое самоощущение.

Очень много написано о том, что случилось в Литтлтоне после трагедии. Люди впадают в шок после того, как их телам причиняют ущерб, и то же самое происходит и с обществом. Как сказал президент Клинтон вечером после бойни: «Если это могло случиться в таком месте, как Литтлтон…» Это было не какое-нибудь гетто, где на каждом углу продают наркотики, и не Нью-Йорк или Лос-Анджелес, которые всегда считают городами, полными греха. Люди, которые живут в Литтлтоне, — это зажиточные граждане, у которых есть прекрасные дома в пригороде и счастливые, здоровые, сытые детишки. Мы считали, что наши школы абсолютно безопасны.

Несколько месяцев после Колумбайн все жители нашей округи чувствовали себя напуганными и потрясенными. Все место словно превратилось в комок нервов, и люди реагировали соответственно. Некоторые отдавались всепрощению и сочувствию. Другие разражались бранью. Многие из тех, кто раньше никогда не выражал своего мнения, вдруг ощущали свою силу и важность. Многих это ощущение обмануло, другие же искренне считали, что сделают что-то хорошее, высказавшись вслух.

Обвинения неслись вихрем. «Проблема в том, что оружия слишком много», — считали одни. «Оружия недостаточно, — говорили другие. — Все учителя должны быть вооружены». «Во всем виновато отсутствие семейных ценностей!» — кричали защитники религии. Но их самих обвиняли в том, что они присвоили себе скорбь всей общины. Среди всей этой неразберихи люди пытались оплакать погибших и исцелить раненых, одновременно восстанавливая дух общества, чувство безопасности и ощущение себя.

Естественная реакция на трагедию — это поиск виноватых: как все это могло случиться? Кто за все это несет ответственность? Мы с Томом были главными подозреваемыми. «Такой ненависти эти мальчики могли научиться только у себя дома», — гремели наши обвинители. То, что люди говорили и писали, было больно, но мы были далеко не единственными, кто стал мишенью для общественного мнения.

Как ежи, люди сворачивались в комок и выставляли наружу колючки, чтобы защитить свое мягкое нутро. Их защитная реакция была вполне естественна для тех, на кого напали, и в те дни в Литтлтоне было много острых выступов. Школа, средства массовой информации, полиция — казалось, все одновременно отражали чьи-то атаки и устраивали свои собственные.

Управление шерифа тщательно выполняло свою работу, но публика знала, что они ничего не предприняли по поводу

постоянных жалоб Джуди и Рэнди Браунов на Эрика. Его веб-сайт постоянно упоминался в ордерах на обыск, выданных в день бойни, что подтверждало тот факт, что в управлении о нем знали. Одно и то же заявление повторялось постоянно: когда следователи узнали, что Эрик делал бомбы из труб, они получили ордер на обыск дома Харрисов. Но судья так и не видел этого ордера, дом не обыскивали, а доклад о расследовании всплыл только спустя много времени после трагедии.

Так как люди утратили доверие к управлению шерифа, они стали требовать больше информации. Протокол результатов вскрытия несовершеннолетнего обычно засекречен, но самые важные факты — например, о том, что в крови Дилана не было наркотиков, — уже были опубликованы. Я не понимаю, с какой целью всем так хотелось узнать, что было в его желудке, когда он умер, или сколько весили его органы. Даже с помощью наших адвокатов мы проиграли эту битву, и результаты вскрытия были открыты. Меня от этого просто тошнило. Даже в такой малости мы не смогли защитить Дилана.

Полчища журналистов немного поредели, но почти каждый день на первой странице местной газеты появлялись заголовки, связанные с Колумбайн. Некоторые репортеры копались в материалах продолжающегося расследования и пытались получить реальное представление о том, что произошло в школе. Другие были куда менее этичны. Когда фотографии с места преступления, на которых Эрик и Дилан лежат мертвые в лужах крови, были проданы «Нэшионал Инквайер» и напечатаны, казалось, что ни одно издание не может пройти мимо них. Хотя позднее я узнала, что многие журналисты тоже были травмированы тем, что увидели в Литтлтоне.

Тем временем мы с Томом сидели в пугающей тишине в самом центре бушующего вокруг нас урагана. Хотя близкие друзья продолжали оставаться источником нашей силы (и защитой от враждебности окружающего мира), напряжение в наших отношениях нарастало. Они стали еще хуже, когда у меня появились утешение и цель, которые я нашла в компании тех, кто пережил такую же потерю.

Моя подруга Шэрон сама пережила самоубийство близкого человека и знала, как мне нужна связь с другими родителями, дети которых покончили с собой. Также она знала, что мои организаторские способности делают меня прирожденным координатором и администратором, то есть человеком, который на автомате назначает встречи, планирует бюджет или расписывает все по минутам. Поэтому на второй год после

Колумбайн Шэрон устроила для меня работу. Она пригласила меня присоединиться к маленькой группе женщин, которые были волонтерами Союза по предупреждению самоубийств в Колорадо.

Идя на первое собрание, я боялась до тошноты. Не будут ли эти люди осуждать меня? Я даже не решалась надеяться на то, что они поймут, что сделал Дилан, не говоря уж о том, что я пережила. Десять минут спустя я сидела за кухонным столом с пятью другими матерями, чьи дети тоже покончили с собой. Мы завязывали бантики на цветочных горшках, в которых были посажены незабудки. В этой комнате не было никакой дискриминации — не было ничего, кроме любви, сострадания и горя, которое мы все слишком хорошо знали. (Три из шести женщин за этим столом — ровно половина — также пережили рак груди, что усилило мою совершенно ненаучную теорию о том, что происходит, когда бомба разрывает твое сердце). Напряженность, которую я обычно чувствовала в компании чужих людей, испарилась. Возможность оплакать Дилана как моего сына (неважно, что он сделал в последние минуты своей жизни) была ценна сама по себе.

Недавно я прочитала в «Нью-Йорк Таймс» статью психотерапевта Патрика О'Мэйли, где он описывает облегчение, которое один из его пациентов, вначале совершенно не желавший никуда идти, почувствовал в группе поддержки для потерявших ребенка родителей. Группа была «местом, где не требовалось никаких действий. Она была местом, где люди понимали, что на самом деле они не хотят все держать в себе. Сделать это — словно сбросить часть неприкосновенных оков». Когда я была с другими людьми, пережившими то же, что и я, Дилан был мальчиком, который покончил с собой. Никто не искал оправданий тому, что он сделал, но никто и не обесценивал ни мое горе, ни мое право скучать по сыну, которого я потеряла.

В следующие выходные я пошла на ланч, организованный Союзом предупреждения самоубийств в Колорадо, группой, которую возглавляла Шэрон. Наши незабудки были на столах. В первый раз я была в комнате, где были люди, которые разделяли все мои эмоции, даже те, из-за которых я чувствовала, что мой здравый ум болтается на тоненькой ниточке.

Людям в этой комнате мне не нужно было говорить, что я не знала, о чем думал Дилан и что он планировал. Здесь это было знакомо всем. «В сухом остатке: когда кто-то тебе лжет, ты чувствуешь себя дурой», — сказала одна женщина, и я начала громко всхлипывать. (Что можно сказать о собраниях переживших самоубийство близкого человека? Ты никогда не будешь единственной, кто плачет). Они понимали, какое отвращение я

чувствую из-за того, что меня обвели вокруг пальца, и какой стыд — из-за того, что не смогла помочь своему ребенку и сделать то, что ему было нужно больше всего.

После того, как я встретилась с Селией, я стала изучать каждого, с кем знакомилась, в поисках какого-то признака глубоко спрятанной проблемы, из-за которой этот кошмар разрушил их жизнь. Не кажется ли эта мать холодной или слишком опекающей своих детей? Не выглядит ли этот отец жестоким или невнимательным? Была ли какая-то общая отличительная черта, которая объединяла всех этих людей — и, если уж на то пошло, и меня — как каким-то образом дефектных? Уж меня-то многие точно считали такой.

Но люди, с которыми я встречалась, были милыми, умными, забавными, добрыми — самыми обыкновенными. Их истории струились как полноводная река. Они были учителями в начальной школе, социальными работниками, водителями грузовиков, стоматологами, пасторами, домохозяйками. Они были активными, внимательными родителями, сестрами, мужьями, женами и детьми. Они очень любили тех, кого потеряли. Как и я, многие из них неправильно распознали признаки того, что происходит что-то плохое.

Самоубийство отвратительно. Оно переплетается с позором. Оно кричит всему миру о том, что жизнь человека окончилась поражением. Большинство людей просто не хотят ничего слышать о самоубийстве. Частью нашей культуры является вера в то, что те, кто кончает с собой, — это люди слабые, которым не хватает силы воли, которые нашли «выход для трусов». Мы считаем, что это эгоисты, которые ведут себя агрессивно. Если бы они заботились о своих семьях, супругах или работе, то нашли бы способ вырваться из петли, в которую попали. Все это неправда, но пятно позора распространяется повсеместно и задевает семьи тех, кто покончил с собой. Замешательство, вина, сожаление и самобичевание — постоянные спутники людей, чьи близкие совершили самоубийство.

Однажды я обедала со своей старой подругой, которая никогда не сталкивалась с самоубийствами, и она спросила меня:

— Ты когда-нибудь сможешь простить Дилана за то, что он сделал?

Я молчала, потеряв дар речи от того, что поняла, как сильно разошлись наши жизненные пути. Все, о чем я могла подумать, — это сцена из «Обыкновенных людей»[22], где мокрая рука Бака выскальзывает из руки Конрада, и Бак тонет. Я попыталась собраться с мыслями так, чтобы те слова, которыми я могла описать свои чувства, не звучали оскорбительно:

— Простить Дилана? Я пытаюсь простить себя.

Дилан выскользнул из моих рук, совсем как Бак в фильме. Я была той, кто позволил ему упасть, а не наоборот.

Если о самоубийстве трудно говорить и думать, то ситуация, когда самоубийца убивает других людей, просто немыслима. Я не просто не смогла защитить Дилана от себя самого, но не защитила и тех, кого он убил.

За те годы, проведенные среди людей, близкие которых покончили с собой, я поняла, что знания и профилактика могут спасать жизни. Но участие в том первом мероприятии — и в десятках других после него — укрепило понимание одной вещи, которая одновременно успокаивала и ужасала: *с этим может столкнуться каждый.*

Большинство собравшихся на мероприятии не знали о том, что есть проблемы или, как я, недооценивали их серьезность. Наше первое понимание того, что все пошло совсем плохо, разрушило наши жизни в один момент, ставший катастрофой, с которой уже ничего нельзя сделать. Даже профессионалы не всегда понимают, что имеют дело с вопросами жизни и смерти. Одна женщина, психолог по профессии, рассказывала, как потеряла своего сына. Уважаемый, хорошо подготовленный специалист, она знала, как поступать правильно, но о самоубийстве никогда не думала. (Из всех этих история мы не должны делать вывод о том, что самоубийство приходит без предупреждения; мы просто не всегда распознаем то поведение, которое указывает на риски).

Другие люди прекрасно знали о грозящей опасности, но не смогли помочь. Сын еще одной женщины много раз лежал в больнице из-за биполярного расстройства. После того, как его выписали, он продолжал лечение. Более того, он встречался с пастором и своим психиатром в тот день, когда застрелил свою подругу и покончил с собой.

Эти истории заставили меня понять серьезность врага, с которым мы боролись. К тому времени, когда мы сели за стол на том первом собрании, я полностью осознала три вещи.

Первое: предупреждение самоубийства — это не только любить кого-то и говорить ему об этом. Всей глубины моей любви было недостаточно, чтобы спасти Дилана и его жертв, и передо мной был целый зал людей, которые могли сказать то же самое.

Второе: многие из нас считали, что нет никаких признаков того, что может случиться беда, мы просто не могли распознать то, что указывало на потенциальный риск. Во многих случаях мы даже не знали, что есть причины тревожиться.

Третье: я узнала, что, несмотря на то, что существуют

эффективные способ вмешаться в течение депрессии или другие факторы, повышающие риск самоубийства, мы не можем полностью полагаться на их действенность. Я долго колебалась, стоит ли писать об этом, опасаясь, что это обескуражит людей, которые нуждаются в помощи, и они просто не станут за ней обращаться. Но многие люди, с которыми я познакомилась в тот день, пытались помочь своим близким в борьбе с длительной или недавно появившейся болезнью. Они прошли через недели, месяцы, годы, а иногда даже десятилетия терапии, через курсы медикаментозного или альтернативного лечения, через госпитализации. У некоторых из них все закончилось хорошо, но у других — нет. Многие жили, боясь чего-то еще, или выдерживали ежедневное сражение со своими собственными мыслями о самоубийстве.

Мне рассказывали о том, какая большая проблема — найти место в хорошей больнице (причем, не существует единого мнения о том, является ли госпитализация лучшим способом лечения суицидальных наклонностей, некоторые современные исследования показывают, что это совсем не так), плохой подготовке персонала отделений скорой помощи в области заболеваний мозга или о том, что в больнице часто не принимают во внимание уровень риска для больного после выписки. Из этого всего я впервые поняла, что обеспечить безопасное и адекватное лечение для находящегося в опасности человека — трудная задача.

Первое мероприятие группы по предупреждению самоубийств стало началом новой эры. Проблема, с которой мы пытались бороться, была очень многогранной и чрезвычайно сложной. Чтобы что-то изменить, надо было сделать очень многое.

> Конференция по предупреждению самоубийств. Эмоциональная гонка. Когда я, наконец, сказала, кто я такая, люди обнимали меня прямо в лифте. Было много слез. Я чувствовала себя как дома.
>
> *Запись в дневнике, май 2002 года*

Для большинства людей в этом не было ничего особенного: я сидела за регистрационной стойкой на конференции, организованной Союзом по предупреждению самоубийств Колорадо, приветствуя прибывающих и отыскивая их бейджи, как это делала Селия два года назад. Вся разница была в том, что на мне был мой собственный бейдж с цветной наклейкой,

указывающей на то, что мой ребенок покончил с собой. Когда я села на свое место за стойкой этим утром, мое сердце просто выскакивало из груди. Не налетят ли на меня журналисты? Не поймет ли кто-нибудь из участников, кто я такая, и не плюнет ли мне в лицо?

Я приветствовала участников конференции, отвечала на вопросы о том, кто будет выступать, показывала, где находятся туалеты, но никто ничего не говорил, только иногда мне выражали соболезнования по поводу моей утраты.

После этого переломного дня я начала всерьез заниматься мероприятиями, связанными с предупреждением самоубийств и насилия. Я сидела на регистрации и раздавала программки. Я присоединялась к тысячам других на демонстрациях, чтобы собрать деньги для программ по предупреждению самоубийств. Я отвозила докладчиков из ресторана в гостиницу, паковала предметы для негласных аукционов, собирала отпечатанные брошюры. Я говорила с людьми, я обнимала их, я слушала.

Последние сведения из Центра по контролю заболеваемости показывают, что самоубийство находится в первой десятке причин смерти в Соединенных Штатах и стоит сразу после таких разрушительных заболеваний как диабет, болезнь Альцгеймера и проблемы с почками. Но когда заходит речь о финансировании исследований, предупреждение самоубийств оказывается в самом конце, возможно, из-за ошибочного, но очень распространенного мифа о том, что суицид — это личный выбор самого человека, а не болезнь. Финансирование профилактики самоубийств по большей части осуществляют семьи, столкнувшиеся с этой проблемой, которые, чтобы избавиться от своей скорби и беспомощности, занимаются волонтерской деятельностью и оказывают финансовую поддержку. Как и другие некоммерческие проекты, организациям по предупреждению самоубийств часто не хватает денег и персонала, и я быстро выяснила, что человек с моими организаторскими способностями может быть очень полезен. Впервые за долгое время я чувствовала, что могу сделать какой-то вклад.

Мои мотивы не были полностью альтруистическими. Быть частью группы, работать плечом к плечу для достижения общей цели было подарком, который я дарила сама себе. Даже если я не могла официально посещать группу поддержки, я могла держать связь с другими, пережившими такую же потерю, и сделать хорошую конференцию еще лучше. Быть так глубоко связанной с делом было и привилегией, и благословением. У меня было много работ и увлечений, которыми я просто болела. Как специалист по обучению чтению я учила детей читать и помогала

взрослым студентам с особыми потребностями приспособиться к учебе в колледже. Но моя работа по предупреждению самоубийств ощущалась как подлинный зов сердца, дорога из тьмы, путь к нормальной жизни.

В течение многих лет работы с людьми с ограниченными возможностями я замечала, что их огромная потеря часто приносит им такие глубокие чувства как благодарность к жизни, радость и возможность жить настоящим, каких часто не бывает у людей, которых не коснулось горе. То же самое я чувствовала среди людей, переживших самоубийство близких. Мы много плакали, но и умели смеяться.

Кто-то скажет: «Вы не можете плакать и смеяться одновременно». Смех, как я обнаружила, помогал мне откалибровать свой внутренний гироскоп, который так сильно расшатался. Я начала искать повторы телесериала «Сайнфелд», смотреть комедийное шоу «Так, чья же это реплика?» и фильмы, над которыми я смеялась до упаду, вроде пародии на спагетти-вестерны «Меня зовут Троица». Я читала юмористические книги Эрмы Бомбек, Дейва Барри и Билла Брайсона. Я слушала таких музыкальных пародистов, как «Странный» Эл Янкович и П. Д. К. Бах, а также во время поездок на работу и обратно — комедийное шоу по радио. Комедии тоже стали чем-то вроде сообщества, так как самые лучшие из них приходят на место трагедии. Некоторые из комиков, которые мне больше всех нравились, например, Мэрайя Бэмфорд и Роб Делани, открыто говорили о своей собственной борьбе с заболеваниями мозга.

У других переживших самоубийство близкого человека я научилась проявлять сострадание и к тем, кто меня осуждал.

Однажды мне передали, что одна коллега сказала: «Даже не говорите мне, что мать может не знать, что ее сын занимается чем-то вроде этого». Было больно, потому что с этой женщиной у нас были вполне дружеские отношения. Когда я обнаружила, что она считает, что я знала о планах Дилана, что стояла в стороне и наблюдала, пока он планировал убийства других людей и свое самоубийство, это выбило у меня из-под ног опору, совсем как после смерти Дилана.

Я никак не могла перестать думать об этих словах и упомянула о них одной женщине, пережившей самоубийство ребенка задолго до меня. Она кивнула:

— Раньше я думала: «Если бы это все случилось у тебя в семье, ты бы никого не осуждала. Пусть жизнь даст тебе возможность понять, какую глупую и жестокую вещь ты сказала».

Когда я услышала это из ее уст, то была немного шокирована. Я всегда видела потрясающую щедрость и доброту этой женщины.

Она продолжала:

— Конечно, этого я никому не пожелала бы. В любом случае, они просто пытаются убедить себя, что ничего подобного с ними никогда не случится.

Мы были на парковке, и она показала на коробку с брошюрами о предупреждении самоубийств, стоящую на переднем сидении моей машины.

— Невежество — это как раз то, против чего мы должны бороться, правильно? — сказала она, кивая на коробку головой. — Господи, я тоже никогда не думала, что со мной такое может случится.

Ее слова помогли мне понять, почему среди людей, близкие которых покончили с собой, я чувствовала себя как дома. Это массовое движение, состоящее из обычных матерей и отцов, жен и мужей, дочерей и сыновей. Мы жертвуем своим временем, потому что верим, что наши любимые не должны были умереть, и знаем из первых рук о том, что незнание может стать смертельным. Так появляется настоящая вера в то, что наша работа крайне необходима.

После смерти Дилана я развлекала себя сотнями различных фантазий о том, как какой-нибудь мой поступок сможет перевесить то, что он сделал. Наконец, так и получилось. Мне не нужно было умирать во время нападения террористов, чтобы спасти школьный автобус с детьми. Я могла написать информацию для веб-сайта, заполнить таблицу, пройти по залу, неся на блюде программки, забрать докладчика из аэропорта. Сообщество тех, чьи близкие покончили с собой, научило меня, что даже маленькие и простые дела могут спасать жизни.

Я читала все книги и статьи, которые попадали мне в руки. Я работала на конференциях, поэтому могла слушать докладчиков. Я мужественно боролась с научными статьями, которые находила в сети, даже когда предисловие к ним было единственной частью, которую я могла понять. Я смотрела вебинары, погружалась в образовательные ресурсы, просила лекторов переписать мне их презентации в PowerPoint, чтобы я была уверена, что ничего не пропустила. Я задавала так много вопросов, как могла.

В конце концов, сообщество тех, чьи близкие совершили самоубийство, помогло мне увидеть, что это поведение Дилана — а не мое — было ненормальным. Но в процессе этого понимания у меня уже появилась страсть к моей деятельности как активиста этого движения. То, что случилось с Диланом, было, можно сказать, выбросом, если оценивать величину, масштаб и редкость подобных событий. Но эта катастрофа была частью более обширной проблемы, о которой я даже не подозревала.

На каждой конференции я встречала людей, потерявших своих близких. Некоторые из них были из семей, где из поколения в поколение передавалась склонность к самоубийству, жестокость, пагубные привычки или другие заболевания мозга. Другие совсем не знали медицинской истории своей семьи. Многие потеряли нескольких близких родственников. Были и люди, сами пытавшиеся покончить с собой, они рассказывали свои истории, чтобы другие могли понять их опыт. Некоторые помогали тем, кто лишился близких, а другие каждый день и час боролись за то, чтобы те, кого они любят или лечат, остались жить. Нас всех объединял один и тот же девиз: «Может быть, для тех, кого мы потеряли, уже слишком поздно. Но, возможно, еще не поздно для других».

Даже найдя поддержку среди этих людей, я продолжала держаться особняком. Понимание смерти Дилана как самоубийства принесло мне некоторое успокоение, и я должна признать, что какая-то часть меня хотела бы на этом и остановиться. Но я никогда не была так глупа, чтобы обманывать себя тем, что Дилан — единственный, кто пострадал в тот день, когда он отнял у себя жизнь.

Еще долго после того, как я начала принимать депрессию Дилана и его желание покончить с собой, я сомневалась в реальности его жестокости. Я не узнавала человека, которого видела в бешенстве в «Подвальных лентах», это был незнакомец в теле моего сына. Этот человек, которого я вырастила в своем доме, ребенок, которому, как я считала, передала свои жизненные ценности, которого учила говорить «пожалуйста» и «спасибо» и крепко пожимать руку, убивал людей и даже хотел нанести еще больший вред.

Понимание его смерти как самоубийства было очень важным первым шагом. Но это было только начало.

Глава 17. Суд

Я пытаюсь найти хоть что-то, что могло бы дать мне ощущение мира, и не нахожу ничего.

Ни ведение дневника, ни рисование, ни природа. Я все время чувствую приближение катастрофы. Я все еще плачу о Дилане и ненавижу себя за то, что он сделал. Его вид на этих видеозаписях отпечатался у меня в голове. Я чувствую, как будто вся его жизнь и смерть не разгаданы, и я не могу оплакать их и расставить все по своим местам. Все, что, как я думаю, может дать мне успокоение, оказывается обоюдоострым мечом.

Запись в дневнике, август 2003 года

Через четыре года после Колумбайн была назначена дата снятия показаний под присягой. В конце концов, безымянная угроза, висевшая над нами четыре горестных года, превратилась в дату на календаре.

Наши адвокаты объяснили, что в результате этой процедуры данные во внесудебном порядке показания становятся удостоверенными в своей подлинности, и истцы могут использовать ее, чтобы собрать информацию для своих исков, если эти иски перерастут в судебный процесс. Каждый из нас — я, Том и Харрисы — должны были провести целый день, отвечая на вопросы перед сплоченной группой родителей, потерявших своих детей. Мы будем сидеть лицом к лицу с горюющими родителями, детей которых убили Дилан и Эрик. Я буду видеть скорбь в их глазах и знать, что мой сын ответственен за эту скорбь. Эта мысль наполняла меня ужасом.

Я уже приготовилась к финансовому краху. Средства массовой информации изображали нас богатеями, отчасти из-за того, что мой дедушка был успешным бизнесменом. Но он оставил все свое имущество благотворительному фонду, а наш дом, который со снимков с воздуха, появившихся на телевидении,

выглядел как огромное строение, постоянно нуждался в ремонте. Поэтому нам предстояло потерять свой дом и объявить себя банкротами. Что это было по сравнению с тем, что нам уже пришлось пережить?

Снятие показаний под присягой было трудным, но когда оно прошло, какие бы ни были последствия, по крайней мере, все осталось позади.

> Всю дорогу на работу я проплакала из-за сна. В нем Дилан был ребенком, размером примерно с куклу. Я пыталась уложить его спать, но нигде не могла найти безопасное место. Я была в общежитии и нашла комнату с ящиками, вроде как в морге или в склепе. Все женщины в комнате положили туда своих детей. Я не позаботилась о том, чтобы написать на ящике имя сына, поэтому теперь его некуда было положить.
>
> Он устал и нуждался в отдыхе, но я не обеспечила ему безопасное место.
>
> *Запись в дневнике, апрель 2003 года*

Нас и так постоянно обвиняли, но показания под присягой должны были стать окончательным вердиктом нашей компетентности как родителей. В конечном счете наша судьба окажется в руках людей, которые не знали нашего сына и не общались с нашей семьей. Мне не требовалось ничье мнение со стороны, чтобы заставить себя чувствовать, что я подвела Дилана. Каждый день я перечисляла сотни вещей, которые хотела бы сделать по-другому.

Все выглядело так, как будто на нас возложат ответственность за происшедшее. В «Подвальных лентах» Эрик и Дилан открыто говорили об убийствах и самоубийстве, разложив вокруг себя, как игрушки, оружие. В одном отрывке мы с Томом узнали комнату Дилана, то есть оружие было в нашем доме как минимум одну ночь. Ярость нашего сына, продемонстрированная в записях, заставляла всю семью выглядеть виноватой. Что можно было сказать, чтобы доказать, что он тщательно скрывал свои жестокие намерения? Хотя это было чистой правдой, я не понимала, как кто-то мог в нее поверить. Я и сама-то с трудом верила.

В те дни я часто думала о молодой женщине, с которой познакомилась, когда преподавала в программе для молодежи из группы риска, где ребята получали подготовку, чтобы сдать

экзамен для получения сертификата по программе средней школы. За обедом она рассказала историю из своего детства. В школе одноклассница постоянно воровала у нее деньги на ланч. Устав все время ходить голодной, девочка, наконец, пожаловалась отцу, который швырнул ее в пустую ванну и бил ремнем до тех пор, пока она не могла встать.

— Больше никогда не лезь ко мне, если ты не можешь сама разобраться со своей ерундой! — сказал он ей.

На следующий день она пошла в школу с рукоятью от граблей, которой избила девочку, воровавшую деньги. Никто больше никогда не решался ее задевать.

— Это была самая большая услуга, которую отец только мог мне оказать, — сказала она, откровенно удивляясь тому, что я так потрясена, что даже забыла про свой сэндвич.

Эта история привела меня в смятение, она преследовала меня годами. Но чем ближе становилось принесение показаний под присягой, тем больше я размышляла о том, что значит быть хорошим родителем. Тогда я осудила отца девочки за жестокость, но моя ученица говорила об этом с любовью и уважением. Она считала, что отец преподал ей правильный урок, и он в самом деле учил ее выживать в той суровой обстановке, где они обитали. Неужели я упустила из виду главное? Разумеется, я была не в том положении, чтобы кого-то осуждать. Возможно, все мы делаем то, что можем, соответственно своему опыту, знаниям и тем ресурсам, которыми располагаем.

Единственное, что я знала, — это то, что Дилан участвовал в бойне *вопреки* тому, как мы его воспитывали, а не из-за этого. Но я не знала, как это можно объяснить родственникам тех, кого он убил. Даже если бы я могла, это нисколько бы не уменьшило их страдания. Их ничто не могло уменьшить.

Наше первое письмо с извинениями было опубликовано в газете, потом напечатали и то, которое мы написали в первую годовщину бойни. Но каждый раз, когда кто-нибудь, кого мы знали, что-нибудь говорил прессе, его слова вырывались из контекста. Нам угрожали, и мы часто боялись. К сожалению, наша изолированность и невозможность говорить в свою защиту привели к тому, что люди считали: мы скрываем какие-то тайны.

Приложив огромные усилия, я написала письма каждой семье жертв. Потом я отошла в сторону, решив не причинять этим людям боль своим вмешательством, несмотря на то, что больше всего на свете мне хотелось иметь с ними хоть какую-то связь. Я каждый день, как мантру, повторяла имена тех, кого они любили, но мы могли контактировать друг с другом только через наших

адвокатов или читая друг о друге в газете.

Я хотела сократить это расстояние. Из исследований других случаев насилия я узнала, что можно значительно снизить травмирующий эффект, если семья преступника может встретиться лицом к лицу с семьями жертв, чтобы принести свои извинения, вместе поплакать, обняться и поговорить. Хотя это почти невозможно было представить, признание человеческих качеств друг друга казалось лучшим, что мы могли сделать, и я страстно этого желала, несмотря на всю боль, которую оно могло причинить.

В конце концов, я решила: пусть все идет, как идет. Я была последним человеком, который мог просить о встрече, и не могла рисковать, нанося кому-то еще одну травму, навязывая себя. Каждая семья справляется со своей бедой по-своему. Я только могу сказать, что если бы от разговора или встречи со мной родным жертв Дилана и Эрика стало бы легче, я всегда была готова с ними пообщаться.

В течение прошедших лет у нас было несколько встреч с некоторыми родственниками жертв, и я считаю, что они несли исцеление обеим сторонам. Отец одного из погибших мальчиков связался с нами примерно через год после трагедии. Мы пригласили его к себе в декабре 2001 года. Я была потрясена щедростью души этого человека, и мне стало намного легче после того, как я извинилась перед ним лично за то, что сделал Дилан, и выразила нашу скорбь о его ужасной потере. Мы плакали, обменивались фотографиями и говорили о наших детях. Когда мы прощались, он сказал, что не считает нас ответственными за поступки Дилана. Это были самые лучшие слова, которые я только надеялась услышать.

Примерно в то же время мать одной из убитых девочек попросила о встрече. Она была добра и откровенна, и сразу мне понравилась. Во время этой встречи мы обе пролили много слез, но я получила возможность попросить прощение и спросить о ее дочери. Я была тронута тем, что она задавала вопросы о Дилане, и хотела узнать, каким он был. Как глубоко верующий человек эта мать чувствовала, что смерть ее дочери была предопределена, и ее никак нельзя было предотвратить. Хотела бы я согласиться с ней! Но, как бы то ни было, наша встреча принесла мне большое облегчение, надеюсь, что и она нашла какое-то успокоение после нее.

Я получила замечательное письмо от сестры погибшей девочки. Она писала, что не считает родителей ответственными за поступки своих детей. Еще мы получили прекрасное грустное письмо от внучки Дейва Сандерса. Она писала, что не испытывает

к нам ненависти и не налагает на нас никакой ответственности. Я сохранила оба письма и время от времени искала в них утешение.

Через четыре года после снятия показаний под присягой — через восемь лет после бойни — я встретилась с еще одним отцом, чей сын был убит в школе. Но в то время, когда нас вызвали в суд, я встречалась только с двумя родителями, потерявшими своих детей, при этом тридцать шесть семей подали против нас иски. День дачи показаний приближался, а я и понятия не имела о том, чего нам ждать и кто будет присутствовать, когда мы встретимся лицом к лицу в зале судебных заседаний.

> Все еще борюсь со страхом, тревогой и чувством, что я схожу с ума. Нет никакого безопасного места, где мой перегруженный разум мог бы хоть немного отдохнуть. Я чувствую себя испуганной, побитой и вот-вот пересеку ту черту, которая отделяет меня от сумасшествия. Если это случится, то обратно мне уже не вернуться. Я постоянно одергиваю себя от мыслей о своем безумии и смерти. Со мной было все в порядке, пока не начались эти панические атаки. Я старалась, чтобы со мной было все в порядке. Теперь я боюсь, что в порядке я уже никогда не буду.
>
> *Запись в дневнике, июль 2003 года*

День принесения показаний под присягой близился, и напряжение нарастало. Однажды вечером за ужином мы с Томом долго разговаривали о нашей жизни после Колумбайн.

Я продолжала беспокоиться о Дилане даже после его смерти. Я была в ужасе при мысли о том, что его душе не будет дозволено упокоиться с миром из-за его преступлений. Было тяжело знать, что Дилан страдал при жизни, но я не могла вынести мысль о том, что он продолжает страдать и после смерти.

Когда мы ложились в постель, у меня случился изнурительный приступ паники.

Это была не первая паническая атака в моей жизни. Я была нервным, боязливым ребенком, страдающим боязнью темноты, но приступ, который произошел тем вечером, был тяжелее всех предыдущих. Мысли вышли из-под контроля, я дрожала и плакала, пока мой разум трясся от ужаса.

Эти приступы паники продолжались все время до снятия показаний под присягой и после него тоже. Они налетали без

предупреждения — в хозяйственном магазине, во время собрания на работе, за рулем. Неожиданно внутри поднималась волна слепого ужаса, а потом, как цунами, обрушивалась на меня. Эти потоки невыносимого страха были даже хуже, чем горе. Иногда приступы шли один за другим, и я теряла счет времени.

Сегодня, перечитывая мои дневники того времени, я на каждой странице вижу, что моя жизнь просто висела на волоске.

Я не должна рассказывать о том, что происходило во время снятия показаний под присягой, могу только сказать, что это было ужасно больно и, как я считаю, не удовлетворило ни одну из сторон.

Тем не менее, теперь я могу хотя бы выразить свои сожаления. Во время дачи показаний я хотела лично извиниться перед семьями жертв, но мои адвокаты с этим не согласились. «Сейчас не место и не время», — сказали мне. Я жалею, что не попыталась отстоять свое мнение. Я думаю, что отсутствие этих извинений сильно задело всех в зале суда, и это ощущается и по сей день. Одной из причин, по которой я начала писать эту книгу, было мое желание рассказать о том, как глубоко я раскаиваюсь и прошу прощения.

Ученые, изучающие мозг и нервную систему, любят говорить, что поведение — это результат сложных взаимодействий между природой и воспитанием. Скорее всего, когда-нибудь в будущем мы сможем найти особую комбинацию нейротрансмиттеров, которые заставляют человека совершать особо жестокие поступки. Я буду очень счастлива в тот день, когда нейробиологи выяснят, какие именно механизмы в мозге отвечают за сопереживание и совесть. Не нужно говорить, что пока мы еще далеки от этого. От таких исследователей, как доктор Виктория Аранго, мы узнали, что есть явственные отличия между мозгом обычных людей и тех, которые покончили с собой. Доктор Кент Киель и другие ученые также доказали, что есть разница между мозгом людей, которые совершали убийства, и всеми остальными.

Я много времени размышляла о том, были ли у Дилана биологические предпосылки к жестокости, и несем ли мы за это ответственность. Во время беременности я не употребляла алкоголь. Дома мы никогда не обращались с ним жестоко — ни физически, ни словесно, ни эмоционально. Не было и других людей, которые могли плохо с ним обходиться. Сын не рос в бедности и, насколько я знала, не подвергался вредному воздействию токсинов, таких, как тяжелые металлы, которые обычно связаны с жестоким поведением. Никто из нас не злоупотреблял алкоголем или наркотиками. Сын хорошо питался.

Даже если у Дилана и были биологические предпосылки к жестокости, то биология — это еще не судьба. Что усилило эту его предрасположенность? Губернатор Колорадо во время своего первого появления перед публикой после стрельбы говорил прежде всего о воспитании. Но мы с Томом точно знали, что происходило у нас в доме все те годы, пока мы растили Дилана, и были полностью уверены, что ответ находится не здесь.

Вот что я хотела сказать во время принесения показаний под присягой — не потому, что хотела обелить свое имя или расставить все точки над «и», но потому, что это была отличная возможность углубить наше понимание того, как могла произойти трагедия в Колумбайн. Дилана не учили жестокости дома. Его не учили разобщенности, агрессии и расизму. Его не учили бессердечному безразличию к жизни других людей. Это я точно знала.

Я хотела сказать, что Дилана любили. Я любила его, когда сжимала его пухлую ручку по пути из детского сада в магазин за замороженным йогуртом, когда в тысячный раз читала ему «Кто живет в моем кармане?» доктора Сьюза, когда отстирывала пятна травы с его маленькой формы Малой лиги, чтобы он мог надеть ее на следующий день. Я любила его, когда мы с миской попкорна смотрели вместе «Полет Феникса» за месяц до его смерти. Я все еще любила его. Я ненавидела то, что он сделал, но я все еще любила моего сына.

Мораль, сочувствие, этика — эти уроки мы не преподаем детям один раз, они проходят через все, что мы делаем с нашими детьми. Я учила мальчиков тому, во что верила сама — тому, что мы должны относиться к другим так, как мы бы хотели, чтобы они относились к нам. От Дилана ждали, что он будет помогать соседям убираться во дворе, не ожидая никакой платы, потому что так поступают соседи, и придержит двери для человека, идущего сзади него, потому что так поступают джентльмены.

Я от природы люблю учить. Я старалась вложить в моих мальчиков все, что знала, о чем заботилась, что ценила. Мы шли в продуктовый магазин не просто для того, чтобы наполнить холодильник, а для того, чтобы научить мальчиков, как выбрать самые свежие яблоки, предложить подумать о том, как трудолюбивые фермеры их выращивают, и обсудить, как овощи и фрукты делают растущий организм здоровее и сильнее. Для меня это был шанс познакомить их с редкими словами «карминный» и «пунцовый». Я показывала Дилану, как надо аккуратно складывать фрукты в корзину. Мы пропускали пожилую леди с парой покупок перед собой в очереди в кассу. Мы смотрели в глаза и вежливо говорили «спасибо» кассиру. Нервничая из-за

невнимательных водителей, я крепко держала его за руку, когда мы шли ставить на место нашу тележку, чтобы она не откатилась и не ударила чью-нибудь машину.

Мой подход немного менялся с возрастом, но мысль, которую я хотела донести, — нет. По пути домой с игр Малой лиги я старалась уравновесить спортивный дух соревнования сопереживанием: дети в другой команде точно такие же, как ты. Дилан приходил ко мне на работу, как только появлялась возможность, и хотя я не воспринимала моих студентов как способ чему-то научить, он узнал — лучше, чем другие дети и на собственном опыте, — что люди — это нечто большее, чем их церебральный паралич или ампутированная конечность. Также он видел, что, даже сталкиваясь с ужасными трудностями, люди могут продолжать жить полноценной активной жизнью.

Том тоже работал над тем, чтобы помочь мальчикам стать хорошими мужчинами. Через спорт он помогал им понять, что такое честная игра, как важно прилагать усилия и как приятно быть членом команды. Ремонтируя с ними разные вещи, он учил ребят науке, инженерному делу, строительству, а также получать удовлетворение от решения трудных задач, не говоря уж о бережливости и удовольствии от того, чтобы починить сломанную вещь вместо того, чтобы выкинуть ее. Он требовал от сыновей, чтобы они без жалоб выполняли свои обязанности по дому, и напоминал им об особенных датах, например, о Дне матери.

Мы не все делали правильно. То, что я изучила после смерти Дилана, подсказало мне, как я могла бы лучше общаться с Диланом. Я бы хотела больше слушать его, а не читать ему лекции о том, как все делать правильно. Я бы хотела посидеть с ним в тишине, а не заполнять пустоту своими собственными словами и мыслями. Я жалею о том, что не признавала его чувства, а пыталась отмахнуться от них. Я жалею, что принимала его отговорки, с помощью которых он хотел избежать разговора, когда что-то случалось — «Я устал, мне нужно делать домашние задания». Я бы хотела посидеть с ним в темноте и еще раз сказать о том, что я беспокоюсь о нем, хотя он только что отмел все мои сомнения. Я бы хотела бросить все остальное и сосредоточиться только на сыне, копать и копать все глубже, пока не увижу то, чего я не видела.

Но даже несмотря на все эти сожаления не было никаких очевидных признаков того, что Дилан планирует что-то ужасное. Многие хорошие люди рассказывали мне ужасные истории об их жизни с больным родителем или жестокими детьми. Мне остается им только сочувствовать и думать о том, что мы должны сделать

с нашей системой здравоохранения, которая часто предоставляет таких пациентов самим себе. Если вы хотите почувствовать тошноту, то послушайте, как мать рассказывает вам о том, как однажды ее неуравновешенный десятилетний сын чуть не проткнул ее кухонными ножницами и как ей пришлось вызывать полицию, потому что она боялась, что замок на двери комнаты младшей дочери не выдержит его яростного гнева. Родителям серьезно больных детей слишком часто приходится прибегать к помощи системы уголовного правосудия — хотя она едва ли заточена под то, чтобы справляться с людьми, страдающими заболеваниями мозга, — просто потому, что больше некуда обратиться.

Если семья не может позволить себе частную клинику, то выбор чаще всего стоит между тем, чтобы отрицать серьезность проблемы или вызвать полицию. Вопрос о привлечении к ответственности не является теоретическим для многих матерей.

Но каким бы ни было мое сочувствие этим матерям, моя ситуация была совершенно другой. У Дилана не было явных признаков того, что он в опасности, какие бывают у других детей. Он ходил в школу, работал по вечерам и подавал заявления в колледж. За несколько дней до бойни он, как обычно, поужинал с нами, поддерживал легкий разговор, а потом отнес грязную посуду в раковину.

Он много времени сидел в своей комнате, но не отстранялся от ровесников. Дома у него не было доступа к оружию, и он не демонстрировал особого увлечения им. Иногда он был грубым и раздражительным, как многие подростки, но мы никогда не видели у него такой ярости, как в «Подвальных лентах». Он не угрожал нам физической расправой и не упоминал о своих планах причинить вред другим людям. Ни Том, ни я никогда его не боялись.

Мы думали, что все признаки того, что мы хорошо воспитываем сына, налицо. Дилан был хорошим и верным другом, любящим сыном и, казалось, он должен вырасти ответственным взрослым человеком. Его записи — это явное доказательство того, что наши уроки, которые мы так старались ему дать, не прошли даром. Они наполнены борьбой сына с совестью. Тем не менее, в конце жизни что-то перечеркнуло все, чему мы его учили.

Не все, что влияет на человека, проистекает из его дома, и это особенно актуально для подростков. «Воспитание» можно соотнести со всеми внешними факторами, с которыми сталкивается ребенок. Дилан интересовался очень кровавыми фильмами — такими, как «Бешеные псы» и «Прирожденные

убийцы», — но ими интересовались все мальчики, которых мы знали. Мы не покупали кассеты с этими фильмами и не водили его на них в кинотеатр. Но в то же время мы не запрещали смотреть их дома, после того как сыну исполнилось семнадцать, рассудив, что, если ему будет нужно, он все равно получит к ним доступ: он работал, и у него были свои собственные деньги. Мы говорили Дилану о своих сомнениях.

Он также играл в Doom, одну из первых игр-стрелялок от первого лица. Игра мне не нравилась, но меня больше беспокоило то, что из-за сидения за компьютером Дилан отрывается от мира, чего вовсе не было. Чаще всего я жаловалась на то, что играть в видеоигры — это очень глупое занятие, пустая трата времени. Как и со всем остальным, мой подход к играм основывался прежде всего на моей вере в хорошие качества Дилана. Мне и в голову никогда не приходило, что он способен перейти от стрельбы по людям на экране к тому, чтобы расстреливать их в реальной жизни.

Оглядываясь назад, я считаю это своей ошибкой. Сейчас есть исследования, которые показывают, что жестокие игры, такие, как Doom, понижают сопереживание и повышают агрессивность. Оппоненты этой теории говорят о том, что миллионы людей играют в эти игры (примерно десять миллионов человек играли в Doom), и только ничтожная часть из этого множества совершала какие-либо акты насилия. Но доктор Дьюи Корнелл, клинический психолог и эксперт-криминалист, а также автор двух сотен работ по психологии и образованию, в том числе по убийствам, совершенным несовершеннолетними, безопасности в школе, издевательствам и оценке угрозы, рассказал мне о своем подходе к жестоким развлечениям.

«Из-за одной сигареты вы не заболеете раком легких, а некоторые люди курят всю жизнь, и так и не зарабатывают рак легких. Но это не значит, что между курением и болезнью нет никакой связи. Жестокость для развлечения, возможно, не является единственной причиной, по которой люди идут убивать, но это вредный фактор. Когда другие факторы и предрасположенность начнут действовать, небольшое количество самых уязвимых людей заработают рак легких из-за курения. То же самое можно сказать и о жестоких развлекательных материалах и случаях насилия: самые уязвимые люди оказываются в группе риска». Но мы с Томом не считали Дилана уязвимым. И никто не считал.

Уязвимость Дилана, вероятно, была той же природы, что и его зависимость от Эрика — еще одно вредное влияние. Я закрывала на это глаза, потому что никогда не воспринимала

Дилана как человека, который будет за кем-то следовать. От природы он был покладистым; типичный младший ребенок в семье, он соглашался играть в то, во что хотел Байрон, когда мальчики были маленькими. Мы с Томом тоже, как правило, могли заставить Дилана сделать то, что нам было нужно, без особого сопротивления с его стороны. Но у меня было множество возможностей наблюдать Дилана с его друзьями, и эти отношения были полностью равными. Я никогда не чувствовала, что Зак или Нат верховодят над ним. Если у Ната возникало желание съесть пиццу, когда Дилан хотел пойти в МакДональдс, они договаривались о том, где перекусить.

Я все еще сопротивляюсь мысли о том, что Дилан был всего лишь послушным последователем своего друга. Нельзя отрицать обаяние и харизму Эрика, к тому же он виртуозно дурачил взрослых, некоторые из которых были профессионалами в области психического здоровья, в том числе своего психолога и психиатра. Но в то же время у меня нет простого объяснения тому, как Дилан сумел перечеркнуть семнадцать лет, в течение которых его учили сопереживать и сочувствовать. Возможно, Эрик был один полностью сосредоточен на убийствах, но Дилан пошел за ним. Он не сказал «нет». Он не сказал об этих планах ни нам, ни учителю, ни своим друзьям. Он сказал «да», и события приняли такой дьявольский оборот, какой просто не поддается описанию.

Я никогда не узнаю, почему Дилана так захватили жестокие планы Эрика. Дневники сына говорят о том, что он очень сомневался в них, и видел, что они совершенно неадекватны. Возможно, с Эриком он чувствовал, что его ценят и полностью принимают, Эрик делал его таким сильным, как никто другой, а потом предложил сыну доказать миру, как на самом деле сильны они вдвоем.

Доктор Адам Лэнкфорд говорит, что «желание известности, славы или внимания часто являются мотивом» для массовых убийц. Ральф Ларкин называет это «убийством ради дурной славы». Марк Йоргенсмейер, который пишет о религиозных террористах, называет это «публичной демонстрацией насилия» и утверждает, что такие действия одновременно и являются символическими, и имеют стратегически важные цели. Социолог Катерина Ньюман, автор «Беспредела», связывает это напрямую с восстановлением имиджа, когда, по ее словам, школьные стрелки «ищут способ избавиться от своего имиджа чудаков и неудачников и сменить его на более лестный — опасных, жестоких антигероев».

Я была удивлена тем, что при снятии показаний меня

подробно не расспрашивали о том, как мы поддерживали дисциплину, о фильмах, видеоиграх, друзьях Дилана, наркотиках, алкоголе, одежде и фейерверках. Но глубокий взгляд на первопричины катастрофы не входил в компетенцию судопроизводства. Здесь было не место для того, чтобы говорить об издевательствах в школе, опасности оружия, климате в школе или незрелости подростковой психики. Я сама еще не начала общаться со специалистами. Но уже на том этапе я была полностью уверена в одном: я не верила — и не верю сейчас, — что это я сделала Дилана убийцей.

Если бы я только подумала, что с ним происходит что-то серьезное, я бы горы свернула, чтобы это исправить. Если бы я знала о сайте Эрика, или об оружии, или о депрессии Дилана, я бы действовала по-другому. Но, судя по тому, что я знала, я вела себя как самый лучший родитель для того ребенка, которого знала, а не для того, каким он стал без меня.

Неудивительно, что сообщения о принятии показаний под присягой в новостях были чрезвычайно эпатажными, как и большая часть всего освещения трагедии в Колумбайн средствами массовой информации. Закрытые записи процедуры производили впечатление, что мы снова что-то скрываем.

Я хотела опубликовать эти записи. Почему бы нет? Я устала от того, что все думают, что мне есть что скрывать, когда я целыми днями занималась поисками ответов. Возможно, это было наивно с моей стороны, но я надеялась, что выход записей в свет может, наконец, положить конец мысли о том, что у трагедии была какая-то одна причина. И, в отличие от «Подвальных лент», в них не было опасного примера для подражания.

К сожалению, решение принимала не я. Показания давали четверо родителей стрелков, и адвокаты так и не пришли к соглашению, которое было бы в интересах всех четверых. В конце концов, судья решил закрыть записи процедуры на двадцать лет.

Давая показания под присягой, я не сказала всего, что хотела. Я думала, что если родные жертв увидят и услышат меня, они поймут: что бы ни подвигло Дилана на преступления, это началось не у нас дома. На следующее утро газеты продемонстрировали мою глупость. В них было снова все то же самое: добросовестные родители знали бы, чем занимается их сын; то, что мы ни о чем не подозревали, означало нашу безответственность. В том, как люди воспринимали нас, ничего не изменилось.

Я порвала газеты в клочья и стучала по кровати кулаками, пока моя боль не ослабла. Несмотря на свое состояние, я все

понимала. Я тоже считала, что хорошие родители должны знать, о чем думают их дети. Если бы все сложилось по-другому, если бы чей-то сын убил Дилана, когда он сидел над домашней работой в библиотеке, я бы тоже обвиняла семью.

После снятия показаний я по-прежнему испытывала сильный стресс, проблемы со сном и концентрацией внимания. Через десять дней мы узнали, что истцы готовы урегулировать спор во внесудебном порядке. Адвокаты вели себя так, как будто это большое достижение, но я не чувствовала ни капли воодушевления. Никакие юридические резолюции не могли уничтожить ужас в моем сердце, безнадежное чувство, что я исчерпала свои силы, чтобы справляться со всем, что на меня навалилось.

После приема лекарств и сеансов психотерапии мои панические атаки, наконец, ослабели. Мы вернулись к своей жизни — продолжали учиться жить без Дилана, зная о том, что он сделал.

Глава 18. Неправильный вопрос

У горя есть свой жизненный цикл.

Многие люди говорили мне, что начинали приходить в себя после трагедии примерно через семь лет, и для меня это тоже было так. К 2006 году я стала чувствовать себя лучше. Я скучала по Дилану не меньше, чем прежде, и не было часа, когда бы я с болью и грустью не думала о его жертвах и их родных. Но я уже не плакала каждый день и не брела по миру, как зомби. После того, как юридические ограничения были сняты, я стала узнавать, не смогу ли я помочь лучше понять самоубийство, если расскажу свою историю.

Работая в организации по предупреждению самоубийств, я встретила еще двух людей, родные которых совершили убийства, а затем покончили с собой. Нам очень помогли разговоры друг с другом. Большинство людей, родные которых покончили с собой, борются с горем, виной и отвращением, но когда член твоей семьи убивает в последние минуты своей жизни, это меняет и его образ в твоем сознании, и то, как ты будешь его оплакивать. Ты никогда не перестаешь задаваться вопросом, не из-за тебя ли он сделал то, что сделал. А внимание средств массовой информации может быть очень травмирующим.

Другие, пережившие то же, что и я, также считали, что в их потере главным было самоубийство, а общественность воспринимала происшедшее исключительно как убийства. Мы хотели показать, что самоубийство в сочетании с убийством — это проявление суицидальных наклонностей, и помочь людям понять, что предупреждение самоубийств — это и предотвращение убийств. Поэтому, когда я узнала, что в университете Колорадо в Боулдере проходит конференция под названием «Насилие приходит в колледж», я решила организовать коллективную дискуссию по самоубийствам, связанным с убийствами.

На Тома мое погружение в предупреждение самоубийств и сообщество людей, чьи родные покончили с собой, нагоняло депрессию, а мое изучение самоубийств, связанных с убийствами, раздражало еще сильнее. (Он называл нашу коллективную дискуссию «собранием семейки Аддамс[23]»). Полагаю, муж считал, что я отказываюсь двигаться вперед, и иногда я задавалась вопросом, не прав ли он. Я собрала целую библиотеку книг о психике подростков, самоубийствах, самоубийствах, связанных с убийствами, и биологии насилия, находя в них неуютную правду и неудобную реальность.

С одной стороны, это было, наверное, что-то вроде покаяния, а с другой — самозащита. Если я найду самое плохое, то оно уже никогда не сможет застать меня врасплох. Но в глубине всего этого было просто импульсивное желание понять, как ребенок, который вырос в нашем доме, мог сделать такое?

Я хотела говорить о Дилане как о своем сыне. Я хотела встать и сказать людям, что как бы я ни горевала и жалела о тех, кого он убил и ранил, я все еще люблю его. К сожалению, я еще не была готова к этому.

За несколько недель до моего участия в дискуссии я поехала с подругой посмотреть на выступление ее дочери в спектакле, который ставился в колледже. Мы должны были провести прекрасные выходные, но когда я оказалась в кампусе в окружении молодых людей, что-то внутри меня оборвалось. Я первый раз была в колледже после нашего визита в университет Аризоны с Диланом, и как только я видела высокого худого мальчика, наслаждающегося своей студенческой жизнью, мое сердце останавливалось.

Когда я шла через прекрасный университетский городок, у меня началась паническая атака — первая с тех пор, как мы давали показания под присягой. Еще один приступ произошел во время представления, и еще — во время обеда. Переключая каналы в своем номере в гостинице, откуда на следующее утро меня должны были забрать друзья, я набрела на «Я буду плакать завтра», биографический фильм о судьбе певицы Лилиан Рот, вышедший в 1955 году. Пока Рот в изображении Сьюзен Хэйуорд переживала спровоцированный алкоголем нервный срыв, у меня случился такой сильный панический приступ, что мне показалось: он меня убьет.

После этих выходных начался ужасный период. Было такое ощущение, словно акселератор у меня в голове застрял в нижнем положении. Если раньше во время панической атаки я боялась смерти, то теперь я думала о страхе. Я стала бояться того, что я испугаюсь.

Приступ мог начаться из-за чего угодно. Проезжаю мимо службы коронера, куда забрали тело Дилана: бум! Смотрю старый фильм, где ковбой бросает шашку динамита в сарай: бум! Красные цветы на кусте: бум! Желудочно-кишечный тракт всегда был моей ахиллесовой пятой, и теперь я боялась есть из-за постоянных расстройств пищеварения, которые появились вместе с паническими атаками.

Поскольку приступы начинались из-за вещей, которые напоминали мне о смерти Дилана, мой психотерапевт посчитал

их началом посттравматического расстройства. Насчет лечения у нее не было сомнений: я должна была принимать прописанные мне транквилизаторы. Но я боялась к ним привыкнуть, поэтому пила только половину или четверть таблетки — достаточно, чтобы приглушить тревожность, но недостаточно, чтобы вернуть себе ощущение полноценной жизни и позволить мозгу остановить свою сумасшедшую гонку. Кроме того, я чувствовала, что мое страдание указывает на какой-то жизненно важный изъян. «Прекрати все это! — злобно приказывала я себе. — Соберись! Ты должна подумать и найти какой-то выход».

Мой психотерапевт считал, что я не готова к участию в дискуссии. Но меня вынуждали выполнять свои обязательства, неважно, какой ценой, а мое необъяснимое желание публично продемонстрировать свою «нормальность» еще усиливало давление. Я хотела показать, что страх не управляет мной. И в попытках доказать это загнала себя в ловушку.

Чем ближе становился день дискуссии, тем сильнее и чаще делались панические атаки. Однажды вечером по пути домой ощущения были такими острыми, что я боялась: из-за меня сейчас случится авария. До этого я никогда по-настоящему не думала о самоубийстве, но теперь смотрела на пассажирское кресло и думала: «Если бы здесь сейчас лежал пистолет, я бы взяла его и прекратила бы это все». Я покрепче вцепилась в руль и четко сказала себе: «Так больше продолжаться не может».

Я прошла через выступление на коллективной дискуссии — мне помогли. По совету психотерапевта подруга сделала запись моих ответов, поэтому я просто могла включить их воспроизведение, если не могла говорить. Закончилось все тем, что примерно половину времени звучала запись. Для всех, кто пришел на мероприятие, день был трудным, но, тем не менее, все прошло успешно: обсуждение результатов показало, что нам удалось изменить восприятие самоубийств, связанных с убийствами. Один из присутствующих назвал это «откровением». Другая женщина даже извинилась за то, как она думала о таких вещах раньше.

Я начала принимать транквилизаторы в предписанной мне дозировке, и с помощью препаратов, психотерапии и длинных прогулок изматывающие меня приступы, наконец, пошли на убыль.

Теперь я понимаю, что эта тревожность — расстройство мозга, с которым мне придется жить до конца моих дней. Даже когда ничего серьезного не происходит, приступ все равно может случиться. Из-за этой уязвимости я тщательно контролирую свою реакцию на стресс так же, как люди с высоким риском инсульта

контролируют свое кровяное давление. Я занимаюсь медитацией, йогой и дыхательными упражнениями и делаю это каждый день. Если мне нужна помощь, я обращаюсь к психотерапевту и принимаю антидепрессанты. Со временем я стала прислушиваться к своей тревожности и воспринимать ее как показатель того, что что-то не так.

За годы после смерти сына расстояние между мной и Томом все увеличивалось, в итоге между нами не осталось ничего общего, и мы уже не могли протянуть хоть какую-то нить через эту пропасть. В 2014 году, после сорока трех лет брака, мы решили расстаться. Я приняла это решение, поняв, что мысль о том, чтобы сохранить эти отношения, пугает меня больше, чем их конец. Мы завершили наш брак, чтобы спасти нашу дружбу, и я верю, что мы всегда будем заботиться друг о друге. Я очень благодарна за это.

После того, как я выбралась из темного пугающего периода панических атак, я чувствовала себя как Дороти, осторожно вступающая в мультяшную страну Оз. Оказавшись в безопасности, я увидела, что мой собственный кризис принес мне в некотором роде прозрение. Он научил меня некоторым вещам, которые мне нужно было знать, чтобы лучше понять жизнь и смерть Дилана.

Всемирная организация здравоохранения определяет психическое здоровье как «*состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой собственный потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества*».

Мое тревожное расстройство показало мне, как чувствует себя человек, попавший в ловушку неправильно работающего сознания. Когда наш мозг разлаживается, мы не можем управлять собственными мыслями. Неважно, что я пыталась рассуждать разумно, у меня просто не было нужных для этого инструментов. Я впервые поняла, что значит не контролировать собственный мозг.

Это заставило меня очень сочувствовать тем, кому приходится так же страдать. Многие годы я пыталась понять, как Дилан мог сделать то, что сделал. Потом мой собственный мозг вышел из-под контроля, и я увидела мир с другой стороны зеркала, когда ты варишься в своем личном адском котле, и непрошеные мысли берут на себя контроль и заставляют действовать.

Самая грустная и страшная правда в том, что мы никогда не знаем, что мы (или кто-то из наших близких) страдает от

серьезного расстройства мозга.

Когда я почувствовала себя лучше, я не могла поверить, какими исковерканными были некоторые мои мысли. Впервые я поняла, как Дилан мог думать, что он двигается в правильном направлении, когда все было совсем наоборот.

Я все еще не могу осознать то, что сделали Дилан и Эрик; я не могу понять, как вообще кто-то может сделать такую вещь, не говоря уж о моем сыне. Мне легко, хотя и больно, сочувствовать человеку, покончившему с собой, но Дилан *убивал*. Это не та вещь, к которой я когда-нибудь смогу привыкнуть или которую смогу забыть.

Был ли он злым? Я провела много времени в борьбе с этим вопросом и в конце концов решила, что нет, не был. Большинство людей считают, что самоубийство — это выбор самого человека, и насилие — тоже выбор, это можно контролировать. Тем не менее, из разговоров с теми, кто пережил попытку самоубийства, мы знаем, что их способность к принятию решений как-то меняется, и мы не слишком хорошо понимаем, как именно. В нашем разговоре психолог и исследователь самоубийств доктор Мэтью Нок из Гарварда использовал фразу, которая мне очень понравилась: «нарушение функции принятия решений». Если самоубийство кажется единственным выходом, чтобы прекратить существование, полное нестерпимой боли, является ли оно выражением свободной воли?

Конечно, Дилан не просто покончил с собой. Он совершил убийство, он убивал людей. Мы все чувствуем злобу, услышав только о фантазиях о том, чтобы кого-нибудь убить. Что же заставляет подавляющее большинство людей приходить в смятение и ужас от одной только мысли об убийстве? И почему некоторые могут пройти через это? Если кто-то решает причинить другим вред, то что же управляет этим выбором? Если то, что мы считаем злом, — это на самом деле отсутствие совести, то мы должны спросить, как это человек потерял связь со своей совестью.

Моя собственная борьба с болезнью как ничто другое доказала мне, что когда наши мысли надломлены, нам остается только отдаться на их милость. В последние месяцы своей жизни Дилан перечеркнул все моральные ценности, сопереживание и свою собственную совесть. Все, чему я его учила, поддерживает мою веру в то, что он был не в своем уме.

Заболевание мозга — это не индульгенция на любые поступки. Дилан виновен в тех преступлениях, которые совершил. Я уверена, что в конце жизни он понимал разницу между хорошим и плохим, а то, что он сделал, было очень плохим. Но

мы не можем посвятить себя предупреждению жестокости, если не будем принимать в расчет, какую роль депрессия и неправильная работа мозга могут сыграть в решении совершить ее.

Конечно, я говорю рискованные вещи. Мысль о том, что люди с расстройствами мозга опасны — это один из самых вредных и распространенных мифов, который по большей части не соответствует действительности. Большинство людей с расстройствами и заболеваниями мозга не жестоки, но такие случаи бывают. Мы должны найти способ обсуждать вопросы здоровья мозга и жестокости открыто и никого не осуждая, и мы не сможем это сделать, если вначале не поговорим о предрассудках.

Возможно, вы можете назвать несколько олимпийских чемпионов и звезд-квотербеков[24], которые ломали ноги, или питчеров высшей лиги, которые перенесли операцию по восстановлению связок локтевого сустава. Но большинство из нас не может назвать знаменитостей, которые боролись — успешно — с депрессией или другим аффективным расстройством. Даже звезды боятся того, что потеряют работу или их будут считать опасными для их же детей. Богатство, власть и любовь публики не защищают от этого предрассудка.

Мой собственный опыт борьбы с тревожностью показал мне, как рискованно и стыдно рассказывать другим о подобной боли. Я считаю себя очень честным человеком — иногда даже чересчур. Но когда я проходила через панические атаки, я испытывала такой стыд и отвращение из-за того, что не могу справиться со своей проблемой, что шла на все, чтобы скрыть свой дефект. Боясь, что меня увидят слабой или ненадежной, я старалась изо всех сил, чтобы мои коллеги и друзья не видели моих приступов (или, по крайней мере, не поняли, насколько они серьезны).

И делать это было совсем нетрудно, хотя, как я считала, мой разум пытался убить меня. Я уверена, мои коллеги и случайные знакомые заметили, что не все хорошо: «Не показалась ли тебе Сью какой-то похудевшей, дрожащей, бледной, рассеянной?» Но у меня была очень хорошая причина, чтобы выглядеть будто в воду опущенной: «Ничего удивительного, что она кажется измученной — вспомни, через что она прошла!» Совсем как я когда-то говорила Тому: «У Дилана, должно быть, такие трудные предметы, он выглядит усталым» или «Конечно, он лучше поиграет на компьютере, чем сидеть с родителями, ведь он же подросток!»

Только когда я прошла через свой собственный психический кризис, я смогла увидеть, как он охватывал меня, словно

коконом, изолируя от окружающих. Но этот опыт также помог мне почувствовать родственные связи с другими людьми, скрывающими свою ужасную боль внутри себя. Если люди обращаются за помощью, то чаще всего эти болезни поддаются лечению. Тем не менее, многие за лечением не обращаются, и одна из причин этого — предрассудки.

Если вы повредите колено, вы не будете ждать, пока не сможете ходить, а примите какие-то меры. Вы приложите лед, поднимете ногу кверху, пропустите тренировку, а потом, если через пару дней улучшения не наступит, вы запишетесь на прием к ортопеду. К сожалению, большинство людей не обращаются к специалистам по психическим заболеваниям, пока не окажутся в критической ситуации. Никто не ждет, что наши разбитые колени излечатся сами собой, но мы считаем, что сможем сами избавиться от боли у нас в голове.

Когда мое тревожное расстройство стало управляемым и я начала выбираться из этого зыбучего песка страхов, мне вдруг стало ясно как дважды два: любое психическое заболевание — это проблема со здоровьем, такая же, как болезнь сердца или порванная связка. Как и эти болезни, его можно вылечить. Но вначале заболевание нужно обнаружить и поставить диагноз. Каждый день маммограмма и обследование молочной железы помогают врачам находить и лечить такие случаи рака, которые пропустили бы пятьдесят лет назад. Я сама осталась жива именно благодаря этому и могу только надеяться, что когда-нибудь появятся по крайней мере такие же эффективные скрининги и профилактические процедуры в области психического здоровья.

Более того, мы должны их разработать. Как и многие другие болезни, заболевания мозга могут быть опасными, если их вовремя не распознать и не лечить. Человек, который скорее всего пострадает от инстинкта разрушения, — это тот, у кого этот инстинкт есть. В некоторых исключительных случаях люди также могут повести себя жестоко по отношению к другим. Это не стопроцентная вероятность, и даже не пятидесятипроцентная, но такое происходит. Без лечения болезнь может поразить и людей, страдающих от нее, и тех, кто рядом с ними.

Когда люди, борющиеся со своей болезнью, не могут получить доступ к лечению, которое им так нужно и которое может спасти им жизнь, повышается риск того, что они нанесут вред себе или другим. Самолечение с помощью наркотиков и алкоголя очень распространено, когда больные не получают правильного лечения и поддержки, а злоупотребление этими веществами — это еще один фактор, который существенно повышает вероятность насилия у людей с психическими

заболеваниями.

Работая над этой книгой, каждый раз, когда я брала интервью у специалиста, я задавала один вопрос: «Если не принимать во внимание предрассудки, что бы вы сказали о зависимости между расстройствами мозга или психическими заболеваниями и насилием?» Доктор Кент Киель хорошо подвел итог всем этим разговорам: «Лучший способ уничтожить веру в то, что люди с психическими заболеваниями жестоки, — это помочь им, чтобы они не были жестокими».

Узнать о том, что человек готовится совершить акт насилия, очень сложно. Составление «психологического портрета» не работает. Но насилие можно предотвратить. Кстати, у специалистов по оценке угрозы есть пословица: «Предотвращение не означает предсказания». Тем не менее, для этого требуется повысить всесторонний доступ к выявлению заболеваний мозга.

Доктор Рейд Мелой, родоначальник этой области, проводит такую аналогию: кардиолог может не знать, у кого из его пациентов будет сердечный приступ, но если он знает о таких факторах риска, как, например, высокий холестерин у них всех, вероятность кардиологических явлений уменьшится. Она станет еще меньше, если врач обратит особое внимание на пациентов с повышенным риском — заядлых курильщиков или имеющих лишний вес, и станет совсем низкой, если он убедится, что пациенты, у которых уже были сердечные приступы, ведут здоровый образ жизни и принимают назначенные лекарства.

Подобная система уже работает в некоторых школах. На первом уровне у всех должен быть доступ к диагностике здоровья мозга и первой помощи, к программам по разрешению конфликтных ситуаций и к информации о предотвращении самоубийств. Партнерские коррекционные программы учат ребят без страхов и сомнений просить квалифицированных взрослых помочь их друзьям, если они вызывают беспокойство.

На второй уровень попадают дети, переживающие трудные времена, — те, которые потеряли одного из родителей, которых дразнят, над которыми издеваются, или ученики, которые относятся к группе риска. Например, геи, лесбиянки, бисексуалы и транссексуалы имеют гораздо больший риск подвергнуться издевательствам, поэтому могут понадобиться отдельные усилия, чтобы эти дети всегда могли обратиться за помощью.

Третий уровень оказывается задействован, когда отдельный ребенок вызывает некоторые сомнения. Возможно, у него какое-то эмоциональное расстройство, он говорил о самоубийстве или — как Дилан — написал работу о насилии или посвященную еще

какой-нибудь тревожной теме. Такого ученика направляют к команде специально подготовленных учителей и других профессионалов, которые беседуют с ним, изучают странички ребенка в социальных сетях и другие материалы, говорят с друзьями, родителями, представителями местных правоохранительных органов, психологами и учителями.

Эти меры хороши не потому, что с помощью них можно поймать потенциальных школьных стрелков, но потому, что позволяют школьной администрации эффективно выделить подростков, сталкивающихся с различными проблемами: издевательствами в школе, расстройствами пищевого поведения, нанесением себе травм, недиагностированными нарушениями способности к обучению, злоупотреблением алкоголем и наркотиками, жестоким обращением дома и насилием со стороны ровесников (и это еще не весь список проблем). В редких случаях команда может обнаружить, что ученик строит конкретные планы нанести вред себе или другим, тогда могут быть подключены правоохранительные органы. В подавляющем большинстве таких случаев достаточно просто помочь ребенку.

«Люди, которые преднамеренно совершают насилие, делают это из-за какой-то лежащей в глубине проблемы, — сказала мне доктор Рандаццо. — Часто это проблемы с психикой. Обычно их можно решить, если вовремя обнаружить и эффективно лечить. Улучшение охраны психического здоровья бесспорно может помочь предотвращению насилия».

Если мы серьезно хотим предупреждать случаи насилия, мы также должны понимать, какую цену платит общество за легкую доступность огнестрельного оружия. Дилан сделал то, что он сделал, не потому, что смог купить ружья, но чрезвычайно опасно, что такие смертельно опасные приспособления легко доступны уязвимым людям, стоящим на грани. Мы уже видели, к чему это приводит, и должны принимать эти риски в расчет, когда говорим о том, как сделать наше общество здоровее и безопаснее.

Когда происходят такие трагедии, как в Колумбайн, Виргинском технологическом институте или начальной школе Сэнди-Хук, первый вопрос, который задает каждый, — «Почему?» Возможно, это неправильный вопрос. Я подошла к тому, чтобы считать, что куда лучшим вопросом будет «Как?»

Пытаясь объяснить, почему что-то произошло, мы можем прийти к тому, чтобы закончить поисками простых ответов, а не решений, предусматривающих конкретные действия. Только человек в бедственном положении и со склонностью к

самоубийству может посчитать смерть лучшим выходом из неизбежных жизненных неурядиц. Для нас самих опасно рассматривать суицид как естественный ответ на разочарования, когда на самом деле это результат болезни.

Я думаю, что все это применимо к тому, что произошло в Колумбайн. Дилан во многих смыслах был уязвимым — безусловно, он был эмоционально незрел, имел депрессию, возможно, страдал от аффективного расстройства или расстройства личности. Мы с Томом не смогли распознать ничего из этого и не ограничивали вредно влияющие факторы — жестокие развлечения, дружбу с Эриком, — которые еще сильнее усугубляли ситуацию.

Если мы задаем вопрос «как», то это позволяет нам рассматривать падение к саморазрушению как процесс, каковым оно и является. Как кто-то проходит путь к тому, чтобы нанести вред самому себе или другим? Как мозг перекрывает доступ к своим собственным механизмам самоконтроля, самозащиты и совести? Как такое нарушение мышления может быть выявлено и скорректировано заранее? Как мы узнаем, каким будет самое эффективное лечение в конкретном месте и в определенное время и как можно быть уверенным, что оно доступно в любом медицинском учреждении?

Как долго мы будем отказываться признать, что психические заболевания — это вопросы здоровья, и нужно определить, каким меры нужно принять для того, чтобы справиться с ними?

Все эти проблемы срочно требуют нашего внимания. Вопрос «почему» только заставляет нас чувствовать безнадежность. Вопрос «как» указывает на путь вперед и показывает, что мы должны делать.

Как я слишком хорошо знаю, заболевания мозга — это не ситуация из разряда «мы против них». Каждый из нас может пострадать, и с большинством из нас — в разные периоды нашей жизни — это случится. Мы учим наших детей следить за своими зубами, правильно питаться и распоряжаться финансами. Но как много родителей учат детей контролировать состояние своего мозга или сами знают, как это сделать?

Я не знала, и больше всего в жизни я жалею о том, что не научила этому Дилана.

Заключение. Известные изгибы

Сью Клиболд. Отделение Колорадо. Работаю с потерями и тяжелыми утратами. Потеряла сына Дилана, ставшего убийцей и покончившего с собой в школе Колумбайн Хай в 1999 году. Все еще спрашиваю почему. Поддерживаю исследования.

Запись в формате Твиттера, которую я написала, чтобы представиться на конференции глав отделений Американского фонда по предотвращению самоубийств в 2015 году

Не проходит ни одного дня, когда бы я не ощущала переполняющую меня вину — и за то, что я миллион раз подвела Дилана, и за то, что он сделал.

Шестнадцать лет спустя я каждый день думаю о людях, которых убили Дилан и Эрик. Я думаю о последних моментах их жизни, об ужасе и боли. Я думаю о людях, которые их любили: конечно же, о родителях всех детей и о жене, детях и внуках Дейва Сандерса. Я думаю об их братьях и сестрах, родственниках и одноклассниках. Я думаю о тех, кто был ранен, многие из них навсегда остались инвалидами. Я думаю обо всех людях, которые имели отношение к жертвам Колумбайн — об учителях начальной школы, нянях, соседях, — для которых мир стал более пугающим и непонятным из-за того, что совершил Дилан.

Потерю тех людей, которых убил Дилан, в конечном счете, невозможно просчитать и измерить. Я думаю о семьях, которые у них могли бы быть, о командах Малой лиги, которые они могли бы тренировать, о музыке, которую бы написали.

Я хотела бы знать о том, что планировал Дилан. Я бы хотела остановить его. Я бы хотела иметь возможность отдать свою собственную жизнь за жизни тех, кого он убил. Но несмотря на тысячи моих горячих желаний, я не могу вернуться назад во времени. Я стараюсь жить так, чтобы отдать долг чести тем, кого

мой сын покалечил или убил. Работа, которую я делаю, посвящена их памяти. Также я работаю ради любви, которую все еще чувствую к Дилану. Он всегда будет оставаться моим ребенком, несмотря на содеянный им ужас.

Я часто вспоминаю, как смотрела на Дилана, складывающего оригами. Хотя у большинства бумажных поделок должны быть аккуратные, точные линии граней, Дилан, учившийся в четвертом классе, был несколько неряшлив, и его фигуры получались небрежными. Зато ему было достаточно один раз увидеть сложный образец, чтобы тут же повторить его.

Я любила налить чашечку чая и тихо сидеть около сына, наблюдая, как его руки двигаются быстро, как порхающие колибри. Я была в восторге от того, как Дилан превращает бумажный квадратик в лягушку, медведя или краба. Меня всегда восхищало, как нечто такое простое как листок бумаги может измениться всего от нескольких движений и неожиданно наполниться новым значением. Еще меня изумляла вещь, которая получается в конце, ее сложные изгибы, скрытые и неизвестные для меня.

Во многом эти впечатления отразили тот опыт, который я получила после Колумбайн. Мои представления о себе, своем сыне и своей семье менялись то так, то эдак, и я наблюдала, как мой мальчик превращается в монстра, а потом — обратно в мальчика.

Оригами — это не волшебство. Даже самый сложный образец можно изучить, разложить на отдельные этапы, понять. Так же можно поступить с заболеванием мозга и жестокостью, путь к ней тоже можно разделить на отдельные этапы, и эта работа должна быть сделана. Депрессия и другие расстройства мозга не убирают у людей моральные ориентиры, но это все же болезни, которые могут угрожать жизни, изменять суждения человека и искажать восприятие реальности. Мы должны переключить наше внимание на исследования и повышение степени осведомленности общественности об этих заболеваниях, а также на то, чтобы развеять мифы, которые не позволяют нам помочь тем, кто особенно в этом нуждается. Мы должны делать это, не только ради того, чтобы спасти страдающих, но и для того, чтобы невинные не пострадали.

Одно ясно: если мы сможем лучше помочь людям до того, как они оказались в критическом состоянии, мир станет безопаснее для всех нас.

Благодарности

Я бы никогда не смогла закончить эту книгу без Лоры Такер. Сотни написанных страниц и тысячи часов сердечной боли могли умереть вместе со мной, если бы Лора не обработала их так, что они превратились в рукопись, которую можно читать. За те годы, которые мы работали вместе, Лора стала для меня больше чем писателем. Она была наполовину женой, психотерапевтом, хирургом, исследователем, архитектором, навигатором, рабочей силой, духовным лидером и другом. Она была одновременно и строительным раствором, и каменщиком, в полной мере ответственным за то, чтобы куча кирпичей превратилась в прочное строение. До того, как мы начали работать вместе, меня одолевали проблемы, казавшиеся неразрешимыми. Как я могу рассказать историю, когда читатели уже знают, чем она закончится? Как я могу передать то, что я испытывала в режиме реального времени, если самая важная информация стала известна намного позже? Как я могу писать от своего лица, если в начале я была одним человеком, а к концу стала совсем другим? Лора разрешила все эти проблемы и множество других. У нее есть уникальная способность — соединять хаотичные события нитями логики. Она знает, где лучше обратить внимание на деталь, а где — опустить ее. Меня всегда потрясала ее чувствительность к нюансам и способность слышать то, что звучит между слов. Возможность работать вместе с Лорой сделала мою жизнь богаче. Я всегда буду благодарна за то, что ей хватило храбрости взяться за книгу на такую непростую тему и пройти весь путь шаг за шагом вместе со мной — даже когда это было трудно для нас обеих. Я всегда буду восхищаться ее способностями и останусь в неоплатном долгу перед ней.

Мой агент, Лори Бернстайн, из компании Side by Side Literary Productions, Inc., связалась со мной, чтобы узнать, не хочу ли я опубликовать книгу, как раз в тот момент, когда я пыталась найти хорошего литературного агента для книги, которую писала. Ее появление на сцене было пугающе прозорливым. После нашего первого разговора я поняла, что Лори — самый лучший человек для того, чтобы защищать мои интересы и помочь донести до мира мое мнение. К концу она взяла на себя больше обязанностей, чем я могу перечислить. Но я особенно благодарна за ее проницательность и руководство в продвижении книги, что сыграло большую роль в последующих событиях, и за то, что она свела меня с Лорой и издательством Crown Publishers. Лори — мой герой и защитник, и я говорю ей спасибо за ее трудную

работу и поддержку во время написания и публикации книги.

За очень многое я хочу сказать спасибо Эндрю Соломону. До того, как мы познакомились, я слышала его выступление на каком-то мероприятии, посвященном психическому здоровью, и была так вдохновлена тем, что он говорил, что немедленно купила и прочла его книгу «Полуденный демон: атлас депрессии». Когда Эндрю позже попросил о разговоре со мной и Томом для книги, которая, в конце концов, стала называться «Далеко от яблони», я ни минуты не колебалась и приняла его предложение (а также поощряла Тома принять участие). В следующие годы я радовалась любой возможности пообщаться с Эндрю не только потому, что он остроумный, тонко чувствующий, умный человек, который умеет хорошо выражать свои мысли, но и потому, что он поддерживал и поощрял мое желание написать книгу с того самого момента, как мы познакомились. Он читал не только выдержки, но и все черновики моей рукописи на разных этапах работы. Его комментарии были бесценны. И особенно я благодарна этому человеку за его желание присоединиться ко мне у финишной черты и написать предисловие к этой книге. Я очень горжусь тем, что знакома с ним, и бесконечно благодарна за его щедрость.

Никакой бумаги не хватит, чтобы выразить признательность моим партнерам из Crown Publishers. Я благодарю великолепную команду, которая мягко поддерживала меня на всем пути к публикации. Здесь не хватит места, чтобы перечислить всех поименно, но я искренне благодарна каждому, кто внес свой вклад и оказал поддержку. Отдельное спасибо моему редактору Роджеру Шоллю за его великолепную редактуру, тонкое восприятие и желание работать с этой книгой с самого первого дня. Также благодарю его чудесную помощницу Даннали Диаз. От гениальности и идущего от самого сердца энтузиазма издателя Молли Штерн просто захватывало дух. Моя рекламная группа с лихвой оправдала все надежды, которые я возлагала на публикацию. Работа с помощником издателя Дэвидом Дрейком, главой рекламной группы Карисой Хэйс и младшим издателем Энсли Роснером была особой радостью. Я надеюсь, они знают, как я благодарна за их руководство и дружеское отношение. Также благодарю помощника директора по маркетингу Сару Пекдемир. Отдельные благодарности старшему выпускающему редактору Crown Терри Дилу, редактору-корректору Лоуренсу Краузеру, художественному редактору Элизабет Рендфлейш, креативному директору Крису Бранду, разработавшему великолепную обложку для «Исповеди матери», и заведующему отделом авторских прав Лансу Фицжеральду, обеспечившему распространение моей книги

по всему миру. И последнее, но не менее важное — мои сердечные благодарности президенту Crown Publishing Group Майе Мавжи за ее веру в меня и помощь в том, чтобы донести смысл этой книги всем читателям.

Огромное спасибо Дейву Каллену за то, что рассказал мне о своем расследовании трагедии в Колумбай и помог подробно изложить все события. Он был так добр, что перерывал целые груды материала, чтобы проверить, нет ли ошибок, каждый раз, когда мне была нужна его помощь.

За то, что указали мне правильное направление, когда я только начинала свой поиск, и за то, что прочитали окончательный вариант моей рукописи и внесли в него свои поправки и рекомендации я благодарю доктора Кристину Мутье, старшего офицера медицинской службы, и Роберта Геббиа, генерального директора Американского фонда предотвращения самоубийств. То, что они поделились своей профессиональной точкой зрения на проблему самоубийств и психического здоровья, стало их бесценным вкладом в книгу.

Я приношу благодарности еще многим специалистам в различных областях за то, что они согласились поговорить со мной, поделиться своими данными и связали меня с другими людьми, которые могли ответить на мои вопросы. Независимо от того, связаны ли их исследования напрямую с трагедией в Колумбайн, все эти люди помогли мне понять сложность проблемы здоровья мозга и задачи по предотвращению жестокости, направленной на себя или на других. Поговорив со мной, они дали ответы на некоторые вопросы, мучившие меня годами. Огромное спасибо доктору Виктории Аранго, доктору Брэду Бушману, доктору Дьюи Корнеллу, доктору Дуайну Фусельеру, доктору Сидре Голдман-Меллор, доктору Джеймсу Хоудону, доктору Томасу Джойнеру, доктору Кенту Киелю, доктору Питеру Лэнгману, доктору Адаму Лэнкфорду, доктору Дж. Рейду Мелою, доктору Терри Моффиту, доктору Катерине Ньюман, доктору Дебре Ниехофф, доктору Мэтью Ноку, доктору Фрэнку Окбергу, доктору Мэри Эллен О'Тул, доктору Адриану Рэйну, доктору Морисе Рандаццо и доктору Джереми Ричману. Я также выражаю признательность доктору Маргарите Мориц и доктору Зейнеп Туфекси за их вклад в подобающее освещение особо жестоких насильственных преступлений средствами массовой информации.

Большое спасибо моим адвокатам Гари Лозову и Фрэнку Паттерсону не только за их заботу обо мне в мучительные годы после трагедии, но и за то, что они позволили взять у них интервью для книги. Наши разговоры позволили мне подробно

объяснить некоторые юридические аспекты того, через что мы прошли вместе.

Я глубоко благодарна Нату за то, что он был хорошим другом Дилану, и оставался его и нашим другом после смерти сына. Он дал мне возможность опосредованно пережить то счастливое время, которое мальчики провели вместе. Я по-настоящему признательна Нату за его желание поделиться со мной воспоминаниями и за его готовность делать все, что могло бы помочь написанию книги.

Хочу сказать отдельное спасибо моим дорогим друзьям, соседям, коллегам и товарищам по несчастью, пережившим самоубийство близкого человека, за их постоянную доброту и поддержку. Есть так много людей и так много случаев, что их всех трудно даже перечислить, но хочу сказать: множеством разных способов эти люди поддерживали меня, чтобы я продолжала жить дальше, когда я уже не думала, что смогу.

Я благодарна моим брату и сестре за то, что они поддерживают меня и, как ангелы-хранители, берегут меня на моем длинном и трудном пути. Их верная преданность, словно ветер, наполняет мои крылья.

Наконец — самое важное. Я хочу сказать спасибо Байрону и Тому за то, что они не возражали против публикации и не мешали моей работе над книгой, хотя сама идея им не нравилась. Хотя оба дали мне понять, что не хотят ворошить трудные воспоминания, жертвовать своими тайнами или заострять внимание на том периоде жизни, который предпочли бы забыть, они отдали должное моему намерению сделать то, что я считала нужным сделать. За это я всегда буду им признательна. Я благодарю мужа и сына за их любовь, смелость и понимание.

Байрон, твоя любовь и поддержка — это величайшие дары в моей жизни. Без них мне не хватило бы сил написать эту книгу. И, Том, я всегда буду дорожить нашей дружбой, которая вынесла так много и будет длиться до конца жизни.

Примечания

ГЛАВА 7

84: Робин, девушка, с которой Дилан ходил на выпускной бал, купила три ружья для мальчиков: источником для этой информации, как и для многих других фактов, упомянутых в книге, стал отчет полиции округа Джефферсон. Эти документы доступны на многих сайтах, в том числе http://www.columbine-online.com/etc/columbine-faq.htm, accessed May 2015.

ГЛАВА 10

127 Бойня была тщательно спланирована: Я помню очень немногое из того, что говорили Кейт и Рэнди в тот день, а заметки я делать не могла, поэтому я реконструировала события, используя отчет полиции округа Джефферсон и другие документы. Я глубоко признательна Дейву Каллену за его дотошное внимание к деталям и помощь, которую он оказал мне в проверке этой части текста на соответствие фактам. Это означает, что если в ней найдутся какие-то ошибки, то виновата в них только я.

137 Из записи разговоров с социологом Зейнеп Туфекси: Разговор с доктором Зейнеп Туфекси, 12 февраля 2015 года.

138 Исследование, результаты которого были опубликованы компанией ABC в 2014 году: P. Thomas, M. Levine, J. Cloherty, and J. Date, Columbine Shootings' Grim Legacy: More Than 50 School Attacks, Plots (October 7, 2014), www.abcnews.go.com/US/columbine-shootings-grim-legacy-50-school-attacks-plots/story?id=26007119, accessed May 2015. Продолжавшееся месяц расследование компании ABC News выявило, что по крайней мере семнадцать нападений и тридцать шесть предполагаемых дел или серьезных угроз, происшедших после событий в школе Колумбайн Хай, могут быть связаны с бойней 1999 года.

138 могут заставить других уязвимых людей сделать нечто подобное: Обзор таких исследований можно найти на сайте reportingon suicide.org. Я очень рекомендую всем журналистам при освещении самоубийств придерживаться следующих рекомендаций (reportingonsuicide.org/wp-content/themes/ros2015/assets/images/Recommendations-eng.pdf), которые были разработаны в сотрудничестве с Американской ассоциацией суицидологии, Американским фондом предотвращения самоубийств, Центром общественной политики Анненберга, шеф-редакторами новостного агентства Assotiated Press,

Кентерберийским проектом по предупреждению самоубийств университета Отаго (Крайстчерч, Новая Зеландия), отделением психиатрии Колумбийского университета, ConnectSafely.org, Технологией чувств, оперативной группой по самоубийствам в средствах массовой информации Международной ассоциации по предотвращению самоубийств, медицинским университетом Вены, Национальной ассоциацией психических заболеваний, Национальной ассоциацией фотожурналистов, психиатрическим институтом штата Нью-Йорк, Отделом профилактики злоупотреблений и психических заболеваний, благотворительной организацией SAVE, Ресурсным центром по предупреждению самоубийств, Центром профилактики и контроля заболеваний и Школой общественного здоровья Калифорнийского университета.

139 количество массовых перестрелок в Соединенных Штатах неразрывно связано: Zeynep Tufekci, The Media Needs to Stop Inspiring Copycat Murders. Here's How, The Atlantic, December 19, 2012, www.theatlantic.com/national/archive/2012/12/the-media-needs-to-stop-inspiring-copycat-murders — heres-how/266439, accessed May 2015. Christopher H. Cantor, et al., Media and Mass Homicides, Archives of Suicide Research, vol. 5, no. 4 (1999), doi: 10.1080/13811119908258339.

140 Мэг Мориц, репортер и профессор: Мориц была режиссером документального фильма Covering Columbine, который раскрывает, какие последствия оказало освещение трагедии в средствах массовой информации на общество и самих журналистов.

140 Доктор Фрэнк Окберг — психиатр: разговор с доктором Окбергом 2 февраля 2015 года.

142 В 2014 году консервативная канадская широковещательная сеть: по сведениям Public Radio International: www.pri.org/stories/2014-06-10/canadian-news-network-refuses-broadcast-mass-shooters-name, accessed May 2015.

ГЛАВА 11

152 Джеффри Свенсон, который посвятил всю свою деятельность: Jeffrey Swanson, et al., Violence and Psychiatric Disorder in the Community: Evidence from the Epidemiologic Catchment Area Surveys, Psychiatric Services, vol. 41, no. 7 (1990): 761–70, dx.doi.org/10.1176/ps.41.7.761.

152 «у большинства нападавших в прошлом были попытки самоубийства»: Bryan Vossekuil, et al., The Final Report and Findings of the Safe School Initiative: Implications for the Prevention of School Attacks in the United States, www2.ed.gov/admins/lead/safety/preventingattacksreport.pdf, p. 21, accessed May

2015.

153 после разговора с доктором Джереми Ричманом: Я разговаривала с доктором Ричманом 13 марта 2015 года. Для того, чтобы получить больше информации или узнать, как можно поддержать фонд Авиелл, поставивший себе целью «предотвращение насилия с помощью исследований и общественного просвещения» см. www.aviellefoundation.org.

155 я обратилась к книгам, которые принесла Шэрон: Некоторые из этих книг я теперь рекомендую всем, чьи близкие покончили с собой: Kay Redfield Jamison, Night Falls Fast (New York: Vintage, 2000); Carla Fine, No Time to Say Goodbye: Surviving the Suicide of a Loved One (New York: Harmony, 1999); Iris Bolton and Curtis Mitchell, My Son… My Son…: A Guide to Healing After Death, Loss, or Suicide (Atlanta: Bolton Press, 1983).

156 В Америке каждые тринадцать минут кто-то убивает себя: www.afsp.org/understanding-suicide/facts-and-figures, accessed May 2015.

Более того, проблема самоубийств — и того, сколько людей по-настоящему гибнет каждый год — может быть даже серьезнее, чем мы думаем. Многие исследователи считают, что большое количество смертей, которые классифицируют как несчастные случаи, на самом деле являются самоубийствами.

Очень небольшое число людей (от 18 до 37 процентов), кончая жизнь самоубийством, оставляют предсмертную записку. (Valerie J. Callanan and Mark S. Davis, A Comparison of Suicide Note Writers with Suicides Who Did Not Leave Notes, Suicide and Life-Threatening Behavior, vol. 39, no. 5 [October 2009]: 558–68, doi: 10.1521/suli.2009.39.5.558). Во многих полицейских участках не хватает персонала и денег, чтобы провести расследование всех сомнительных смертей — даже тех случаев, когда на месте аварии нет четких следов тормозов или когда опытный турист делает роковую ошибку.

156 самоубийство — это третья по частоте причина смерти: M. K. Nock, J. Green, I. Hwang, et al., Prevalence, Correlates, and Treatment of Lifetime Suicidal Behavior Among Adolescents: Results from the National Comorbidity Survey Replication Adolescent Supplement, JAMA Psychiatry, vol. 70, no. 3 (2013): 300–10, doi: 10.1001/2013.jamapsychiatry.55.

157 подавляющее большинство — от 90 до 95 процентов: Understanding Suicide: Key Research Findings, www.afsp.org/ understanding-suicide /-key-research-findings, accessed May 2015.

157 биологическая (и, возможно, генетическая) предрасположенность: Разговор с доктором Викторией Аранго 12 марта 2015 года.

157 круговая диаграмма из трех пересекающихся окружностей: Thomas Joiner, Why People Die by Suicide (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005).

160 Из электронного письма доктора Питера Лэнгмана, 9 февраля 2015 года: Переписка с доктором Питером Лэнгманом используется с его разрешения.

161 Это было первое, на что обратил внимание доктор Питер Лэнгман: Веб-сайт доктора Лэнгмана www.schoolshooters.info содержит много источников по этой теме, в том числе его расшифровки с комментариями некоторых записей Дилана schoolshooters.info/sites/default/files/klebold_journal_1.1_2.pdf.

161 Доктор Лэнгман сказал мне, что первоначально не собирался писать о Дилане: Разговор с доктором Лэнгманом 21 января 2015 года.

161 могут говорить о том, что он страдал легкой формой избегающего расстройства личности: Peter Langman, PhD, Why Kids Kill: Inside the Minds of School Shooters (New York: St. Martin's Press, 2009), Kindle locations 259–60.

163 девять из десяти школьных стрелков: Langman, Kindle locations 259–60.

163 Разрыв между тем, что мы знаем и что делаем, смертелен: Kay Redfield Jamison, Night Falls Fast: Understanding Suicide (New York: Knopf, 1999).

163 Даже если человек ни с кем не обсуждает свое намерение: Доклады центра по контролю заболеваний перечисляют следующие факторы риска для молодых людей: предыдущие попытки самоубийства, семейная история самоубийств, наличие депрессии или других психических заболеваний, полная стрессов жизнь или потеря, легкий доступ к способам покончить с собой, демонстрация суицидального поведения других людей и лишение свободы. Полный список тревожных признаков, говорящих о том, что человек может размышлять о самоубийстве, доступен на веб-сайте Американского фонда предотвращения самоубийств: www.afsp.org/preventing-suicide/suicide-warning-signs. Чем больше признаков вы наблюдаете, тем выше риск.

163 Эд Коффи, врач и вице-президент компании Henry Ford Health System: Edward Coffey, Building a System of Perfect Depression Care in Behavioral Health, The Joint Commission Journal on Quality and Patient Safety, vol. 33, no. 4 (April 2007): 193–99.

ГЛАВА 12

167 Психопатия характеризуется: Те, кто интересуется

психопатией, заинтересуются и книгой Robert Hare, Without Conscience: The Disturbing World of the Psychopaths Among Us (New York: Guilford Press, 1999, 2011).

167 Исследование школьных стрелков подросткового возраста, проведенное в 2001 году: J. R. Meloy, A. G. Hempel, K. Mohandie, A. A. Shiva, and B. T. Gray, Offender and Offense Characteristics of a Nonrandom Sample of Adolescent Mass Murderers, Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry, vol. 40, no. 6 (2001): 719–28, forensis.org/PDF/published/2001_OffenderandOffe.pdf.

Доктор Мелой, получивший профессиональную сертификацию судебный психолог и клинический профессор психиатрии в университете Калифорнии, Сан-Диего, был автором или соавтором более двухсот работ и одиннадцати книг по психиатрии, криминалистике, психическим расстройствам и целенаправленному насилию. Он консультант Отдела анализа поведения ФБР в Квантико, штат Виргиния. На веб-сайте доктора Мелоя forensis.org те, кто заинтересуются, смогут найти большое количество академических публикаций по предупреждению насилия, оценке угрозы, мотивации терроризма и массовых убийств и другим подобным темам.

167-68 эти смертоносные пары означают: Разговор с доктором Рейдом Мелоем 26 января 2015 года.

17 °Специалист по уголовному праву доктор Адам Лэнкфорд: Разговор с доктором Лэнкфордом 5 февраля 2015 года.

170 суицидальность террористов-смертников и массовых убийц: Adam Lankford, The Myth of Martyrdom: What Really Drives Suicide Bombers, Rampage Shooters, and Other Self-Destructive Killers (New York: St. Martin's Press, 2013).

170 Половина из них покончили с собой во время нападений: Если говорить точно, 48 процентов: 38 процентов совершили самоубийство сами, 10 процентов — «самоубийство от рук полицейских». По Adam Lankford, A Comparative Analysis of Suicide Terrorists and Rampage, Workplace, and School Shooters in the United States from 1990–2010, Homicide Studies, vol. 17, no. 3 (2013): 255–74, doi: 10.1177/1088767912462033.

170 массовые убийцы почти всегда проходят определенный путь: Bryan Vossekuil, et al., The Final Report and Findings of the Safe School Initiative: Implications for the Prevention of School Attacks in the United States, www2.ed.gov/admins/lead/safety/preventingattacksreport.pdf, p. 21, accessed May 2015.

170 «предотвращение самоубийств является и предотвращением таких убийств»: Thomas Joiner, The Perversion

of Virtue: Understanding Murder-Suicide (New York: Oxford University Press, 2014), p. 11.

171 строя планы устроить бойню вместе с Эриком: Разговор с Томасом Джойнером, 3 декабря 2014 года.

172 «Отличие от нормальности состоит в том,*что*думает Эрик и*как*думает Дилан»: Langman, Kindle locations 947-49.

172 «Их просто больше ничего не волнует»: Разговор с доктором Марисой Рандаццо 19 февраля 2015 года.

172 Дилан хотел умереть: Разговор с доктором Дуайном Фусельером 29 января 2015 года.

ГЛАВА 13

174 Примерно один из пяти детей и подростков: K. R. Merikangas, J. He, M. Burstein, et al., Lifetime Prevalence of Mental Disorders in US Adolescents: Results from the National Comorbidity Study — Adolescent Supplement (NCS-A), Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry, vol. 49, no. 10 (2010): 980–89, doi: 10.1016/j.jaac.2010.05.017.

174 Но выявить удается только двадцать процентов этих детей: US Public Health Service, Report of the Surgeon General's Conference on Children's Mental Health: A National Action Agenda, US Department of Health and Human Services, Washington, DC (2000).

US Department of Health and Human Services, Mental Health: A Report of the Surgeon General, US Department of Health and Human Services, Substance Abuse and Mental Health Services Administration, Center for Mental Health Services, National Institutes of Health, National Institute of Mental Health, Rockville, MD (1999).

174 Такие заболевания, как депрессия, могут иметь и более серьезные последствия: B. Maughan, S. Collishaw, and A. Stringaris, Depression in Childhood and Adolescence, Journal of the Canadian Academy of Child and Adolescent Psychiatry, vol. 22, no. 1 (2013): 35–40.

174 примерно у двадцати процентов подростков бывают приступы депрессии: US Preventive Services Task Force, Screening and Treatment for Major Depressive Disorder in Children and Adolescents, Pediatrics, vol. 123, no. 4 (April 2009): 1223–28.

174 Последние доклады Центра по контролю заболеваемости: Centers for Disease Control and Prevention, Youth Risk Behavior Surveillance — United States, 2011, Morbidity and Mortality Weekly Report, Surveillance Summaries, vol. 61, no. SS-4 (2012), www.cdc.gov/mmwr/pdf/ss/ss6104.pdf.

174 подростки (особенно мальчики) начинают срываться: National Institute of Mental Health Depression in Children and

Adolescents (fact sheet), www.nimh.nih.gov/health/topics/depression/depression-in-children-and-adolescents.shtml, accessed May 2015.

178 Потери и другие происшествия — только ожидаемые или реально случившиеся: www.suicidology.org/ncpys/warning-signs-risk-factors, accessed May 2015.

181 необъяснимые соматические симптомы: Доктор Джон Кампо и его коллеги в 2001 году в журнале Pediatrics опубликовали результаты обследования детей с необъяснимыми, периодически повторяющимися болями в животе: у 44,4 процентов обследованных детей также обнаружили симптомы большого депрессивного расстройства (БДР). Ученые предположили, что дети, испытывающие боли в животе, отвечают на стрессовые ситуации физическими симптомами. John V. Campo, et al., Recurrent Abdominal Pain, Anxiety, and Depression in Primary Care, Pediatrics, vol. 113, no. 4 (2004): 817–24.

186 он нацарапал слово «пидор»: Dave Cullen, Columbine (New York: Grand Central Publishing, 2010), p. 200.

187 Регина Уэрте, директор отделения реабилитации малолетних преступников: Этот доклад не был открыт для общего пользования, но Дейв Каллен снял для меня копию. Показания Уэрте перед комиссией по расследованию перестрелки в Колумбайн можно посмотреть на extras.denverpost.com/news/col1202.htm, accessed May 2015.

187 Ральф В. Ларкин независимо подтвердил многие ее данные в своей книге … под названием «Осмысляя Колумбайн»: Comprehending Columbine (Philadelphia: Temple University Press, 2007).

188 Из сорока восьми стрелков, описанных доктором Лэнгманом в книге «Школьные стрелки: как понять подростков и взрослых преступников»: Peter Langman, School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators (Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2015).

190 «По всей видимости, такое поведение было настолько распространено, что считалось нормой»: Larkin, p. 90.

190 Ларкин сообщает, что бросание мусора из проезжающих машин: Larkin, p. 91.

190 Исследование Центра по контролю заболеваемости в 2011 году: Centers for Disease Control and Prevention, Youth Risk Behavior Surveillance — United States, 2011, Morbidity and Mortality Weekly Report, Surveillance Summaries, vol. 61, no. SS-4 (2012), www.cdc.gov/mmwr/pdf/ss/ss6104.pdf.

190 эта цифра должна быть ближе к тридцати процентам: National Center for Education Statistics and Bureau of Justice

Statistics, Indicators of School Crime and Safety (2011), nces.ed.gov/pubsearch/pubsinfo.asp?pubid = 2012002rev.

190-91 имеют вчетверо больше шансов на развитие диссоциального расстройства личности: W. E. Copeland, D. Wolke, A. Angold, and E. Costello, Adult Psychiatric Outcomes of Bullying and Being Bullied by Peers in Childhood and Adolescence, *JAMA Psychiatry*, vol. 70, no. 4 (2013): 419–26, doi: 0.1001/jamapsychiatry.2013.504. Это исследование, проведенное в университете Дьюка, обнаружило, что по сравнению с детьми, над которыми никогда не издевались, те, кто пережил подобный опыт, в четыре раза чаще страдают агорафобией, синдромом общей тревожности и паническим расстройством. Те ребята, которые издеваются над другими, имеют вчетверо больше шансов на развитие диссоциального расстройства личности.

191 сильная связь между издевательствами в школе, депрессией и самоубийством: B. Klomek, F. Marrocco, M. Kleinman, I. S. Schonfeld, and M. S. Gould, Bullying, Depression, and Suicidality in Adolescents, Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry, vol. 46, no. 1 (2007): 40–9.

Y. S. Kim and B. Leventhal, Bullying and Suicide, International Journal of Adolescent Medicine and Health, vol. 20, no. 2 (April — June 2008): 133–54.

191 Связь между издевательствами и жестокостью: T. R. Nansel, M. D. Overpeck, D. L. Haynie, W. J. Ruan, and P. C. Scheidt, Relationships Between Bullying and Violence Among US Youth, *Archives of Pediatric* and Adolescent Medicine, vol. 157, no. 4 (2003): 348–53, doi: 10.1001/archpedi.157.4.348.

191 они имеют самые серьезные психологические риски: T. E. Moffitt, A. Caspi, H. Harrington, and B. J. Milne, Males on the Life-Course-Persistent and Adolescence-Limited Antisocial Pathways: Follow-Up at Age 26 Years, Development and Psychopathology, vol. 14 (2002): 179–207.

D. Pepler, D. Jiang, W. Craig, and J. Connolly, Developing Trajectories of Bullying and Associated Factors, Child Development, vol. 79, no. 2 (2008): 325–38.

M. K. Holt, et al., Bullying and Suicidal Ideation and Behaviors: A Meta-Analysis, Journal of the American Academy of Pediatrics, (January 2015), doi: 10.1542 peds.2014–1864.

W. E. Copeland, D. Wolke, A. Angold, and E. Costello, Adult Psychiatric Outcomes of Bullying and Being Bullied by Peers in Childhood and Adolescence, JAMA Psychiatry, vol. 70, no. 4 (2013): 419–26, doi: 10.1001 /jamapsychiatry.2013.504.

P. R. Smokowski and K. H. Kopasz, Bullying in School: An Overview of Types, Effects, Family Characteristics, and Intervention

Strategies, Children and Schools, vol. 27 (2005): 101–9.

192 Примерно восемьдесят процентов самоубийц были у врача в последний год своей жизни: J. Pirkis and P. Burgess, Suicide and Recency of Health Care Contacts: A Systematic Review, The British Journal of Psychiatry: The Journal of Mental Science, vol. 173, no. 6 (December 1998): 462–74.

192 Почти половина: Там же.

204 Арест Дилана: Недавно арестованные и заключенные под стражу люди имеют повышенный риск самоубийства. Thomas B. Cook, Recent Criminal Offending and Suicide Attempts: A National Sample, Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology, vol. 48, no. 5 (May 2013): 767–74.

205 Доктор Мэри Эллен О'Тул, бывший специалист-криминалист: Mary Ellen O'Toole, The School Shooter: A Threat Assessment Perspective (Quantico, VA: FBI Academy, 2000), www.fbi.gov/stats-services/publications/school-shooter, accessed May 2015.

205 Она предупреждает, что не стоит полагаться на то, что ребенок говорит о себе: Разговор с Мэри Эллен О'Тул 23 февраля 2015 года.

ГЛАВА 14

217 доктор Адриан Рейн рассказывает об эксперименте: Adrian Raine, The Anatomy of Violence: The Biological Roots of Crime (New York: Knopf, 2013), p. 171.

ГЛАВА 16

247 «местом, где не требовалось никаких действий»: Patrick O'Malley, Getting Grief Right, New York Times, January 10, 2015, opinionator.blogs.nytimes.com/2015/01/10/getting-grief-right/?_r=0, accessed May 2015.

250 У некоторых из них все закончилось хорошо, но у других — нет: По всей видимости, существует повышенный риск самоубийства в первые недели после выписки из психиатрической больницы. A. Owen-Smith, et al., 'When you're in the hospi-tal, you're in a sort of bubble': Understanding the High Risk of Self-Harm and Suicide Following Psychiatric Discharge: A Qualitative Study, Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention, vol. 35, no. 3 (2014): 154–60, dx.doi.org/10.1027/0227-5910/a000246. H. Bickley, et al., Suicide Within Two Weeks of Discharge from Psychiatric Inpatient Care: A Case-Control Study, Psychiatric Services, vol. 64, no. 7 (July 1, 2013): 653–9, doi: 10.1176/appi.ps.201200026.

ГЛАВА 17

260 явственные отличия между мозгом: K. Kiehl, et al., Abnormal Brain Structure in Youth Who Commit Homicide, NeuroImage: Clini-cal vol. 4 (May 2014): 800–7.

261 Даже если у Дилана и были биологические предпосылки: В книге «Анатомия жестокости» (The Anatomy of Violence (New York: Knopf, 2013) доктор Адриан Рейн определил это как главную причину биологической предрасположенности к насилию. В нашем разговоре 24 марта 2015 года он пошел еще дальше, спросив меня, употребляли ли в нашей семье в пищу рыбу, так как существует производящее глубокое впечатление соотношение между низким уровнем аминокислот омега-3 и жестокостью. Тем не менее, мы ели рыбу как минимум раз в неделю.

263 Родителям серьезно больных детей слишком часто приходится прибегать: Сын Лизы Лонг страдает биполярным расстройством. Ее бросающая вызов запись в блоге под заглавием «Я мать Адама Лэнза» получила широкое распространение в 2012 году, а последующая за ней книга «Цена молчания: перспективы матери ребенка, страдающего психическим заболеванием» (The Price of Silence: A Mom's Perspective on Mental Illness (New York: Hudson Street Press, 2014) — яркая иллюстрация того, как наша система образования, ювенальная юстиция и система психического здоровья обходятся со страдающими заболеваниями мозга детьми.

265 «Из-за одной сигареты вы не заболеете раком легких»: Разговор с доктором Дьюи Корнеллом 5 марта 2015 года.

266 «публичной демонстрацией насилия»: Mark Juergensmeyer, Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence, third edition (Berkeley, CA: University of California Press, 2003).

266 **«ищут способ избавиться от своего имиджа чудаков»:** Разговор с доктором Катериной Ньюман 16 марта 2015 года.

266 **хрупкости подростковой психики:** Фрэнсис Дженсен написала очень увлекательную книгу о незрелости подросткового мозга и нервной системы: The Teenage Brain: A Neuroscientist's Survival Guide to Raising Adolescents and Young Adults (New York: HarperCollins, 2015).

ГЛАВА 18

271 «состояние благополучия»: World Health Organization, Mental Health: A State of Well-Being (2014), www.who.int/features/factfiles/mental_health/en/. Русский текст цитируется по Всемирная организация здравоохранения. «Психическое

здоровье», http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru/.

Полезная информация

Существует так много источников полезной информации, что их список мог бы занять и тысячу страниц. Здесь я перечислила те, которые рекомендую больше других.

Предупреждение самоубийств

Если вы или кто-то из тех, кого вы любите, находится в кризисной ситуации (независимо от того, думаете вы о самоубийстве или нет), звоните на Национальную горячую линию предупреждения самоубийств.

National Suicide Prevention Lifeline

1–800–273-TALK (8255)

www.suicidepreventionlifeline.org

Вас автоматически соединят со специально подготовленным кризисным специалистом, который выслушает вас и расскажет, какие службы помощи при психических заболеваниях есть в вашем регионе. Звонок бесплатный, полностью конфиденциальный, горячая линия работает 24 часа семь дней в неделю. Каждый должен держать этот номер под рукой.

Американский фонд предупреждения самоубийств (The American Foundation for Suicide Prevention): www.afsp.org

Ресурсный центр по предупреждению самоубийств (Suicide Prevention Resource Center): www.sprc.org/Suicide

Две вышеназванные организации поддерживают отличные информационные ресурсы по множеству тем, в том числе, там можно узнать, как распознать тревожные симптомы, говорящие суицидальных мыслях, кто находится в группе риска, что можно сделать, чтобы помочь тем, кто пережил самоубийство близкого человека, как говорить с детьми о том, что в семье произошло самоубийство, и многое другое. Это очень полезные сайты для тех, кому приходится переживать тяжелую потерю, преподавателей, активистов и людей из группы риска, а также для всех, кого волнует эта проблема.

Когда существует так много программ по предотвращению самоубийств и профилактике психического здоровья, как выбрать для себя одну из них? Лучше всего начать с Реестра лучших программ (Best Practices Registry, BPR) на веб-сайте Ресурсного центра по предупреждению самоубийств (SPRC). Программы попадают в этот список только если они соответствуют стандартам «лучших программ».

www.sprc.org/bpr

Первая помощь в области психического здоровья

«Первая помощь в области психического здоровья» (**Mental Health First Aid**, MHFA) — это государственная организация, которая предлагает практические тренинги, чтобы помочь людям научиться узнавать признаки злоупотребления различными веществами и психическое нездоровье. Я проходила такой курс три раза и, думаю, это должен сделать каждый. Очень полезно знать, что, если потратишь всего одну субботу, то сможешь спасти чью-нибудь жизнь.

www.mentalhealthfirstaid.org/cs

Издевательства в школе

Издевательства в школе могут быть проблемой в любом возрасте; родители и школьная администрация могут помочь.

www.stopbullying.gov

Ресурсы для ровесников

Дети более склонны говорить по душам со своими друзьями, а не со взрослыми, поэтому они должны знать, что делать, если твой друг борется с мыслями о самоубийстве. Листовка «Спаси друга» от Национальной ассоциации школьных психологов — это краткое описание того, что должен знать каждый подросток. (Обратите внимание на важность того, чтобы была возможность обратиться к ответственному взрослому человеку или специалисту из кризисной команды, который специально подготовлен для того, чтобы правильно отреагировать.)

«Спаси друга: Подсказки для подростков о том, как предотвратить самоубийств.»

www.nasponline.org/resources/crisis_safety/savefriend_general.aspx

Реакция школы на самоубийство

После того, как один из учеников школы покончил с собой, безопасность других детей может зависеть от того, как школа отреагирует на трагедию. Эта брошюра (разработанная Американским фондом предупреждения самоубийств и Ресурсным центром по предупреждению самоубийств) дает практические указания к действиям в эти трудные времена. Если не считать горячую линию, то это брошюру я рекомендую чаще других.

«После самоубийства. Руководство для администрации школы»

www.sprc.org/library_resources/items/after-suicide-toolkit-

schools

Предупреждение насилия

Подразделение Предупреждения насилия Центра по контролю заболеваемости делает важную работу. В частности, я бы хотела обратить внимание на Национальную систему сбора информации о насильственных смертях — неоценимый инструмент для предупреждения насилия.

www.cdc.gov/violenceprevention/nvdrs

Эта база данных содержит полные анонимные доклады о насильственных смертях. Извлечение из них информации о том, «кто, что сделал, когда, где и как» поможет нам понять, почему это произошло. Со временем база данных сможет показать, работают ли различные усилия по предотвращению насилия. Пока что только в тридцати двух штатах нашлись средства, чтобы участвовать в этом проекте.

Меры безопасности, связанные с оружием.

Какой бы ни была ваша точка зрения на вопросы контроля оружия и его наличия в личной собственности, нельзя отрицать связь между доступом к огнестрельному оружию и повышенным риском самоубийства. Программа «Means Matter» Гарвардской школы общественного здоровья предлагает уникальные содержательные подходы к обеспечению безопасности, связанной с оружием, для всех. Одна из их инициатив, проект сотрудничества с магазинами, торгующими оружием в Нью-Гемпшире, может служить образцом совместной профилактики насилия без всяких конфликтов.

www.hsph.harvard.edu/means-matter/means-matter

Инструкции для средств массовой информации

Освещение случаев самоубийства средствами массовой информации может повлиять на общественное здоровье и безопасность после трагедии. Здесь можно ознакомиться с некоторыми инструкциями:

www.afsp.org/news-events/for-the-media/reporting-on-suicide

www.sprc.org/sites/sprc.org/files/library/sreporting.pdf

Я бы хотела увидеть подобные протоколы, разработанные для освещения самоубийств, связанных с убийствами. Все, что мы делаем для того, чтобы расширить знания по этому вопросу, развеять мифы и уменьшить травматический эффект, делает наше общество безопаснее.

Оценка угрозы

«Виргинские инструкции по оценке угрозы в школе» предлагают безопасные, упорядоченные и эффективные способы отреагировать на угрозы насилия со стороны студентов. Они могут стать образцом по оценке угрозы. Особенно в этих инструкциях подчеркивается важность раннего реагирования на такие проблемы, как издевательства одних учеников над другими, поддразнивание одноклассников и другие формы студенческих конфликтов. На них должен быть отклик, пока они не перешли к более жестоким формам. Сейчас эта программа используется более чем в трех тысячах школ в восемнадцати штатах. Она позволяет в один день подготовить команду специалистов различного профиля.

curry.virginia.edu/research/projects/threat-assessment

Программы по оценке угрозы не просто снижают уровень жестокости среди школьников. Они могут помочь учителям и администрации распознать детей, которые находятся в группе риска по многим проблемам, в том числе, по самоубийству, насилию со стороны сексуального партнера и жестокому обращению с детьми.

notes

Сноски

1

Стихотворение «Неужто, Боль, с тобой мне вековать…» цитируется по книге *Миллей Э.* Любовный хлеб. М.: Водолей, 2013/Пер. Редькина. М.

2

Хо́лден Ко́лфилд — главное действующее лицо романа Джерома Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», ставшее символом юношеского бунта и нонконформизма. — *Прим. пер.*

3

Книга Иова, 2:10 — *Прим. пер.*

Там же, 3:25, 26.

5

Плащи свободного покроя — *Прим. пер.*

6

Англ. special weapons and tactics (специальное оружие и тактика) — подразделения в американских правоохранительных органах, которые используют легкое вооружение армейского типа и специальные тактики в операциях с высоким риском, в которых требуются способности и навыки, выходящие за рамки возможностей обычных полицейских. — *Прим. пер.*

7

Автомобиль средних размеров с мощным двигателем и подвеской — *Прим. пер.*

8

Разновидность настольной игры — *Прим. пер.*

4301 м — *Прим. пер.*

10

После трагедии в Колумбайн были установлены пятнадцать деревянных крестов на Ребел Хилл в Клемент Парк, который расположен через улицу от «Колумбайн». Отец убитого Дэниела Рорбофа постоянно удалял два креста. — *Прим. пер.*

11

Дельфин, персонаж кинофильмов и телесериала, вышедших в США в шестидесятые годы и переснятых в девяностых. — *Прим. пер.*

Рильке Р. М. Новые стихотворения. — М.: Наука, 1977.

13

Теодор Сьюз Гейзель (Доктор Сьюз) — американский детский писатель и мультипликатор. — *Прим. пер.*

14

Эрма Бомбек — американская юмористка, автор веселых афоризмов. — *Прим. пер.*

15

Речь идет о книгах, посвященных практической психологии подростков и школьного насилия «Камни и палки» Эмили Бэзилон и «Королева улья, или Как выжить в Мире девочек» Розалинд Вайсман. — *Прим. пер.*

16

Подлежащую вычету сумму при выплате страховки. — *Прим. пер.*

17

Британская черная комедия 1949 года — *Прим. пер.*

18

В США используется система оценок, состоящая из 5 пунктов: A (отлично), B (хорошо), C (удовлетворительно), D (плохо), F (неудовлетворительно). — *Прим. пер.*

19

Поколением X по названию одноименного романа канадского писателя Дугласа Коупленда называют американцев и канадцев, родившихся в период демографического спада 1961–1975 годов, последовавшего за периодом послевоенного демографического взрыва. Поколение Y — поколение родившихся после 1981 г., встретивших новое тысячелетие в молодом возрасте.

20

«Кэт Баллу́» — американский художественный фильм, комедийный вестерн Эллиота Силверштейна. — *Прим. пер.*

21

«Образцовый самец» — американская кинокомедия, третий фильм Бена Стиллера как режиссера. — *Прим. пер.*

22

Американская драма 1980 года, снятая Робертом Редфордом. — *Прим. пер.*

23

Аддамсы — странная, инфернально-колдовская семейка, герои черных комедий, перекочевавшие на киноэкран из популярных комиксов Чарльза Аддамса. — *Прим. пер.*

24

В американском футболе — основной игрок нападения, разыгрывающий мяч. — *Прим. пер.*